
Институт востоковедения РАН
Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences

Японский фонд
The Japan Foundation

Ассоциация исследователей
российского общества
(АИРО–XXI)

Институт востоковедения РАН
Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences

Японский фонд
The Japan Foundation

ЯПОНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИЗМЕНЯЮЩЕЕСЯ И НЕИЗМЕННОЕ

**Japanese society:
changing and changeless**

**МОСКВА
MOSCOW
2014**

Руководитель проекта Э.В. Молодякова
Project leader E. V. Molodyakova

Ответственные редакторы

Э.В. Молодякова E. V. Molodyakova

С.Б. Маркарян S. B. Markaryan

Фотографии на обложке

О. В. Андреевой

Дизайн обложки *К. Струков*

Японское общество: изменяющееся и неизменное. / Рук. проекта
Э. В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2014. – 300 с.

Новая коллективная монография, подготовленная учеными – японоведами, работающими не только в России, но в других странах, посвящена проблемам японского общества 10-х годов XXI века, которое можно охарактеризовать как меняющееся и неизменное. Разрабатывая концепцию данной работы авторы исходили из того, что всем странам на определенном этапе развития свойственны определенные общие закономерности, но проявляются они по-разному. В монографии показано как трансформируется японское общество под воздействием экономических, политических, социальных, психологических, религиозных факторов. Авторы обратились к проблемам, которым ранее уделялось недостаточное внимание в отечественном японоведении. К ним относятся история страны и родной язык как социальная ценность, религия и классическая литература в системе социальных ценностей, эстетические ценности и система ценностей молодежи через призму масс-культуры, семья и судьба пожизненного найма. Все это дало возможность понять, что является константой, а что постоянно изменяется, дополняется новым смыслом, обогащая жизнь каждого человека и общества в целом.

ISBN 978-5-91022-219-3

- © Институт востоковедения РАН, 2014.
Institute of Oriental Studies, Russian Academy
of Sciences, 2014.
- © Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов», 2014.
«Association of Japanologists», 2014.
- © «АИРО–XXI», 2014.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (Э. В. Молодякова)	7
Introduction	26
Глава первая. Этнос японского общества (Э. В. Молодякова, С. Б. Маркарьян)	43
Глава вторая. Прошлое как социальная ценность и политическая проблема (В. Э. Молодяков)	57
Глава третья. Религиозная ситуация в Японии: неизменная основа и превосходящие элементы (Э. В. Молодякова)	72
Глава четвертая. Привязанности японского путешественника (Ю. Л. Кужель)	94
Глава пятая. Классики и современники (заметки инсайдера о судьбе классического наследия в современной Японии) (А. А. Долин)	111
Глава шестая. Японский язык: величины переменные и постоянные (Т. И. Корчагина)	134
Глава седьмая. Формирование понятия «художественная культура» в Японии (М. П. Герасимова)	156
Глава восьмая. Влияние массовой культуры на ценностные ориентации современной японской молодежи (Е. Л. Катасонова)	176
Глава девятая. Традиционное и новое в японской семье (С. Б. Маркарьян)	194
Глава десятая. Японская семья после Великого землетрясения 11 марта: ценности и приоритеты (О. А. Хоменко)	219
Глава одиннадцатая. Судьбы пожизненного найма: социальные аспекты (И. П. Лебедева)	235
Глава двенадцатая. Региональная политика в Японии: от «колонизации» Хоккайдо до «Японии регионов» (И. Л. Тимонина)	260
Глава тринадцатая. Глокализация: путь самурая в постиндустриальную эпоху (Ю. Б. Стоногина)	280
Сведения об авторах	297

CONTENTS

Introduction (<i>Molodyakova E. V.</i>)	26
Chapter 1. Ethos of the Japanese society (<i>Molodyakova E. V., Markaryan S. B.</i>)	43
Chapter 2. The Past as a Social Value and Political Issue (<i>Molodyakov V. E.</i>)	57
Chapter 3. The Religious Situation in Japan – Constant Basics and Transient Change (<i>Molodyakova E. V.</i>)	72
Chapter 4. Attachments of a Japanese Voyager (<i>Kuzhel Y. L.</i>)	94
Chapter 5. Classics and Contemporaries (<i>Dolin A. A.</i>)	111
Chapter 6. The Japanese Language: Constants and Variables (<i>Korchagina T. I.</i>)	134
Chapter 7. Formation of “Artistic Culture” Concept in Japan (<i>Gerasimova M. P.</i>)	156
Chapter 8. The Influence of Mass Culture on System of Values of the Japanese Youth (<i>Katasonova Y. L.</i>)	176
Chapter 9. Traditional and New Things in the Japanese Family (<i>Markaryan S. B.</i>)	194
Chapter 10. Japanese Family after the Great Earthquake of March 11: Values and Priorities (<i>Homenko O. A.</i>)	219
Chapter 11. The Fates of the Life-long Employment System: Social Aspects (<i>Lebedeva I. P.</i>)	235
Chapter 12. Regional Policy of Japan: from ”Colonization” of Hokkaido to ”Japan of Regions” (<i>Timonina I. L.</i>)	260
Chapter 13. Glocalization: the Way of the Samurai into a Post-Industrial Era (<i>Stonogina Y. B.</i>)	280
Contributors	297

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современная и традиционная, устойчивая и меняющаяся, органически сочетающая прошлое и будущее, в равной степени принадлежащая Востоку и Западу – все это Япония 10-х годов XXI века. Размышляя о концепции данной работы, мы исходили из того, что всем странам на определенном этапе развития свойственны общие закономерности, хотя проявляются они по-разному – трансформируются под воздействием экономических, политических, социальных, психологических, религиозных факторов. Каждый народ находит свой отклик на общие закономерности. Прежде всего, следует отметить своеобразие японского общества, на формирование которого оказали влияние специфика островного положения страны, природные условия, история с ее эпохой изоляции от внешнего мира и последовавший за ней период ускоренного развития, социопсихологические особенности японцев, сложившиеся в результате взаимодействия и взаимопроникновения синтоизма, буддизма и конфуцианства, этническая однородность нации, уважение своей истории и традиций.

Осмысление процессов развития общества требует комплексного подхода, охватывающего все аспекты его жизнедеятельности, как на макро-, так и на микроуровне. Речь не только об анализе таких обобщающих понятий, как способ производства, классы, конфессии, но и об изучении малых групп – семьи, локального общества, предприятия, где конкретно протекает жизнь людей. В этом случае следует рассматривать не только социально-экономические параметры, но и социопсихологические и культурные характеристики. Для их анализа наиболее продуктивным представляется системный подход, когда внимание сосредоточено, прежде всего, на связях компонентов, явлений, личностей, а не на них самих. По определению Л. фон Берталанфи, «система есть комплекс элементов, находящихся во взаимодействии»¹.

Методика системного подхода предусматривает деление систем на два типа – жесткие и дискретные (корпускулярные). В свою очередь эти системы могут быть открытыми и замкнутыми. Отсюда возможны

¹ Берталанфи Л. Общая теория систем – критический обзор. Л., 1969. С. 28.

их четыре разновидности, но каждая система в чистом виде не существует ни в одном обществе. Японское общество с наибольшей долей приближения укладывается в замкнутую систему дискретного типа. В таком случае нет жесткой связи между всеми элементами, которые, тем не менее, нуждаются друг в друге. «Именно как системы такого типа, — заметил Л. Н. Гумилев, — существуют в биосфере природные коллективы людей с общим стереотипом поведения и своеобразной внутренней структурой, противопоставляющие себя («мы») всем другим коллективам (не «мы»). Это явление противопоставлений связывает социальные формы со всеми природными факторами»².

Разрабатывая концепцию данной работы, мы в принципе хотели создать портрет современного японского общества. Но понимая, что для этого необходимо изучить все стороны его жизни, т. е. «объять необъятное», мы решили посмотреть на него с точки зрения системы ценностей, что по-японски называется *катикан*. Такой подход позволил значительно расширить тематику и обратиться к тем проблемам, которым ранее уделялось мало внимания в отечественном японоведении. К ним относятся история страны и родной язык как социальная ценность, религия и классическая литература в системе социальных ценностей, эстетические ценности и система ценностей молодежи через призму масс-культуры, семья и судьба пожизненного найма. Все это дало возможность понять, что является константой, а что постоянно изменяется, дополняется новым смыслом, обогащая жизнь общества в целом и каждого человека.

На предложение принять участие в проекте откликнулось большое число японоведов, работающих как в России, так и за рубежом, — специалистов по разным направлениям, каждый из которых отличается оригинальным подходом к проблеме и формой изложения материала. Поскольку жизнь общества представляет собой как бы единое тканое полотно, то и все рассматриваемые проблемы тесно связаны между собой. Потому в разных главах авторы нередко обращаются к одним и тем же вопросам, помещая их в контекст своего исследования.

В данном исследовании предусматривается анализ устойчивых и переменных компонентов в различных сферах жизни современных японцев, поэтому представляется целесообразным прежде всего рассмотреть его этос, чему посвящена **глава первая «Этос японского общества»**. Понятие «этос» охватывает сферу духовно-ценностного и социокультурного пространства, в котором соединяются среда обитания человека, характер, привычки, моральные устои, ментальность, профессиональная деятельность. По определению А. А. Гусейнова, этос —

² Гумилев Л. Н. Этносы и антиэтносы. Главы из книги. Журнал «Звезда» // 1990, №2. С. 121.

совокупность норм и ценностей, регулирующих деятельность людей в данном социуме.

Этос в значительной степени формирует и структурирует любой этнос. Для понимания существенных характеристик японского этноса важно понять его архетип, поскольку именно он организует понимание мира, себя и других людей. В архетипах накопился опыт ситуаций, в которых бесконечному числу предков современного человека приходилось действовать, что формирует родовой опыт. Отсюда произошли выражения «с молоком матери», «память на генном уровне». Японцам свойственно бережное отношение к культурному наследию, ко всему укладу жизни, к полученным от многих поколений предков установлениям. Чаще всего понятие «архетип» рассматривается как совокупность общих черт, сюжетов, образов, характерных для многих культурно-религиозных и литературных традиций. Именно архетип, а также окружающее пространство помогают понять, что представляет собой японский этнос, что за люди японцы, каков их национальный характер, что повлияло на его формирование. Рассмотренные в главе базовые элементы в большей или меньшей степени проецируются на все стороны жизни современного общества – экономику, политику, социальные отношения, идеологию, культуру. В японском обществе сложился своеобразный духовный климат со своим мировоззрением, представлением о личности и взаимоотношениях людей. Неотъемлемым компонентом является оригинальная эстетическая традиция, проявившаяся в литературе, изобразительном искусстве, архитектуре. Именно в духовной сфере, в культурном комплексе наиболее отчетливо видна историческая преемственность.

Месту, которое в системе ценностей современных японцев занимает национальная история, посвящена **глава вторая «Прошлое как социальная ценность и политическая проблема»**. Японцы принадлежат к числу народов, для которых собственное прошлое – не только набор фактов и знаний или повод для интеллектуальной рефлексии, но и актуальная ценность, одна из важнейших констант цивилизации и культуры. Анализируя настоящее Японии и пытаясь прогнозировать ее будущее, необходимо не просто хорошо знать ее прошлое, но учитывать его влияние на современность, прежде всего через историческую память. Для Японии история стала одной из важнейших форм национального самосознания и самоидентификации, поэтому анализ ее толкования и восприятия представляет значительный интерес, особенно в последнее время.

Осмысление и трактовка прошлого зависит как от национальных традиций, так и от воздействий извне. Отношение современных японцев к своей истории как базовой национальной и социальной ценности характеризуют следующие признаки. Во-первых, несомненный и искренний,

хотя порой неглубокий, интерес к прошлому в масштабах как страны и нации, так локального общества и семьи. Во-вторых, приватный характер такого интереса, ощущение собственной связи с прошлым, которое представляется личным делом, а не предметом государственной политики. В-третьих, обращенность к материальным памятникам, от письменных до архитектурных, ориентация на физическое сохранение прошлого. В-четвертых, важность и популярность локальной истории, что усиливает ощущение личной связи с прошлым. В-пятых, избирательность исторической памяти в отношении событий XX в., что диктуется воздействием внешних факторов и вызовов. В-шестых, историческая память японцев на частном, не-институциональном уровне не травмирована воздействием гражданских войн или кровавых революций.

Дискуссии по проблемам национальной истории и ее трактовки не утихают в Японии все послевоенные годы, вовлекая в себя ученых, политиков, общественных деятелей, писателей, журналистов. При этом государство старается занимать позицию «золотой середины» и не вступать в идеологически и эмоционально окрашенные споры. Если социальная, духовная и культурная значимость собственного исторического прошлого для японцев не подлежит сомнению, то степень его актуальности для сегодняшних событий и конкретика восприятия являются предметом постоянных споров. Большинство их связано с историей XX века, в которой национальное сознание ищет «свет» и признает наличие «тени». Однако только события 1930–1940-х годов остаются предметом страстной и бескомпромиссной полемики, снова приобретшей в последние годы острополитический характер. Речь идет о принципиально важных вопросах национального самосознания и самоидентификации: будут японцы гордиться своей историей или стыдиться ее. Основными «болевыми точками» прошлого остаются: аннексия Кореи и сорокалетнее колониальное господство Японии на полуострове, включая проблему «женщин комфорта»; экспансия в Китае, с акцентом на «нанкинской резне» 1937 г.; территориальная принадлежность островов Сэнкаку и Такэсима.

Между Токио и Сеулом нет реального политического антагонизма, но есть понимание общих стратегических и тактических интересов в сферах как обороны и безопасности в регионе, так и экономики. Однако «наследие мрачных времен» остается незаживающей раной – точнее, раной, которой не дают затянуться. В Республике Корея японофобия – в форме памяти о колониальном прошлом – не просто является политически корректной, но входит в канон государственной политики. Трактовка событий прошлого является одним из камней преткновения в отношениях между Японией и Китаем, которые не могут сравниться с отношениями между Японией и Республикой Корея. Как и в обоих

корейских государствах, в КНР японофобия входит в официальный идеологический канон. Несмотря на извинения, компенсации и соблюдение двойного стандарта, позиция Японии, не желающей безмолвно соглашаться со всеми обвинениями, которые ей продолжают предъявлять, вызывает непрекращающуюся критику. Периодическая актуализация «нанкинской резни», которую называют «забытым холокостом», имеет не только идеологический, но и прагматический характер в связи с современными проблемами и реалиями политического характера.

«Игры с прошлым», занимающие важное место в риторике нынешнего премьер-министра Абэ Синдзо и членов его кабинета, отражают не только социальную и политическую важность национальной истории для этих политиков и служат не только их тактическим целям, вроде подготовки сограждан к новой интерпретации и возможному исправлению ряда положений Конституции. Японское общество слишком серьезно относится к таким вещам, чтобы позволить циничное пропагандистское манипулирование ими в сиюминутных интересах, но в то же время признает актуальность прошлого и неизбежность его присутствия в сегодняшней политике. Объяснять текущую ситуацию одними историческими факторами неверно, но и игнорировать их нельзя.

На протяжении всей истории существования человечества одним из организующих начал общества являлась религия. В **главе третьей «Религиозная ситуация в Японии: неизменная основа и преходящие элементы»** показан богатый и разнообразный религиозный ландшафт современного японского общества. В него вписаны и действуют в полном согласии не только все конфессии, но и представители различных сект, подчас запрещенных в других странах. Панорама религиозной жизни в стране свидетельствует о ее плюрализме и толерантности населения.

При населении численностью около 130 млн. человек общее число адептов разных религий составляет около 197 млн. человек (многие японцы считают себя одновременно синтоистами и буддистами). На протяжении последних тридцати лет число верующих – или заявляющих себя таковыми – стабильно сокращается. Специфика религиозной ситуации в стране характеризуется синкретизмом, многообразием верований, сочетанием религии семьи и религии отдельного человека. Такое положение связано с особенностями исторического формирования религиозного сознания японцев, отношение которых к религии как к моральной ценности неоднозначно. В настоящее время, согласно опросам общественного мнения, удельный вес активных верующих, «воцерковленных» людей разных конфессий достигает чуть более трети численности населения.

В Японии никогда не существовало единой религиозной организации, подчиняющей и контролирующей всю жизнь человека. Семья и

дом были центром религиозной жизни. Сосуществование религий в Японии уходит в глубокую древность и определяется формулой «буддизм – ветви на дереве синто, а конфуцианство – листья на этих ветвях». Она дает ключ для понимания того, как формировалось религиозное сознание японцев.

В его основе лежит синто («путь богов»), который можно рассматривать как национальную форму мировосприятия и мироощущения японцев. В нем особенно сильна иррациональная, но имеющая огромную социальную силу сторона – культ предков, в котором отражалась иерархическая структура реального общества. В синто нет строго разработанных канонов и догм, у него нет конкретных основателей и пророков. Это делало его открытым для восприятия не только буддизма, но конфуцианских и даоских морально-этических норм, а позднее христианства. Буддизм не был воспринят населением Японии как абсолютно чуждый элемент, поскольку, вовлекая людей в свою орбиту, не требовал отказа от прежних верований. Две религии поделили между собой жизненный цикл человека: рождение и жизнь идут по синтоистским канонам, похороны и поминание – по буддийским. Буддизм укоренился в стране без религиозных войн, что привело к формированию синто-буддийского синкретизма.

В период от консервативной революции *Мэйдзи исин* (1868 г.) до окончания Второй мировой войны (1945 г.) правящие круги использовали религию в форме государственного синто (*кокка синто*) в политических целях, превратив ее в инструмент государственной власти. Это дало не только негативный опыт, но и сказалось на положении национальной религии в послевоенный период и во многом способствовало появлению «проблемы храма Ясукуни», которая в настоящее время превратилась в острую политическую и дипломатическую «головную боль» правительства.

После войны отделенный от государства и очищенный от милитаристской и ультранационалистической риторики синто стал рассматриваться как традиционная религиозная практика, которая осуществлялась на протяжении всей истории страны и имела непосредственное отношение к жизни людей. Отношения религии и государства были оформлены в соответствующих статьях Конституции 1947 г. После краха «истинно японских» духовных ценностей началась активная деятельность «новых религий», в основном буддийского толка, которые сумели приспособить свою догматику к изменившимся социально-экономическим условиям. Примерно четверть всех верующих являются адептами этих религий. Их напористость, даже агрессивность привлекают значительное число последователей. Новые религии опираются, прежде всего, на массы верующих, а не на священнослужителей. Словом, в религиозной жизни в

Японии огромное значение по-прежнему имеют базовые элементы в виде двух основных религий, но и они подвергаются постоянному влиянию современной эпохи.

Неожиданное, казалось бы, название **четвертой главы «Привязанности японского путешественника»** напрямую сопрягается с тематикой двух предшествующих глав. Путешествие как элемент японской культуры на протяжении тысячелетий являлось ее константой. Действительно, японцы с древности путешествовали по родной стране, перемещаясь из привычной повседневной среды в иное пространство, сохранявшее историческую память. Путешествуя, человек получал возможность узнать и воспринять разнообразие природного и культурного ландшафта. При этом «чужое» пространство осмысливалось уже как «свое», позволяя почувствовать себя сопричастным историческому прошлому. Перемещаясь в географическом пространстве, японец осмысливал его и в нравственно религиозном плане, что поддерживало полноценную духовную жизнь.

В старые времена все путешествия, по сути, сводились к паломничеству. При этом важным было не только созерцание природных и рукотворных красот, но и погружение в атмосферу ушедших эпох. Путешествуя, японец приобщался к истокам своей культуры, знакомился с бытом, с предметами местного производства. Нередко по следам путешествия создавались путевые заметки. Условия самоизоляции на протяжении более чем двухсот лет побуждали японцев путешествовать по родной стране, ценить ее красоты. Эта практика существует и по сей день, став привычной и традиционной.

В настоящее время люди проходят по тем же дорогам и тропам, что и в далеком прошлом, невольно стараясь понять логику поведения и восприятие культурных объектов своими предками. В современной Японии существует большая паломническая база и огромное число любителей таких путешествий. Различие между классическим паломничеством и религиозным туризмом состоит в том, что последний соединяет в себе экскурсионные поездки к культовым объектам с познавательной целью и имеет полный набор туристических услуг. В японском обществе туризм как массовый вид путешествий сопряжен с коммерческой и духовной составляющей. Он является общенациональным делом и развивается при активной поддержке государства: кажется, что вся страна в пути.

Глава пятая «Классики и современники» имеет уточняющий подзаголовок «заметки инсайдера о судьбе классического наследия в современной Японии», поскольку автор – профессор японской литературы и сравнительной культурологии Международного университета Акита анализирует проблему методом «включенного наблюдения». Речь идет о судьбе классического литературного наследия в современ-

ной Японии. Автор полагает, что, если не изменится общая современная тенденция, то через пятнадцать-двадцать лет классика в стране выйдет из обращения и перейдет в разряд музейных экспонатов. На чем основывается такое предположение?

Нет никакого сомнения в том, что Япония буквально пронизана культурой. По всей стране разбросаны мемориальные музеи писателей и поэтов. Особенностью культурного ландшафта со времен Средневековья являются каменные стелы с запечатленными на них строками классических стихов. Их устанавливали в местах, связанных с биографией поэтов и их странствиями. При стопроцентной грамотности населения, невероятно развитой муниципальной системе культурного сервиса сокровища отечественной литературы доступны всем желающим. Государство осуществило несколько грандиозных проектов для сохранения и изучения национальной литературы. Был создан межуниверситетский Научно-исследовательский центр отечественной литературы, располагающий огромным фондом древних и средневековых рукописей, каллиграфических надписей и рисунков. Еще один масштабный центр реализован на базе Дома современной японской литературы, где хранятся личные архивы писателей нового и новейшего времени. В 1980 г. появился Международный центр изучения японской литературы.

Однако несмотря на прекрасное сохранение культурного наследия и заботу государства о его освоении, в современном японском обществе происходит резкое падение культурного уровня широких масс населения. Уровень того образования, которое когда-то называлось классическим и таковым являлось, в настоящее время упал до критической отметки, снижая интерес к наследию предков. Одной из причин стал переход после Второй мировой войны на американскую систему образования, ориентированную на практические знания. Из школьных программ выпали китайский язык (а ведь на протяжении веков японская культура фактически была билингвистичной!), история страны, этика и прочие гуманитарные дисциплины.

Отечественная литература не входит в список приоритетных предметов и скорее относится к числу комплиментарных дисциплин, включенных в многолетнюю школьную программу родной речи (*кокуго*), давно перейдя в категорию обременительной лишней нагрузки. Такая ситуация связана с особенностями языка. В любой стране «алфавитной культуры» ученик к концу первого года обучения уже может читать и писать, а в японской школе он достигает достаточного уровня грамотности только на девятом году обучения, усвоив обязательный иероглифический минимум. Большинству школьников приходится довольствоваться радикально адаптированными и обильно иллюстрированными учебниками родной речи, которые скорее напоминают *манга*. Несмотря на создание совре-

менного учебника японской классической литературы для старших классов на языке *кобун*, происходит денонсация классики, объясняемая трудностью архаического текста, дефицитом времени у школьника, отсутствием стимулирования изучения классики со стороны учителей, которые сами не отличаются начитанностью. Более того, в культурной политике за рубежом правительство взяло курс не на пропаганду богатейшего классического наследия страны, а на продвижение нового имиджа под названием «Cool Japan». Тем не менее, классическая японская литература продолжает до некоторой степени присутствовать в современном обществе.

Японское высокоразвитое индустриальное общество было построено в условиях сохранения сложнейшей логографической системы письма, и, похоже, японцы не собираются от него отказываться. Название **главы шестой «Японский язык: величины переменные и постоянные»** свидетельствует о том, что перемены продолжают происходить в самых разных областях – фонетике, лексике, грамматике и даже письменности. Чаще всего для появления изменений в языке необходим толчок извне, сильное влияние чужой культуры. Так было с приходом в страну в V в. китайской культуры, сказавшейся на формировании японской письменности и языка в целом. Затем в переломный момент истории, связанный с *Мэйдзи исин*, язык испытал огромное воздействие Запада. После поражения во Второй мировой войне, в период оккупации английский язык буквально хлынул на Японские острова. Это привело к значительным переменам, прежде всего, в лексике. Не могли не сказаться на языковой ситуации глобализация и распространение информационных технологий.

На обширном и малоизвестном фактическом материале убедительно показано, какие тенденции наблюдаются в японском языке в последнее время. Рассмотрев конкретные примеры новых отклонений от нормы, автор старается понять, какие из них могут закрепиться как формы нормативного употребления, а какие просто являются данью моде. При анализе языковой ситуации становится ясным, что существует некая основа языка, в которой могут варьироваться отдельные системы, не разрушая ее. Например, существуют правила, по которым иностранные слова приживаются в языке. Японцы обязательно сокращают их, приспособляя к длине японского слова в 2–3 слога, изменяя фонетику в соответствии с японской, так что англоговорящие их не узнают.

Японцам свойственны пассивность языкового поведения, недосказанность, умолчание, неясность, двусмысленность, неопределенность, отражение в языке иерархии и возрастных различий. Языковое поведение японцев сильно отличается от языкового поведения людей европейской культуры, что связано с менталитетом, формой межличностных отношений, с многовековыми традициями жизненного уклада.

В главе седьмой «Формирование понятия «художественная культура» в Японии» показано, что в стране обнаруживается немало удивительного в отношении того, что формирует понятие «художественная культура», а именно искусство со всеми видами и жанрами, мотивированность творческой деятельности, отношение к художественным ценностям, понимание критериев художественности, способ и место хранения произведений искусства. Например, вплоть до середины XIX в. у японцев отсутствовало само понятие «искусство», склонность собирать коллекции, не было музеев, а затем статуса «художественного» у музеев искусств.

Ощущение японцем себя неотъемлемой частью мироздания, в котором существует всеобщая взаимосвязанность вещей, порождало отношение к вещи как к связующему звену между человеком и Природой, между людьми, как к звену, снимающему пространственно-временные ограничения. Этим можно объяснить желание поддерживать естественный порядок вещей и не лишать предмет, как бы ценен он ни был, его контекста. Поэтому и не возникало стремления собирать коллекции, в результате чего, став экспонатом, предмет перестал бы функционировать в системе.

У японцев, в отличие от западно-европейской традиции, не было деления на изобразительное искусство и ремесло: все попадало под определение *гигэй*. Впоследствии это понятие разделилось на две части: на то, что можно было отнести к изящным искусствам *бидзюцу*, и на *когэй*, предметы «созданные в процессе ручного труда для практического использования, имеющие художественную ценность». Главной отличительной чертой *бидзюцу* считалась «неутилитарность» предмета, невозможность или непредназначенность его для применения в повседневной жизни. Затем появилось понятие «художественные ремесла» *бидзюцу когэй*, затем «обыкновенные ремесла» *фуцу когэй*, наконец, «промышленные ремесла» *сангё когэй*, обслуживающие промышленность. Так шаг за шагом после *Мэйдзи исин*, благодаря созданию по западному образцу новых институциональных систем, включая музеи, выставки, художественные школы, а также появлению в печати статей, посвященных разбору художественных достоинств произведений разных видов и жанров, слова *бидзюцу* и *когэй*, наполненные новым содержанием, постепенно укоренились в сознании японцев.

История создания музеев в Японии весьма своеобразна. В отличие от Европы, где в первую очередь возникли художественные, и только спустя некоторое время просветительские музеи, в Японии всё было наоборот. Сначала появились просветительские музеи, выполнявшие образовательные функции, и только полвека спустя художественные. Отсутствие у музеев японского искусства статуса «художественного»

скорее всего говорит о том, что японцы в течение почти всей первой половины XX в. все еще не осознавали таковыми произведения собственного искусства, поскольку мотивация при их создании была совершенно иной и по-иному виделось их назначение. Как экспонаты они характеризовали эпоху, социальную среду и т. п., а также степень мастерства их создателя, вызывая скорее познавательный интерес, чем чувство эстетического наслаждения, которое для японцев традиционно не было самоценным.

В современном японском обществе массовая культура становится неотвратимой реальностью, внося кардинальные изменения в национальный характер японцев, особенно молодых. Этому посвящена **глава восьмая «Влияние массовой культуры на ценностные ориентации современной японской молодежи»**. Сегодня много говорят о кризисе молодого поколения в Японии, называя его «растерянным» и даже «потерянным», что связывают, прежде всего, с коренными общественными и социо-культурными переменами последних десятилетий. Японцы перестали ставить общие групповые интересы выше личных, а индивидуальность и самовыражение стали их кредо. Поэтому меняется буквально все: отношение к жизни и к работе, взаимоотношения друг с другом, с родителями и т. д.

В отличие от своих отцов и дедов, дети и внуки сегодня стремятся, по возможности, меньше работать и интересно жить. Главное для большинства из них – независимость от общества и наличие свободного времени для реализации собственных талантов и увлечений. Подобного рода настроения есть нечто новое и мало свойственное национальному менталитету. Отсюда, например, открытое неприятие обществом так называемых *отаку* – фанатов *манга*, *анимэ*, компьютерных игр и т. д. В глазах взрослого населения они предстают асоциальными, извращенными и эгоистичными молодыми людьми, которые прикованы к комиксам и *анимэ*-реальности и не нуждаются в каком-либо общении или социальной активности. По сути для значительной группы японской молодежи массовая культура и виртуальная реальность – это закрытое пространство, куда можно уйти по причине неприятия реальной действительности и той системы материальных и духовных ценностей, которыми жили отцы и деды.

Обобщая и анализируя далеко не типичные прежде для японцев и практически неизвестные старшим поколениям явления, происходящие в современной молодежной среде, японские социологи пишут о формировании нового типа людей, так называемого «нового человечества» (*синдзинруй*). По их прогнозам, именно они будут представлять нацию в XXI в. *Синдзинруй* отличает возрастающая роль индивидуальных приоритетов. Это сочетается с такими новыми для японцев понятиями,

как уважение свободы, равных прав и индивидуальности других людей, полное безразличие к групповым ценностям. У них нет близких друзей, а прежние тесные социальные контакты они склонны подменять общением в группах (субкультурных), которые существуют порой кратковременно и возникают случайно. В этих группах молодые люди остаются в значительной мере изолированными друг от друга, причем изоляция является по-своему неизбежной и добровольной. Возникающее в этих условиях психосоциальное пространство заполняют массовая культура, средства массовой коммуникации, и, преимущественно, Интернет, который формирует структуру мышления и эмоции молодых людей.

Определенная часть молодежи, пусть и не столь значительная, начинает отождествлять себя с этим новым типом японцев, демонстрируя неприятие многих сторон современного общества и реализуя свои духовные, эстетические и прочие запросы в массовой культуре. Хотя эти наблюдения пока еще рано распространять на всю молодежную среду, данное явление, четко обозначившееся в социокультурной жизни страны, дает новые представления как о её культуре, так и о самом обществе.

Непреодолимой ценностью для японцев была и остается семья со всеми ее изменениями, которые она претерпевала на протяжении столетий. Этой важнейшей составляющей общества посвящена **глава девятая «Традиционное и новое в японской семье»**. В XX в. японская семья претерпела самые радикальные изменения после окончания Второй мировой войны, проведения демократических преобразований, ускорения начавшейся еще после *Мэйдзи исин* модернизации страны.

Новое законодательство признало основной ячейкой общества нуклеарную семью и провозгласило равенство всех людей перед законом; женщины получили право избирать и быть избранными, заниматься предпринимательской деятельностью, учиться в высших учебных заведениях, получать равную оплату за равный труд с мужчинами. Казалось, зависимость женщины в большой семье *из* должна была уйти в прошлое. Однако многие положения нового законодательства не были реализованы на практике, и проблема гендерного неравенства все еще стоит остро.

Под влиянием нового законодательства и других социально-экономических факторов наибольшие перемены коснулись структуры семьи. Уменьшился ее размер; постоянно снижается доля домохозяйств, в которых вместе живут три поколения; появилось много одиноких семей, и доля их продолжает расти. Появление малых семей с небольшим числом детей объясняется тем, что многодетность перестала быть объективной необходимостью, а молодые люди не хотят рано обременять себя семьей. Они стали позднее вступать в брак и даже после его оформления не стремятся сразу иметь детей.

Преобладание малых семей, желание жить отдельно от родителей и взрослых детей, иметь возможность уединиться не означают, что у японцев исчезло чувство семьи как непреходящей ценности. Такое желание является лишь вызовом некоторым аспектам довоенной идеологии и патриархальным семейным традициям, неадекватным современной жизни. Психологическая близость людей, традиции взаимопомощи, семейные связи продолжают сохраняться. Конечно, современные условия жизни вносят коррективы во взаимоотношения членов семьи друг с другом; меняются и роли, которые они играют в семье. Это происходит постепенно, поскольку традиции дают о себе знать.

Важнейшим фактором трансформации семьи является постепенное выдвижение на передний план женщин, которые не только играют важную роль в семье, но активизируют свою деятельность в общественной жизни, что, в свою очередь, поднимает их авторитет в семье. Мужчина продолжает де-юре считаться главой семьи и обеспечивает ее основной доход. Даже в настоящее время более половины лиц «сильного пола» считают, что жена должна «принадлежать дому», что с ней можно не считаться и даже подвергать ее насилию. Но ореол мужчины как верховного существа, как это было при *из*, померк. Именно женщина контролирует бюджет и принимает все важные решения, как о покупках (включая недвижимость), так и о воспитании и образовании детей. Можно сказать, что сейчас главной в семье становится связка мать-ребенок. При этом социальный статус японок до сих пор весьма низок, хотя уровень их образования очень высок. Они работают учителями, врачами, адвокатами, научными работниками, но их мало среди управленцев, государственных служащих и политиков. Неудивительно, что Япония занимает 101 место в рейтинге стран мира по уровню гендерного равенства.

В современной демографической ситуации в Японии женский труд вне дома мог бы значительно компенсировать недостаток рабочей силы, повысить уровень потребления, улучшить возможности обеспечения детей и пенсионеров. Уже многие признают, что гендерное неравенство, отсекая от руководящих должностей инициативную и динамичную часть общества, негативно сказывается на экономическом развитии страны. Проблемой изменения такого положения, создания комфортных условий для женщин, имеющих детей, обеспокоилось и правительство, о чем неоднократно за последний год говорил премьер-министр Абэ Синдзо.

Исторически сложилось, что после природных катастроф японцы с особым усердием восстанавливали свою страну. Трагедия 11 марта 2011 г., соединившая в себе стихийные бедствия (мощное землетрясение и цунами) со страшной техногенной катастрофой – аварией на атомной электростанции «Фукусима-1» и потому получившая название Великое

восточнояпонское землетрясение, вышла даже за национальные рамки. Хотя катастрофа непосредственно затронула лишь часть японской территории – регион Тохоку, круги от удара разошлись по всей стране. В **главе десятой «Японская семья после Великого землетрясения 11 марта: ценности и приоритеты»** на основе социологических опросов, анализа последних трендов и тенденций в обществе и материалов СМИ, показано, как изменилось отношение японцев к жизни и семье.

Семья как объект исследования выбрана не случайно, ибо она была и остается непреходящей ценностью японцев. После событий 11 марта отношение японцев к собственной семье заметно изменилось. Люди стали внимательнее относиться друг к другу, больше общаться между собой, интересоваться делами друг друга. Проанализировав три сферы в жизни семьи за двадцать пять лет, а именно отношения с детьми, между супругами и с родителями другого супруга, автор сделал вывод, что они претерпели серьезные изменения особенно после трагедии 11 марта. После достаточно сильной индивидуализации общество вновь обратилось к семейным ценностям. За последние три года наличие семьи и детей получило новый смысл, близкое к тому, какой наблюдался после Второй мировой войны, когда люди именно там надеялись найти спокойствие и умиротворение.

Содержание **одиннадцатой главы «Судьбы пожизненного найма: социальные аспекты»** непосредственно связано с повседневной жизнью многих японцев. Система пожизненного найма начала формироваться в первые послевоенные десятилетия и окончательно укоренилась в 1970 – 1980-е годы. Ее распространение было связано с тем, что она основана на использовании многих элементов национальной культуры и национальной психологии. В наибольшей степени она применялась в крупных частных компаниях и в государственных учреждениях, однако и другие предприятия, в том числе мелкие, стремились использовать ее чтобы повысить трудовую мотивацию персонала. Следует отметить, что в 1950–1980-е годы привилегии пожизненного найма распространялись почти исключительно на работников-мужчин.

Широкое распространение этой системы, соответствие ее принципов особенностям национального менталитета привели к тому, что она стала не просто моделью управления трудом, а основой, на которой и вокруг которой формировался образ жизни и система ценностей нескольких послевоенных поколений. В частности, она способствовала повышению престижа образования, закреплению главенствующего положения мужчин в обществе и гендерного разделения ролей в семье, формированию представлений о карьере *сараримана* как модели жизненного успеха. Необходимыми условиями поддержания экономической эффективности пожизненного найма являются, во-первых, постоянное

обновление рабочей силы за счет притока молодежи и, во-вторых, относительно высокие темпы роста производства. Первое условие необходимо для недопущения старения рабочей силы и сдерживания роста издержек на труд, второе – для обеспечения ежегодного повышения заработной платы работников. Однако с начала 1990-х годов в экономике и обществе начали происходить изменения, которые существенно подорвали основы ее эффективности, а именно, резко снизились темпы экономического роста, и началось быстрое старение рабочей силы.

В целом система пожизненного найма устояла в непростых условиях 1990 – 2000-х годов. Для сохранения гарантий долговременной занятости, карьерного роста и повышения заработной платы основному персоналу японские компании приняли ряд мер. Наиболее очевидным результатом этих мер стала все большая поляризация японской молодежи, разделение ее на две части, резко различающиеся между собой по образу жизни, уровню доходов, социальному статусу, представлениям о будущем. В Японии постоянные работники получают примерно в два раза большую зарплату, чем работающие на условиях непостоянной занятости, поэтому поляризация по доходам в зависимости от характера занятости является одной из главных характеристик положения современной японской молодежи. Еще более важное значение имеет поляризация по статусу, поскольку до сих пор в Японии непостоянная занятость, особенно если речь идет о молодежи, воспринимается как некое отклонение от нормы, от общепринятого образа жизни. Конечно, далеко не все занятые на непостоянной основе молодые люди страдают от своего «ущербного» статуса, но в целом рост числа оказавшихся за пределами постоянной занятости, при всех различиях в их мотивах, уровне образования, образе жизни, планах и устремлениях, свидетельствует о нарастании противоречий между системой ценностей, которая сформировалась в японском обществе под влиянием идеологии пожизненного найма, и интересами и потребностями современной молодежи.

Система пожизненного найма и происходящие в ней изменения напрямую сказываются на положении японских женщин. Несмотря на перемены в обществе, немалое число японок по-прежнему добровольно или вынужденно выбирают образ жизни, навязанный системой пожизненного найма, а именно работу на условиях непостоянной занятости, уход с работы после рождения ребенка, занятие домашним хозяйством и воспитанием детей, материальную зависимость от мужа. Конечно, в Японии есть и другая категория женщин – те, кто пытается приспособиться к жестким условиям пожизненного найма, противостоять распространенным в обществе стереотипам и реализовать свои знания и способности в профессиональной карьере.

В главе двенадцатой «Региональная политика в Японии: от «колонизации» Хоккайдо до «Японии регионов» показано, как перепле-

таются между собой и поддерживают друг друга традиции и новации в сфере региональной экономической политики, которая имеет глубокие исторические корни. Традиционные элементы в региональной политике и системе отношений «центр – регионы» присутствуют и сохраняются в виде отдельных принципов и элементов. Одним из основополагающих принципов региональной экономической политики, питаемых традицией, стала патерналистская модель взаимоотношений субъектов этой политики (правительственных органов, местных властей, компаний), предполагающая достаточно жесткую регламентацию со стороны государства и высокую степень централизации в принятии решений.

1990-е, 2000-е и начало 2010-х годов стали для японской экономики и общества временем глубоких качественных перемен. Неудивительно, что концепция регионального развития в ее широком понимании, включая развитие регионов, взаимоотношения центральной власти и регионов, формирование облика национальной территории и планирование жилой среды, существенно поменялись. О радикальности произошедших перемен свидетельствует, в частности, принятие в 2005 г. нового основного Закона о национальном пространственном планировании (National Spatial Planning Act) и новой Национальной пространственной стратегии (National Spatial Strategy, 2008). Главными факторами, вызвавшими необходимость корректировки подходов к региональному планированию, авторы Стратегии считают стремительный рост экономик Восточной Азии, сокращение населения Японии темпами выше ожидавшихся, изменение образа жизни граждан, прежде всего в связи с распространением Интернета и мобильных телефонов. К ним относятся также изменения национальной системы ценностей (возрастание значимости таких составляющих как стабильность, безопасность, благоприятные экологические условия, привлекательные ландшафты), диверсификация стилей жизни.

Интернационализация внутренней региональной политики предполагает налаживание обмена и связей японских регионов с Восточной Азией, а также проведение префектурами самостоятельной политики по привлечению иностранных инвестиций. Прогресс технологий, безусловно, оказывает многообразное влияние на региональное развитие и региональную политику. В XXI в. на новом витке НТП и экономического развития на смену технополисам приходят *научно-производственные кластеры*, в рамках которых задачи регионального и научно-технологического развития не просто взаимосвязаны, а неразделимы. Другим крупным инновационным проектом является *проект «умного города»*, нацеленный на создание экологически дружелюбной и комфортной для людей жилой среды в масштабах городского района или небольшого города. Формирование современной региональной стратегии

и региональной политики в Японии происходит на фоне процесса *децентрализации*, который затронул и сферу местного самоуправления.

Одной из пяти главных целей Национальной пространственной стратегии названо *«региональное развитие, основанное на “new public relations”»*, под которым подразумевается повышение роли локальных сообществ и формирование нового типа взаимодействия между гражданами, неправительственными организациями, компаниями и государственными и муниципальными органами. Часть видов деятельности, которыми правительство предлагает заняться местным жителям, в сельской местности традиционно выполнялась в рамках общины, однако в данном случае речь идет о том, чтобы перенести эти традиции в городскую жизнь и среду. Главная традиция, которой придерживается вся нация – от столичных политиков высокого уровня до жителей самых отдаленных уголков Японии, – это готовность к переменам при сохранении самоидентификации. Такие черты региональной политики как систематичность, эволюционный характер, стратегия малых дел, тщательность проработки планов и внимание к мелочам, скрупулезный анализ предыдущего опыта, как позитивного, так и негативного, – все это характерные черты современной и, судя по стратегии, рассчитанной на десятилетия, будущей региональной политики.

В главе шестой уже говорилось о том, что японцы отнюдь не чураются заимствования иностранных слов, приспособляя их к родному языку. Совсем недавно они создали новое словосочетание «глокализация», которое состоит из слов «глобализация» и «локализация». О том, что передает это понятие говорится в **главе тринадцатой «Глокализация: путь самурая в постиндустриальную эпоху»**. Этим понятием описывается ситуация в сегодняшней Японии, когда одновременное стремление активизировать свое присутствие в глобальной экономике и мире считается с поставкой на экспорт специфических японских локальных моделей, которые пользуются там видимым успехом. «Глобализация» представлена мультинациональными корпорациями, зависимостью от вынесенных за пределы страны производственных площадок, зарубежными рынками сбыта, информационным бизнесом и пр. «Локальное» связано с историческими традициями земледелия, жесткой геоклиматической зависимостью японцев, законами и принципами быта и питания. Это проявляется также в коммуникации японцев между собой, особенно в периоды стихийных бедствий и социальных потрясений.

Автор употребляет термин «самурай» исходя из того, что в немалой степени использование в процессе вестернизации страны самурайского сословия – носителей традиционной культуры и ее ценностей помогло Японии удержать неоднократно отмечаемый и сегодня баланс между иностранным и национальным, западным и восточным, современным и

архаичным. В частности, благодаря участию вчерашних *буси* в построении деловой среды нового времени в уставы новых компаний были интегрированы многие принципы из кодексов военного сословия, что усилило базовую прагматичную этику японцев значимыми элементами чести и самопожертвования.

Сегодня японская деловая среда представляет собой пеструю и неоднородную структуру, куда входят и традиционная *кайся*, и новое предпринимательство в стиле Cool Japan, а также переживающее подобие ренессанса, японское сельское хозяйство. В настоящее время *кайся* характеризуется все большим использованием западных форм функционирования, о чем, в частности, свидетельствует постепенно редуцирующаяся система пожизненного найма, снижение числа «трудоголиков», привлечение к работе, хотя и в минимальных количествах, зарубежного персонала. Однако происходят существенные изменения корпоративного управления. Одним из тревожных признаков разложения традиционной структуры стал серьезный разрыв в преемственности трудовых традиций, большой процент нетрудоустроенной молодежи. Увлечение компаниями временным наймом привело к снижению их прибыльности, т. е. экономя на постоянном вышколенном штате, компания не в состоянии увеличить прибыль до желаемых размеров. В связи с этим, возможно, динамичные компании нового поколения вернутся к проверенным трудовым традициям *кайся*.

Положение женщин в Японии – еще один выразительный пример глокализации, столкновения традиционной культуры и тенденций развитой экономики. *Womenomics* – одна из «стрел» политики абэномики премьера Абэ Синдзо. Изменение рабочего положения женщин (в первую очередь речь идет о занятии ими высоких административных постов) неизбежно приведет к фундаментальному пересмотру гендерной иерархии. Однако до сих пор предпочтения самих женщин в значительной степени соответствуют вековым национальным традициям.

Программа Cool Japan – одна из сторон глокализации представляет выход локальных и даже специфически национальных моделей на глобальный уровень в процессе межкультурной коммуникации. Япония осознанно и активно продвигает свои глубоко национальные, изначально далеко не масштабные и нередко андеграундные сферы деятельности на глобальные рынки. Она намерена извлекать достаточно быструю выгоду из сфер деятельности этой программы (одежда и мода, *монодзукури* и региональные продукты, еда, контент, туризм и дом) и хорошо просчитала ее маркетинговый потенциал. Эта программа относится к компаниям мелкого и среднего бизнеса, которым принадлежит заметная доля рынка. В слово “cool” японцы вложили несколько иной смысл, чем его молодежно-жаргонное значение “прикольный”.

Предполагается некоторая творческая составляющая – «творческая индустрия», которая должна способствовать продвижению на зарубежные рынки обновленного образа Японии. В этом смысле японские *манга*, мода, кухня и пр. обладают не только собственным творческим потенциалом. Они способны вовлекать в качестве добровольных промоутеров представителей любой другой нации.

В индустриальной части своего развития Япония заимствует западные подходы, а в аграрной – практически нет. Мелкие японские фермеры в последние десятилетия постепенно возвращаются к ценностям, всегда свойственной аграрной Японии, но в XX в. сильно потесненным индустриальными и постиндустриальными тенденциями. Переосмысление японцами своей жизненной философии в XXI в. проявляется в процессах начатых «маленьким» человеком в регионах и затем апеллирующих к нации. Речь идет о скромной жизни, ставящей в центр своих усилий природу и ежедневное служение людям (например, производство экологически чистой продукции). Так появилось выражение *оритэюку икиката*. Оно включает глагол «спускаться» и глагол «идти/двигаться» и в целом выражает идею личной скромности, смирение гордыни. Это – образ жизни, противостоящий ценностям потребительского общества, как отрицание приоритета денег и вещей, изменение темпа и качества жизни.

FOREWORD

A country both modern and rooted in tradition, stable and full of dynamics, an organic part in the East and in the West – this is what Japan has come to be by the second decade of the 21st century. Considering the overall outline of this work, we assumed that the development of any country at a certain stage follows a similar pattern, even though those patterns may take different forms as they are modified under the influence of various economic, political, social, psychological, and religious factors. And each nation comes up with its own response to those patterns. The Japanese society is special in a number of ways, first and foremost due to its condition of an island nation, its natural environment, and the history of isolation followed by a speedy growth, but also to the sociopsychological peculiarities of the Japanese mind which have to do with interaction and cross-influence of Shintoism, Buddhism and Confucianism, as well as ethnic unity of the Japanese nation and respect its history and tradition.

To evaluate the dynamics of a society it is crucial to adopt a complex approach that would encompass every aspect of it at the macro- and micro-level. This should not be limited to the analysis of generic notions such as mode of production, classes, and confessions. Small groups must come into focus – families, local communities, factories where real people lead their real lives. In this case, in addition to socio-economic features one must scrutinize socio-psychological and cultural features. Now, an investigation of those will be most fruitful if a systemic approach is embraced highlighting not the components, phenomena and personalities as such but the connections thereof. According to the definition given by Ludwig von Bertalanffy a “system is a set of elements in standing relationship”¹.

A method based on a systemic approach provides for two types of systems, rigid and discrete (or corpuscular). These systems, in turn, may be open or closed. Consequently, four subtypes are possible, though not a single of them may exist as a clearcut type in any society. The Japanese society, with some approximation, comes closest to a closed system of the discrete type. This is the case with no rigid connection between the elements

¹ L. Bertalanffy. A general systems theory – a critical review, Leningrad, 1969. p.28.

which nevertheless are mutually necessary. “As systems of this type, notes Lev Gumilev, natural communities of people exist in the biosphere, with a common stereotype of behaviour and an inner structure of their own, communities that oppose themselves (‘us’) to any other community (not-‘us’). The phenomenon of these oppositions links social forms to all of the natural factors”².

Developing a concept for this work, we wanted to create a comprehensive picture of a contemporary Japanese society. Of course, we do realize that it would require studying every single aspect of its existence, that is, as the saying goes, to embrace the unembraceable. So we decided to inspect it from the point of view of the value system, called *kachikan* in Japanese. This kind of approach enabled us to widen the scope of topics and tackle a number of issues so far scarcely addressed in Japan studies in Russia. Among the latter are Japanese history and language as social values, religion and classical literature within the framework of social values, aesthetical values and the system of values of the youth addressed in the light of mass culture, family and the future of the life-long employment practices. All this allowed us to distinguish between the constants and the variables, always on the move, acquiring new meanings and enriching the society as a whole and every person within it.

Our offer to participate was accepted by a large number of Japanologists working both in Russia and abroad, and specializing in various fields, each viewing the common object from his or her own original angle, and representing the results of the studies in different forms. Since the life of a society is like a single piece of fabric, all of the issues put under scrutiny are intricately interwoven between themselves. So it comes as no surprise that authors of different chapters would frequently turn to the same issues, addressing them each time within a different context of their own study.

First and foremost this study analyzes the constants and variables of various aspects of life of the modern Japanese. Therefore, to begin with, we thought it important to scrutinize the Japanese ethos – and this is what **Chapter One, *Ethos of the Japanese society*** focuses on. The concept of ethos encompasses the sphere of the spirit and the values, as well as the socio-cultural environment, conjoining human ambiance, character, habits, morale, mentality, and professional activity. According to a definition by Abdusalam Guseynov, ethos is a set of norms and values regulating human activity in a given society.

Ethos is essential in forming and structuring of any ethnos. Therefore, to comprehend the principal features of the Japanese ethnos, it is crucial to

² Leo Gumilev. *Ethnoses and Anti-ethnoses*. Selected chapters. *Zvezda* magazine, 1990, No.2. p. 121.

grasp its archetype, central for a person's understanding of the world, one-self and other humans. An archetype accumulated the experience of situations where countless ancestors of a modern person had to act, and which constitutes the basis for the generic experience. This is the origin of expressions like "to absorb something with mother's milk" or "genetic memory". The Japanese people are renowned for treasuring their cultural heritage, way of life and directives inherited from past generation. Most often, the notion of an archetype is considered as a combination of common features, stories, images which are specific for numerous cultural, religious and literary traditions. This is archetype paired with the surrounding environment, that is helpful in understanding what the Japanese are as an ethnic group, what sort of people they are, what their national character is, and what influenced its formation. Basic elements considered in this Chapter are projected to almost every aspect of the life of the modern society – economy, politics, social relations, ideology, and culture. The Japanese society has fostered a special spiritual environment with a specific way of thinking, image of a person and social relationships. An inalienable part of it is an original aesthetic tradition expressed in literature, art, and architecture. The spiritual sphere, the complex culture of Japan offers a most vivid example of historic continuity.

The position of national history among the set of values of the contemporary Japanese is the subject of **Chapter Two, *The Past as a Social Value and Political Issue***. The Japanese are among those nations for whom their own past is more than simply a set of facts and knowledge, or a pretext for some intellectual reflexion, – it has a current value, one of the most important constants of civilization and culture. For an analysis of Japan's present and for forecast of its future, it is necessary not just to know its past, but consider its influence on the contemporaneity, primarily through the historical memory. For Japan, history has become one of the principal forms of national identity and self-identification. Therefore, studying its interpretations and perceptions is of great interest, especially in recent times.

Understanding and interpreting the past depends on both national traditions and outside influence. The way the contemporary Japanese look at their history as a fundamental national and social value has the following peculiarities. First, there is a certain and sincere interest, even though it is shallow at times, in the past in terms of both the country and nation, and local community and family. Second, this interest is quite private, there is a perception of one's connection with the past which is seemed to be a personal matter rather than an object of application for the policies of the state. Third, there is a strong accent placed on material memorabilia, written or architectural, a concern to the physical preservation of the past. Fourth, importance and popularity of local history strengthen personal connection with the past. Fifth, the political memory is quite selective towards the events of the 20th century,

conditioned under the influence of outward factors and challenges. Sixth, historical memory of the Japanese has not been hurt by civil wars or bloody revolutions at the private non-institutional level.

The debates around national history and its interpretation hardly ever saw a break throughout the post-war era in Japan, involving scientists, politicians, writers and journalists. And the state is trying to adopt the “golden mean” position and avoid arguments of ideological or emotional content. Now, even though the social, moral and cultural significance of history meets no doubt with the Japanese, the degree of its applicability to the present, as well as the specifics of its perception, constitute a topic for never-ending arguments. Most of them are associated with the history of the 20th century, where the national conscience is searching for some “light” while acknowledging the existence of a certain “shade”. However, only the events of the 1930s and the 1940s remain a subject for a passionate and irreconcilable debate, recently acquiring a new acute political dimension. This refers to crucially important issues of national identity and self-identification – whether the Japanese are to be proud of their history or ashamed of it. The main painful points of the past are the annexation of Korea and Japanese colonial rule in the peninsula for 40 years, including the issue of ‘comfort women’, expansion in China, with special weight on the Nanking Massacre in 1937, territorial status of the islands of Senkaku and Takeshima.

There is no real political antagonism between Tokyo and Seoul, on the contrary – there is an understanding of the common strategic and tactical interests in defence and security in the region, as well as in the field of the economy. Still the ‘legacy of the dark times’ remains a non-healing wound – or rather one which would not be allowed to heal. In South Korea japanophobia – in the form of memory of the colonial period – is not merely considered politically correct, but indeed is a part of the state policy. Interpretation of the past events is another stumbling block in Sino-Japanese relations which cannot be compared to those between Japan and South Korea. Just as in both Korean states, the People’s Republic of China has made japanophobia an official tenet of its ideology. Despite apologies, compensations and compliance with the double standard, the position of Japan unwilling to silently agree with all the blames continuously put on it meets incessant criticism. Time and again, “Nanking Massacre” called “forgotten Holocaust” is in the spotlight, and this has not only ideological character but also a pragmatic significance due to the issues and realities of current politics.

“Games with the past”, occupying a significant place in the rhetoric of the current Prime Minister Shinzo Abe and the members of his cabinet, reflect not only the social and political impact of the national history for those politicians, and serve not only their tactical goals, such as preparing the fellow compatriots for a new interpretation of the country’s Constitution, and

possibly amending a number of its provisions. The Japanese society is too serious about these matters to allow them to be cynically manipulated by propaganda following some short-term benefits. At the same time it admits the significance of the past and its unavoidable presence in the current politics. It is wrong to explain the current situation using only historical factors, but it would be equally wrong to ignore them outright.

Throughout the history of humanity religion proved one of the staple elements of the society. **Chapter Three, *The Religious Situation in Japan – Constant Basics and Transient Change***, displays a rich and various religious landscape of the modern Japanese society. It comprises not only all confessions but also the representatives of different sects, including those banned elsewhere, acting in full harmony in Japan. The panorama of the religious life in Japan offers a picture of pluralism and tolerance of her citizens.

Japan's population is about 130 million people, while the number of adherents of various religions is about 197 million (many Japanese consider themselves to be both Shintoists and Buddhists). For the last 30 years the number of believers – or at least those stating themselves to be such – has been steadily declining. The specific feature of the religious situation in Japan is a certain syncretism, a plurality of beliefs, and a merger between religion as a family business and a private matter. This obviously has to do with the specific historical formation of religious mind of the Japanese, whose attitude to religion as a moral value is controversial. At present, according to the public opinion polls the share of active believers, churched people of various confessions is a bit more than a third part of the entire population.

Japan never had a unified religious structure subordinating and controlling the whole human life. Family and home were the centre of the religious life. The co-existence of different religions in Japan is traceable back to ancient times and can be expressed by the saying that “Buddhism is the branches of the tree of Shinto, and the Confucianism is the leaves on those branches”. This formula offers a clue for comprehension of the ways in which the religious mind of the Japanese was formed.

The base of it is Shinto (or the Way of the Gods) which can be defined as a national form of perception of environment by the Japanese. A particularly strong element of it is the ancestor worship reflecting the hierarchical structure of the real society, an irrational but socially powerful side. Shinto has no strict conventions or dogmas, no founders or prophets. This made it open for perception of Buddhism as well as Confucian and Taoist moral and ethic norms, and later of Christianity. Buddhism did not appear entirely foreign to the population of Japan because even while involving people it did not demand them to give up their previous beliefs. The two religions divided hu-

man lifecycle: birth and the whole life follow Shintoist rules, but the funeral and commemoration rites are according Buddhist rules. There were no religious wars fought for Buddhism to become firmly entrenched in Japan, which resulted in formation of Shinto-Buddhist syncretism.

During the period from the conservative revolution of *Meiji-ishin* (1868) up to the end of the second World War in 1945 the ruling elite used religion in the form of state Shinto (*kokka shinto*) for political purposes, transforming it into a tool for the state power. Apart from constituting a negative experience as such, it influenced the status of the state religion in the postwar period and contributed in many ways to the occurrence of “the Yasukuni Shrine issue”, which has now become an acute political and diplomatic headache for the government.

After the war Shinto parted with the state and cleared of the militarist and ultranationalist rhetoric, came to be seen as a traditional religious practice that had been there since the beginning of Japan’s history and was closely related to the people’s life. The relations between the religion and the state were specified in the relevant articles of the 1947 Constitution. The collapse of the “truly Japanese” moral values triggered an active role of the “new religions”, mainly in the Buddhist vein, that could adapt their dogmatic theology to the changes in social and economic conditions. Roughly a quarter of believers in Japan are adepts of these new religions. Their thrust and even aggressiveness keep attracting numerous followers. Rather than the power of the priests, the new religions put the emphasis on the broad masses of common believers. Thus, the basic elements in the form of two basic religions are still of enormous importance for the religious life in Japan but they are also increasingly affected by the modern age.

Chapter Four, *Attachments of a Japanese Voyager*, bears a name that may seem unexpected, but in fact it is directly connected with the contents of the two preceding chapters. Journey as an element of Japanese culture has been its constant for thousands of years. Indeed, the Japanese have travelled across their home country since ancient times, moving from their everyday environment into a different space preserving historical memory. By travelling a person could get a chance to know and perceive the diversity of natural and cultural landscape. And “alien” space was interpreted as “one’s own”, which fostered a sense of involvement in a common history. Moving in the geographical space, the Japanese interpreted it in moral and religious sense, which sustained a full spiritual life.

In the old times any voyage was bound to come down to pilgrimage. And it was important not just to contemplate natural and man-made beauty, but also to immerse in the atmosphere of the times past. By travelling the Japanese came closer to the origins of their culture, became acquainted with the way of life and local products. Quite often travel notes came out of journeys. Iso-

lated from the rest of the world for more than 200 years, the Japanese were made to travel across their native country and appreciate its beauty. This practice is in place to this day, and it became both habitual and traditional.

Today people follow the same roads and paths as in the distant past, attempting to understand the logic of behaviour and perception of cultural artefacts by their predecessors. Modern Japan has a broad base for pilgrimage and a great number of those who enjoy this type of journey. The difference between the classical pilgrimage and religious tourism lies in the fact that the latter combines knowledge-oriented excursions to sacred sites and a full set of tourist services. In modern Japan tourism as a mass type of journeys is strongly connected with commercial and spiritual activity. As a nation-wide activity it has an active support of the state – sometimes it would seem indeed that the whole of the country is on the move.

Chapter Five, *Classics and Contemporaries*, has a clarification in the subtitle – *An insider's notes on the fate of classical heritage in the modern Japan*, as the author, being a professor of Japanese literature and comparative culture studies of Akita International University, analyzes the problem using the method of participant observation. The object of analysis is the fate of the classical literary heritage in the modern Japan. The author states that if the general trend does not change it will not take longer than 15 or 20 years before the classical literature becomes completely outdated and remains no more than museum pieces. What are the grounds for such an assumption?

There is no doubt that Japan is just penetrated with culture. The country is full of memorial museums of writers and poets. Classical poems engraved in stone steles have been a feature of the cultural landscape since as early as Middle Ages. Those steles were erected in the places related to the biography of poets and their journeys. With 100 percent literacy rate and remarkably developed municipal system of cultural service, the treasures of Japanese literature are available for everyone. The state implemented a number of grandiose projects to protect and study national literature. The Inter-university research institute possessing huge funds of ancient and medieval manuscripts, pieces of calligraphy and drawings was founded to study Japanese literature. Another large-scale centre was established on the basis of the House of the contemporary Japanese literature, where personal archives of modern and contemporary writers are kept. The International centre for Japanese literature studies was founded in 1980.

However, in spite of the high level of preservation of the cultural heritage and concern of the state to revitalize it, Japanese society nowadays suffers from a drastic decline in cultural level among the broad public. The level of education that used to be called classic and indeed was worth that name has now dropped to a critical point, lowering the public interest in the

heritage of the past. One of the main reasons is the transition to a practicality-oriented American system of education after the war. School curricula no longer include the Chinese language (even though for centuries the Japanese culture was in fact bilingual), national history, ethics and other humanities.

The Japanese literature is no longer on the list of the priorities at school and refers to complementary subjects included into multi-year course of the national language (*kokugo*) thus becoming a heavy unnecessary burden. As such it is steadily perceived as a burden among other disciplines. This situation is due to the particularities of the language. In any country of an “alphabetic culture” a pupil is able to read and write by the end of the first year at school, while in a Japanese school it is only by the ninth grade when a sufficient level of literacy is reached after a required minimum number of characters are mastered. Most pupils have to deal with radically adapted and heavily illustrated national language textbooks which rather resemble manga. Even after creation of a modern textbook on classical Japanese literature for higher school (written in the *kobun*), the denunciation of classics continues due to the difficulty of the archaic text, lack of time with a pupil, and little encouragement for studying the classics on the part of the teachers who are not well-read enough themselves. Moreover, in its cultural policy abroad the government has adopted a course aimed not at propaganda of the rich cultural heritage of the nation, but at promoting a new image of “Cool Japan”. Nevertheless, classical Japanese literature still continues to occupy a certain place in the contemporary society.

The highly developed industrial society of Japan was formed while retaining sophisticated logographic writing system, and apparently the Japanese are not going to refuse it. The name of **Chapter Six, *The Japanese Language: Constants and Variables***, is an evidence that changes take place in a wide range of fields – phonetics, vocabulary, grammar and even writing. Most often it would take an external impact, a strong influence of a foreign culture to promote changes in a language. This is exactly what happened with the arrival of the Chinese culture to Japan in the 5th century, which largely determined the formation of Japanese writing system and Japanese language as a whole. Then at the crucial point in the history related to the *Meiji ishin*, the language was put under an enormous influence of the West. After the defeat in World War II during occupation period English stampeded onto the Japanese archipelago. This resulted in drastic changes, primarily in the vocabulary. Globalization and informatization also affected the language situation.

This chapter uses a broad range of little-known data to show the most recent trends in the Japanese language. While examining some concrete examples of deviations from the norm, the author tries to understand which of them may become the new norm of usage and which of them are no more

than an attempt to follow the fashion. The analysis of the language situation has shown that there is a certain base in a language where a few sub-systems may vary without breaking the base. For instance, there are rules for borrowing foreign words into the vocabulary. The Japanese tend to shorten such words, adapting them to the length of a Japanese word which is two to three syllables, and alter the pronunciation so that English speakers no longer recognize them.

The Japanese mostly are passive in their linguistic behaviour; they are inclined to understatement, omitting, vague and ambiguous expressions, using language to express social hierarchy and difference of age. Such linguistic attitude is largely different from that of the European culture due to the special mentality, interpersonal relations, and centuries-old traditions of lifestyle.

Chapter Seven, Formation of “Artistic Culture” Concept in Japan reveals some surprising facts related to those notions which form the concept of artistic culture, including art as such subdivided into types and genres, motivation for creativity, attitude to artistic values, comprehension of artistic criteria, and the means and the places for preserving works of art. For instance, up to the middle of the 19th century the Japanese had no the notion of art as such, they had no art collections, museums, and even later the status of the museums was quite distant from an art museum.

With the Japanese, a perception of themselves as part of the creation, all elements of which are universally interrelated, made them to consider material objects as a link between humans and Nature, or between humans themselves, a link lifting time and space restrictions. This explains the wish to keep up the natural order of things and not to deprive an object, no matter how precious it may be, of its context. Therefore there was no desire to acquire collections, where an object of art, becoming a mere exhibit, loses its function in the system.

Unlike the Western European tradition, the Japanese never knew the division between arts and crafts, both falling under the scope of *gigei*. Later, though, this notion was divided into what could be referred to fine arts, or *bijutsu*, and *ko:gei*, handmade objects of artistic value meant for practical purposes. The distinctive feature of *bijutsu* was the non-utilitarian character of an object, impossibility to use it in everyday life. Later a notion of *bijutsu ko:gei* (artistic handicrafts) was formed, followed by *futsu: ko:gei* (common handicrafts), and finally *sangyo: ko:gei* (industrial handicrafts) serving the industry. Thus, step by step, after *Meiji ishin*, with the creation of new institutions, including museums, exhibitions, art schools, and also with articles appearing in the press dedicated to the analysis of works of art of different types and genres from the point of view of their artistic value, the words *bijutsu* and *ko:gei* filled with new content became firmly rooted in the minds of the Japanese.

The history of creation of the museums in Japan is quite special. Unlike Europe that first saw the establishment of art museums and only later educational museums, in Japan this order was reversed. Educational museums fulfilling educational functions came first, and art museums only half a century later. The fact that museums containing pieces of Japanese art did not have the status of an art museum is probably an evidence that during the first half of the 20th century the Japanese did not recognize their own works of art as such, because the motivation and the purpose of creating them was completely different. As exhibits they depicted the time, social environment, etc. as well as the degree of skill of their creator, thus representing a cognitive interest rather than an aesthetic enjoyment, which traditionally was not inherently valued for the Japanese.

In modern Japan mass culture has become another unavoidable reality causing irreversible changes in the national character of the Japanese, especially among the young. This is the topic of **Chapter Eight, *The Influence of Mass Culture on System of Values of the Japanese Youth***. There has been a lot of talk today about the crisis of the young generation in Japan. It is called “troubled” and even “lost”. This is explained mainly by fundamental social and socio-cultural transformations during the recent decades. The Japanese no longer place common interests of the group above their personal interests, while individuality and self-expression have become their creed. The changes, therefore, are everywhere: attitude to life and work, personal and family relations, etc.

Unlike their fathers and grandfathers, the sons and the grandchildren of the Japanese today strive to work less, if possible, and lead more exciting life. For the majority of them the most important thing is independence from the society and availability of free time for realizations of their own talents and hobbies. This attitude is something new and unusual to the national mentality. This causes an open public rejection of so-called *otaku* – *manga*, *anime* and computer game fans. In the eyes of the older generation they appear asocial, perverse and selfish young people, who are chained to the comics and *anime*-reality and feel no need in human communication or social activity. In fact, for a significant part of the Japanese youth mass culture and virtual reality is a closed space, where one can escape due to rejection of reality and the system of moral and spiritual values of their ancestors.

Japanese sociologists, who overview and analyze these phenomena in the modern young people, so far atypical for the Japanese and almost unknown among the older generation, describe them as a formation of a new type of humanity, *shinjinrui*. According to their forecasts, these people will represent the nation in the 21st century. Typically, *shinjinrui* are increasingly led by individual priorities. They are combined with such new values for the Japanese as respect for freedom, equal rights and individuality of other peo-

ple, indifference for group values. They do not have close friends, while previous close social contacts are substituted by communication in (subcultural) communities, short-lived or spontaneously made-up. The young people participating in these communities remain basically isolated from each other, and the isolation is unavoidable and voluntary in its own way. The psychosocial space formed under these conditions is filled with mass culture, mass media and above all the Internet, which shapes the structure of thinking and emotions of the young people.

A certain, even if not so numerous, part of the youth are already associating themselves with this new type of the Japanese showing rejection of many aspects of the modern society and fulfilling their spiritual, aesthetical and other demands in the mass culture. Although it may be too early to spread these observations to the entire young generation of Japan, this phenomenon clearly marked in the society and culture of Japan offers a new glance into its culture and the very nature of its society.

Family has been a lasting value for the Japanese, no matter how many changes it underwent throughout the centuries. This important element of the society is in the focus of **Chapter Nine, *Traditional and New Things in the Japanese Family***. In the 20th century the Japanese family underwent the most radical changes after the end of the World War II, along with the democratic reforms and acceleration of the country's modernization, started as early as after *Meiji ishin*.

The new legislation recognized nuclear family as the principal unit of the society and proclaimed equality of all people before the law. Women were granted the right to elect and be elected, pursue business activities, go into higher education and earn equal salary with men for identical labour. It seemed the dependent status of woman in a big family of *ie* had to become a thing of the past. But many provisions of the new law remained unimplemented in practice, and the problem of gender equality remains acute.

With the influence of the new law amendments and other social and economic factors the most enormous changes occurred in the family structure. It became smaller in size, the share of households where members of three generations dwell together is constantly declining, while single families have increased in number and their share keeps on increasing. The appearance of smaller families with few children is due to the fact that objectively having many children is no longer a necessity, and the young people do not want to burden themselves with a family too early. Now they marry later and even after marrying they are in no hurry to have children.

The prevalence of small families, the desire to live separately from parents and grown children, and a taste for privacy do not mean that the Japanese no longer perceive family as a lasting value. It is only a challenge to certain aspects of pre-war ideology and patriarchal family traditions which

ceased fitting modern lifestyle. A feeling of being spiritually close, traditions of mutual help, family ties are still there. Of course, modern life conditions adjust the relations between family members; their roles in the family are modified, too. This happens gradually, as the traditions are still quite strong.

An important factor of the family transformation is the rise of the women, who do not just play an important role inside the family but also become more active in the society which, in turn, enhances their authority in their families. The man is still legally considered the centre of the family, and he is one who secures its main income. Even now more than a half of the Japanese men insist that the wife must “belong to the home”, her opinion is unimportant and violence towards her is permitted. But the aura of the man as a superior being, which was the state of affairs under the system of *ie*, has much faded. It is the woman who controls family budget and makes all important decisions, ranging from purchases (including real estate) to raising and education of the children. One could say that linkage between mother and child is becoming central in the family. Nevertheless, the social status of the Japanese women is still quite low, even though their level of education is very high. Widely employed as teachers, doctors, lawyers, researchers, they are in minority among managers, civil servants and politicians. No wonder that Japan’s place in the global rating of gender equality level is as low as 101.

Given the current demographic situation in Japan, women’s labour outside home could greatly compensate the shortage of workforce, raise consumption, and improve the situation with the care of children and retired persons. It has been already widely acknowledged that gender inequality, keeping an energetic and dynamic part of the society away from leading positions has negative influence on the economic development of the country. How to alter the situation, to create more comfortable conditions for women with children has become a matter of concern for the government, which has been repeatedly mentioned by the Prime Minister Shinzo Abe for the past year.

Historically the Japanese have always been particularly zealous in restoring the country after natural disasters. The tragedy of March 11, 2011, which combined natural disasters (powerful earthquake and tsunami) and an awful technological disaster – the Fukushima Daiichi nuclear disaster and therefore called “The Great Eastern Japan Earthquake” went far beyond national borders. Although the disaster directly affected only a part of Japanese territory, that is, the region of Tohoku, its impact went across the whole country. **Chapter Ten, *Japanese Family after the Great Earthquake of March 11: Values and Priorities*** shows how changed attitude of the Japa-

nese to the life and family based on opinion polls, analysis of the recent trends in the society and media.

Family was not accidental as an object of the research, as it was and still is a lasting value for the Japanese. After the events of March 11 their attitude to their own families underwent a remarkable change. People have become more attentive to each other communicating more with each other and taking more interest in each other's lives. By analyzing the 25-year history of three aspects of family life, namely relations with the children, between spouses and with the parents of the spouse the author arrives at the conclusion that a serious change occurred in those relations after the tragedy of March 11. The society that had experienced a strong individualization is now again turning to the family values. In the recent three years family and children have developed a new meaning, close to the one they had after the World War II, when people hoped to reach sense of peace and tranquillity nowhere else but in the family.

The content of **Chapter Eleven, *The Fates of the Life-long Employment System: Social Aspects***, is directly related to the everyday life of many Japanese. The system of life-long employment began to form in the early postwar decades and finally took root in the 1970s to 1980s. It became so widespread because it was based on using many elements of national culture and national psychology. Its use was broadest in the big private companies and state institutions, though some other entities including small enterprises strived to adopt it in order to raise the working motivation of their personnel. It is worth noting that within the period from the 1950s to the 1980s the privileges of life-long employment applied to men only.

The system having spread so widely, and its principles meeting the peculiarities of national mentality resulted in the fact that it has become more than just a model for labour management, but a basis on which lifestyle and system of values of several post-war generations was formed. In particular it contributed to a higher prestige of education, strengthening of the dominance of men in the society and gender-based division of roles in the family, and formation of the idea of a *sarariman* career as a model of success in life. The economic efficiency of the life-long employment system is based upon, firstly, the constant renewal of the workforce through an inflow of youth onto the labour market and, secondly, relatively high growth rates in production. The first condition was needed to avoid ageing of the workforce and to downsize cost of labour, while the second was crucial to ensure an annual rise in the wages. However, starting from the early 1990s Japanese economy and society were exposed to changes, which greatly undermined the basis of its efficiency, namely the rate of economic growth went down, and a rapid ageing of the workforce set in.

In general, life-long employment system held out through the hardship in the 1990s and 2000s. Japanese enterprises took various steps to preserve the guarantees of long-term employment, career growth and rising wages for the core personnel. The most obvious effect of these measures was the progressing polarization of the Japanese youth, its division into two parts very different in the ways of life, income level, social status, and their ideas of the future. In Japan the regular employees get a salary roughly twice of those who work under conditions of casual employment, so that income polarization depending on the type of employment counts among the principal features of the situation with the Japanese youth. Still more important is status polarization, as casual employment in Japan, particularly among the young people, is still taken as a deviation from the norm, from generally accepted way of life. Of course, not all casually employed young people deeply suffer from their “defective” status, yet the increasing number of those who are outside the regular employment, whatever the differences in the motives, education levels, lifestyle, ambitions and aspirations, shows deepening contradictions between the system of values formed in the Japanese society under the influence of the ideology of life-long employment, and the interests and needs of modern youth.

The system of life-long employment and the changes occurring therein tend to directly affect the position of the Japanese women. Despite the changes in the society, quite many Japanese women still, voluntarily or involuntarily, choose a way of life imposed on them by the life-long employment system, that is, casual employment, leaving job after giving birth, dedicating themselves to the housework and upbringing of the children, financial dependence on the husband. Needless to say, there is another group of women in Japan – those who attempt to adapt for harsh conditions of the life-long employment, resist socially accepted stereotypes and implement their knowledge and skills in a professional career.

Chapter Twelve, *Regional Policy of Japan: from Colonization of Hokkaido to “Japan of Regions”* reveals the interweaving and cross-support of traditions and innovations in the area of regional economic policy, which is deeply rooted in history. Traditional elements of the regional policy and system of centre-regions relations remain in the form of separate principles and elements. Among the tradition-based foundations of the regional economic policy is the paternalistic model of relations between the subjects of such policy (governmental bodies, local authorities, private enterprises) with a rather strict regulation by the state and a high level of centralization in decision-making.

The 1990s, the 2000s and the beginning of the 2010s were a period of deep qualitative transformations for the Japanese economy and society. No wonder the concept of regional development in a broad sense, including development of regions, relations between central government and regions,

formation of the national landscape and urban planning, significantly changed. Adoption of the new National Spatial Planning Act in 2005 and new National Spatial Strategy in 2008 is an evidence of the radical character of that change. The creators of the Strategy consider a steep growth of the economies in East Asia, faster-than-expected decline of Japan's population, changes in people lifestyle, mainly due to spreading of the Internet and mobile phones, to be the main factors for correction of the approaches in regional planning. They also include the changes in the national system of values (increasing importance of such components as stability, security, favourable environmental conditions, attractive landscapes), and more diverse lifestyles.

Internationalization of the internal regional policy means developing active exchange and connections between Japan's regions and East Asia, and independent moves by the prefectures in attracting foreign investment. The progress in technology is beyond all doubt exercising a diverse influence on the regional development and regional policy. The 21st century saw the new stage in the scientific and technical progress and economic development with technopolises being replaced by *scientific and industrial clusters*, in the framework of which the goals of regional and scientific and technological development are not merely interlinked but in fact indivisible. Another large-scale innovation project is a Smart City project, aimed at creating eco-friendly and comfortable living environment in the scope of a city district or a small town. The formation of modern regional strategy and regional policy in Japan proceeds against the background of *decentralization* process, which influenced the local government as well.

One of the five top priorities of the National Spatial Strategy is *regional development, based on the "new public relations"*. This stands for a higher role of local communities and formation of a new type of relations between citizens, non-governmental organizations, private companies and state and municipal bodies. Some of the activities the government intends to delegate to the local residents were traditionally fulfilled within the community in the rural area. But this time the idea is to transfer these traditions into urban environment. The main tradition held by the entire nation – from the top politicians in the capital to the residents of the distant districts of the country – is the readiness to face change while retaining self-identification. Such peculiarities of the regional policy as systematic and evolutionary character, strategy of modest achievements, detailed planning and attentive attitude to details, and exact analysis of the past experience, positive or negative, all are characteristic features of the regional policy, both modern and meant for a span of several decades as judged by the strategy.

It has already been mentioned in Chapter Six that the Japanese do not hesitate to borrow foreign words, adapting them to their own language. Not

so long ago they created another new word – *glocalization* consisting of “globalization” and “localization”. It is discussed in **Chapter Thirteen, *Glocalization: the Way of the Samurai into a Post-Industrial Era***.

This notion describes the situation in present-day Japan when aspirations for a more proactive presence in global economy and world are combined with the export of specific Japanese local models which are very popular abroad. “Globalization” is represented by the multi-national corporations, dependence on the production sites transferred abroad, overseas markets, information business, etc. “Local” is the historical tradition of farming, strict dependence of the Japanese on the climate, laws and principles of living and eating. This is seen even in the Japanese ways of communication, especially in the times of disasters and social turmoil.

When using the term “samurai”, the author is mindful of the role of samurai class in the process of Japan’s westernization, when, as carriers of the traditional culture and values of Japan, the samurai helped the country to keep a balance (frequently pointed out even now) between the foreign and the national, the West and the East, the modern and the archaic. In particular, due to former *bushi*’s participating in the creation of the modern business environment, many provisions of the warrior code were incorporated into the grounding articles of new companies, which enhanced the basically pragmatic ethics of the Japanese with significant elements of honour and self-sacrifice.

Today the Japanese business environment is a motley and uneven structure with the traditional *kaisha*, new entrepreneurship in Cool Japan style, as well as the Japanese agriculture experiencing a renaissance of a sort. Now the *kaisha* is characterized by using more and more Western-style form of functions, which is proved, among other things, by gradually reducing life-long employment system, reduction in the number of workaholics, and business involvement of foreign personnel, though still quite limited. At the same time, there is some substantial change in corporate management. A worrying sign of deterioration of the traditional structure is a serious gap in the continuity of labour traditions and a high level of unemployment among the young. Enterprises’ inclination towards temporary employment pushed the profits down, i.e. saving on well-trained staff a company is not capable of raising profits to the desired level. As a result the dynamic companies of the new generation will probably return to the labour traditions of *kaisha*.

The position of women in Japan offers another striking example of glocalization, a clash between the traditional culture and trends of the developed economy. Womenomics is one of the “arrows” of abenomics policy of the Prime Minister Shinzo Abe. The change in the working status of women (first and foremost this concerns their eligibility for high-ranking administrative positions) will inevitably lead to a fundamental review of the gender

hierarchy. However, so far the preferences of the women themselves are significantly comply with age-old national traditions.

Cool Japan program is another aspect of glocalization that offers a transition of local or even specifically national models to a global level in the process of intercultural communication. Japan is conscious and active in promoting its deeply national activities, originally far from being large-scale and occasionally even underground in nature, in the global markets. It is set on pursuing short-term profit from the activities in this program (clothes and fashion, *monozukuri* and regional goods, food, content, tourism and home) and has well calculated its marketing potential. This program refers to small and medium-scale enterprises that have a significant share of the market. The Japanese attached a new meaning to the adjective “cool” – slightly different from the juvenile jargon, where it basically refers to something funny. There shall be a certain creative component, “creative industry”, which must be helpful in promoting Japan’s renovated image to the foreign markets. In this sense the Japanese *manga*, fashion, cuisine, etc. possess more than just their own creative potential. They are capable of involving representatives of other nations as its volunteer promoters.

In its industrial development Japan has been borrowing Western solutions, but this does not apply to the agricultural field. In the recent decades Small-scale farmers in Japan have been gradually reverting to the values which were always intrinsic for rural Japan, but largely squeezed out by the industrial and post-industrial tendencies in the 20th century. Rethinking of their life philosophy in the 21st century by the Japanese is reflected in the processes initiated by the “ordinary person” in the regions and then proceeding to appeal to the whole nation. Modest way of life, focused on nature and daily serving the people (for instance, growing organic food). This is what lies behind the expression *oritayuku ikikata*. It is made up from the verb “to descend” and the verb “to go/move” and generally conveys the idea of personal modesty, pride humility. It is also a way of life opposed to the values of the consumer society such as rejection of the priority of money and material objects, change in the tempo and quality of life.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЭТОС ЯПОНСКОГО ОБЩЕСТВА

Понятие этоса, как и другие фундаментальные понятия, весьма многозначно и определять его можно различным образом. В древности слово «этос» в переводе с греческого языка обозначало местопребывание. Постепенно понятие этос наполнялось достаточно специфическим смыслом, но все же по большей части служило характеристикой человеческого поведения. В философском смысле слово «этос» восходило к античной философской традиции и обозначало нрав, характер, обычай, образ мыслей. Именно такое понимание его легло в основу возникшей в середине XIX в. науки этологии. Впервые термин этология использовал английский философ и психолог Дж. С. Милль. Он понимал его как науку о формировании не только индивидуального, но и коллективного характера. Постепенно понятие утратило строгие очертания, и словом «этос» стали обозначать стойкую систему нравственных представлений. Например, нравственные представления эпохи реформации, жизненные правила людей того времени стали называть «протестантским этосом». Научный смысл этого понятия обосновал американский социолог Р. Мертон. Он «применил понятие этоса в социологии знания, обозначая набор согласованных норм, некий специальный код, эмоционально воспринимаемый комплекс институционально одобренных и защищаемых правил, предписаний, суждений, преобладающих в «научном братстве»¹.

Тогда же в рамках социологии формируется наука о социальном поведении, которая начинает выполнять функции социальной этологии. В настоящее время в соответствии с новыми научными достижениями все очевиднее становится необходимость расширения рамок социальной этологии как науки о социальном поведении, его общественных законах и закономерностях. В формате социальной этологии этос определяется как когерентная система социальных норм, сформировавшихся в

¹ Демина М. В. Концепция этос науки: Мертон и другие в поисках социальной геометрии норм // Социологический журнал. 2005. № 4. www.Socjournal.ru/article/665

рамках данной культуры. Американский культурантрополог Бенедикт Рут в своей работе «Модели культуры» показала, что «каждая культура имеет уникальную конфигурацию внутрикультурных элементов, которые объединены одной культурной темой (ёе Бенедикт Рут называла этосом культуры), определяющей не только, каким образом элементы культуры соотносятся друг с другом, но и их содержание. Религия, семейная жизнь, экономика, политические институты все вместе взятые образуют единую неповторимую структуру»².

В конкретной исторически сложившейся культуре обычно развиваются и функционируют несколько этосов. Они, как правило, различаются не только содержанием, но и масштабами (системной мощностью) и могут с полным правом рассматриваться как субкультуры. Под этим термином понимаются локальные, относительно самостоятельные группы ценностей, норм, стереотипов и приемов общения и поведения (например, политических, религиозных, межличностных), которые поддерживают отдельные социальные группы общества. Между этосами складываются определенные связи и взаимоотношения, которые характеризуются известной динамикой.

Другими словами, этос проявляется во всевозможных сферах жизнедеятельности человека: «в системах распределения собственности, в структурах социальной иерархии, в материальных вещах и технологиях их производства, во всех разновидностях половых взаимоотношений, в формировании союзов и кланов внутри общества, в способах экономических обменов и т. д.»³.

При этом из различных вариаций систем, отношений, способов действия, форм общественных институций в каждой культуре присутствуют только те, которые соответствуют этосу этой культуры. По мнению Р. Бенедикт, каждая культура реализует социальные модели, которые соответствуют ее этосу, и оставляет мало пространства для иных типов тех же институций. В упомянутой книге она рассматривает культуру Японии с культурно-релятивистских позиций как иерархическую по своей сути, что предполагает знание каждым членом общества своего места в нем и своей роли.

Современное понятие этоса, по определению польского социолога М. Оссовской, «это – стиль жизни какой-либо общественной группы, ориентация ее культуры, принятая в ней иерархия ценностей; в этом смысле этос выходит за пределы морали». Согласно Е. Анчел (румынский социолог – авт.), этос, в отличие от морали, концентрирует в себе такие нравственные начала, которые не проявляются в повседневной

² [http:// etnopsychology. narod.ru/study/history/benedict.htm](http://etnopsychology.narod.ru/study/history/benedict.htm)

³ Там же.

жизни, свидетельствуя о неистребимой человеческой потребности в признании нравственного порядка в мире, даже если он плохо согласуется с житейским опытом людей»⁴.

Как замечает философ А. И. Неклесса, «Этос – категория различения и целеполагания. Это – внутренне согласованный реестр («этический консенсус») ценностей бытия и норм поведения в мире, основанный на признании, каталогизировании утверждений определенной иерархии смыслов. В своем пределе это, следовательно, проблема смысла и цели, то-есть – мировоззрения»⁵.

При всем различном толковании понятия «этос» оно не может быть сведено лишь к нравам, характеру, а представляет по своей сути некие устойчивые морально-этические доминанты, которые инвариантны для определенного типа общества. Этос отражает сферу духовно-ценностного и социокультурного пространства, в котором соединяются местопребывание человека (среда обитания), характер, привычки, моральные устои, ментальность (мировоззрение), профессиональная деятельность. Все это свидетельствует о предметной уникальности понятия «этос». Можно согласиться с мнением академика А. А. Гусейнова, что этос – это совокупность норм и ценностей, регулирующих деятельность людей в данном социуме. Под этим словом можно понимать систему единства нравов, цельность субъекта (личности, народа, общества) на уровне ментальных установок, жизненных образцов, общественных привычек⁶. Исходя из вышесказанного, этосный подход при исследовании формирования японского общества представляется весьма продуктивным.

Этос в значительной степени формирует и структурирует тот или иной этнос. До настоящего времени как у отечественных, так и у зарубежных ученых не сложилось еще единого мнения относительно понятия этнос. На наш взгляд, наиболее оптимальным является определение, данное Л. Гумилевым: «Этнос... – коллектив..., имеющий неповторимую внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения, причем обе составляющие динамичны. Следовательно, этнос – это элементарное явление, не сводимое ни к социологическому, ни к биологическому, ни к географическому явлениям»⁷.

Для понимания сущностных характеристик любого этноса важно понять его архетип, поскольку именно он структурирует понимание

⁴ Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В. – Этика. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 600.

⁵ Неклесса А. И. Этос глобального мира. Русский архипелаг, сетевой проект «Русского мира» // [www/arhipelag.ru](http://www.arhipelag.ru)

⁶ http://www.guseinov.ru/publ/glob_ethos.html

⁷ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1989. С. 56.

мира, себя и других людей. Согласно аналитической психологии Карла Густава Юнга, архетип – это первичные, врожденные структурные элементы «коллективного бессознательного», архаические психические наслоения повторяющихся жизненных ситуаций и переживаний человека. Такие универсальные первообразы и изначальные идеи проявляются как индивидуально, так и в различных мифологических и культурных системах. Они лежат в основе творчества и способствуют внутреннему единству человеческой культуры, делают возможным взаимосвязь различных эпох и взаимопонимание людей. В архетипах накопился опыт тех ситуаций, в которых бесконечному числу предков современного человека приходилось действовать, что формирует родовой опыт. Отсюда выражения – с молоком матери, память на генном уровне и пр. Архетипические образы всегда сопровождали человека, они являются источником мифологии, религии, искусства. Чаще всего понятие архетип рассматривается как совокупность общих черт, сюжетов, образов, характерных для многих культурно-религиозных и литературных традиций. Именно архетип, а также окружающее пространство помогут понять, что за люди японцы, каков их национальный характер, что повлияло на его формирование.

При характеристике параметров любого общества следует учитывать всю совокупность природных, географических, биологических, социально-экономических, политических и культурных категорий. Каждый этнос существует не только в историческом пространстве, но и находится в определенном конкретном пространстве, окружающей среде, которая включает географическое положение, ландшафт и этническое окружение.

Характер этого пространства накладывает отпечаток на географическое сознание, мироощущение и мировосприятие, другими словами, на этнопсихологический настрой народа, а на более высоком уровне формирует в известной мере и его политическое сознание. Природная среда оказывает чрезвычайно сильное влияние на хозяйственную деятельность общества, его уклад, определяет направление развития. На протяжении многих веков философы, ученые, политики обращали внимание на воздействие этого фактора на все стороны развития общества, что впоследствии получило название географического детерминизма. Пожалуй, первыми, кто обратил внимание на влияние природной среды на социальное существование человека, были – Гиппократ («большой частью формы людей и нравы отражают природу страны»⁸), Аристотель, который характер людей и их способности обосновывал местом их обитания –

⁸ Гиппократ. О воздухах, водах, местностях. Избранные книги. М., 1994. С. 215.

Европа-Азия⁹, а также Полибий («природные свойства всех народов неизбежно складываются в зависимости от климата»¹⁰).

Это были предтечи появления концепции географического детерминизма. Дальнейшее развитие она получила в эпоху просвещения. Еще в XVI в. французский мыслитель Жан Боден считал, что главную роль среди природных факторов играет климат, а также характер местности. Помимо климатических зон он ввел деление на Восток – Запад¹¹. Безусловно, наибольшую известность получила концепция Шарля Луи Монтескье. Вслед за Ж. Боденом и Ж.-Б. Дюбо, которые считали климат, особенно качество воздуха, главной причиной, определяющей дух и склонность народов¹², Монтескье относил климат той или иной страны, а также рельеф местности и качество почв¹³ к числу важнейших сил, которые определяют характер общественного строя.

Действительно, географическое положение (суша – море, остров – континент) напрямую соотносится со спецификой каждого этноса. Из всех составляющих географической среды с его возникновением и существованием наиболее тесно связан ландшафт. Он фактически является неотъемлемой частью этнической системы, и каждый этнос адаптируется к природному окружению. Но, приспосабливаясь к ландшафту, человек одновременно использует его для своих потребностей. Он творчески подходит к изменению окружающей среды, создавая уже антропогенный ландшафт (архитектура городов, поселений, плотины, дамбы, дороги и пр.), который в значительной мере зависит от характера деятельности каждого этноса.

Вышеназванные историки и мыслители были предшественниками создателей современной геополитики, которые дальше развили эти положения. В частности, немецкий географ Карл Риттер поделил географическую среду на континентальную и водную. Он также пытался доказать определяющее влияние природы на судьбы народов, что способствовало появлению геополитики. Всемирно известный путешественник А. Гумбольдт признавал чрезвычайно важным «постижение природы как целого и сбор свидетельств о взаимодействии природных сил». Английский историк и философ Г. Бокль пытался установить законы для исторических событий в зависимости от физических условий (почвы, климата, пищи и пр.). Гумбольдт и Бокль связывали природное окружение со стереотипом мышления и моральными ценностями. Другими словами, они подходили к проблеме влияния географической среды на

⁹ Аристотель. Политика. Соч. в 4-х томах. Т.4. М., 1983. С. 601.

¹⁰ Полибий. Всеобщая история. Т.1. СПб., 1994, С. 601.

¹¹ Боден Жан. Метод легкого познания истории. М., 2000.

¹² Дюбо Ж.-Б. Критические размышления о поэзии и живописи. М., 1976. С. 391.

¹³ Монтескье Ш. О духе законов. Избранные произведения. М., 1955. С. 366.

формирование менталитета, который представляет собой общий склад мышления, особенности сознания, умонстроений, психологические и нравственные предрасположенности какой-либо общности. Менталитет, таким образом, означает устойчивый способ мировосприятия, объединяющий рациональные, эмоциональные, ценностные и другие воззрения, нормы и стереотипы различных народов.

Менталитет японцев, в отличие от народа другой классической островной страны – Англии, можно скорее определить как континентальный (впервые эту мысль высказал один из основоположников геополитики К. Хаусхофер). Действительно, несмотря на островное положение и небольшую территорию, Япония на протяжении веков, ощущала себя как теллуократическое, т. е. континентальное государство. 250-летняя самоизоляция страны, которая не была столь абсолютной, как считалось до недавнего времени, и которой так много уделяют внимания, говоря о своеобразии исторического пути страны, была необходимым тактическим ходом, обеспечившим национальную независимость. В то же время Англия не мыслила себя иначе как таллсократическая, т. е. великая морская держава. Хотя ни тот, ни другой случай нельзя абсолютизировать. Вполне можно согласиться с мнением российского исследователя М. В. Воробьева о том, что привязанность к континенту «имела для Японии большее значение, чем изоляция, столь часто отмечаемая»¹⁴.

В развитии японской цивилизации в целом и общества, в частности, с древних времен можно выявить две основные ее составляющие – собственно японскую и заимствованную китайскую. Но в силу высокой адаптивной способности японцев, т. е. усвоения ими различных элементов других цивилизаций, превращения их в компоненты своих национальных ценностей, в настоящее время непросто разобраться, что в обществе самобытно, а что заимствовано, поскольку все соединилось в единый сплав.

Нередко чисто японское, будучи подчас намного слабее, тем не менее, оказывало серьезное влияние на процесс адаптации. Это было обусловлено тем, что, по справедливому замечанию буддолога О. О. Розенберга, «в национальном элементе скрывалось известное предрасположение, известное характерное мировоззрение, хотя и незаклученное в рамки системы»¹⁵. Интегрируя культуру других народов в свои традиции, японцы тем самым часто сохраняли утерянное у других, что является характерной чертой японского общества. Заимствования органично вписывались в местный контекст, поскольку существовали свои собственные базовые понятия, опирающиеся на национальную религию синто,

¹⁴ Воробьев М. В. Япония в III–VII вв. М., 1980. С. 29.

¹⁵ Розенберг О. О. Труды по буддизму. М., 1991. С. 55.

на пришедший на архипелаг буддизм, уникальное сосуществование двух религий, на групповую систему организации власти и общества.

Определяющим для мироощущения и мировосприятия японцев является автохтонная религия синто – одна из основ японского этоса. Религии и религиозно-философские учения, определяющие в значительной степени направленность действий людей и, по М. Веберу, являющиеся своего рода «вектором их социального поведения», – важнейший элемент характеристики общества. По мнению М. Вебера, религии и морально-этические учения разделяются по их отношению к жизни на три группы: приспособляющиеся к миру – конфуцианство, даосизм, убегающие от мира – буддизм и индуизм и овладевающие миром – иудаизм и христианство. «В каждом из этих способов отношения к миру уже заключен, как в зародыше, соответствующий «образ» и «стиль жизни» людей – этически определенная модификация формы их существования»¹⁶.

Синто состоит из двух культов. Один – культ природы в значительной степени отражает традиционно уважительное отношение японцев к природе. Второй – культ предков отражает иерархическую структура реального общества. «Отношение японской религии к миру как к конечной реальности содержит зерно двух различных направлений веры и поклонения: одно обращено к природе как загадочному источнику всей жизни и щедрому дарителю изобилия; другое – к сонму предков, присутствии которых продолжает ощущаться в этом материальном мире»¹⁷.

В синто нет строгих канонов и догм, нет конкретных основателей и пророков в отличие от любой мировой религии. В этих религиях с выдвиганием на первый план индивидуального начала ритуально-культовая сторона, связанная с групповыми формами существования общества, отходит на второй план. В синто же она остается преобладающей. В целом для него характерен сравнительно низкий теоретический уровень, а в его верованиях нет элемента всеобщности. Своего рода «священным писанием» синто является историко-литературный памятник «Кодзики. Записи о деяниях древних» (VIII в.).

Эта религия принадлежит только японцам, и стать ее адептом иностранец не может. Синто можно скорее рассматривать как форму мировосприятия и миропонимания, ощущения себя в мире и понимания этого мира и своего места в нем. Эта религия, пережившая на протяжении веков многие закономерные, но не принципиальные трансформации, продолжает существовать и сегодня. С полным правом можно сказать, что синто является неизменной духовной константой, воплощающей национальную самобытность японского этноса и государства.

¹⁶ Давыдов Ю. Н. «Картины мира» и типы рациональности // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 762.

¹⁷ Мараини Ф. Япония. Образы и традиции. М., 1980. С. 14.

Приход буддизма в контексте континентальной культуры в VI в. способствовал тому, что заимствование достижений других цивилизаций, при этом имеется в виду совокупность материальных и духовных составляющих (позже это будет названо модернизацией), а также сосуществование кардинальных, можно сказать революционных преобразований, путем реформ стало характерной чертой японской цивилизации. Но при этом на всех этапах развития политическая элита страны проявляла чрезвычайную осторожность и деликатность в отношении заимствований и реформ, демонстрируя свойственные японцам прагматизм и поиск «золотой середины», что соответствует одному из основополагающих принципов мировосприятия японцев – принципу «ва» (понятие гармонии). Буддизм оказался близким к существовавшему социальному порядку и традиционной системе ценностей¹⁸.

Сосуществование двух религий привело к формированию синто-буддийского синкретизма, правда, не на доктринальном уровне, а в сфере ритуала и праздника. В этом можно видеть и проявление присущего японцам прагматизма. Обе религии нуждались друг в друге: буддизму требовалась широкая народная поддержка, а синто «благосклонность» религии, поддерживаемой правящими кругами.

Пришедшее в Японию из Китая одновременно с буддизмом конфуцианство первоначально не представляло собой самостоятельного религиозно-философского мировоззрения, но стало ключевым элементом образования и воспитания. Укрепление позиций конфуцианства, прежде всего в форме чжусианства, в период Токугава (1602–1868), когда оно стало фактически государственной идеологией, было связано с потребностью развитого феодального общества утвердить – в отличие от диктуемого буддизмом иллюзорного восприятия мира – новые взаимоотношения людей, более сложные образцы поведения, нормы и ритуалы.

Конфуцианство исходило из «трех основ», предусматривающих три типа основных взаимоотношений, на которых должны зиждиться устои общественного порядка. Это были отношения государя и подданных, родителей и детей, мужа и жены, когда отцу вменяется в обязанность исполнение долга, матери – проявление заботы, старшему брату – дружеское участие, младшему – послушание, детям – почтительность. Отголоски этой системы норм сильны в японском обществе и по сей день.

Экономическая необходимость, которая лежит в основе рисовой цивилизации, формировала групповое поведение, вызывала самопожертвование и рождала гармонию. На протяжении веков основной ячейкой японского общества была группа. Она всегда рассматривалась как естественная единица. Такая же, как богом данная власть импера-

¹⁸ Morioka Kiomi. Religion in Changing Japanese Society. Tokyo. 1957. P. 7.

тора. Крестьяне одной деревни, например, объединялись в общину, или приписывались к синтоистскому святилищу только потому, что они здесь родились, т. е. по территориальному принципу. Понятие солидарности в современном обществе базируется на аналогичном принципе. Например, она проявляется в рамках одного предприятия, но не с работниками других предприятий одной отрасли.

Любая личность, не соблюдавшая правила поведения в группе, лишалась ее поддержки. Для японца на протяжении веков казалось немыслимым противиться воле группы и оказаться вне ее. Положение человека в группе определялось рангом, который, по мнению социолога Наканэ Тиэ, являлся «социальной нормой, на которой базировалась жизнь японцев»¹⁹. Здесь он играл роль, аналогичную кастам в других восточных обществах. Японцам важнее конституциональная принадлежность, чем социальное происхождение.

В японском обществе, в котором индивидуум не воспринимался как базовый элемент, с присущей его членам боязнью «потери лица», «чувством стыда» сложилось своеобразное восприятие индивидуализма и коллективизма. Индивидуализм смягчается чувством солидарности и стремлением к гармонии, т. е. приобретает характер как бы взаимного индивидуализма, не свободного от традиционных ценностей. Коллективизм же не директивный, а конформистский. Группа подчас выступает как индивидуум в смысле единого целого. При этом личность рассматривается как органичная часть группы. Но в настоящее время в Японии, как и во всех восточноазиатских государствах, ценности индивидуальной автономии все больше ослабляют действия общественных связей. И этот процесс оказывает серьезное влияние на изменение многих параметров современного японского общества.

В самой же Японии благодаря синтоистскому универсальному релятивизму была подготовлена почва для усвоения столь различных явлений. Все они органично вошли в культуру и повседневную жизнь людей. При этом проникновение иноземной культуры не сопровождалось большим числом переселенцев потому что к этому времени уже прекратились основные миграционные потоки и сформировался японский этнос. А те, кто переезжал на острова, поглощались обществом. «С древних времен до наших дней японский социум продолжал оставаться единым, состоящим из одной этнической группы – японцев», – пишет социолог Наканэ Тиэ²⁰. Они объединены общей верой – синто, верой в то, что богиня Аматэрасу является космическим источником их суще-

¹⁹ Наканэ Тиэ. Татэсикай-но нингэн канкэй (Человеческие отношения в вертикальном обществе). Токио, 1967. С. 124.

²⁰ Наканэ Тиэ. Нихондзин то нихон сякай-но токусюсэй ни-цуитэ (Японцы и специфика японского общества). Токио, 1972. С. 2.

ствования. При этом каждый японец может принадлежать к той или иной конфессии.

Этос любого общества – нормы, ценности, идеи, навыки, ритуалы, модели поведения – все, что составляет суть традиции, наиболее полно проявляется в национальном характере народа. Он представляет собой совокупность нравственных, культурных, политических и иных представлений и качеств, свойственных определенному этносу. У любого народа можно выделить общетнические черты на макроуровне и на микроуровне – социальные и бытовые. В первом случае для японцев это – трудолюбие, любовь к природе, обостренное чувство прекрасного, чувство национальной гордости и достоинства, готовность к самопожертвованию, практицизм, стремление к заимствованиям. Во втором случае это – высокий уровень дисциплинированности, уважение к старшим по возрасту и положению, чувство долга по отношению к своей социальной группе, а также вежливость, самоконтроль, аккуратность, чистоплотность, воздержанность, любознательность, скромность, терпение, выносливость.

Далеко не благоприятные природные условия (тайфуны, цунами, землетрясения и пр.) выработали у населения стойкость к перенесению невзгод, коллективизм, взаимопомощь в преодолении стихийных бедствий, оптимизм, мобилизационные способности. Японцам, как известно, в повседневной жизни присущи сдержанность, самоконтроль, умение сохранять спокойствие. Но они отнюдь не равнодушны. «Стоит переступить определенный порог, отметку, температуру, как наступает взрыв, происходит неожиданное превращение нимба спокойного утреннего света в угрожающую корону неистового пламени. Это может случиться во время работы, игры, в спорте, в любви»²¹. Сегодня азартность японцев приносит миллиардные барыши хозяевам игорного бизнеса.

Своего рода религиозное отношение к природе и красоте сделало японцев чрезвычайно эмоциональными, восприимчивыми к новому и приверженными к старому. Отсюда происходит одна из важнейших черт японского характера – традиционализм, который органично сочетается с рационализмом и практицизмом. Японцы убеждены, что смысл жизни состоит в конкретной деятельности, а не в рассуждениях о трансцендентности. Достаточно яркое проявление рационализма и прагматизма в их поведении содействовало даже появлению мнения, что японцам чуждо абстрактное мышление, что они постигают суть вещей не отвлеченно, а только в их конкретной целостности.

Проведя компаративистское исследование сути культур ряда азиатских стран, Наканэ Тиэ пришла к выводу, что в отличие от народов Китая и Индии, чье поведение детерминировано определенными социальны-

²¹ Мараини Ф. Цит.соч. С. 70.

ми принципами и философскими доктринами, японцы, как и народы Юго-Восточной Азии, действуют в соответствии с обстоятельствами. Способность приспосабливаться к любой ситуации (от межличностных контактов в семье до международных дел), гибкость японцев профессор О. Берк определяет как «коллективную субъективность». По его мнению, истоки ее лежат в синто, который отдает приоритет природе, самоочевидному опыту и не выделяет субъект из мира явлений. Он познается интуитивно и эмоционально. Японцы не подчиняют себе окружающий мир, а адаптируются к его изменениям²². В то же время в силу разного рода регламентаций, определяющих жизнь общества, они в отдельных конкретных случаях склонны ожидать строго определенного развития ситуации, и любая неординарность ставит их в тупик.

Здесь скорее можно говорить о сложившейся у японцев особой системы принятия решения – *нэмаваси* (досл. «окапывание корней»), которая предусматривает длительные предварительные согласования и подготовку. Это в ряде чрезвычайных ситуаций, например, во время Великого восточно-японского землетрясения в определенной степени замедляло и затрудняло принятие необходимых экстренных решений.

Под влиянием буддизма в народе укрепилась стойкость по отношению к превратностям судьбы, вселился дух самопожертвования, воспитались самообладание, сдержанность и терпимость. Именно буддийское учение о бренности мира, о циклах рождений и перерождений, о космической судьбе за пределами нашего мира послужило основой такого мироощущения и мировосприятия. Еще в XI в. Камо-но Тёмэй писал, что все в мире преходяще и в то же время непрерывно. События человеческой жизни он уподобляет водам реки. «Они непрерывны; но они – все не те же, прежние воды. По заводям плавающие пузырьки пены... они то исчезнут, то свяжутся вновь... В этом мире живущие люди и их жилища... им подобны... По утрам умирают, по вечерам нарождаются... – порядок такой только и схож, что с пеной воды»²³.

Таким образом, понятие времени децентрировано и многозначно. Такой же подход у японцев и к понятию пространства, что нашло отражение в неупорядоченном градостроительстве и асимметрии в архитектуре. Буддизм дает также возможность понять японскую философию, литературу, искусство, театр и другие аспекты культуры, в которых наиболее ярко проявляется душа народа.

Конфуцианство послужило основой этических норм, играющих чрезвычайно большую роль в японском обществе. Они базировались на пяти его принципах: гуманности, долге, благонравии, мудрости и искренности, которые изложены в книге «Беседы и суждения» («Луньюй»),

²² Общественные науки за рубежом. Сер. 9. 1988. № 5. С. 155.

²³ Классическая японская проза XI-XIV вв. М., 1988. С. 297.

толкующей учение Конфуция. Конфуцианство принесло с собой в общество уважение к государству и власти, иерархическое, корпоративное сознание, а также черты национального характера, связанные с групповым типом поведения. Они проявляются повсюду – в управлении, в труде, в повседневной семейной жизни. Другими словами, охватывают всю сферу социального поведения.

Принадлежность к группе во многом определяет вектор поведения японцев. Каждый человек на протяжении своей жизни является членом различных групп – семьи, церковной общины, школы, предприятия, партии и неформальных организаций. Существуют различные концепции и критерии определения группы. Наиболее подходящей для системного подхода является динамическая концепция, согласно которой, «индивиды рассматриваются не столько как члены той или иной организации, сколько как активные участники какого-то рода действия»²⁴.

При этом важны не столько структура группы и результат ее деятельности, сколько сам процесс группового действия, которому присущи разделение труда и гибкая координация. Оно ориентировано на поведение людей, которое М. Вебер определил как социальное действие²⁵. В основе групповой системы лежит принцип общности, всеобщего согласия. Японский культуролог Наканиси Сусуму, выступая в Институте востоковедения РАН (1993 г.), так обрисовал этот принцип: «Смысл идей общности заключается в том, чтобы все люди, радуясь одному и тому же, расцветали все вместе, вместо того, чтобы цвести каждому в отдельности».

Для японцев всегда существовали базовые элементы, определяющие стиль их поведения и образ жизни. Каждый член группы усваивал эти элементы – нормы повседневного поведения, этикета, рабочего мастерства, изобразительного искусства, становясь профессионалом, полноправным членом общества. Эту особенность японцев американский японовед Бой де Мент определил как «катаизированность»²⁶, от японского слова «ката», которое переводится как метод, шаблон, форма, тип, образец, а в более широком понимании означает манеру поведения и школу мастерства. Японский ученый Сакаия Таити назвал ее «культурой формы».

Корни этого уходят в глубину японских традиций, и об этом прекрасно сказано в блестящем романе Мурасаки Сикибу «Повесть о Гэндзи» (рубеж X–XI вв.): «Возьмем, к примеру, столярное ремесло. Некоторые мастера охотно делают разные вещицы из дерева, вырезают

²⁴ Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. С. 117.

²⁵ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 625.

²⁶ The Japan Times. 10.09.1990.

как им заблагорассудится, но ведь все это не имеет истинной ценности, так, безделушки, возникшие вследствие мгновенной прихоти вне всяких правил и канонов... Бесспорно, некоторые из них по-своему привлекательны. Но попробуйте их сравнить с вещами по-настоящему прекрасными, изготовленными согласно канонам, с полным пониманием их значения, и сразу поймете, чем отличается рука подлинного мастера... То же и в искусстве каллиграфии. Возьмется за кисть человек, не особенно глубоко проникший в тайны мастерства, и напишет так, что только диву даешься: здесь, там – вытянутые линии, какие-то странные завитки... Другой же, строго следуя истинным законам искусства, на первый взгляд вроде бы ничего замечательного и не создаст, но сравните с предыдущим образцом и без труда поймете, который вышел из-под кисти настоящего мастера»²⁷.

Такое отношение к форме, манере в определенной степени давало возможность европейцам говорить о стандартном подходе японцев к самым разноплановым явлениям, иначе говоря, о стандартности мышления. Наличие всевозможных регламентаций вело к ощущению незначительности своего «я». Отсюда важность окружения, создания пространства (*ма*), включающее в себя объективное и субъективное измерения. Корнями оно уходит в синто, где существует понятие священного пространства, в котором обитают боги. По сей день материальным воплощением этого понятия является ритуал огораживания священной веревкой (*симэнава*) места для обитания *ками* во время национальных праздников.

Отсюда ведет происхождение строгое ранжирование всех ценностей и регламентация поведения личности, установление ритуалов. Это восходит к культуре возделывания риса на затопляемых полях, этикету императорского двора, начертанию иероглифов, канонам чайной церемонии и *икэбана*, национального театра и традиционных ремесел. Почти ничего не оставалось на долю случая или личных склонностей (даже блюда на подносе расставлялись в определенном порядке). Воспитанный в строго фиксированной системе ценностей и отработанных веками стереотипов поведения, искусства и ремесла японец впитывал на подсознательном уровне, что и как необходимо делать в различных обстоятельствах. Например, какие материалы использовать для изготовления того или иного предмета в соответствии с принципами эстетики; как упаковать ту или иную вещь в зависимости от ее предназначения.

При таком формировании личности японское «я» не было автономным, а скорее гетерономным, ибо создавалось под влиянием группы – семьи, квартала, учреждения, предприятия, куда, как уже говорилось,

²⁷ Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи. М., 1991. С. 28–29.

был затруднен доступ чужим. Поэтому в социально-экономической жизни общества всегда была важна роль посредника и посредничества, как формы общения. Заданность поведения в соответствии с обстоятельствами отодвигала личное на второй план и выдвигала на передний край – этикет, не соблюдение которого вело к «потере лица», что было недопустимо с точки зрения социальных норм поведения.

Рассмотренные элементы в большей или меньшей степени проецируются на все стороны жизни современного общества – экономику, политику, социальные отношения, идеологию и культуру. Но, безусловно, время вносит свои коррективы.

Структурные особенности общества не могли не сказаться на поведенческих характеристиках японцев, поскольку стереотип поведения людей формируется в процессе их общения между собой на основе национальных традиций, которые включают правовую и морально-этическую системы. Для японцев всегда было свойственно опираться не на юридические нормы, хотя в повседневной жизни они относятся к законам с величайшим уважением, а на социально-психологические. Это, вне всякого сомнения, связано с их морально-этическими установками, представляющими собой сплав синтоизма, буддизма, конфуцианства и до некоторой степени христианства.

На этой основе сложился своеобразный духовный климат в японском обществе со своим мировоззрением, представлением о личности и взаимоотношениях людей. Неотъемлемым компонентом была и своя эстетическая традиция, проявившаяся в литературе, изобразительном искусстве, архитектуре. Именно в духовной сфере, в культурном комплексе наиболее отчетливо проявляется историческая преемственность.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРОШЛОЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Японцы издревле принадлежат к числу народов, для которых собственное историческое прошлое является не только набором фактов и знаний, не только поводом для интеллектуальной рефлексии, но значимой и постоянно действующей социальной ценностью, одной из важнейших основ и констант их цивилизации и культуры. Это не является уникальной особенностью, присущей только японцам, и нельзя сказать, что японцы обладают этим в превосходной степени по отношению к другим народам. Однако анализируя настоящее Японии и пытаясь прогнозировать ее будущее, необходимо не просто хорошо знать ее прошлое, но постоянно учитывать его влияние на современность, прежде всего через восприятие и историческую память, которую А. М. Пятигорский удачно определил как «направление сознания человека на его прошлое». Не забираясь в глубь эпох, напомним лишь, что именно «направление сознания на прошлое» – пусть в немалой степени реконструированное или даже смоделированное – сыграло ключевую роль в формировании японской национальной идеи, в подготовке и осуществлении консервативной революции *Мэйдзи исин* и последовавших за ней преобразований, в выработке идеологии того периода, когда Япония превращалась в современную державу регионального, а затем мирового значения. Хотя, конечно, сегодня гражданина-избирателя-налогоплательщика больше волнуют повышение налогов, мировые цены на нефть и продовольствие, сокращение государственной поддержки мелкого и среднего бизнеса, а также периодически подбрасываемые через СМИ «страшилки» про КНДР.

Историческая память существует не сама по себе и не в каком-то «химически чистом» виде. Она может быть позитивной и негативной, развиваться естественным путем внутри мыслящей личности или на-

правляться и даже регулироваться внешними факторами. На протяжении всего периода после окончания Второй мировой войны политическая и идеологическая борьба в Японии во многом была «завязана» именно на прошлом страны и народа. Со всей очевидностью это в очередной раз проявилось за последние несколько лет, в том числе после возвращения в декабре 2012 г. на пост премьер-министра лидера право-консервативного крыла Либерально-демократической партии Абэ Синдзо: он известен интересом к истории, приверженностью к ее ревизионистским трактовкам и особым почтением к национальным традициям. Учитывая ситуацию в стране, регионе, да и в мире в целом, к Японии можно применить наблюдение Е. Ю. Зубковой и А. И. Куприянова, сделанное в связи с историей России: «Любое общество в периоды кризисов сталкивается с явлением актуализации прошлого. В такие моменты история страны, народа более всего подвержена соблазну нового прочтения. <...> На первый план выходят скорее конъюнктурные соображения и политические интересы»¹. В Японии, как и во многих странах, национальная история стала одной из важнейших форм национального самосознания и национальной самоидентификации, поэтому проблемы ее толкования и восприятия представляют не только академический, но и практический интерес.

Толкование национальной истории и руководство ее преподаванием были и остаются важным компонентом государственной политики в области идеологии и образования. Общественное мнение реагирует на эту политику, оказывая на нее опосредованное, а порой и непосредственное влияние. Трактовка отечественной истории в национально-ориентированном, а в определенные периоды в откровенно националистическом ключе была присуща официальной японской историографии и педагогике (преподаванию истории в учебных заведениях) от древнейших хроник до 1945 г. Другой важной особенностью этой трактовки было постоянное подчеркивание этического аспекта национальной истории, понимавшейся не просто как сумма знаний, но как средство гражданского и патриотического «морального воспитания». Можно поразному оценивать содержание конкретных учебников и учебных программ по национальной истории, появившихся, в период между *Мэйдзи исин* и Второй мировой войной (не говоря о более ранних), но нельзя не отметить высокой результативности подобной идеологической обработки. С течением времени патриотизм в официальной трактовке национального прошлого нередко превращался в шовинизм и ксенофобию, а на место этических и моральных императивов ставились милитаристские

¹ Зубкова Е., Куприянов А. Возвращение к «русской идее»: кризис идентичности и национальная история // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999. С. 299.

лозунги, но в целом у большинства японцев была воспитана естественная гордость за свою страну и свой народ. Здоровое и мотивированное чувство национальной гордости является одним из условий успешного развития нации и государства, что подтверждается опытом Японии в эпохи Мэйдзи и Тайсё. Однако переход его в шовинизм привел к трагическому итогу.

Поражение Японии во Второй мировой войне и его политические, социальные и духовные последствия открыли новую эру не только в самой национальной истории, но и в ее восприятии. В один момент были сокрушены или поставлены под сомнение все фундаментальные ценности самосознания, воспитания и образования: «небесное» происхождение и сакральный характер императорского дома, вера в «божественную» миссию Японии в мире, в исключительность японского народа и в непобедимость японской армии. Отмена цензуры, амнистия политических заключенных, реформа системы образования, проведенная под жестким контролем оккупационных властей, в корне изменили восприятие собственного прошлого японским обществом. Раньше в нем царил принудительный консенсус, нарушать который было «непатриотично», да и просто опасно. Новые власти не отказались от воздействия на общественное мнение и от манипулирования им, но были вынуждены предоставить свободу слова оппонентам как справа, так и слева. Часть общества охватила эйфория вседозволенности, да и деятели оккупационной администрации были полны оптимизма относительно перспектив «перестройки» национального сознания. Однако ветеран английского японоведения Дж. Сэнсом, посетивший Японию осенью 1945 г., после бесед с ними писал: «Не думаю, что они понимают, насколько глубока и сильна японская интеллектуальная традиция; похоже, они полагают, что дать Японии новую систему образования так же просто, как портному – сшить новый костюм»². Прагматик и реалист, Сэнсом оказался прав.

Дискуссии по проблемам национальной истории и ее трактовки не утихают в Японии все шестьдесят с лишним послевоенных лет, то замирая, то усиливаясь, но неизменно вовлекая в себя ученых, политиков, общественных деятелей, писателей, журналистов и просто неравнодушных граждан. Следует отметить, что при этом государство – в лице чиновников всех уровней – старается занимать позицию «золотой середины» и не вступать в идеологически и эмоционально окрашенные споры. Если социальная, духовная и культурная значимость собственного исторического прошлого для японцев не подлежит сомнению, то степень его актуальности для сегодняшних событий и конкретика его восприятия являются предметом постоянных обсуждений

² Цит. по: Hosoya C. George Sansom – Diplomat and Historian // *European Studies on Japan*. Tenterden, 1979. P. 119.

и споров в стране и за ее пределами. Одни авторы – имя им легион, но преимущественно японофилы – восторгаются силой и глубиной исторической памяти японцев, трепетно относящихся к своим национальным традициям, событиям и памятникам далекого прошлого. Действительно, в отношении сохранения и изучения памятников прошлого (в самом широком смысле слова – от реставрации замков до издания древних хроник) у них многому стоит поучиться, но консервация материальных артефактов и поддержание духовных традиций живыми – не одно и то же. Другие – преимущественно японофобы – объявляют историческую память японцев короткой и избирательной, чтобы не сказать лицемерной, в основном апеллируя к событиям Второй мировой войны и предшествовавшего ей десятилетия. Доля правды есть и в этих утверждениях, но их авторы склонны смешивать идеологию и политику государства и его отдельных институтов, а также игроков на политической арене с исторической памятью индивидуумов, групп и нации в целом.

Отношение современных японцев к своей истории как базовой национальной и социальной ценности характеризуют следующие признаки.

Во-первых, несомненный и искренний, хотя порой неглубокий, интерес к прошлому в масштабах как страны и нации, так и локального общества или семьи. Японцы разного возраста, социального положения и рода занятий охотно читают популярные книги и смотрят фильмы и телепередачи на исторические темы, посещают исторические и краеведческие музеи и выставки, публичные лекции и научные симпозиумы соответствующей тематики, причем делают это в выходные дни и нередко говорят об этом со знакомыми, включая иностранцев (свидетельствую на основании собственного двадцатилетнего опыта).

Во-вторых, преимущественно приватный характер такого интереса, ощущение собственной связи с прошлым, которое в силу этого представляется живым явлением, а не «мертвыми словами седого манускрипта», личным делом, а не предметом государственной политики.

В-третьих, обращенность к материальным памятникам, от письменных до архитектурных, ориентация на физическое сохранение прошлого, в том числе в виде реконструкций. Об этом свидетельствуют не только степень участия Японии как страны в программе ЮНЕСКО «Мировое наследие», но усилия практически любого локального общества и многих семей по сохранению артефактов своей «фамильной» истории, будь то мечи, кимоно, посуда, свитки или фотографии.

В-четвертых, важность и популярность локальной истории, в масштабах города, квартала или деревни, что опять-таки усиливает ощущение личной связи с прошлым не только своей семьи, но и места жительства. Характерным примером этого является распространенная практика централизованной, в масштабах города или района большого города, установки на улицах информационных щитов и табличек со сведения-

ми о прошлом данного места, причем не только около памятников истории, культуры и архитектуры или на местах исторических событий. Эту работу курируют отделы образования мэрии, привлекающие специалистов из числа историков и краеведов. Добавлю, что в последние годы в крупных городах и туристических центрах текст все чаще дублируется на английском языке.

В-пятых, несомненная избирательность исторической памяти японцев в отношении событий XX в. (на примере других эпох это не столь очевидно) в основном диктуется воздействием внешних факторов и вызовов, что более заметно на государственном, а не на частном уровне.

В-шестых, историческая память японцев на частном, не-государственном и не-институциональном уровне не травмирована воздействием гражданских войн или кровавых революций, как во Франции, США или России. Травматические моменты исторической памяти связаны для японцев преимущественно с их внешней экспансией, в которой реально была задействована лишь малая часть населения страны и которая осуществлялась под жестким контролем государства.

Все перечисленные признаки нельзя считать исключительно японскими. Повышенное внимание к собственному прошлому, воспринимаемому как базовая национальная и социальная ценность, присуще очень многим народам, причем как древним и гордящимся этой древностью (евреи, китайцы), так и относительно молодым, а потому изучающим свою историю особенно пристально и детально (американцы, австралийцы). Сочетание интереса к национальной и локальной истории, развитие краеведения и «местной» историографии характерно для многих европейских стран, больших и малых, границы которых на протяжении столетий неоднократно менялись, а государственная принадлежность не всегда определяла индивидуальное и групповое национальное самосознание и национальную самоидентификацию. Собрание, сохранение, изучение и издание исторических документов считается делом государственной важности во многих странах, где это осуществляется как в национальном, так и в региональном масштабе (история не только штатов, земель и департаментов, но и исторических областей, границы которых не совпадают с нынешним территориально-административным делением). Консервация исторических артефактов – от черепков до замков – осуществляется не только в локальном или национальном, но в мировом масштабе, став одним из главных направлений деятельности ЮНЕСКО. В результате пренебрежение охраной памятников истории и культуры принято считать признаком нецивилизованности, а их сознательное уничтожение – варварством, заслуживающим всеобщего осуждения. Японская историческая наука достигла выдающихся успехов в изучении прошлого страны и ее народа, однако до сих пор

ориентирована преимущественно на публикацию и комментирование источников и изложение событий, а не на обобщения и построение оригинальных концепций.

Осмысление и трактовка собственного прошлого зависит как от национальных интеллектуальных и культурных традиций, так и от воздействий извне, в том числе травматических. Человеческая история, хотя бы на протяжении XX в., знала несколько попыток насильственного «вытравления» памяти о прошлом в национальном масштабе (достаточно сослаться на примеры СССР и КНР, особенно в эпоху «культурной революции»), которые в итоге окончились неудачей, хотя и нанесли немалый урон национальному самосознанию, не говоря уже о репутации этих стран. Избирательность исторической памяти присуща всем народам со сколько-нибудь длительной историей. У каждого есть «светлое прошлое», которым можно и нужно гордиться, и «темное прошлое», которого следует стыдиться. Именно в этом наиболее заметно проявляется влияние внешних вызовов – и случай Японии только подтверждает общее правило. Здесь доминирует фактор «победа-поражение».

В истории Британской и Французской колониальных империй не менее «позорных» – по крайней мере, с точки зрения сегодняшней «политкорректности» – страниц, чем в истории Японской колониальной империи. Но об этом «не принято говорить вслух», потому что Япония лишилась колоний в результате поражения во Второй мировой войне. Бывшая в числе победителей Англия и вовремя оказавшаяся на их стороне Франция в послевоенный период тоже лишились своих колониальных владений, но сделали это как бы добровольно. История их колониальной политики остается приглаженной, хотя в ближайшие десятилетия, если не годы, в ее изучении и интерпретации можно ожидать существенных изменений – с учетом таких внутривнутриполитических тенденций в обеих странах, как мультикультурализм и исламизация. В то же время в Японии, а порой и за ее пределами, особенно на Тайване, наблюдается отход от однозначного осуждения «японского колониализма», которое постепенно заменяется объективным изучением «колониальной политики» или «политики развития» с опорой на обширную историко-документальную базу.

Травматическое воздействие преимущественно внешних факторов на историческое сознание и историческую память современных японцев наводит на мысль о возможном сравнении с послевоенной ситуацией в Германии, где безоговорочное осуждение агрессии Третьего Рейха против других стран и народов заметно перевешивает осуждение деяний национал-социалистического режима против собственного народа, за исключением «еврейского вопроса», имевшего как внутривнутриполитический, так и внешнеполитический аспекты. Авторы японофобской ориентации

давно и настойчиво проводят аналогию между нацистской Германией и «милитаристской» Японией, подразумевая под последней режим, сложившийся в 1931–1932 гг. в результате начала активной экспансии в Маньчжурии и краха системы партийных кабинетов. Эта аналогия затрагивает не только события прошлого сами по себе, но и их современное восприятие в обеих странах, как на государственном, так и на частном уровне. Однако японская правящая элита (понимаемая шире, чем нынешний состав правительства или руководства правящей партии), несмотря на «политкорректность», решительно отвергает подобные аналогии, соглашаясь признать за своей страной «военные преступления», но не «геноцид», что является куда более тяжким обвинением со всеми вытекающими из этого последствиями.

В сегодняшней Японии большинство споров, вызванных событиями прошлого и памятью о них, связано с событиями XX в., в которых национальное сознание пытается отыскать «свет» и признает наличие «тени». Послевоенные дискуссии, резонанс от которых распространился далеко за пределы академических кругов и специальных изданий, затронули множество проблем прошлого – от происхождения японской нации до генезиса капитализма в стране – но подлинно национальное значение приобрел, пожалуй, только один круг вопросов: война в Азии и на Тихом океане, ее причины и последствия. Утверждения представителей «культурного национализма» о строгой историчности древних хроник «Кодзики» («Записи о делах древности», 712) или «Нихон сёки» («Анналы Японии», 720), остававшихся каноном официальной историографии до 1945 г., в последнее время звучат все чаще, но за пределами академического истеблишмента. Однако уже никто не повторяет прежних утверждений марксистов о духовной и культурной «отсталости» традиционной Японии. Японцы видят проявление государственной мудрости своих предков и в «закрытии» страны в начале эпохи Токугава, и в ее своевременном, хотя и вынужденном «открытии» два с лишним столетия спустя. Никто не осуждает реформы периода Мэйдзи ни за чрезмерную европеизацию, ни за недостаточность европеизации. Равным образом мало кто сомневается в «справедливости» для Японии войны с Россией в 1904–1905 гг. Только события 1930–1940-х годов остаются предметом страстной и бескомпромиссной полемики, снова приобретшей в последние годы острополитический характер.

По известному определению Г. А. Бордюгова, «каждое поколение пишет свою историю». Однако сейчас мы видим не просто очередное «переписывание» истории в угоду политической конъюнктуре или чьим-то личным интересам, но решение принципиально важных вопросов национального самосознания и национальной самоидентификации: будут японцы гордиться своей историей или стыдиться ее. «Вина»,

«ответственность», «покаяние», «национальная гордость», «национальные интересы», «прошлое ради будущего» – ключевые слова и понятия, которыми оперируют все участники дебатов в национальном и в международном масштабе; каждый трактует их по-своему и склонен считать правым только себя. В обозримом будущем споры вряд ли завершатся, поскольку немалая часть спорящих озабочена поиском не исторической истины, а политических дивидендов. Мыслящему человеку, вовлеченному в идеологические и социальные процессы, надо осознать это и попытаться отделить историю от политики, поиск истины (пусть относительной) от поиска выгоды. Особенно если речь идет о болезненных сюжетах, которых в истории Японии XX в. немало.

Как многие другие народы, японцы издревле высоко ставили воинские доблести, поэтому военные сюжеты занимали важное место в их исторической памяти. Так продолжалось до поражения во Второй мировой войне, после которой победители предложили побежденным навеки забыть о «бранной славе». Полностью искоренить эту память было невозможно – не только из-за почтения к воинским подвигам, но и в силу традиции почитания умерших, в том числе павших на поле боя. Военный аспект сохранился в безобидной, с точки зрения «политкорректности», форме самурайской романтики, воспринимаемой в нынешней Японии как «свое кровное», но никак не связанное с современностью. Значимым исключением остается русско-японская война 1904–1905 гг. – единственная война, которой Япония может гордиться и сегодня. Абсолютное большинство японцев до сих пор уверено, что эта война, во-первых, была вынужденной обороной от экспансии Российской империи на Дальнем Востоке, а во-вторых, была блистательно выиграна Японией из-за материального и, главное, духовного превосходства ее армии и флота. Такой трактовке уже более ста лет: она – современница событий, что подчеркивает ее идеологическое и даже пропагандистское происхождение. Добавим, что война протекала не на территории самих воюющих стран (за исключением Сахалина) и не затронула напрямую их гражданское население, а потому не вызвала взаимного озлобления и ненависти.

Мероприятия по случаю столетия начала и окончания войны в Японии в 2004–2005 гг. (десять лет спустя очередная дата прошла незамеченной) не имели милитаристского или антирусского характера, но были сосредоточены на почитании памяти павших и на подчеркивании важности дружбы с Россией (не забывая, конечно, про «северные территории»). Это не так странно и неожиданно, как может показаться, поскольку «золотой век» двусторонних отношений пришелся на первое послевоенное десятилетие, от Портсмутского мирного договора 1905 г. до русской революции 1917 г. Однако Япония начала боевые действия

против России, с которой была связана рядом договоров и соглашений, внезапной атакой на ее флот еще до официального объявления войны. Американцы до сих пор не могут забыть японцам аналогичного нападения на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г.; японцы русским – вступления СССР в войну против них 9 августа 1945 г., при действующем пакте о нейтралитете, но сами ответственности за такое начало русско-японской войны не чувствуют. Недавняя вспышка интереса в Японии к русско-японской войне обусловлена еще и тем, что события полностью отошли в область прошлого, лишившись политической и социальной актуальности. Живых свидетелей больше нет, память о погибших сохраняется (прежде всего и преимущественно на локальном, частном уровне), но ныне здравствующие их уже не помнят. Россия – по крайней мере, официально – не подчеркивает наличие «счетов с Японией», о которых говорил Сталин в сентябре 1945 г. Постыдных деяний во время этой войны японская армия не совершала, так что каяться не за что. На прилавках магазинов даже появилось памятное пиво «Цусима» с портретом адмирала Того, посвященное, как гласила надпись на банках, русско-японской дружбе. Правда, о виски «Пёрл-Харбор» автор этих строк не слышал...

Русско-японская война – яркий пример столкновения экспансионистских интересов двух держав, межимпериалистического конфликта, в котором лишь профессиональный пропагандист может однозначно указать правых и виноватых. Япония как лидер Азии в борьбе против «белого империализма», конечно, не может появиться в современной официальной идеологии и пропаганде, как это было во время Второй мировой войны. Однако в исторической памяти – групповой, не индивидуальной – немалого количества японцев заложено то, что их страна помогала Сунь Ятсену, Сукарно и Субхас Чандра Босу и что Ба Мо и Хосе Лаурель были не просто «марионетками», но боролись за независимость Индии и Индонезии, Бирмы и Филиппин от колониального владычества. Именно с политикой Японии в Азии в период с 1905 г.: окончание русско-японской войны и как следствие этого де-факто аннексия Кореи и первые территориальные приобретения в Китае – по 1945 г. связано наибольшее количество «болевых точек» в отношениях Токио с соседями, прежде всего с КНР и Республикой Корея (РК), а в последнее время и с Вашингтоном, озабоченным осложнениями между своими союзниками в регионе.

В Японии существует огромное количество литературы о войне в Азии и на Тихом океане, причем оно увеличивается с каждым годом. Многие участники событий написали мемуары; многие из тех, кто не успел это сделать, оставили дневники и письма, нашедшие издателей и читателей. В них немало «суровой правды о войне», много оправданий,

мало апологии и почти нет разоблачений. Разоблачения стали уделом прокоммунистических и леволиберальных писателей и журналистов, далеко не все из которых видели войну своими глазами. Они были больше знакомы с реалиями колониальной политики в Корее и Маньчжурии, осуждение которой заняло значительное место в их произведениях. Именно эта литература активно переводилась на иностранные языки, а в СССР издавались книги только такого содержания («Кухня дьявола» Моримура Сэйити, «Условия человеческого существования» Гомикава Дзюмпэй и др.). Вышедшие большими тиражами, они до сих пор воспринимаются многими читателями в России как надежный исторический источник, особенно при недостаточной доступности более объективной информации – или нежелании ее искать. Судить о Японии довоенных и военных лет *только* по этим книгам все равно, что изучать советский период только по «Архипелагу ГУЛАГ» или коммунистическую идеологию – только по Геббельсу и Розенбергу.

Послевоенное перевоспитание, «переформатирование» национального самосознания и исторической памяти в духе решений Международного военного трибунала для Дальнего Востока (МВТДВ), с одной стороны, и коммунистической и социалистической идеологии, с другой, внушали японцам, что во всем виноваты они сами или, по крайней мере, их правители, но никак не внешние силы. Процессы над «военными преступниками» и их осуждение, включая смертные приговоры, были приняты обществом относительно спокойно, но скорее как закономерная кара по принципу «горе побежденным», нежели как торжество права и справедливости. Сами японцы никого не судили: здесь не было «денацификации», а «чистки» и «люстрации» проводились оккупационными властями или по их прямому указанию. Японцам запрещали гордиться войной, причем не только генералами, но и рядовыми, однако почитание памяти погибших – слишком давняя и живая национальная традиция, чтобы ее можно было директивно уничтожить. Отношение общества к прошлому до сих пор балансирует между этими крайностями. Многовековая традиция почитания павших, отказаться от которой японцы не могут, объявляется не имеющей ничего общего с оправданием милитаризма. Символом этого стала известная, хотя зачастую превратно трактуемая (особенно в СМИ) «проблема Ясукуни», – синтоистского святилища, которое посвящено памяти всех погибших в боях за Японскую империю и в котором, среди прочих, почитаются души «военных преступников», казненных по приговору МВТДВ или умерших в заключении. Визиты японских премьер-министров и других официальных лиц в храм Ясукуни (особенно 15 августа – в день, который в Японии считается днем окончания Второй мировой войны) и даже перспектива такого визита становятся предметом ожесточенной антияпонской кампании в КНР и РК, официальных протестов со стороны внешнеполитических ве-

домств этих стран и сдержанно-осуждающих комментариев американской, а порой и европейской прессы. Не вдаваясь в детали, напомним лишь известную фразу Накасонэ Ясухиро, первого кто в бытность главой правительства придал посещениям храма демонстративно-официальный характер, о том, что он пришел в Ясукуни не к Тодзио – премьер-министру в 1941–1944 гг. и главному «военному преступнику» – а к своему брату, погибшему на войне. Следует отметить, что другие мемориалы, не только светские, но и религиозные, посвященные памяти павших, в том числе филиалы Ясукуни во всех префектурах страны, такой реакции не вызывают и вообще, как правило, не попадают в сферу политической активности и медийного внимания.

Отделенный от государства в 1945 г. храм Ясукуни и существующий при нем негосударственный военный музей Юсюкан («Обитель духов героев») – символ мучительной раздвоенности отношения японцев к своему «темному прошлому». Святилище пользуется популярностью у народа, включая молодежь, – свидетельствую это на основе многолетних личных наблюдений. Однако школьному учителю не придет в голову привести сюда своих учеников – не избежать нареканий со стороны начальства и родителей. В книжной лавке музея продается «апологетическая» литература о войне в Китае и на Тихом океане, зачастую выпущенная крупными издательствами, но ее почти не переводят на иностранные языки. Зато здесь нет разоблачительной литературы, в изобилии представленной на японском и английском языках, включая произведения японских авторов, в крупных книжных магазинах. Двойной стандарт в действии, но все приличия сохранены.

Основными политическими «болевыми точками» прошлого, символом которого для многих является Ясукуни, остаются: аннексия Кореи и сорокалетнее колониальное господство Японии на полуострове включая проблему «женщин комфорта»; экспансия в Китае, с акцентом на «нанкинской резне» 1937 г. (про оккупацию Маньчжурии в 1931 г. и создание годом позже марионеточного государства Маньчжоу-го почемучему-то вспоминают намного реже); территориальная принадлежность островов Сэнкаку / Дяоюйдао и Лиянкур/ Такэсима /Токто. Значительная часть японцев пребывает в убеждении, что, заключив в 1950–1960-е годы мирные договоры с бывшими противниками, установив дипломатические отношения со странами Азии, принеся им извинения и выплатив репарации и компенсации, Токио навсегда закрыл проблему. В нормализации отношений с некоммунистическими странами Азии ведущую роль сыграл Киси Нобусукэ – дед нынешнего премьер-министра Абэ Синдзо, который в 1957–1960 гг. возглавлял японское правительство; в годы войны Киси был членом кабинета Тодзио, после войны находился под арестом как «военный преступник», но был освобожден без суда. Новая волна напоминаний об ответственности Японии за ее

прошлые грехи началась в конце 1980-х годов, высоко поднялась в 1990-е годы и не спадает по сей день. Не помогли даже окончательные извинения, которые принесли в 1995 г. император Акихито и премьер Мураяма Томиити по случаю 50-летия окончания войны, а затем в 2010 г. премьер Наото Кан в связи со 100-летием аннексии Кореи, официально оформленной как «объединение».

Между Токио и Сеулом нет реального политического антагонизма, даже по проблеме островов Лиянкур, в отношении которых японцы не решатся ни на какие активные действия, но есть понимание общих стратегических и тактических интересов в сферах как обороны и безопасности в регионе, так и экономики. На приватном уровне не все японцы видят в РК друга или хотя бы союзника, но едва ли кто-то считает ее врагом и во всяком случае никогда не признается в этом публично. В сегодняшней Японии этнически окрашенные антикорейские высказывания будут восприняты обществом примерно так же, как юдофобские – в Германии. На открытое одобрение аннексии Кореи могут рискнуть лишь ультраправые радикалы, которым в плане репутации нечего терять, ибо для публичной персоны, не говоря о человеке «при должности», такое заявление равносильно политическому самоубийству. Консерваторы не идут дальше напоминаний о вкладе Японии в материальное развитие Корейского полуострова, но и это вызывает недовольство леволиберального мейнстрима. «Наследие мрачных времен» остается незаживающей раной – точнее, раной, которой не дают затянуться. В Республике Корея японофобия – в форме памяти о колониальном прошлом по принципу «не забудем, не простим» – не просто является политически корректной, но входит в канон государственной политики. Поддержанию памяти о «вине» и «зверствах» Японии служат многочисленные мемориалы и «музеи японской оккупации», книги и кинофильмы, научные труды и популярные брошюры. В основном это предназначено для «внутреннего употребления», хотя иностранных туристов не проведут мимо таких мемориалов, а государственные и частные структуры охотно поддерживают изучение иностранцами «японской экспансии» или «антиколониальной борьбы». Такая политика легко объяснима, однако препятствует объективному и всестороннему исследованию колониального периода корейской истории в РК и не способствует этому за рубежом. Табуированными остаются и связанные с ним темы, вроде службы корейцев в колониальной администрации или в японской императорской армии.

Символом восприятия прошлого как социальной ценности и одновременно политической проблемы является история с убийством в 1909 г. в Харбине председателя Тайного совета Японии Ито Хиробуми корейцем Ан Чунгыном. В исторической памяти корейцев (в данном случае подкрепленной многими десятилетиями идеологической обработ-

ки) Ито остался лишь как японский «генерал-резидент» (фактически вице-король) в 1906–1909 гг., при котором был сформирован режим протектората и подготовлена аннексия де-юре, состоявшаяся уже после его гибели. Однако для Японии Ито – один из величайших государственных деятелей и, возможно, крупнейший реформатор эпохи Мэйдзи, в числе прочего четырежды занимавший пост премьер-министра, трижды возглавлявший Тайный совет и руководивший созданием Конституции 1889 г. В Японии ему поставлено много памятников, включая статую в здании парламента, открыты музеи, переиздаются труды и документы, а в 1963–1986 гг. его портрет помещался на банкноте в тысячу иен. Соотечественники закономерно гордятся Ито – для своей эпохи он даже по нынешним «политкорректным» меркам не может считаться «злодеем» – и не могут одобрить его убийство, какие бы мотивы за этим ни стояли.

За пределами Японии (кроме двух корейских государств и, с оговорками, КНР) Ито признан как выдающийся государственный деятель своего времени. Его убийцу называют «националистом», «фанатиком» и «террористом», а некоторые ученые высказывают сомнения в его вменяемости. На родине Ан Чунгын – казненный за совершенное убийство – считается героем и мучеником национально-освободительного движения, примером для подражания (в Сеуле ему поставлен памятник), хотя его поступок вызвал ужесточение японского правления в Корее, включая волну репрессий, и ускорил ее аннексию. События вековой давности приобрели новую актуальность в 2009 г. в связи со столетием убийства (в контексте приближавшегося «юбилея» аннексии Кореи) и в январе 2014 г., когда в одном из помещений вокзала в Харбине был открыт посвященный ему мемориал. Генеральный секретарь кабинета министров Суга Ёсихидэ, выражая официальную точку зрения, назвал Ан Чунгына «преступником». МИД Японии заявил протест не только Сеулу, но и Пекину, поскольку разрешение китайских властей на создание такого мемориала является не просто официальным шагом, но частью нынешней антияпонской кампании, в которой в очередной раз активированы исторические сюжеты.

Объектом официального протеста Токио стало и демонстративное открытие в 2011 г. напротив японского посольства в Сеуле памятника «женщинам комфорта» – корейкам, вынужденным сексуально ублажать японских солдат в борделях при воинских частях; эта болезненная для обеих стран тема на протяжении нескольких десятилетий остается предметом историографических и юридических споров, вызывая политические страсти. Протест оказался безрезультатным, поскольку установка памятника по инициативе частных лиц на принадлежащей им земле не противоречит южнокорейским законам, а «власть употребить» правительство РК не пожелало. Возглавлявший в то время кабинет ми-

нистров Нода Ёсихико сделал несколько резких, по японским понятиям, заявлений о том, что проблема «женщин комфорта» «решена», вызвав недовольство местных «левых» и ожидаемую бурную реакцию на Корейском полуострове. Его преемник Абэ Синдзо вскоре после вступления в должность в конце декабря 2012 г. и вовсе дал понять, что Токио может пересмотреть официальное заявление 1993 г. по данному вопросу, выдержанное в компромиссно-извиняющихся тонах. Ну а слова лидера Партии возрождения Японии Хасимото Тору в мае 2013 г. о том, что японским солдатам «надо было как-то отдыхать после тяжелых боев» и что аналогичные публичные дома имелись при многих армиях мира, закономерно вызвали повсеместное негодование и основательно испортили имидж партии.

События прошлого – точнее, их трактовка – являются одним из камней преткновения в отношениях между Японией и Китаем, которые, несмотря на различные заявления на высоком уровне и саммиты Токио-Сеул-Пекин, не могут сравниться с давними партнерскими, а во многом и союзническими отношениями между Японией и Республикой Корея. Как и в обоих корейских государствах, в КНР японофобия, густо замешанная на памяти о прошлом, входит в официальный идеологический канон, отражаясь в учебниках, научной и популярной литературе, фильмах, памятниках и музейных экспозициях – объектах государственного контроля. Главные темы – борьба китайских патриотов (не только коммунистов, но и Гоминьдана) против японских агрессоров и «зверства» последних, символом которых стала «нанкинская резня». Невозможность примирить позиции сторон по данному вопросу стала главной причиной кризиса в работе японо-китайской комиссии историков, созданной по договоренности глав правительств двух стран (с японской стороны это был никто иной как Абэ Синдзо во время своего первого пребывания на посту премьера), при том что Токио делегировал туда не ревизионистов, а представителей умеренного академического мейнстрима.

Несмотря на извинения, компенсации и соблюдение двойного стандарта, позиция Японии, не желающей безмолвно соглашаться со всеми обвинениями, которые ей продолжают предъявлять, вызывает непрекращающуюся критику. Периодическая актуализация «нанкинской резни», которую многозначительно называют «забытым холокостом», имеет не только идеологический, но и прагматический характер в связи с современными проблемами и реалиями. Многие в Японии понимают это, но мало кто решается сказать вслух. Однако национальное сознание японцев, как ни травмировано оно последствиями поражения в войне, периодически «взбрыкивает», и правящим кругам приходится с этим считаться.

В этой связи следует вернуться к отмеченному выше личному, частному характеру отношения японцев к своему историческому прошлому. Связанные интересами и нуждами глобальной и региональной политики, правящие круги Японии (члены правительства, высшие чиновники, дипломаты) в целом стараются воздерживаться от высказываний и действий, провоцирующих негативную реакцию соседей и осложнение отношений с ними. Администрация США подвергла критике визит премьер-министра Абэ в храм Ясукуни в конце декабря 2013 г. не столько в контексте «возрождения японского милитаризма» и «пересмотра итогов Второй мировой войны», сколько имея в виду негативную реакцию Республики Корея – своего второго ключевого союзника в регионе – и возможные осложнения в треугольнике Вашингтон-Токио-Сеул. В то же время частные лица – ученые, писатели, журналисты, деятели искусства, а также политики и депутаты, не занимающие государственных должностей, – все активнее берут на себя не только пропаганду «светлого прошлого» Японии, но и переоценку ее «темного прошлого». Этой цели служат многочисленные исторические общества и кружки, выпускаемые ими книги и журналы, публичные лекции и симпозиумы на исторические темы, о популярности которых говорилось выше. Ввиду политической и идеологической ангажированности многих участников процесса их деятельность часто лежит вне пределов исторической науки, но является одним из примеров того, что национальная история остается для японцев актуальной социальной ценностью, несмотря на то – или в силу того? – что она продолжает представлять собой актуальную политическую проблему.

«Игры с прошлым», занимающие важное место в риторике премьера Абэ и членов его кабинета (министр образования и науки Симомура Хакубун известен как сторонник ревизионистской трактовки многих исторических событий), отражают не только социальную и политическую важность национальной истории для этих конкретных политиков и служат не только их тактическим целям, вроде подготовки сограждан к новой интерпретации и возможному исправлению ряда положений Конституции. Японское общество, или по крайней мере его «активная фракция», слишком серьезно относится к таким вещам, чтобы позволить циничное пропагандистское манипулирование ими в сиюминутных интересах, но в то же время признает актуальность прошлого и неизбежность его присутствия в сегодняшней политике. Объяснять текущую ситуацию одними историческими факторами неверно, но и игнорировать их нельзя, ибо «прошлое так и не прошло». В который раз цитирую эти слова немецкого историка Э. Нольте – и каждый раз они оказываются уместными.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В ЯПОНИИ: НЕИЗМЕННАЯ ОСНОВА И ПРЕВХОДЯЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Религиозный ландшафт современного японского общества чрезвычайно богат и разнообразен. В него вписаны и действуют в полном согласии не только все конфессии, но и представители самых различных сект, подчас запрещенных в других странах. По всей стране разбросано неисчислимо множество локальных буддийских храмов и синтоистских святилищ, сохранены прекрасно вписавшиеся в природное окружение древние величественные буддийские и синтоистские архитектурные ансамбли, католические, протестантские и православные церкви. О присутствии в стране различных религиозных организаций говорят и многочисленные вывески их представительств на обычных офисных зданиях

Официальная статистика о современном состоянии конфессий

Панорама религиозной жизни в современной Японии, где в полном согласии действуют все конфессии, свидетельствует о ее плюрализме и толерантности населения. Согласно официальной статистике на 2011 г., в стране насчитывается 100,8 млн. последователей (верующие и духовенство) национальной религии синто, 85 млн. последователей буддизма и 1,95 млн. христиан. Численность приверженцев так называемых новых религий, в том числе не зарегистрированных официально, не поддается точному определению. При населении численностью около 130 млн. человек общее число адептов разных религий составляет около 197 млн. человек (многие японцы считают себя одновременно синтоистами и буддистами). На протяжении последних тридцати лет число верующих – или заявляющих себя таковыми – стабильно сокращается: 224 млн. в 1985 г., 216 млн. в 1995 г., 211 млн. в 2005 г. (цифры округлены)¹.

¹ Здесь и далее статистические данные приводятся по: Нихон токэй нэнкан. 2014 нэн (Японский статистический ежегодник. 2014 год). Токио. 2014. <http://www.stat.go.jp/data/nenkan/23.htm>

Официальную статистику в данной области публикует Управление культуры Министерства просвещения и науки: краткую – в «Японском статистическом ежегоднике», выпускаемом Статистическим управлением Министерства по общим делам и коммуникациям, полную – в специализированном «Религиозном ежегоднике». Само управление не занимается подсчетами и лишь пользуется данными, которые поступают в Комиссию по религиозным организациям, входящую в его состав. То есть публикуемые цифры отражают информацию, предоставленную религиозными организациями. Согласно территориальному принципу построения синтоистской общины, все проживающие в пределах деревни, поселка, городского квартала считаются прихожанами расположенного на данной территории святилища. Это связано с древней традицией почитания божества-покровителя, обитающего в таком святилище. Каждый буддийский храм считает своими прихожанами все семьи, которые занесены в храмовые реестры или чьи предки захоронены на прихрамовом кладбище. Каждая семья выбирает буддийский храм, к которому она приписывается, по своему усмотрению.

При подсчете прихожан буддийские священнослужители умножают полученную цифру семей на два с половиной, чтобы получить примерное число индивидуальных верующих. Святилища и храмы общенационального значения действуют произвольно, причисляя к своим прихожанам чуть не все население страны или определяя их по числу проданных амулетов. При таком методе подсчета в официальной статистике один и тот же человек учитывается нередко два, а то и три раза. Только христианские организации дают точное число верующих, поскольку учитываются лишь лица, принявшие крещение. Согласно последним опубликованным данным, в стране существует 221 189 религиозных организаций (*сюкё дантай*) различных типов, национальных и региональных. Основную их часть (181 855) составляют культовые учреждения (храмы, церкви и т. д.), имеющие статус «религиозного юридического лица» (*сюкё ходзин*). Вне этого статуса существуют главным образом религиозные организации и общины, не связанные с тремя основными конфессиями, общим числом 22 920. В рамках трех основных конфессий статус «религиозного юридического лица» не имеют преимущественно общины «новых религий», общим числом 16 414.

Путь формирования религиозного сознания японцев

Официальная статистика не дает возможности в полной мере судить о действительной численности верующих, но она отражает специфику религиозной ситуации в стране, которая характеризуется синкретизмом, многообразием религиозных верований, сочетанием религии семьи и религии отдельного человека. Такое положение связано с особенностями

исторического формирования религиозного сознания японцев. В широком смысле оно имманентно присуще и индивиду, и народу в целом. Религия как догмат может исчезнуть, но религиозное чувство необычайно устойчиво, превалирует над формами и течениями и при этом лишь подпитывается богатством интеллектуального бытия общества. Отношение японцев к религии как к моральной ценности неоднозначно. В настоящее время, согласно опросам общественного мнения, удельный вес активных верующих, «воцерковленных» людей разных конфессий достигает чуть более трети численности населения.

Большое количество «пассивно верующих» нельзя воспринимать как отсутствие религиозности. Такое впечатление создается, если подходить с европоцентристскими нормами веры в единого Бога. Признание равноправия двух религий – синто и буддизма, а также морально-этического учения конфуцианства и даосизма, по мнению многих европейцев, свидетельствует о равнодушии японцев к религии, более того, об их неверии вообще.

Подобное непонимание характера религиозного сознания японцев во многом связано с тем, что христианство признает неукоснительную правоту только одной идеи, одной церкви и считает все остальное враждебным и чужим. Причем речь в данном случае идет не только о мусульманстве или иудаизме, но и о течениях внутри самого христианства.

В Японии никогда не существовало единой религиозной организации, подчиняющей и контролирующей всю жизнь человека. Религиозная жизнь японцев никогда не была сконцентрирована на чем-то одном. Многие религиозные обряды совершались дома, в семье, без участия священнослужителей. Семья и дом были центром религиозной жизни. Религиозная деятельность большинства японцев осуществляется через обрядность, порой без четкого осознания ее конфессионального характера. Отсюда традиция устанавливать в домах два алтаря – буддийский (*буцудан*) в память об усопших и синтоистский (*камидана*) в благодарность божествам. С древности японцы участвовали в религиозной жизни не как индивиды, а как единая семья, другими словами, сначала выступала группа, а затем личность. Глава клана, общины был и политическим лидером, и священнослужителем, направляя все действия верующих. Роль семьи в религии как религиозного института сохранялась и позднее в иерархической структуре: главная семья – боковые семьи.

Сосуществование религий в Японии уходит в глубокую древность. Эту идею постулировал еще в VI в. принц Сётоку. Известна его формула о том, что «буддизм – ветви на дереве синто, а конфуцианство – листва на этих ветвях»². Это дает ключ для понимания того, как формировалось религиозное сознание японцев.

² Dic.academic.ru/dic.nsf/enc_Japan/701/Сётоку

В его основе лежит синто («путь богов»), хотя первоначально он не являлся религией в строгом значении этого слова, а представлял собой мозаику из разнообразных верований, культов, ритуалов и этических норм. Его можно рассматривать как форму мировосприятия и мироощущения японцев. Согласно синто, мир населен мириадами божеств – *ками*. Издревле японец жил в их окружении и воспринимал их в процессе общения с природой, участия в празднествах, отправления обрядов, соблюдения обычаев, а не на основе упражнений в катехизисе или занятий в воскресных школах. Магические обряды синто, связанные с культом природы, преследовали посюсторонние цели: регулирование погоды, обеспечение плодородия и других материальных благ, исцеление от болезней, изгнание злых духов и т. п. Таким образом, формировалось вполне прагматичное отношение японцев к религии, у которой они просили помощи в материальном мире.

Одновременно в синто была сильна иррациональная, но имеющая огромную социальную силу сторона – культ предков, в котором отражалась иерархическая структура реального общества. Культ предков лег в основу концепции преемственности, идущей от богов-демиургов к земным богам, а от них – к легендарным императорам и к предкам ныне здравствующего монарха. Этой идеей пронизано литературно-историческое произведение «Кодзики», являющееся своего рода «священным писанием» синто и отразившее мифы, предания и важнейшие события в истории японцев.

Как писал Н. И. Конрад, «устанавливая приоритет императорского дома, бывшего, по существу, лишь одним из наиболее могущественных среди всех прочих домов родовых старейшин, «Кодзики» способствуют централизации государственной власти в Японии, помогают идеологически тому процессу, который уже шел полным ходом в областях экономической и политической. Наделяя монархов божественным происхождением от самой Аматаэрасу, «Кодзики» делают возможным установление прочного общегосударственного культа как средства той же централизации, общего “огосударствления” Японии»³. Таким образом, с древних времен в синто присутствовала идея государственности.

Одной из составляющих религиозного сознания японцев является мифологизированная история страны. Речь идет о космогонических мифах, повествующих о происхождении мира, об «эре богов», космогонических легендах, рассказывающих о дальнейшем устройстве мира и возникновении Японии. В японской мифологии находит подтверждение тезис А. Ф. Лосева о том, что «миф – необходимейшая – прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая – категория мысли и

³ Конрад Н. И. Японская литература в образцах и очерках. М., 1991. С. 61, 62.

жизни; и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольно-го, выдуманного или фантастического. Это – подлинная и максимально конкретная реальность»⁴.

Основу мифологизированной истории Японии составляет концепция появления ее островов, людей, а затем и государства не в результате творческого акта богов (как это постулировано в профетических религиях), а в результате рождения, т. е. естественного акта. «Японская мифология, – пишет социолог Исида Такэси, – рассматривает вселенную как естественно сформированное органическое бытие, впитавшее в себя светскую политику и биокосмическую энергию, позволяющую ей самостоятельно развиваться»⁵.

Проявлением светской власти в этом контексте является теория сакральности императора, стремление провести к нему прямую линию от богов – создателей островов. Император как первосвященник синто, обладающий магической силой общения с божествами, сохранял свое место в иерархии общества, даже будучи отстраненным от политической власти. Во многом это способствовало сохранению роли национальной религии как общей для всех японцев даже в период широкого распространения буддизма.

Буддизм не был воспринят населением Японии как абсолютно чуждый элемент, поскольку, вовлекая людей в свою орбиту, не требовал отказа от прежних верований. В японском варианте он был близок существующему социальному порядку и традиционной системе ценностей. Буддизм первоначально был принят правящими кругами, которые увидели в нем идеологическую опору создания централизованного государства. Он легитимировал власть. Отсюда тесная связь японского буддизма с государственной властью.

Две религии поделили между собой жизненный цикл человека: рождение и жизнь идут по синтоистским канонам, похороны и поминание – по буддийским. Буддизм укоренился в стране без религиозных войн, что привело к формированию синто-буддийского синкретизма. Обе религии нуждались друг в друге: буддизму нужна была широкая народная поддержка, синто – «благодарность» культа, поддерживаемого правящими кругами.

На характер религиозного сознания японцев наложило отпечаток соединение идеи государственности в местном варианте буддизма с сакральностью императорской власти, постулируемой синто. Знаток Японии Лафкадио Хёрн усмотрел в сосуществовании двух главных религий основу моральной стойкости ее населения. Он писал: «Япония

⁴ Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 397.

⁵ Ishida Takeshi. The Integration of Conformity and Competition. Tokyo. 1980. P. 14.

обязана величайшей благодарностью обоим своим религиям, создателям и хранителям ее моральной силы. Синтоизм учит, что человек должен больше думать об императоре и государстве, чем о себе и своих близких, а буддизм воспитал в нем способность к самоотречению, к самозабвению, к терпеливому перенесению страданий и к примирению, в качестве неизменяемого закона, с потерей всего любимого и зависимостью от всего ненавистного»⁶.

Заметное влияние на религиозное сознание японцев оказало и конфуцианство, которое принесло с собой более сложные образцы поведения, нормы и ритуалы. Прежде всего, конечно, речь шла об управлении государством, об отношениях государя и подданных. Усвоение и мирное сосуществование синто, буддизма, конфуцианства, даосизма явились результатом присущей японцам адаптивности мировосприятия.

Синто донес и сохранил мифологизированное происхождение страны и ее населения, литургическую практику, каноны устройства святилищ и проведения разного рода религиозно-праздничных действий. Буддизм принес с собой традицию постройки пышных храмов, наполненных произведениями искусства, и мемориальные службы по ушедшим. С конфуцианством пришло морально-этическое учение, оказавшее огромное влияние на культурную традицию. Как подчеркивал итальянский японовед Ф. Мараини, «тень Конфуция» до сих пор витает над японским обществом. Даосизм повлиял на народные верования, привнес в них, в частности, понятие счастливых и несчастливых дней. Позже в эту панораму вписалось христианство, которое сказалось в определенной степени на содержании образования и социальных отношениях. Возникшие в основном в XX в. так называемые новые религии инкорпорировали многие прежние религиозные воззрения и верования и добавили к ним вновь созданные доктрины.

Приверженность к какой-то одной религии в Японии – явление чрезвычайно редкое. Поэтому японцам традиционно не были свойственны религиозные распри на доктринальном уровне, что столь часто наблюдалось в Европе и на Ближнем Востоке. Японцы не рассматривают какую-либо религию как абсолют. Они часто придают большее значение форме (обряду, ритуалу), чем содержанию. Для них, например, христианство важно в целом, и они особо не различают католицизм, протестантизм, православие. По мнению настоятеля буддийского храма в Киото Т. Фукита, в настоящее время христианство в моде именно благодаря своей обрядовой стороне, которая близка к обрядности национальных религий Востока. Один и тот же японец, по словам Фукита, не мудрствуя лукаво, посещает синтоистское святилище, буддийский храм и христианскую церковь.

⁶ Хёрн Л. Душа Японии. М., 1997. С. 48.

Во многих случаях вера японцев базируется просто на обычаях и традициях. Они не могут назвать имена многих синтоистских и буддийских богов, но знают, что эти боги «существуют», ибо мифология известна всем. Если подходить с такой точки зрения, практически все японцы религиозны. Даже те, кто считают себя неверующими, привычно исполняют религиозные обряды во время свадеб, похорон, национальных праздников. Многие народные верования продолжают существовать независимо от организованных религий и составляют существенную часть жизни людей. Они передаются в устной традиции, проявляются в ежегодных праздниках, зависят от местной специфики и направления хозяйственной деятельности. В Японии такие праздники часто проводят семьи или общины без официальных религиозных служителей. До сих пор их значение в религиозной практике столь велико, что для их обозначения существует специальный термин «ежегодные праздничные действия» (*нэндзю гёдзи*). Они выделяются в календарях, им посвящается множество разнообразной литературы, издается их энциклопедия, во всех храмах вывешиваются уведомления о времени их проведения, дается информация в газетах и на телевидении⁷. По удачному выражению немецкого историка Ю. Берндта, японцам свойственна «нерелигиозная религиозность».

Негативный опыт превращения религии в инструмент политики

В Японии складывались особые отношения между национальной религией и государством, властью, идеологией и политикой. В период от «реставрации Мэйдзи» (1868 г.) до окончания Второй мировой войны (1945 г.) правящие круги использовали религию в форме государственного синто (*кокка синто*) в политических целях, превратив ее в инструмент государственной власти. Это дало не только негативный опыт, но и сказалось на положении национальной религии в послевоенный период и во многом способствовало появлению «проблемы храма Ясукуни», которая в настоящее время превратилась в острую политическую и дипломатическую «головную боль» правительства.

После «реставрации Мэйдзи» Япония искала пути выхода из структурного кризиса, способы сохранения национальной независимости при столкновении со странами Запада, для чего ей была нужна новая официальная идеология. В этой идеологии преобладал религиозный аспект, выразившийся в утверждении государственного синто, который стал духовным орудием возрождения власти императора, а затем оправданием милитаристской, агрессивной политики.

⁷ Подробнее см.: Э. В. Молодякова, С. Б. Маркарян. Мацури. Традиционные праздники Японии. М., 2004. С. 9–46.

Государственный синто был не более чем культом поклонения божественным предкам императора, что способствовало подъему национализма. Из синто заимствовали нужное в то время правящей элите возвеличивание императорской династии⁸.

Возрождение синто, долгие годы пребывавшего на заднем плане ввиду господства буддизма, преследовало не только собственно религиозные цели. Оно подчинялось задаче сплочения нации и укрепления государственности на основе религиозного сознания. Ритуалам синто был придан характер государственных актов, что способствовало выхолащиванию религиозной составляющей. Формально признавая свободу вероисповедания, государство в то же время поставило синто над всеми религиями. Он получил главную роль в национальных ритуалах. Произошло полное подчинение религии государству⁹.

Именно в этом контексте зародилась «проблема святилища Ясукуни». Признание императора духовным ядром новой идеологии повлекло за собой определенное изменение синтоистской обрядности, введение некоторых новых понятий, разработку новых ритуалов. Так появилась идея создания специального храма для почитания духов всех павших в междоусобных войнах за императора, поскольку погибший в бою человек выполнил главное свое предназначение – отдать жизнь за императора и родину. Обряд умиротворения душ воинов *сёконся* дал название храму. Это название стало затем нарицательным для обозначения мемориалов в честь погибших на войне, которые стали возводиться повсюду. Первое здание Сёконся было построено в 1868 г. в Киото.

После переноса столицы в Токио на холме Кудан, недалеко от императорского дворца было воздвигнуто новое грандиозное здание. В нем стали почитать души уже всех людей, отдавших жизнь за императора. Списки погибших являются объектом поклонения (*синтай*) в этом храме. С 1879 г. он стал называться Ясукуни, что означает «мирная страна» или «мирно управляемая страна», получив ранг особого императорского храма. Знаковый статус храма или святилища Ясукуни (*Ясукуни дзиндзя*) подчеркивался тем, что оно находилось не в ведении Министерства внутренних дел, как другие храмы, а в ведении военного и морского министерств, которые назначали в него священнослужителей, а также Министерства императорского двора, что свидетельствовало о его теснейшей связи с императором.

В основе обрядности в этом святилище лежит древний праздник умиротворения душ умерших (*митама сидзумэ* или *тинконсай* в ки-

⁸ Молодякова Э. В. Японская модель религиозной жизни // Япония и глобальные проблемы человечества. М., 1999. С. 78–91.

⁹ Подробнее см.: Г. Е. Комаровский. Государственный синто//Синто. Путь богов. М., 2002. Т. 1. С. 261–311.

тайском прочтении иероглифов). Согласно синто, душа, дух *тама*, присуща всей природе. Древние японцы верили, что души умерших покидают тело, но остаются вблизи их прежних жилищ. Считалось, что со временем они утрачивают индивидуальность и сливаются с главным духом предков, который обитает по соседству в лесу или на горе. Согласно синтоистской традиции, существует вера в общение живых с душами умерших. Это относится не только к ушедшим близким, но и ко всем, в том числе погибшим на войне или отдавшим свою жизнь на общее благо людей.

Модернизируясь, усваивая достижения западной цивилизации, которую формировало христианское мировоззрение, Япония не приняла христианства. Оно не было нужно японскому обществу, которое имело свою духовную основу – синто. Изъятие из синто культа поклонения божественным предкам и предание ему особого статуса обрекало государственный синто на роль квазирелигии. Государственная поддержка синто отчасти была мерой отстаивания национальных идеологических форм в тот период.

Упорядочение положения конфессий в послевоенный период

Религиозная ситуация в стране кардинально изменилась сразу после поражения Японии во Второй мировой войне. Из-за государственного синто национальная религия напрямую ассоциировалась с существовавшим в предвоенные и военные годы авторитарным режимом и проводившейся им агрессивной политикой. Именно эта ассоциативная связь в купе с другими факторами негативно сказалась на положении синто в религиозной жизни послевоенной Японии.

Государственный синто был ликвидирован раз навсегда, о чем уведомила Директива Штаба оккупационных войск уже в декабре 1945 г. Она запрещала представителям государственной власти любого уровня в «официальном качестве» посещать синтоистские святилища и отправлять там службы. Затем было проведено разграничение между государственным синто, который рассматривался как официальная политика правительства и определялся как «нерелигиозный национальный культ», и собственно синто или «храмовым синто» (*дзиндзя синто*). После отделения от государства и очищения от милитаристской и ультранационалистической риторики синто получил ту же поддержку, что и другие религии. *Дзиндзя синто* стал рассматриваться как традиционная религиозная практика, которая осуществлялась на протяжении всей истории страны и имела непосредственное отношение к жизни людей.

Отношения религии и государства были оформлены в соответствующих статьях Конституции 1947 г. В статье 20 говорится: «Свобода

религии гарантируется для всех. Ни одна из религиозных организаций не должна получать от государства никаких привилегий и не может пользоваться политической властью. Никто не может принуждаться к участию в каких-либо религиозных актах, празднествах, церемониях или обрядах. Государство и его органы должны воздерживаться от проведения религиозного обучения и какой-либо иной религиозной деятельности»¹⁰.

Частично затрагивала проблему религии и статья 89: «Никакие государственные денежные средства или иное имущество не могут ассигновываться или предназначаться для использования, выгоды или содержания какого-либо религиозного учреждения или ассоциации или для каких-либо благотворительных, просветительских или филантропических учреждений, не находящихся под контролем публичных властей». Таким образом, Конституция 1947 г. установила барьер между общественной (политической) и частной (религиозной) жизнью, что не могло не сказаться на отношении японцев к вере. Большинство признает ее делом сугубо личным, интимным, а потому зачастую считает вопросы об их принадлежности к той ли иной конфессии неэтичными, бестактными. Японцы практически не интересуются, какую веру исповедует, например, тот или иной политический деятель. Среди политической элиты страны не так мало христиан, прежде всего протестантов, но это никак не афишируется и не влияет на их политическую карьеру.

Немаловажным фактором для решения проблем синто в послевоенные годы стало определение статуса императора и отношение к проводимым при его непосредственном участии синтоистским ритуалам. Принципиальный подход был найден: конституция признала императора «символом государства и единства народа, его статус определяется волей всего народа, которому принадлежит суверенная власть»¹¹.

Религиозный ритуал императорского двора потерял государственное значение, а монарх юридически утратил функции верховного исполнителя общенационального религиозного обряда, на чем основывался его авторитет как первосвященника синто. Однако постепенно наметилась тенденция возрождения общественного характера некоторых ритуалов императорского двора. Сначала они были объявлены частным делом монарха и совершались им только в дворцовых святилищах. С начала 1950-х годов предпринимались попытки вывести религиозную деятельность императора за рамки дворца, появилась тенденция придать некоторым синтоистским обрядам характер общественных актов. Наиболее ярко она обозначилась во время проведения ритуала престоло-

¹⁰ Современная Япония. М., 1973. С. 759, 760, 770.

¹¹ Там же. С. 756.

наследия Акихито, ныне здравствующего императора. Поскольку средства для проведения всех необходимых церемоний выделялись управлением императорского двора, они обретали характер государственного акта.

Существовала еще одна проблема, непосредственно связанная с императором. Речь шла об особом статусе Великого святилища *Исэ* (*Исэ дайдзингу*), поскольку в нем хранится одна из трех священных регалий императорского дома (*сансю-но синки*) – зеркало (*ята-но кагами*), копия которого имеется во дворце в Токио. Священный меч (*кусанаги-но цуруги*) находится в святилище Ацута дзингу в Нагоя, яшмовые подвески (*ясаками-но магатама*) – во дворце. Несмотря на законодательное урегулирование всего комплекса проблем, связанных с императорским домом, традиционалисты не раз поднимали вопрос о сохранении за *Исэ дайдзингу* особого положения, точнее, о восстановлении его государственного статуса и соответственно оказания ему финансовой поддержки из бюджета. Она чрезвычайно важна, поскольку каждые двадцать лет на территории *Исэ дайдзингу* происходит перестройка Внутреннего святилища *Найку* и Внешнего святилища *Гэку*. Эта церемония *сикинэн сэнгу* началась в 690 г. и 692 г., и сначала проводилась раздельно, а затем одновременно. Регулярно перестройка святилищ не осуществлялась лишь в XV–XVI¹². Последняя, четвертая после окончания Второй мировой войны, проводилась в 2013 г., ее стоимость составила 75 млрд. иен (около 800 млн. долларов)¹³.

Принятый в апреле 1951 г. Закон о религиозных юридических лицах предоставлял всем религиозным организациям право владеть храмами и святилищами со всем их имуществом, заниматься хозяйственной деятельностью, а также запрещал органам государственной власти вмешиваться в отправление служб и другую религиозную деятельность. Закон определял понятие религиозной организации, процедуру регистрации, предусматривал случаи их роспуска.

Религиозная жизнь сегодняшней Японии детерминирована теми изменениями, которые произошли в социально-экономической структуре общества после Второй мировой войны. Наибольшее значение, безусловно, имело отделение религии от государства. Весьма чувствительным явился ущерб, нанесенный материальной базе святилищ и храмов. Достаточно сказать, что членам локальных обществ запретили поддерживать синтоистские святилища, служившие организующими центрами жизни квартала, поселка, деревни. Положение буддийских храмовых комплексов было серьезно подорвано аграрной реформой, которая лишила их значительной части земельной собственности. Больше других

¹² Э. В. Молодякова. Синто в современной Японии// Национальная религия японцев. Синто. М., 2008. С.169–179.

¹³ The Asahi Shimbun. 03.10.2013.

пострадали мелкие и средние сельские храмы, поскольку они владели пахотной землей. Крупные храмы были затронуты реформой в меньшей степени, ибо принадлежавшие им участки были заняты в основном культовыми постройками или лесами. В ходе реформы правительство продало им и часть государственных земель, которые они стали использовать в коммерческих целях. Это привело к расслоению храмов традиционных школ буддизма.

В наибольшей степени позиции святилищ и храмов ослабила урбанизация, вызвав к жизни огромные миграционные потоки, которые нарушали социальные связи. Согласно довоенному Гражданскому кодексу, семья рассматривалась как корпоративное юридическое лицо, на которое опирались храмы. Изменение этого кодекса, подорвавшего традиционную семейную систему, значительно снизило их значимость. Приезжавшие в города люди по большей части не включались в жизнь ни синтоистских, ни буддийских общин. У настоятелей не было никаких действенных рычагов для их привлечения; в лучшем случае они могли рассчитывать на пожертвования. Разрушение территориального принципа организации синтоистской общины побуждало священнослужителей переходить на индивидуальное общение с прихожанами. Такое положение вело к снижению значимости мелких местных святилищ и возвышению крупных общенациональных, как Мэйдзи дзингу и Ясукуни дзиндзя в Токио или Ясака дзиндзя в Киото¹⁴.

Новые религии и феномен «Аум Синрикё»

В условиях краха «истинно японских» духовных ценностей после капитуляции Японии в стране оживилась деятельность так называемых новых религий, возникших в основном в XIX и в начале XX вв. Одновременно появилось несколько сот новых групп. Эти религиозные организации можно подразделить на неосинтоистские (12 основных сект)¹⁵, необуддийские, смешанные или синкретические, а также различные движения межрелигиозного согласия.

Упрощение процедуры регистрации религиозных организаций на основе Закона 1951 г. стимулировало дробление довоенных сект буддизма, ослабило связи головных храмов с их филиалами. В большинстве случаев это было вызвано экономическими причинами, а не расхождениями в толковании догматов. Они сумели приспособить свою догматику к изменившимся социально-экономическим условиям.

В Японии буддийский характер новых религий, в основном нитирэнновского толка (по имени религиозного деятеля средневековья Нити-

¹⁴ Подробнее см.: Э. В. Молодякова. Синто в современной Японии // Национальная религия японцев. Синто. М., 2008. С. 153–179.

¹⁵ Apologia.ru mddb/339

рэна, 1222–1282) связан с тем, что этот проповедник, объявив «Сутру Лотоса» «единственным истинным учением», делал особый акцент на содержащейся в ней идее «всеобщности спасения». Это окрашивало его учение в несколько демократические тона. Свойственной данной школе неподдельный интерес к реальной жизни соответствует прагматичному отношению японцев к религии.

Нередко говорят об «исконном демократизме» буддийского учения, подчеркивая ценности «равенства». «Действительно, эгалитарный идеал монашеской общины, элементы выборности внутри нее и даже элементы судебных и консенсуальных процедур иногда рассматривались как прообраз «демократии». Но нельзя забывать сильнейшую иерархию в институциональном устройстве общины, в сансарической картине мира, где царствует легитимирующий иерархию закон кармы»¹⁶.

В настоящее время почти половина действующих в Японии религиозных организаций представлена новыми религиями. Примерно четверть всех верующих являются адептами этих религий, которые по активности своей деятельности, по участию в общественной жизни значительно превосходят приверженцев традиционных буддийских сект. Их напористость, даже агрессивность привлекают к ним значительное число последователей. Новые религии опираются, прежде всего, на массы верующих, а не на священнослужителей. Степень веры каждого определяется числом новых адептов, им завербованных.

Религиовед Н. Кадзи отмечает: «Новые религии полны энтузиазма... Они действуют очень энергично, что относится как к их лидерам, так и к последователям. Но когда организация достигает определенного предела, энтузиазм спадает, и люди начинают разочаровываться в ее деятельности. На этом фоне возникают новые организации, и приверженцы прежних переходят к ним. Тем самым энергичные новые религии постоянно воспроизводят сами себя и завоевывают новых приверженцев»¹⁷.

Характерными особенностями всех новых религий, во-первых, являются эклектичность и синкретичность, поскольку они во многом заимствовали догматику и культовую практику японской религиозной традиции. Во-вторых, им свойственно упрощение процедуры обращения и толкования догматов, что делает их доступными для широких слоев населения. Их распространению помогают и адаптивное религиозное сознание населения, и простота, а подчас и отсутствие обрядности, внимание к повседневным нуждам людей. Они не настаивают на изучении догматов. Сосредоточенность на магии, мистике, вере в чудеса влечет к ним людей, которые не находят себе места в современном от-

¹⁶ Религия и конфликт. М., 2007. С. 74–275.

¹⁷ Кадзи Н. Тиммоку-но сюкё: Дзикё (Конфуцианство – молчаливая религия). Токио, 1994. С. 11.

чужденном мире. В-третьих, в большинстве случаев эти религии апеллируют к обычным житейским нуждам человека, что обеспечивает им популярность, используют тягу людей к объединению, коллективизму, которые имманентно присущи японцам. В-четвертых, нередко такие религии создаются харизматическими лидерами, которые используют приемы магии. И самое главное, новые религии в своей деятельности опираются не на профессиональное духовенство, а на массы верующих¹⁸. При этом они весьма современны: широко используют достижения науки и техники, средства массовой информации для пропаганды своих воззрений, не чужаются рекламы, имеют хорошую издательскую базу, владеют предприятиями и фирмами.

Религиозный плюрализм позволил действовать в стране религиозным организациям, которые не только оказывают активное воздействие на психическое здоровье своих адептов, но и представляют серьезную угрозу для общества в целом. В обществе «теоретически деятельность религиозной организации, признанной «деструктивной тоталитарной сектой», может быть запрещена в административном порядке, однако на практике полный запрет деятельности религиозного объединения – большая редкость. Кроме того, даже в случае запрещения необязательно приостанавливать свою деятельность»¹⁹.

Такое положение сделало возможным появление тоталитарной секты, использовавшей для достижения своих целей террористические методы, – «Аум Синрикё» («Учение истины Аум»). В 1984 г. она была зарегистрирована как религиозная организация и начала создавать отделения по всей стране, а с августа 1989 г. стала действовать за рубежом, в частности в России.

Духовный лидер секты Асахара Сёко (настоящее имя Мацумото Тидзуо) действовал по классической схеме: объявил себя новым воплощением Христа, предрекал в 1999 г. «конец света», который предполагал сам устроить, и утверждал, что все люди грешны и для спасения должны быть убиты. В апреле 1994 г. адепты секты совершили террористический акт с использованием отравляющих веществ в префектуре Нагано, в котором погибли семь человек. В начале 1995 г. такой же акт был проведен в токийском метро на нескольких центральных станциях с использованием боевого отравляющего газа зарина. Пострадали около пяти с половиной тысяч человек, одиннадцать погибли. Расследование деятельности секты растянулось на долгие годы²⁰. В Министерстве юстиции было решено не применять к секте «Аум синрикё» Закон о борьбе с подрывной деятельностью, поскольку большинство обществ-

¹⁸ Подробнее см.: *Игнатович А. Н., Светлов Г. Е.* Лотос и политика. М., 1989. С. 25–30.

¹⁹ *Е. Сиваков.* Лики терроризма в Японии // Знакомьтесь – Япония. 2008. № 47. С. 75.

²⁰ Подробнее см. *Е. Сиваков*, цит. соч. С. 75–79.

венно опасных членов секты уже арестованы, а оставшиеся не представляют опасности.

Тем не менее сразу же встал вопрос о пересмотре Закона 1951 г., действие которого, как оказалось, не давало ни местным органам самоуправления, ни Министерству просвещения, которое курировало религиозные организации, реальных возможностей находиться в курсе их планов и конкретных шагов. Более того, не только административные органы, но полиция и суды нередко смотрели сквозь пальцы на их противоправные поступки. Предлог был весьма убедительным: соблюдение принципа невмешательства государства в дела религии. Но именно в результате этого появилась такая экстремистская секта, как «Аум синрикё».

Осенью 1995 г. специальная комиссия Совета по делам религиозных юридических лиц при Министерстве просвещения подготовила рекомендации, которые легли в основу проекта поправок к Закону 1951 г. Религиозным юридическим лицам вменялось в обязанность ежегодно предоставлять соответствующим органам власти, а также верующим финансовые документы для проверки. Предлагалось требовать отчеты и в случае возникновения сомнений относительно характера их деятельности передавать большее число религиозных организаций, имеющих филиалы в нескольких префектурах, в ведение центральной власти, т. е. Министерства просвещения. Обсуждение поправок вызвало неоднозначную реакцию в обществе. Одни расценивали их как попытку правительства ограничить свободу деятельности религиозных организаций. Другие приветствовали поправки в надежде, что с их помощью удастся предотвратить противоправные деяния этих организаций²¹. В декабре 1996 г. исправленный закон вступил в силу.

Несмотря на отрицательное отношение общества, «Аум Синрикё» продолжает обретать последователей, которые, в отличие от адептов других сект, необычайно уверены в истинности учения и достоинствах этой религиозной организации, даже когда покидают ее ряды. Изменив название на «Алеф», секта активизирует свою деятельность, располагая семью тысячами членов в Японии и несколькими сотнями за рубежом. Являясь владельцем 13 компьютерных фирм, она широко использует для вербовки адептов среди молодежи Интернет, мобильную и электронную связь.

«Алеф» имеет почитателей и сейчас. Например по сведениям журналиста Осаки Томохиро, «под влиянием сочетания черного очарования жизни вне закона с неудовлетворенностью собственной жизнью небольшая, но пассионарная группа молодых людей спаяна поклонением криминальным членам культа «дня страшного суда» «Аум Синрикё»²².

²¹ Нихон кэйдзай симбун. 19.09.1995.

²² The Japan Times. 20.02.2014.

Называя себя «аумерами», одни воспринимают адептов культа как попидаолов, другие возбуждаются их безумием и даже идентифицируют себя с ними. Так настроены в основном двадцатилетние молодые люди, которые существуют по большей части в Интернете, потенциальные адепты бывшей «Аум Синрикё».

Можно согласиться с мнением исследователя новых религий Накамура Юдзио, что «история с «Аум Синрикё», в которой переплелось множество сюжетных линий, отражает самую суть культурной ситуации в современной Японии. «Однако я более всего боюсь, – пишет он, – что наше общество предаст эту историю забвению, так и не разобравшись, что собственно произошло, не выявив главных болевых точек. Есть люди, которые пребывают в уверенности, что члены «Аум Синрикё» были просто кучкой сумасбродов, а учиненные ими преступления – вздор и случайность. Однако нечасто происходят события, в которых столь ярко выявились бы скрытые свойства японского общества и культуры»²³. Таким образом, религиозные проблемы следует рассматривать в контексте всей жизни общества.

Некоторые организации новых религий не только проявляют интерес к политике, но и активно ей занимаются. Наибольшего успеха на этом поприще добилось общество «Сока гаккай» (Общество установления ценностей), создавшее собственную партию – Комэйто (Партия справедливой политики). Однако, поскольку создание клерикальных партий не свойственно японской политической культуре, эта партия вскоре заявила о своей независимости от «Сока гаккай», хотя основной ее электорат – адепты этого общества. В настоящее время Комэйто является младшим партнером Либерально-демократической партии по правительственной коалиции.

Так или иначе, новые религии вписались в общественную жизнь Японии, нашли свою нишу в духовной жизни страны.

Политическая составляющая религиозной ситуации в стране

Использование синто как средства государственной политики привнесло в религиозную ситуацию Японии своеобразные политические проблемы. Они были обусловлены гораздо более тесной, если не сказать, теснейшей, по сравнению с другими религиями связью с жизнью народа, его менталитетом, культурой, политикой.

Государство в целом рассматривало синто как традиционно присущую японцам религиозную практику, которая, возможно, поможет привить молодому поколению чувство патриотизма и содействовать осознанию своего места в современном мире. Очевидно, не случайно в

²³ http://tzone.kulichki.com/religion/vostok/zlo_japan.html

конце 1950-х годов был создан Комитет по восстановлению синтоистского университета Когаккан, который возглавили пятькратно становившийся премьер-министром С. Ёсида и трижды возглавлявший кабинет-министров Х. Икэда С. Ёсида, в частности, говорил: «Я полагаю, что в нашей стране, где так мало знают о демократии, необходимо воскресить синто и превратить его в духовную опору людей... Необходимо восстановить университет, где изучали бы синто, который воспитывает любовь к своей родной стране и помогает демократии и укреплению морали»²⁴.

Правительство по мере возможности помогало синто занять нишу не только религиозной конфессии, но и национальной духовной традиции. Именно такое восприятие синто позволило премьер-министру Ё. Мори в 2000 г. назвать Японию «страной божеств во главе с императором» (*тэнно-но тюсин тоситэ kami-но куни*), а одному из его преемников С. Абэ (нынешнему главе правительства) говорить и писать о «прекрасной стране» (*уцукусий куни*) и необходимости воспитания патриотизма.

В то же время японское общество внимательно следит за взаимоотношениями религии и государства, чутко реагируя на попытки нарушения соответствующих статей Конституции. Например, острую реакцию протеста вызвало возрождение тесно связанного с императором довоенного праздника «День основания империи» (*кигэнсэцу*) под названием «День основания государства» (*кэнкоку кинэн-но хи*); восстановление традиции посещения официальными лицами церемонии в святилище Ясукуни; некоторые случаи обожествления военнослужащих Сил самообороны, погибших при исполнении служебных обязанностей в местных мемориалах памяти погибших воинов. Верховному суду не раз приходилось рассматривать подобные дела, трактовавшиеся как нарушения статьи 20 Конституции. В большинстве случаев его решения не усматривали таких нарушений.

Вот уже не одно десятилетие частная, казалось бы, проблема, связанная с Ясукуни дзиндзя, периодически оказывается в центре внимания как в самой Японии, так и в сопредельных странах. Она не только вызывает поляризацию мнений в обществе, но и становится причиной дипломатических конфликтов с соседними государствами, в основном с КНР и Республикой Корея. Эта проблема касается не столько значимости святилища и проводимых в нем религиозных обрядов. Она связана не только с тем, как толковать проводимые там церемонии – как сугубо религиозные или имеющие характер государственных актов, но и с тем, как относиться к национальной истории, как толковать те или иные события в стране и за рубежом. Речь идет, прежде всего, о

²⁴ Цит. по: Creemers Wilhelmus H. M. Shrine Shinto after World War II. Leiden, 1968. P. 82.

различных оценках событий Второй мировой войны Японией, Китаем и Южной Кореей, об ответственности Японии, в частности политиков и военных, которые вовлекли страну в войну. Вопрос об ответственности за войну до сих пор тесно увязывается с вопросом о том, насколько справедлив был Международный военный трибунал для Дальнего Востока (МВТДВ)²⁵.

После окончания оккупации и обретения полной независимости предполагалось рассматривать святилище Ясукуни как мемориал погибших в войне, где высокие иностранные гости воздавали бы им почести. После отказа бывшего в то время вице-президентом США Р. Никсона в 1953 г. посетить святилище в таком качестве, правительство в 1959 г. установило неподалеку от него (в Тидоригафути, район Тиёда) монумент неизвестным жертвам войны (*мумэй сэнсися бё*).

Святилище Ясукуни как религиозное учреждение представляет собой часть исторической памяти народа, в том числе тех солдат, которые были против войны, но шли в бой по приказу государства. Вполне можно принять точку зрения Того Кадзухико, внука бывшего министра иностранных дел и военного преступника класса «А» Того Сигэнори, согласно которой «следует уважать национальную память о том, что многие солдаты умирали с уверенностью, что воссоединятся в Ясукуни дзиндзя. Это важное национальное наследие. Тем, кто бережно хранит память об отцах, мужах и других родственниках, будет трудно принять любое другое место скорби, кроме святилища Ясукуни»²⁶.

Во многом современная проблема Ясукуни – политическая, ставшая картой в большой дипломатической игре. Формальным поводом претензий соседних стран к Японии служит «обожествление» в святилище военных преступников, что якобы означает реабилитацию военных преступлений. Непосредственным поводом для развертывания кампании вокруг Ясукуни служат посещения его первыми лицами государства. Еще в октябре 1945 г. премьер К. Сидэхара почтил там память всех погибших в ходе Второй мировой войны. Это повлекло за собой жесткий запрет со стороны Штаба оккупационных войск членам правительства участвовать в его поминальных службах. Но после обретения суверенитета в 1952 г. японские премьеры не раз посещали святилище Ясукуни как частные лица, и это не вызывало нареканий.

Нарушил установленный порядок в 1985 г. Я. Накасонэ, который первым расписался в книге посетителей как глава правительства²⁷. Объясняя свое решение, он заявил: «Посещение состоялось в соответ-

²⁵ См.: Молодяков В. Э. Прошлое как социальная ценность и политическая проблема // гл. 2 данной монографии

²⁶ Far East Economic Review. 2006. June // <http://www.feer.com/2006/0606/free/p005.html>

²⁷ Йомиури симбун. 29. 07. 2001.

ствии с пожеланиями японского народа почтить память погибших на войне. Этот акт подтверждает стремление к миру и недопущению повторения войны»²⁸. Накасонэ не только не скрывал, но и акцентировал свою приверженность традиционным духовным ценностям, истории страны, которая так или иначе связана с синто.

Только с посещения храма Ясукуни премьером Накасонэ китайское правительство увидело в этом серьезную дипломатическую проблему. Пекин впервые заявил, что пристально следит за проблемой Ясукуни²⁹, и что визит главы правительства причинит боль азиатским соседям Японии. Не желая обострять отношения с ними, в последующие годы Накасонэ и другие премьеры воздерживались от посещения церемоний в храме Ясукуни. В то время возобладали политические соображения.

Спустя одиннадцать лет традицию посещения этого святилища в 1996 г. возобновил Р. Хасимото. Именно тогда Китай заявил протест против посещений японскими премьерами храма Ясукуни, представив его как выражение чувств китайского народа. В последующие годы Китай разыгрывает карту храма Ясукуни в отношениях с Японией, периодически накаляя обстановку, что приводит к ухудшению двусторонних политических отношений на фоне значительных экономических связей. Тому способствует и постоянно растущее геополитическое соперничество двух государств, их споры об оценке событий Второй мировой войны.

Особая острота в японо-китайских отношениях по этому вопросу отмечалась в первой половине 2000-х годов, когда бывший в то время премьер-министром Коидзуми Дзюнъитиро шесть раз посетил святилище. Осенью 2005 г. его визит вызвал ожесточенную кампанию протеста, особенно со стороны Китая, которая привела к нарушению согласованной повестки встречи лидеров двух стран.

В период своего первого премьерства в 2006–2007 гг. С. Абэ принял ряд шагов для того, чтобы снять остроту в отношениях с Китаем и Республикой Корея, возникшую при его предшественнике Коидзуми. Первые официальные визиты он нанес именно в эти страны. Очевидно проявляя «дипломатическую деликатность» в отношении сопредельных государств, он отказался от посещения Ясукуни, послав туда в качестве подношения *бонсай*. В начале января 2007 г. он совершил паломничество в Мэйдзи дзингу – одно из важнейших святилищ, связанных с императорским культом. Возможно, своим шагом он подал сигнал консерваторам о том, что чтит национальную религию, но в то же время ищет альтернативу святилищу Ясукуни.

²⁸ Нихон кэйдзай симбун. 28.10.1985.

²⁹ Асахи симбун. 07.09.1985.

Со времени второго вступления в должность в декабре 2012 г. Абэ держался достаточно сдержанно в отношении Китая и Республики Корея по проблемам истории военного периода. Премьер старался смягчить свою позицию по чувствительным историческим вопросам, учитывая мнение американских экспертов о том, что его комментарии «могут увести региональные отношения по пути, противоречащему интересам США»³⁰.

В то же время Абэ публично выразил сожаление, что в бытность премьером не посещал храм Ясукуни, но, тем не менее, не спешил это делать. Так он не посетил его 15 августа (эта дата считается в Японии днем окончания Второй мировой войны), рассчитывая, очевидно, на возможность проведения саммита с КНР и Республикой Корея. Однако обе страны проигнорировали такую возможность. Лишь в середине октября 2013 г. в честь регулярного осеннего праздника (*пэйсай*) премьер сделал храму подношение веток священного дерева *сакаки*. Возможно, таким сдержанным действием он хотел испытать реакцию сопредельных стран. Несмотря на то, что Абэ проявил стремление остановить конфликт на «уровне подношений», правительство Китая четко дало понять, что не принимает такой вариант. Китайская сторона охарактеризовала его действия как «паломничество в обход»³¹. Получается, что посещает или нет японский премьер храм Ясукуни, реакция Китая и Республики Корея вполне предсказуема.

Абэ защищал посещение Ясукуни политиками, проводя параллель с посещением американскими лидерами Арлингтонского национального кладбища. Однако во время визита в Японию в октябре 2013 г. госсекретарь США Джон Керри и министр обороны Чак Хейгел неожиданно посетили мемориал Тидоригафути, намекнув японским властям: «не провоцируйте гнев в Восточной Азии в связи с событиями военного периода»³².

Столь же неожиданно 26 декабря 2013 г. Абэ посетил Ясукуни и совершил необходимый обряд. Он так прокомментировал свой поступок: «Некоторые люди критикуют посещение Ясукуни как почитание военных преступников. Однако цель моего сегодняшнего прихода – рассказать душам погибших на войне, как моя администрация проработала один год, и повторить обещание Японии никогда вновь не начинать войну. Я не намеревался оскорбить чувства китайского и корейского народов»³³. На этот раз позиции всех сопредельных стран были предельно жесткими³⁴.

³⁰ The Japan Times.15.05.2013.

³¹ Санкэй симбун.29.11.2013.

³² The Japan Times.26.2013.

³³ Там же.

³⁴ Kyodo.29.01.2014.

Аналитики полагают, что подобные действия японского премьера лишь усилят позиции сторонников жесткой линии в отношении Японии в руководстве КНР и Республики Корея. Китайская сторона заявляет, что посещение храма Ясукуни не является внутренним делом Японии или действием частного лица. Другими словами, Японию обвиняют в том, что она так и не раскаялась в своем милитаристском прошлом и что в ее отношениях с сопредельными странами есть «историческая проблема». Однако дело не в извинениях Японии, которые она не раз приносила.

По мнению профессора Колумбийского университета Джеральда Кёртиса, спустя 70 лет после Второй мировой войны этот вопрос «является сегодня более противоречивым, чем в послевоенный период», и сегодня «весь гнев обращен против Японии». Как отмечает Дж.Кёртис, в Японии произошла потеря памяти, и многие молодые японцы ничего не знают об историческом контексте храма Ясукуни, а корейцы и китайцы не дают забыть эту историю. Но тем самым они только подогревают националистические настроения в Японии.

В настоящее время, когда в стране разворачивается серьезная кампания по пересмотру действующей конституции, делается попытка втянуть в политические игры наряду с Ясукуни дзиндзя и Великое святилище Исэ. В частности, посещение этого святилища, (которое тесно ассоциируется с императором), премьер-министром Абэ вместе с восемью членами кабинета 2 октября 2013 г. рассматривается частью его оппонентов, как нарушение конституционного разграничения религии и политики, выделение отдельной конфессии. Премьер посетил церемонию *сэнгё-но ги* в Исэ дзингу, которая считается наиболее важной в синто, поскольку это святилище почитается как обиталище богов — прародителей японской императорской фамилии. *Сэнгё-но ги* считается кульминацией ритуала *сикинэн сэнгу*, о котором уже шла речь. Главной частью церемонии является перемещение объекта поклонения, в данном случае завернутого в белый шелк зеркала, в новое Главное святилище *Найку*.

Послевоенные премьеры С. Ёсида и К. Танака посещали Исэ дайджингу во время проведения *экинэн сэнгу*, но никогда не присутствовали на церемонии *сэнгё-но ги*. В посещении Абэ этой церемонии одни усматривают «нарушение принципа разделения религии и политики, который зафиксирован в Конституции 1947 г.». Другие полагают, что «если премьер-министр посещает святилище из соображений истории, традиций и культуры Японии, это не является нарушением Конституции. Ведь такое посещение не поддерживает, не помогает и не способствует распространению какой-то конкретной религии». Третьи отмечают, что поскольку «в прошлом Исэ дайджингу было источником объединения

политики, религии и национального государственного фундаментализма, действия Абэ определенно являются возвратом к традициям периода до Второй мировой войны»³⁵.

Пресса не оставила без внимания визит императорской четы в Великое святилище Исэ 25 марта 2014 г., когда они привезли с собой две другие священные регалии – меч и подвески, которые вместе называют *кэндзи*. Они впервые покидали свои места хранения после предыдущей *сикинэн сэngu* двадцать лет назад.

* * *

В религиозной жизни в Японии огромное значение по-прежнему имеют базовые элементы в виде двух основных религий, но и они подвергаются постоянному влиянию современной эпохи. В частности, синто с его культом поклонения природы старается акцентировать свое созвучие экологическим проблемам современного «зеленого» общества.

По сей день практически во всех обществах в той или иной степени религия продолжает оставаться существенным компонентом их жизнедеятельности. В восточных обществах во многих случаях не только сохраняются, но и имеют большое значение религиозные идеалы. Более того, нельзя не отметить стабильную тенденцию к усилению влияния религиозного фактора на все стороны жизни обществ в различных регионах мира. В частности, в последнее время наблюдается тенденция возвращения религии в мир политики, происходит своего рода «религизация» политики. В настоящее время синтез религии и политики связывается, прежде всего, с исламом. Примером проявления подобной тенденции в немалой степени является и Россия, которая переживает, в первую очередь, возрождение православия. Религиозная ситуация в современной Японии являет собой, как видно из всего сказанного, положительный пример транспорентности во взаимоотношениях всех конфессий и толерантности японцев.

³⁵ The Asahi Shimbun. 03.10.2013.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРИВЯЗАННОСТИ ЯПОНСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

В течение многих столетий японцы путешествовали по стране, перемещаясь из привычной, повседневной среды в иное пространство культуры, сохранявшее историческую память. Притягательным локусом становились места, освященные традицией, проявленной в различных культовых объектах. Сакральная составляющая, рукотворная или природная, играла роль первостепенного фактора, образующего культурный ландшафт, где сохранялись аттрактивные участки. Странствие давало путешественникам возможность воспринимать многослойность культуры, познаваемую в разнообразных фрагментах действительности. «Чужое» пространство осмысливалось как «свое», давая им возможность почувствовать себя сопричастными историческому прошлому. Пространство, в которое попадал путник, трудно назвать в полном смысле чужим. Оно было иным, но близким по восприятию, хотя могло находиться на значительном расстоянии от дома. В традиционном японском обществе раздел между «чужим» и «своим» пространством носил условный характер: «перекодировка» касалась географии, но не интеллектуальной сферы путешественника. Духовно-эстетические цели странствия, как предчувствия другой культурной среды, были сопряжены с преодолением себя и связывались с выходом за пределы привычного круга бытия, присвоением иной действительности. Встав на дорогу, японец ощущал себя между мирами – повседневным, привычным и новым. На возникавшие в процессе движения меняющиеся картины путник взирав с интересом, при этом не забывал о конечной цели, манившей и будоражившей сознание, выстраивавшей смысловое содержание путешествия. Он совершал хождение, в том числе, для поддержания полноценной духовной жизни. Перемещение в географическом пространстве осмысливалось и в нравственно-религиозном отношении. Сейчас, пройдя по тем же дорогам, по которым шли японцы в далеком прошлом, современники пытаются воспроизвести логику их поведения, задаются во-

просом, что волновало предков, почему они шли теми же тропами, преодолевая расстояние и усталость.

В старые времена не существовало путешествий в чистом виде, они были сакрально окрашены и включали паломническую составляющую. Мотивы, побуждавшие к паломничеству, в общих чертах сформулированы монахом Дзоки в путевом дневнике «Хозяин хижины» («Ионуси», конец X в.). Среди них – желание на время отойти от суетного мира, разделить участь монахов-отшельников, селившихся в уединении, хождение в святые места, дабы снять груз прегрешений, а также сугубо национальная причина, которая влекла паломников в дорогу, – получение от хождения эстетического удовольствия. «Этой ночью луна была прекрасна, а прохладный ветер играл верхушками сосен. В траве сладкозвучно звенели насекомые, далеко разносились крики оленей. Спускалась ночь, с каждым мигом я все острее ощущал, что я не дома, и сердце мое трепетало. Да, именно в таком месте должно обитать божество – подумалось мне невольно» (Кин Д. Хозяин хижины. С. 28; Кикохэн. В серии «Гунсё руйдзю». С. 348; Масубути Кацуити. Ионуси: хомбун оёби сакуин. С. 1). Но важным мотивом для совершения путешествия всегда было стремление соприкоснуться с удивительными пейзажами, воспетыми в классической поэзии и обозначенными термином *утамакура* (букв. «изголовье песни»). Изначально *утамакура* – поэтический прием в ранней японской поэзии, основанный на упоминании места, связанного со святилищем или известного красотой пейзажа. Расширение смысла топонима привело к появлению традиции путешествий по достопримечательностям (*мэйсё*) – *мэйсё дзюнрэй*, которое осознавалось не как обычное посещение известных мест, но как наполненное духовным содержанием хождение. *Мэйсё* не просто географический пункт, славящийся пейзажем, а эстетическое пространство, привлекающее внимание путешественников, прежде всего, своей красотой, ранее воспетой поэтом. Японца-паломника в трепет приводили природные объекты, освященные традицией многократного посещения и отмеченные поэтическим словом. Манифестация, оглашение топонима определяют мотив для совершения путешествия. «...А здесь алеют клены.../Застава Сиракава! (Минамото Ёримаса), «... И вот – осенний ветер.../Застава Сиракава!» (Ноин хоси), «... И все покрыто снегом.../Застава Сиракава!» (Содзу-инсё). Лирично и одновременно торжественно описывал свою встречу с заставой Сиракава поэт Мацуо Басё (1644–1694) в дневнике «По тропинкам Севера»: «Так в сердечном волнении множились дни, но вот я прошел заставу Сиракава, и улеглось мое сердце странника. ... От тягот дальней дороги я устал телом и душой, но виды восхитили мой дух, думы о старине разрывали мое сердце» (Литература Китая и Японии. С. 322). Чувства, овладевшие Басё

при переходе заставы, сродни глубокому волнению, пережитому два столетия до него поэтом Соги, автором пятистишия *вака*: «Не надеюсь на то,/ что ждет меня слава в грядущем,/но хочу, чтоб стихи/задержали сердца людские/у заставы в горах – Сиракава...» (Д. Кин. Странники в веках. С. 181). Кодовое слово *утамакура* вдохновляло и поэтов, и обычных странников, зовя в путь и пробуждая ностальгические думы и переживания.

Таким же привлекательным, живописным местом было и Миёсино – прекрасное Ёсино, где любили отдыхать императоры и славившееся с древности цветением вишни, а также паломничествами. Горы Ёсино притягивали и завораживали всю жизнь поэта-странника Сайгё (Сато Норикиё, 1118–1190). Они были известны как места для религиозной медитации, самая священная из всех вершин воспитала аскета Эн но Одзуну (634 – нач.700), который посадил там десять тысяч вишневых деревьев, сделав гору одной из самых притягательных в Японии. В знаковых природных точках, впитавших эстетический опыт ранее побывавших там поэтов, Сайгё испытал эмоциональное воздействие, сравнимое с тем, которое оказывалось на паломника при его вхождении в контакт со святынями, сохранившими энергетику первых подвижников, обретая «единство с культурными первопроходцами». Погружение в атмосферу ушедшей эпохи было не менее важным, чем восторженное созерцание окружающих красот. В переживании пространства сказывалась вековая привязанность японцев к естественному ландшафту, связанному с поэтическим текстом. Идея избранности земель, где путники соприкасались со святостью, обретали благодать, тоже побуждала к странствиям.

Если средневековый поэт вдохновлялся, сопереживая с художественным опытом предшественников, то пилигрим тоже стремился почерпнуть духовный опыт, который обрели побывавшие здесь странники. И это соотносится с сохранением и передачей на Востоке образцов древних знаний. Девяти лет отроду будущая фрейлина и писательница Нидзё заболела жаждой путешествий, увидев свиток картин под названием «Богомольные странствия Сайгё»: «С тех пор как я увидела эту картину, душа моя исполнилась зависти и жажды сих дальних странствий. Конечно, я всего лишь женщина, я неспособна подвергать свою плоть столь же суровому послушанию, как Сайгё, и все же я мечтала о том, чтобы, покинув суетный мир, странствовать, идти, куда глаза глядят...» (Нидзё. Непрошенная повесть. С. 73).

Изоляция от внешнего мира, продолжавшаяся с 1641 по 1854 гг., побуждала японцев путешествовать по родной стране и ценить ее красоты. Жизнь под постоянным запретом, будь то одежда, прическа, досуг, вынуждала японцев отступать от ограничений и провоцировала на

вольность, которая находила выход в стремлении узнать, как живут в соседней провинции. Дороги в те времена были переполнены путешественниками: величественные в несколько сот и даже тысяч княжеские свиты, торговый люд пешком или в паланкинах, многочисленные пилигримы и даже любознательные подростки группами или в одиночку. Активность передвижений в XVII в. связывалась с ростом торговых операций и появлением купцов, занимающихся этим профессионально, распространением паломничества к святым местам Исэ, Никко и др., с ликвидацией препон на дорогах, когда местные хозяева, по своему усмотрению, пропускали путешественников и к тому же собирали с них дань. Кроме того, согласно указу военного правителя Японии, третьего сёгуна Токугава Иэмицу (1623–1651), жен князей, их детей и вассалов оставляли в качестве заложников в Эдо, а сами князья через каждый год возвращались в свои владения. Богатые и знатные самураи, не одобрявшие передвижение по стране крестьян, ремесленников и другого люда, устраивали на границах своих владений заставы *сэкисё*, где проводился контроль документов, представлявших в то время справку с печатью местного храма или старосты. Поводом для получения разрешения на временный отъезд были, прежде всего, путешествия с религиозной целью, лечение на горячих источниках или поездка к родственникам в связи с печальным событием.

Обычный путник в дороге рассчитывал на милосердие людей, которых он встречал, и на заботу властей, надзиравших за работой путевых станций, расположенных на расстоянии 4 км одна от другой. Там путешественника ждали кров, еда, носильщики паланкинов, которые также оказывали услугу по сопровождению захворавшего до дома. Отправляясь в дорогу налегке, путник всегда мог послать багаж с помощью *тонъя*, бравших на себя заботы по его доставке в нужное место. А на о.Сикоку местные жители делали паломнику подношения *сэттай* в виде еды, напитков, лекарств и т. п. Путешествуя по стране, японец приобщался к истокам ее культуры, знакомился с бытом, прославившимися тот или иной район изделиями *мэйсан*, лекарствами, едой, саке и по возвращении охотно делился приобретенным опытом, в том числе, с помощью путевых заметок.

Впечатляют яркие описания путешествий не только японцев, но и иностранцев, в частности, принадлежащие немцу Энгельберту Кемпферу, который посетил Японию в составе голландской миссии в 1690г.: «Почти невероятно, как много народа ежедневно путешествует в этой стране. Могу уверить читателя по собственному опыту (я видел это четыре раза), что на Токайдо, одном из главнейших и наиболее посещаемых семи путей Японии, в иные дни народу более, чем на больших улицах главных европейских городов. Это происходит большей частью

от того, что жителей в Японии очень много, частью же от того, что жители беспрепятственно переменяют место, или по доброй воле или по необходимости» (А. Мещеряков. Книга Японских обыкновений. Зибольд, Кемпфер, Тунберг и др. Впечатления путешественников конца XVII – начала XIX века. С. 334). О склонности японцев к путешествиям писал в XIX в. немецкий врач Филипп фон Зибольд (1796–1866): «Среди азиатских стран нет такой, где бы путешествовали так много. Это и бесчисленные процессии князей, направляющиеся в Эдо из своих владений, это и обширная торговля внутри страны – теснящие друг друга торговцы и покупатели из разных провинций, собирающиеся в местном денежном центре – Осака; и весьма многочисленные паломники...» (Там же. С. 105). Как отмечают многие исследователи, желание путешествовать неистребимо у японцев. «Путешествие давало возможность вдохнуть жизнь в свое искусство, открыть что-то новое в том, что уже много раз вдохновляло на создание стихов других поэтов. Эти места никогда не утратят своей чарующей силы, даже если землетрясение изменит их вид» (Д. Кин. Странники в веках. С. 180). Пройдя тропой предшественников, паломники пребывали в глубоком волнении, эмоционально заряжались. Хотя путешествие во времени порой наводило их на грустные мысли. «...Я (Дзоки – Ю. К.) представил себе, каким это (монастырь Кёгоку. – Ю. К.) было когда-то в древности, и снова задумался о том, как печален наш мир» (Там же. С. 29).

Как уже отмечалось, другой важный фактор, исторически вызвавший необходимость в путешествиях, – это широко распространившееся среди населения паломничество к святым местам в буддийские храмы и синтоистские святилища. Путешествующих с религиозными целями было очень много. Ведь почти каждая деревня снаряжала своего представителя с наказом помолиться и привезти амулет. Для укрепления сакрального статуса дома на семейный алтарь *камидана* (полка для божеств *ками*) помещали талисман – символ божьей благодати, который можно было приобрести во время ежегодного паломничества в одном из синтоистских святилищ, а также сувениры *миягэ* – памятные вещи из святилища (*мия* – «синтоистское святилище»)¹ Японцы совершали паломничество (*окагэмаури* – хождение с просьбой о милости) в храмы с целью приобретения амулетов с именем богини Аматаэрасу, воспринимавшиеся как тело бога *синтай*, а также любовных обетов, распространенных между влюбленными. Они продавались в синтоистских святилищах, например, в комплексе Кумано Сандзан – Хонгу Тайся, Хаятама Тайся, Нати Тайся, которые являлись хранителями древних ритуалов и

¹ С течением времени для обозначения слова «подарок» стали использовать иероглифы, означающие «местное изделие», но звучание сохранилось.

культов, поскольку находились в особой зоне, оказывавшей влияние на культурную традицию Японии. Начало паломничеству в эти места положили в XI в. императоры и аристократы, а с XIV в. по дороге Кумано кайдо к святилищам шли уже простые люди. В XVIII в. участились паломничества в основное синтоистское святилище Исэ – *Исэмаири*.

Начиная с XVII в., когда после длительных междоусобиц в стране установился мир, возобновились запрещенные ранее паломничества в Исэ. Но теперь их могли совершать обычные люди. Появились сообщества «почтенных учителей» *онси*, отправлявшихся в провинцию призывать народ поклониться святилищам Исэ. Считалось, что чуть ли не каждый должен посетить это священное место, поскольку божество Исэ считалось божеством всех японцев *бандзин*². «Великое божество святилища Исэ есть предок, основавший нашу императорскую династию. Родившиеся в Японии должны хоть раз поклониться ему», – писал ученый Накаэ Додзю (1608–1648) (Накорчевский А. А. Синто в эпоху Токугава; цит. по [Синто 2001, т. I: С. 224]). Пилигримы, по свидетельству современников, заполнили все дороги, ведущие к храму и, как написано в «Повествовании о паломничестве («Дзюнрэй моногатари», 1641), у жителей Эдо паломничество в Исэ было на втором месте по популярности после посещения горы Коя, центра буддизма школы Сингон. «Всю Японию охватила лихорадка *окагэмаири* – массового паломничества к святилищу Аматаэрасу – Исэджингу, которые имели давнюю историю. Люди шли к божественной прародительнице императоров, веря, что обращение к ней поможет исцелиться от болезней, избавиться от нищеты. Но с середины XVII в. они превратились в грандиозные коллективные движения... В *окагэмаири* 1830 года приняло участие не менее четырех миллионов человек, то есть значительно больше одной десятой тогдашнего населения Японии. С 9 апреля по 29 мая 1705 г. в *Исэмаири* приняли участие 3 млн 620 тыс. паломников. География паломничества охватывала значительную территорию Японии, но исторически сложились определенные маршруты, конечной точкой которых были уже упоминавшиеся Исэ, Никко, Киото, а также храмы, посвященные памяти Сугавара Митидзанэ (845–903)³, общее название

² Паломничество в Исэ стало особенно популярным после распространения в 1615 г. пророчества, что в 9-й день 8-й луны Аматаэрасу сойдет на гору Аа недалеко от Исэ, а через двадцать дней вернется. Это снисхождение с небес будет сопровождаться разгулом стихии. Огромная толпа, собравшаяся в святилище, стала свидетельницей грозы. Крупные *окагэмаири* проходили в 1650, 1705, 1718, 1723, 1771, 1831, 1868 гг. (Накорчевский А. А. Синто в эпоху Токугава // *Синто. СПб.* 2001, т. I: С. 255).

³ Сугавара Митидзанэ известен как крупный государственный деятель, выдающийся ученый, поэт и каллиграф. На его долю выпало изгнание из столицы на о. Кюсю. Признанием его заслуг стало посмертное обожествление под именем Тэндзин, почитался как покровитель литературы и просвещения.

которых Тэммангу. В XII в. сложился обычай посещать 33 святыни Каннон в Сайкоку по числу ипостасей этого божества; в эпоху Эдо все 33 буддийских храма стали местом активного паломничества, так же как посещение 33 храмов в Бандо и 34 в Титибу.

Тяга к путешествиям у японцев была настолько велика, что они были готовы даже прикинуться нищими пилигримами и, попрошайничая, бродить по стране. Этот скрытый вид паломничества *нукэмаири* был достаточно распространен, хотя и запрещался властями. Сердобольные хозяева гостиниц пускали путников на постой, предлагая постель и еду. Странствия паломников создавали традицию путешествий и появления разнообразных мест проживания. В дни особо интенсивного паломничества в каждой комнате постоялых дворов находили ночлег около 30–40 человек. А те, кому не хватало места, ютились в сараях для паломников, где они платили только за дрова. Здесь же рядом вырастали лавки, продающие еду, передвижные театры. Вокруг гостиниц возникал целый мир, призванный удовлетворять запросы постояльцев (Н. Лещенко. Япония в эпоху Токугава. С. 147–148).

В современной Японии большая паломническая база и широк круг людей, вовлеченных в хождение по священным местам. В то же время немало туристов, цель которых, казалось бы, только познавательные экскурсии с посещением монастырей и храмов; на самом деле их интересует и религиозный аспект путешествия. Такие экскурсанты могут принять участие в культовых действиях, но путь к святыням они, как правило, преодолевают не пешим способом, традиционным для пилигримов. Экскурсанты всецело зависят от индустрии туризма, которая предоставляет им услуги транспорта, размещения, питания. Паломники частично тоже могут прибегать к плодам цивилизации. Но главное – у туристов и паломников разное состояние души, иная мотивировка, когда они следуют к одному и тому же объекту. Японцы отправляются в далекое пешее паломничество, покидают обычную среду обитания, хотя живут в окружении храмов, чтобы достичь духовных результатов. Они временно порывают с привычной действительностью, «опустошают» свое сознание, отгораживаются от обыденного мира, сосредоточившись на главном, обретают новый статус. Это состояние «незамутненности» усиливается при приближении к святыне. Посещение памятных мест, освященных столетиями молений, дает возможность подойти к Вечному, вернуться к истокам, т. е. совершить свойственное для духовной культуры Японии обращение к прошлому, которое, скорее, восхождение к древности – *саканобори*. Через паломничество познаются боги. Паломничество, как мы считаем, – не разновидность религиозного туризма, а духоносная сфера деятельности человека, странствующего с целью обретения благодати, нравственного очищения.

Разница между классическим паломничеством и религиозным туризмом состоит в том, что последний включает в себя экскурсионные поездки на культовые объекты с познавательной целью и имеет свой турпродукт: транспорт, размещение, питание, программу осмотра достопримечательностей и т. п. При этом «экскурсионное» поведение отличается от паломнического. Участника тура интересует эстетический, искусствоведческий аспект религиозных центров, историческое прошлое, ритуальные предметы, роль объекта в современной жизни. Мотивация таких поездок меньше всего связана с религиозной составляющей, участием в культовых действиях. Паломническое значение теряется, когда путешествие к святыне приобретает легкость пути, возможность побывать за короткое время в разных и достаточно удаленных местах, ведь транспортные условия помогают преодолевать огромные расстояния. Турист на все смотрит со стороны, больше заинтересован запечатлеть себя на фоне реликвий (если это не запрещено). Паломнику же важно отстоять службу, душой проникнуть в интересующий объект, в тишине сосредоточиться, ощутить момент приобщения к Всеобщему. Экскурсанта интересны все объяснения гида, паломник же хорошо подготовлен и ждет лишь уточнений или хочет убедиться в том, что ему знакомо из книг или устных преданий. Преодолев труд тела, он сосредоточен на трансформации души, находится в ожидании духовного действия. Туристы не облачаются в специальные одежды, на них не распространяются строгие правила поведения и питания, которые обязаны соблюдать паломники. Правда, те, кто останавливается в гостиницах при буддийских монастырях – *сюкубо*, придерживаются принятых там норм общения, едят постную пищу *сёдзин рёри*, а также участвуют в утренних и вечерних службах. Непрофессиональное паломничество не связано временными рамками, отсутствуют жесткие пределы, как в профессиональном хождении, интенсивность которого запланирована. В этом и состоит эффективность странничества как практической аскезы. Но, как и в любом паломничестве, строго фиксируются точки на маршруте и проведение ритуала неизбежно, что касается всех паломнических направлений. Обращается внимание на объекты, созданные природой или руками человека. Паломник продвигается по пути, следуя указанным знакам. Для экскурсанта удобство хождения связано по возможности с меньшим расстоянием между святынями.

Религиозный туризм как вид путешествий предполагает посещение культовых и религиозных центров, где экскурсанты знакомятся с обрядовыми объектами – монастырями, храмами, природными – горами, озерами, пещерами, родниками, водопадами, рощами, а также малыми куклами – придорожными кумирнями, алтарями, часовнями и т. п. Первый групповой (*дантай рёко*) экскурсионный тур религиозной

направленности в горы Такаяма и святилище Исэ в 1905 г. организовал Минами Синсукэ, владелец ресторана в Кусацу на тракте Токайдо, соединявшего Токио и Киото⁴. В 1908 г. он арендовал железнодорожный состав для семидневной поездки, в которой приняло участие девяносто человек, в Эносима, Токио, Никко и Нагано. Минами является основателем первой туристической фирмы «Ниппон рёко», ставшей позже одной из самых крупных японских туроператоров – Nippon Travel Agency (НТА).

В Японии сохранились культурно-религиозные центры, естественно притягивающие паломников как место сосредоточения святынь, а также туристов, поскольку там проводятся грандиозные зрелищные мероприятия, связанные с событийным туризмом. Таким привлекательным объектом, например, является г. Титибу (преф. Сайтама), где находятся двадцать два храма богини Каннон, включенные в уже упоминавшийся паломнический маршрут по тридцати четырем священным местам Титибу (Бандо). Здесь проводится *ёмацури* (ночной праздник), который вместе с праздниками Гион в Киото и Такаяма мацури в Хида (преф. Гифу) входит в тройку самых известных фестивалей с праздничными колесницами *ятай*, имеет более, чем трехсотлетнюю историю и определяется как важная культурная ценность. Культовый смысл фестиваля заключается во встрече и проходах великого божества-*ками*, обитающего в горах и реках района Титибу. Апогей праздника приходится на 3 декабря, когда у синтоистского святилища Титибу дзиндзя, отличающегося от национальных святынь ярким декором, удивительной резьбой, изображающей диковинных животных, собираются многочисленные туристы (в город приезжает более 200 тысяч гостей); колесницы, а их число достигает семи, превращаются в сценические площадки, где разыгрываются эпизоды из исторических пьес. Архитектурно колесницы воспроизводят фасад святилищ со ступенями, ведущими во внутреннюю часть.

Грандиозность платформ-колесницам придает фронтон, усиленный за счет двускатной крыши, словно зонтик (каса), надетой на сооружение, что серьезно увеличивает его высоту. Участники театрализованных

⁴ В путевых очерках русского путешественника Д. И. Шрейдера «Япония и японцы» (1895) тракт Токайдо называется «образцом дорожного сооружения и примером того, как разумно относились уже сотни лет тому назад японцы к одному из важнейших для благосостояния государства вопросов – вопросу о путях сообщения. Попечение о путях сообщения, проведение шоссейных дорог было всегда одной из главных забот японцев». ... Вся дорога пряма, как стрела, гладка, как паркет, усыпана желтым песком и кажется нарядной, тенистой, широкой, бесконечной зеленой аллеей роскошного парка, ... переполненной пешеходами, рикшами, грузовыми телегами, разносчиками». (А. Мещеряков. Книга японских обыкновений. С. 379–380).

парадов, среди них много детей, одеты в старинные костюмы, в сопровождении оркестра барабанов (ятай баяси) шествуют по городу и исполняют национальные танцы. Движение колесниц по городу с довольно сложным рельефом продолжается до шести часов вечера, когда они возвращаются в храм, чтобы в семь часов двинуться к фестивальной площади. Наводненный туристами, возможно среди них есть и паломники, хотя последние предпочитают благостную тишину храмов суэте праздничных улиц, расцвеченный многочисленными фонарями, город представляет собой яркое зрелище. Впечатление от фестиваля усиливается ближе к ночи, когда небо озаряется разноцветным фейерверком. Поистине сказочная феерия красок, света, звуков! (Иноуэ Мицусабуо. Титибу рэйдзэ мэгури. С. 62–63). Не случайно в старые времена этот праздник еще назывался *мёкэн мацури*, т. е. таинственный.

Японские путешественники не обошли вниманием первую по красоте в стране гору Фудзи, которая в культе японских гор занимает лидирующее место и наряду с горами Татэяма и Хакусан входит в число «трех священных гор» (*санрэйдзан*, или *саммэйдзан*). С начала IX в. Фудзи уже была центром паломничества, а первое групповое восхождение произошло в июне 1500 г. В период Токугава существовало более 800 общин (Фудзико), занимавшихся организацией восхождения на эту легендарную гору. Классическое паломничество с целью посещения священного места перемежалось с путешествием, имеющим эстетические корни. Красота Фудзи запечатлена в дневнике поэта Сатомура Дзёха (1524–1602) «Путешествие, предпринятое с целью полюбоваться Фудзи» («Фудзими но мити но ки»). Русский писатель Б. Пильняк в XX в., кажется, понял, почему японцы так трепетно относятся к красотам пейзажа, окружающего Фудзи. «И тогда нам открылось озеро, несравненной красоты, с водами синими, как небо в грозу, пустынными и прозрачными, как наш сентябрь, – и в озере опрокинулся Фудзи-сан, раздвоившийся, ставший над горами и опрокинувшийся в ледяных водах озера. Фудзи-сан – священная гора – покойствовал, величествовал над окружающими горами и над нами, в белом своем плаще снегов. Японцы кланяются духу Фудзи, как кланяются стихиям природы, неподвижному в природе, абсолютному в нашей быстротечности» (Б. Пильняк. Корни японского солнца. С. 62.).

Большой интерес у паломников и туристов вызывают обряды, проводимые круглый год на священной горе Коя. Они связаны с сезонными праздниками, буддийскими ритуалами, памятными датами, имеющими отношение к историческому Будде Шакьямуни и японскому святому, проповеднику буддизма в духе школы Сингон, философу, каллиграфу, строителю – Кукай (774–835). Современным туристам предлагается маршрут с посещением женского храма Нёниндо, мавзолея Токугава,

Главного храма Конгобудзи, храмового комплекса Дандзё гаран, церкви Коясан Дайси кёкай, храма Карукаядо и Сокровенной молельни Окуноин. Каждый из культовых объектов имеет свою интересную, иногда печальную историю. А для женщин-паломниц существует специальный маршрут – Коясан нанацугути Нёниндо мэгури хайкингу. Старая паломническая тропа Кумано кодо связывает Коясан с тремя упоминавшимися святилищами Кумано.

Религиозная доминанта, сакральный взгляд на объект паломничества, определяет в индивиде паломника. Напряженность ритуальности, продолжительность во времени, связь странствия с физическими усилиями делает путешествие паломничеством. Наивысшая духовная концентрация снимает телесный недуг и усталость, которые вызываются длительными переходами от одной святыни к другой. Блаженство приходит в преодолении трудностей. Хождения японских паломников предпринимались и с целью развития практики «*дзёгё саммай*» (сосредоточение через очищающую ходьбу). Возникнув среди адептов амидаизма как форма обхождения статуи Амиды, она расширилась до длительных путешествий, чаще по горам, для вхождения в мистический контакт с божествами данной местности (А. Мещеряков. Япония в объятиях пространства и времени. С. 93).

И для японского паломника и для обычного туриста, как указывалось, большое значение имеет ландшафтная привязанность во время путешествия, любование красотами природы. Это не выводит его из круга пилигримов, а, наоборот, усиливает сакральную составляющую, поскольку окружающий мир населен, по их понятиям, божествами-ками. Более того, пространство с населяющими его синтоистскими божествами, которые создают для путешественника благоприятные условия, выполняет охранную функцию, обеспечивает благополучие путешествия. Но и от странника требуются молитвенные просьбы и подношения. Прodelывая путь к буддийским храмам, японец также находит в душе место для синтоистского восприятия мира.

Природная среда – это не просто часть естественного мира, но основа для формирования культурного ландшафта, обладающего признаками сакральности и превращенного в хранилище мифов и легенд. У современных японцев особой популярностью пользуются аттракционы, связанные с мифологией страны. Это и грот Аmano Ясугавара в ущелье Такатиho на Кюсю богини Аматаэрасу, в котором она пряталась, обидевшись на бесчинства своего брата Сусаноо, и о. Авадзи, считающийся местом зарождения культа первого бога-мужчины Идзанаги, и небольшой район на побережье Японского моря Идзумо, называемый Страной богов (там же Сусаноо хитростью и мужеством победил восьмихвостового змея и достал из его тела меч *Кусанаги но Цуруги*, ставшим

одним из трех символов императорской власти). Сакрализация пространства влечет к его интеллектуализации, формированию слоя людей «одного культурного кода».

Посещение определенных объектов, зафиксированных паломнической традицией, давало пилигриму возможность получать духовный опыт, пережитый предшественниками. Святость места оказывала эмоциональное воздействие, на которое паломник рассчитывал, отправляясь в путь. Паломнический маршрут складывался благодаря первому паломнику и закреплялся хождениями последователей. Религиозная практика странничества определялась потребностью посетить места, бесспорная священность которых способствовала нравственному очищению подвижника и вхождению в состояние медитативной отстраненности. Классическое профессиональное паломничество предполагало посещение зафиксированных священных мест, где предстояло почтить определенных богов и божеств и совершить установленный обряд. В то же время «любительское» паломничество не находилось в столь жестких рамках.

Большая роль в паломничестве отводилась горному отшельничеству, важным местом которого, в частности, является цепь Оминэ, находящаяся южнее Ёсино (преф. Нара). Аскетическая жизнь в горах, основы которой заложил уже упоминавшийся монах Эн но Одзуну, о чем есть запись в хронике «Продолжение Анналов Японии» («Сёку Нихонги», 797), на протяжении многих веков притягивала многочисленных паломников. Больше всего их привлекала практика *сюгэндо* – воспитания в себе сверхъестественных способностей, которые обнаруживались только в аскетическом монашеском существовании в трудных условиях гор, где высоки не только вершины, но и сам дух. Подъем на Оминэ, вернее, на главный пик Сандзёгадэ (1720 м) – конечная цель паломнического маршрута, который начинается на юге у синтоистского святилища Кумано или на севере в Ёсино. И если итогом первого пути было достижение индивидуального просветления, то второй сопряжен с обретением способностей в помощи другим на тропе познания сущности Будды. Массовое паломничество в эти места началось в период Камакура (1185–1333). Оно сопряжено с невероятными трудностями, которые надо было преодолеть, а потом с легкой душой вернуться к мирским делам. Сложная процедура восхождения, состоящая из целого ряда ритуальных мероприятий, делала паломника избранным среди других, шедших по этому наполненному испытаниями пути.

С подвижнической практикой горных отшельников *ямабуси*, безусловно, связано зарождение в конце XIX в. такого вида путешествий как горный туризм. Появившийся в Японии в 1888 г. профессиональный альпинист и миссионер англичанин Вальтер Вестон (1861–1940), который до этого покорил не одну мировую вершину, в 1891 г. поднялся на

священный символ страны гору Фудзи и показал японцам, что восхождение на гору не только ритуальный акт, но туристско-спортивное мероприятие. Вдохновленные подвигом Вестона, японцы активно увлеклись походами в горы, назвав их английским термином «хайкинг». Горные вершины, покорявшиеся раньше только людям, наделенным особой святостью, не утратив своей сакральности, привлекли обычных японцев и стали доступны каждому, кто заботится о своем теле, не забывая о духе. (А. Мещеряков. Статья японцем. М. 2012. С. 241–242). С тех пор походы в горы любимы японцами со школьных лет.

Одно из привлекательных мест для японцев – о. Сикоку, начало хождению по буддийским святыням которого положил в IX в. Кукай. Современных японцев интересует как классическое паломничество по 88 храмам (*соси дзюнрэй*), длящееся более 2 месяцев (1200 км), но и короткие маршруты, которые могут занимать по времени один день. Для них даже придумали термин, включающий заимствованное слово «цуа» (тур) – *хигаэри но дзюнрэй цуа*. Идея многодневного паломничества постепенно утрачивается, и японцы часто прибегают к многократному хождению (*кугуриути*), разбивая длинный маршрут на несколько коротких или посещая святыни только одной из четырех префектур-земель *иккоку маури*. С постройкой моста, связавшего Хонсю и Сикоку, на остров активно стали приезжать туристы, в том числе, и с религиозными целями, число которых доходит до 9 млн в год. Но в этом потоке трудно выделить чистых экскурсантов, так как отсутствуют точные статистические данные.

В современном японском обществе туризм как массовый вид путешествий сопряжен с коммерческой и духовной составляющими. Поездка совершается в преображенном туристском пространстве, где на приоритетные позиции выдвигается инфраструктура в виде средств передвижения, размещения, питания и т. д. Из-за недостатка времени оскудевает сакральный смысл традиционных ритуальных действ. Турист не может полноценно принять участие в обрядах, которые раньше составляли основную цель посещения того или иного объекта. Особенно это относится к участнику группового тура, скорректированного в соответствии с его запросами и возможностями организатора поездки. Индивидуальный посетитель не настолько обременен туристским планированием, и сам строит свою судьбу путешественника. Он близок к пониманию путешествия как пути познания реальностей другого пространства, а в его программе духовная составляющая несет большой потенциал. Новый вид пространства, туристический, помимо экономических, обладает культурно-просветительскими характеристиками.

Выбор путешествующим той или иной дестинации определяется рядом факторов, которые в Японии представлены в полном объеме: 1) природные ресурсы; 2) инфраструктура; 3) суперструктура; 4) транспортные

средства; 5) ресурсы гостеприимства. Рост туристской активности впечатляет. Кажется, что в пути вся страна – школьники, студенты, молодожены, сослуживцы, бывшие однокашники и т. п. (среднестатистический японец на отдых и развлечения тратит свыше 20% семейных расходов). В Японии сохраняется устойчивый интерес к традиционным формам туризма – общепознавательному и оздоровительному (курортному). Для лиц средней возрастной группы, пенсионеров, семейных пар с детьми поездки на отдых стали распространенным явлением. Среди молодежи популярны развлекательные и спортивные туры. При растущей тяге к зарубежным путешествиям большая часть японцев пока их отдают предпочтение поездкам по стране. Среди причин, замедляющих активизацию поездок за рубеж, исследователи определяют следующие: беспокойство о безопасности (47.9%), нежелание покидать страну и незнание иностранных языков (по 38%), высокая стоимость зарубежной поездки (37.7%), неприемлемость другой кухни (29.6%). Объем доходов от внутреннего туризма членов Ассоциации туристических агентств Японии (JNT) составляет 54.8%, а чистая прибыль 55.6%.

Поездки на отдых и для развлечений⁵ – это крупный сегмент внутреннего туристического рынка, и по объему они уступают только бизнес-туризму. Такие путешествия по структуре достаточно разнообразны и представляют собой отдых на термальных источниках, в горах, отдых со спортивными целями (горные лыжи и очень популярный в стране гольф), а также культурно-познавательные поездки. Перечисленные виды туризма не требуют особой специализации обслуживающих его средств размещения, за исключением купален, бассейнов, открытых и закрытых. Но необходима материальная база (инвентарь для лыж и гольфа, хотя большинство японцев приезжают со своей экипировкой), а также соответствующая внешняя среда и местные достопримечательности.

Заполняемость традиционных гостиниц *рёкан* (1 млн постояльцев в год, 860 тыс. обслуживающего персонала) обеспечивается в первую очередь внутренними туристами, число которых по сравнению с 1960–1980-ми гг. выросло благодаря введению 5-дневной рабочей недели (95% занятого населения работают по этой системе на постоянной или временной основе, а 57,6% – только на постоянной основе). Кроме того, на ряде предприятий предоставляется 18-дневный оплачиваемый отпуск, хотя японцы, как правило, используют только 8,9 дней, т. е.

⁵ В Японии для путешественников создана широкая развлекательная инфраструктура: 1600 музеев, 357 национальных и префектуральных парков, 2900 ботанических садов и зоопарков, включая сафари-парк, 76 аквапарков, 227 развлекательных комплексов. По всей стране проложено 3000 автомобильных, велосипедных и пешеходных маршрутов. 10 трасс имеют статус международных туристических и связывают все центры туризма и курорты страны.

49,5%. Большая доля путешествий по стране приходится на период национальных праздников, которых в Японии пятнадцать. Японцы часто отдыхают по распространенной в стране системе «три дня две ночи» *нихаку микка* (в 2012 г. на одного человека пришлось 2,24 ночевки).

В период буддийского праздника поминовения усопших *обон* (13–16 августа, в некоторых районах 13–15 июля) сотни тысяч японцев отправляются путешествовать по стране, часто на родину предков. Многие приурочивают к этим дням свои отпуска, тем более что в это время, как и под Новый год, организации выплачивают своим сотрудникам сезонные премии-бонусы. Почти общенациональным местом поминовения предков считается гора Осорэдзан (Страх) на северо-востоке Хонсю, где, по легенде, находится портал – вход и выход в преисподнюю, и в течение четырех июльских дней там собираются десятки тысяч японцев для встречи душ усопших родственников. Рост туристской активности связан и с локальными праздниками, которых очень много; каждый по-своему интересен и имеет отношение к местным традициям и истории. Участие в праздниках влечет за собой большие передвижения населения по стране, что, безусловно, служит стимулом для развития туризма, пик которого обычно приходится на май – 22 080 тыс чел. и август – 21 680 тыс чел. (данные за 2012г).

Увеличение потока туристов стимулирует расширение гостиничной базы, что, в свою очередь, способствует развитию отраслей индустрии, обеспечивающих функционирование этой сферы через поставку продуктов питания, разнообразного сырья, материалов, предметов гигиены, санитарии, рабочей силы и т. д. Непосредственно в туризме трудится почти 2 млн человек, а 4,1 млн или 6,3 % от числа японцев, работающих на постоянной основе, заняты в секторе экономики, связанном с производством товаров и услуг для туризма. Их доля в ВВП страны составляет 5,4 %. Туризм в Японии является общенациональным делом и развивается при активной поддержке государства, принявшего многочисленные законы относительно деятельности курортных районов, национальных парков, улучшения средств размещения, продвижения мероприятий, связанных с традиционными праздниками, работы гидов-переводчиков и др.

Поняв свое бытийное пространство, японец-путник покидал его с целью восприятия другого мира. Сохранявшаяся на протяжении столетий устойчивость традиционных локусов приводила к перемещениям, порой массовым. При этом выявлялась сакральная природа притягательных участков. Путешествие становилось способом познания культурного пространства, ожиданием восторженности перед окружающим миром. Созерцание природы часто выполняло терапевтическую функцию, давая возможность успокоиться в пути, отвлечься от тяжких дум, переменить настроение и взбодриться телом. Эмоциональная составляющая

являлась неотъемлемой частью путешествия, духовно преобразующего человека, приводя его чувства в гармонию с природой. Ландшафт в японском сознании всегда осмысливался как пространство для символического освоения окружающей среды. И на буддийских картинах мира – мандалах храм обычно изображался в окружении ландшафта.

Дорога к прошлому для японца – это не столько возврат в былые времена, сколько восхождение к ним. В поисках истоков своей культуры японцы устремлялись в освященные традицией места, «продираясь» сквозь пласты истории для ее прочтения. Перемещения по стране не носили хаотичный характер, выбор пути был предопределен многовековой традицией, путешественник руководствовался устойчивыми критериями. Вдохновленные приобретенным опытом, достигнув понимания через приобщение к прошлому, японцы возвращались в родные места, передавая культурную практику своим землякам, а также материальные образчики, например, в виде оберегов. Длительность путешествия соотносилась с усилением святости человека, переходом его на особую ступень благодати.

Путешествие как элемент культуры на протяжении тысячелетий являлся ее константой. Вступая на путь странствий, японец искал и находил во всем виденном и слышанном сердечный отклик *kokorodzuké*. В преображенном туристском пространстве сейчас появляются как новые цивилизованные аттрактивные участки, так и сохраняются вековые объекты притягательности, обладающие знаком сакральности.

Использованная литература

- Белая книга по туризму Японии. 2012 г.
Иноуэ Мицусабуро. Титибу рэйдзё мэгури. Сайтама. 2008.
Кин Д. Странники в веках. М.1996.
Кужель Ю. Л. Японские традиционные гостиницы рёкан в культуре страны. М. 2007.
Кужель Ю. Л. Паломничество как импульс религиозного туризма. Статьи и материалы IV Международной научно-практической конференции. МГИИТ им. Ю. А. Сенкевича. М. 2011.
Кужель Ю. Л. Паломничество в современной Японии. Статьи и материалы V Международной научно-практической конференции. МГИИТ им. Ю. А. Сенкевича. М. 2012.
Кужель Ю. Л. Мир японского паломничества. М. 2012.
Мещеряков А. Н. Стать японцем. М. 2012.
Мещеряков А. Н. Книга японских обыкновений. М.1999.
Мещеряков А. Н. Япония в объятиях пространства и времени. М. 2010.

- Мэгуми Сакураи. Сикоку хатидзюхаккасё о аруку. Т. 2001.
- Накорчевский А. А. Синто в эпоху Токугава // Синто – путь японских богов. Т. I. СПб. 2004.
- Нидзё. Непрошенная повесть. СПб. 2005.
- Лещенко Н. Ф. Япония в эпоху Токугава. М. 1999.
- Литература Китая и Японии. М. 1935.
- Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. 2000.
- Пильняк Б. Корни японского солнца. М. 2004.
- Светлов Г. Колыбель японской цивилизации. М. 1994.
- Судзуки Масару. Методы активизации международного туризма. Лекция в Японском центре в Москве. 2013.
- Черепанова Н. А. Путешествие как феномен культуры. Автореферат на соиск. уч. ст. канд. философ. наук. Томск. 2006.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КЛАССИКИ И СОВРЕМЕННОКИ *(заметки инсайдера о судьбе классического наследия в современной Японии)*

Япония – страна древней высокоразвитой культуры. Подобное утверждение звучало бы унылым трюизмом, сравнимым разве что с «Волгой, впадающей в Каспийское море», если бы не парадоксы исторического развития человечества, которые эту банальную истину ныне в значительной мере опровергают. То есть никаких сомнений в наличии богатейшей культуры на Японских островах, разумеется, ни у кого возникнуть не может. Она повсюду, куда ни глянь. Туристов в Киото неизменно ведут любоваться дзэнским садом камней в храме Рёандзи, Золотым павильоном, Серебряным павильоном, замком Нидзё (со снеженным донжоном), храмами Ниси Хонгандзи и Хигаси Хонгандзи, монастырем Тофуку-дзи, декоративным районом Гион, а желающих приглашают также посетить еще две-три сотни храмов и пару дюжин знаменитых садов древней столицы. В Нара их поджидает грандиозный деревянный храм Тодайдзи с гигантским Буддой внутри и не менее впечатляющее синтоистское святилище Касуга. Большим Буддой и десятками знаменитых обителей гордится столица сёгунов Камакура, поражают воображение богатым убранством храмы и гробницы сёгунов в Никко.

По всей стране проведена регистрация городов с сохранившимися старинными кварталами, которым присвоено почетное звание «малого Киото». Их набралось пятьдесят – в остальных старые постройки были скрыты до основания на протяжении минувшего века. Досконально изучены и описаны старинные храмы, великолепные средневековые сады и парки. Любовно обихожены замки, сохранившиеся после кампании «борьбы с проклятым наследием феодализма» в эпоху Мэйдзи. Их тоже насчитывается около пятидесяти в разных концах страны. Некоторые были отстроены заново из бетона после пожаров и разрушений – в

Осаке, Нагое, Одаваре, Ёкотэ и многих других городах. Остальные полторы сотни разделили печальную участь величественного «Замка зеленых листьев», родового владения даймё Датэ в Сэндае или крепости владетельного клана Сатакэ в Аките: их когда-то разобрали по камушку, не оставив даже следа от могучих твердынь, служивших оплотом князьям и полководцам японского средневековья. Кое-где, правда, сохранились части призамковых городов – например, усадьбы самураев в горном Какунодатэ, хотя замка в котором они служили, давно уж и след простыл.

Многое исчезает бесследно в потоке времени. Рушатся памятники архитектуры, становятся антикварной редкостью артефакты, гибнут в огне пожаров оригиналы бессмертных полотен. Как печально констатировал Иван Бунин, «из древней тьмы, на мировом погосте звучат лишь письма». Но уж с письменным наследием в Стране Восходящего солнца все обстоит прекрасно: богатейшие архивы, превосходные научные центры, книгохранилища с полностью оцифрованными фондами, доступными ныне в режиме онлайн, разветвленная сеть университетских и публичных библиотек. При стопроцентной грамотности населения и невероятно развитой муниципальной инфраструктуре культурного сервиса все сокровища отечественной литературы и сопряженные с ними шедевры каллиграфии ныне в полном распоряжении благодарных читателей.

В Японии на государственные средства был создан колоссальный межуниверситетский Научно-исследовательский центр Отечественной литературы (Кокубунгаку кэнкю сирёкан), включающий также грандиозный по масштабам фонд древних и средневековых рукописей, книг каллиграфических надписей и рисунков. Еще в 1989–1990 гг. в период стажировки по линии Японского фонда мне довелось провести много дней в стенах этого уникального центра, работая над подготовкой перевода антологии «Кокинсю» при участии заведующего отделом рукописей профессора Синдо Кёдзо. Тогда Центр располагался в довольно большом и относительно современном здании неподалеку от кольцевой станции Готанда в закоулках района Тогоси. В новом тысячелетии Центр Отечественной литературы перенесли в академгородок, выросший в Татикаве, городке-спутнике Токио, вокруг площади Наук и Искусств. Новое здание, оснащенное по последнему слову техники, в несколько раз больше старого, что неудивительно, поскольку книгохранилище стремительно разрастается год от года за счет приобретения новых коллекций. Как члену правления Кокубунгаку кэнкю сирёкан (кстати, единственному иностранцу среди двадцати четырех членов правления) мне приходится регулярно бывать в Татикаве, наблюдая воочию процесс приобретения новых коллекций и их обработки.

Результаты научных исследований печатаются в вестнике Центра, который проводит также ежегодные международные конференции.

Другой масштабный научно-исследовательский центр был создан на базе музея Дом Современной японской литературы (Нихон киндай бунгакукан) в Токио. Здесь хранятся личные архивы писателей Нового и Новейшего времени. Разумеется, эти материалы также сканируются и оцифровываются, что делает их достоянием широких кругов исследователей. Издается научный вестник. Кроме того, здесь налажено серийное производство репродуцированных версий первых изданий авторских книг периода Мэйдзи-Тайсё-начала Сёва. В Центре читаются циклы лекций по литературе, проводятся выступления поэтов.

В восьмидесятые годы прошлого века был воплощен еще один грандиозный правительственный проект – создание Международного центра изучения японской литературы близ Киото (Нитибункэн). Этот центр, располагающий прекрасной библиотекой и хорошо знакомый многим японоведам Европы, Америки, Азии и Австралии, был спроектирован как ответ Японии на вызов эпохи глобализации. Хотя одной из основных задач Нитибункэн является создание оптимальных условий для долгосрочной стажировки ведущих японоведов мира, его научный штат выполняет самые разнообразные функции: от координации международных проектов по изучению ключевых проблем японской литературы и культуры до инвентаризации и разработки базы данных всех зарубежных коллекций японского искусства. Публикации Нитибункэна за последние десятилетия сами по себе уже составили внушительную базу данных. В лоне Нитибункэна формировались также разнообразные теории о становлении и развитии японской культуры, выдвинутые известными современными учеными: Умэхара Такэси, Хага Тору, Наканиси Сусуму, Каваи Хаяо, Оси́ма Хитоси и многими другими.

По всей стране разбросаны мемориальные музеи писателей и поэтов. Только музеев авторов Нового времени, которые курирует ныне Дом современной японской литературы, насчитывается порядка полутора сотен, а с учетом авторов древности и средневековья общее количество, вероятно, составит более двухсот пятидесяти. Художественные и краеведческие музеи тоже уделяют немалое внимание книжной классике. Так, в крупнейшем музее Эдо-Токио находится большое собрание книг эпохи Эдо, представляющих огромное разнообразие жанров и форм литературы позднего средневековья и показывающих многосторонние связи между литературой и живописью *укиё*, воплощенной в гравюре.

Особенностью культурного ландшафта Японии со времен Средневековья являются каменные стелы с запечатленными на них строками классических стихов – *танка* (*кахи*), *хайку* (*кухи*) и *киндайси* (*сихи*).

Эта традиция, некогда заимствованная из Китая, живет и в наши дни. Например, только в Аките установлено двадцать *кухи*, посвященных одному, причем не слишком известному, поэту, уроженцу этой префектуры Исии Рогэцу, ученику и другу патриарха новой поэзии *хайку* Масаока Сики. Поэтические стелы издавна возводились на средства местной администрации и спонсоров в местах, связанных с биографией поэтов и их странствиями. Существуют десятки стел со стихами Сайгё, сотни со стихами Басё и в общей сложности, вероятно, тысячи – со стихами других поэтов, что придает всей стране совершенно уникальный поэтический колорит. Память прославленных поэтов, писателей и драматургов увековечивают также многочисленные бронзовые изваяния, бюсты и сложные скульптурные композиции – как, например, мемориал Исикава Такубоку в Хакодате.

На полках библиотек, как университетских, так и публичных (городских и районных), классику, к которой можно отнести произведения не только Средневековья, но и Нового времени, представляют огромные серии прекрасно оформленных томов. Безукоризненно подготовлены полные собрания, причем не только авторов уровня Сайкаку, Тикамацу, Басё, Кавабата Ясунари или Акутагава Рюноске, но и великого множества писателей второго, а также третьего ряда, о которых в университетских курсах литературы нет даже упоминаний.

Радуют глаз любовно подобранные многотомные серии избранных шедевров классики Средневековья и Нового времени, отсортированные компетентными редколлегиями как по хронологическим периодам, так и по жанрам, и по отдельным авторам. В подавляющем большинстве серии, охватывающие литературу древности и средневековья, содержат подробнейший комментарий, а порой и параллельный перевод на современный язык. Книги, представляющие литературу на *камбуне* или на чисто китайском языке (например, литература Пяти монастырей), снабжены переводом в различных вариантах. Самая популярная форма – параллельный постраничный перевод текста, но есть и другие случаи. Так, поэзия *канси* «Шальное облако» («Кёун-сю») в собрании сочинений Иккю дублируется в отдельном переводе на *бунго* целиком, практически как отдельная книга.

В немыслимом разнообразии представлены также вспомогательные пособия: литературные энциклопедии, справочники и словари, в которых можно найти биографические сведения о любом маломальски известном деятеле японской литературы и культуры. Сравнительно небольшой биографический справочник, предоставляющий информацию только о поэтах Нового времени, содержит около шести с половиной тысяч имен – причем в нем фигурируют только лауреаты литературных премий... Другие издания предлагают системный анализ отдельных

технических приемов – например, «постоянных эпитетов» *макуракотоба* в поэзии *танка* или сезонных слов в поэзии *хайку*. Огромная альбомная серия представляет средневековые шедевры каллиграфии с переводом и подробным комментарием. Специальные серии представляют гравюры *укиё* с расшифровкой подписей и авторских печатей.

Почетом и уважением окружены театры Но, Кабуки и Бунраку, постоянно обновляющие свой классический репертуар и воспитывающие новые актерские кадры. Не забыты и театр Ёсэ, и театр одного актера *ракуго*. Каждый из театров имеет определенный контингент поклонников, регулярно посещающих спектакли. Столь же любовно пестуются традиции национальной музыки и художественных ремесел.

Казалось бы, любая страна может только мечтать о таком освоении своего культурного достояния. Однако на фоне бурного развития специализированных исследований в разных областях гуманитарных наук и заботы государства о сохранении культурного наследия не может не вызывать недоумения и беспокойства резкое падение культурного уровня широких масс населения, к которым уже можно отнести и многомиллионную служилую интеллигенцию с университетскими дипломами. Вопреки видимому благополучию в области культуры, уровень того образования, которое когда-то называлось классическим и действительно таковым являлось, в последние десятилетия упал в Японии до критической отметки, катастрофически снижая интерес масс к наследию предков.

Дело здесь прежде всего в системе школьного обучения, которое, как известно, было реконструировано в послевоенный период по американскому образцу. Тогда, в результате реформы 1947 г., из школьной программы выпали китайский язык (вспомним, что на протяжении многих веков японская культура была фактически билингвистична), история страны, традиционная этика и многие другие ключевые гуманитарные дисциплины. Школа была переориентирована на практические ценности.

В сущности, отечественная литература как таковая не входит в список приоритетных школьных предметов и скорее относится к числу комплиментарных дисциплин, инкорпорированных в многолетнюю школьную программу Родной речи, давно уже перейдя в категориюременительной лишней нагрузки. Не входит литература и в список вступительных экзаменов в университетах. Такое положение литературы в школьной программе отчасти компенсируется популярностью курса отечественной литературы во многих университетах, а также в некоторых краткосрочных женских колледжах – наряду с курсом англо-американской литературы. Однако на факультеты японской литературы все же попадает ничтожный процент выпускников школ, а остальные, в

том числе и миллионы студентов вузов, довольствуются школьным «Курсом молодого бойца», который не способен дать даже самое приблизительное представление о японской классике и не предполагает чтения классических шедевров целиком даже в современной обработке.

То, что, может быть, применимо в США и даже в Европе, не оправдывает себя в Японии. Основная причина проста: язык. Если в любой европейской стране к концу первого класса (а иногда и значительно раньше) ребенок уже умеет читать и писать, а значит, получает возможность читать самостоятельно любые книги, то в японской школе он достигает более или менее достаточного уровня грамотности только на девятом году обучения, выучив обязательный иероглифический минимум. Лет до шестнадцати большинству приходится довольствоваться радикально адаптированными и щедро снабженными картинками текстами учебников Родной речи (*кокуго*), скорее напоминающими комиксы-*манга*. В учебниках *кокуго* для начальной школы, в которой ученики пребывают до 13 лет, практически никаких литературных произведений, кроме сказок, вообще не упомянуто. В учебниках для средней школы микроскопические фрагменты из одной-двух средневековых классических книг, а также из пары небольших адаптированных фрагментов классики нового времени в произвольном наборе, разбросанные среди прочих занимательных дидактических материалов по японскому языку, уже имеются, хотя обнаружить их нелегко. «Старая классика» представляет собой крохотные отрывки оригинального текста (например, «Повесть о старике Такэтори») с параллельным точным переводом на современный язык и небольшой по объему пересказ *части* всей волшебной повести. В средней школе второй ступени (9–12 год обучения), в зависимости от конкретного учебника, «старая классика» может быть представлена тем или иным лоскутным набором небольших фрагментов произведений. «Новая классика» (например, «Мальчуган» Нацумэ Сосэки) дается в виде облегченного до неузнаваемости текста одной главки. Никаких специальных пояснений по авторам и по культурному фону эпохи не прилагается. Даже если учитель и говорит о них на уроке, вряд ли ученики способны что-то запомнить на слух.

Учебников *кокуго* для средней школы, соответственно, по одному на год, и в каждом есть небольшая литературная составляющая. Акцент, однако, делается не на художественных достоинствах текста, а на особенностях старописьменного, недоступного для детей, языка, который они предположительно должны осваивать по этим текстам и прилагаемым головоломным грамматическим таблицам.

Правда, в средней школе второй ступени с литературой дело обстоит лучше. Существует несколько вариантов учебных пособий по родной речи с упором на классическую литературу. Возьмем для примера

учебник, выпущенный в 2014 г. компанией «Пирсон-Кирихара», который предлагает школьникам краткий курс *камбуна* и малоформатную хрестоматию объемом около полтораста страниц с краткими извлечениями из китайских исторических хроник, средневековых романов и поэтических сборников в переложении на *камбун*, а также японских сборников поэзии *канси*. Коллектив авторов состоит из профессоров крупнейших университетов и школьных учителей. К брошюре прилагается также довольно обширная хронологическая таблица китайской литературы. В целом пособие составлено вполне профессионально, но научиться по нему читать на *камбуне*, а тем более собственно на китайском за несколько месяцев едва ли возможно. Тексты коллективно прорабатываются в классе, но предлагаемой брошюры катастрофически мало для того, чтобы отважиться после нее самостоятельно приступить к литературе на *камбуне*. И действительно, студенты на *камбуне* не читают.

Судя по упоминаниям в старинных книгах, некогда дети выучивали необходимый объем иероглифов и принимались за чтение литературы на старояпонском, а нередко также и на китайском уже лет в двенадцать-тринадцать. Ныне в это верится с трудом. Китайский (классический *вэньянь*) был полностью исключен из школьных программ еще в результате реформы 1947 г. Степень овладения старояпонским – *кобун* у подавляющего большинства школьников настолько низка, что, за редкими исключениями, чтение старых текстов любой эпохи (во всяком случае прозы), и особенно на *камбуне*, представляет для них сегодня почти непосильную задачу. Почти – потому что в действительности навык чтения классики мог бы быть развит при некоторой настойчивости со стороны Министерства Просвещения и науки, а также учителей, но в этом направлении давно уже не предпринимается ни малейших усилий. Никто не отсылает школьников и к большим, хорошо прокомментированным сериям классики с параллельным переводом на современный язык. О существовании таких серий они и не знают.

Новейший учебник собственно японской классической литературы для старших классов, выпущенный тем же издательством и фигурирующий как учебник старого языка *кобуна*, то есть *бунго*, представляет собой компактную (около двухсот страниц), но хорошо составленную хрестоматию с делением по жанрам и по авторам, но не по эпохам. В него входят небольшие комментированные фрагменты из оригинальных текстов старинных *эцува* («Кондзяку моногатари» и «Удзисюи моногатари»), *дзуйхицу* («Макура соси», «Цурэдзурэгуса» и «Ходзёки»), повестей («Такэтори моногатари», «Исэ моногатари», «Ямато моногатари», «Цуцуми тюнагон моногатари»), старинных хроник («Кодзики»), исторических повествований («Окагами»), эпических сказов-*гунки* («Хэйкэ моногатари»), лирических дневников («Сарасина никки», «Кагэро

никки», «Идзуми сикибу никки», «Мурасаки сикибу никки») и бес-
смертного романа «Гэндзи моногатари», повестей-*кайдан* («Угэцу мо-
ногатари»). К большинству текстов даются переводы на современный
язык. К двум или трем произведениям приложены краткие коммента-
торские толкования.

Поэзия представлена маленькими выборками из авторов «Кокинсю»
и других императорских антологий, пятью *хайку* Басё, шестью *хайку*
Бусона, пятью *хайку* Исса, одной *танка* Рёкана, а также по одной – Ка-
гава Кагэки, Татибана Акэми и Окума Котомити, с кратчайшими
справками о поэтах в одну строчку. Кроме того, в отдельный раздел
вынесены фрагменты из трактатов по эстетике и поэтике: «Кадэнсё»
Дзэами, «Кёрай-сё» Мукай Кёрай и некоторые другие.

В приложении к учебнику можно найти компендиум грамматики
кобуна, карту Японии со старым географическим делением по провин-
циям, хронологические таблицы, старинные названия месяцев и много
другой полезной информации.

При всем том, что хрестоматия вполне удовлетворительна по составу,
она скорее напоминает распечатанную компьютерную базу данных,
чем учебное пособие по литературе, поскольку в ней представлено ог-
ромное количество по-деловому сжатой, «архивированной» информации.
Можно сказать, что при составлении учебника авторы следуют общим
принципам отбора, характерным для многотомных серий японской
классики, повторяя их в масштабе 1:1000. Если глава из «Повести о
Гэндзи» еще может дать какое-то представление о книге, то одна *тан-
ка* никоим образом не способна поведать о ее создателе.

Что касается комментариев и справок, то они в основном представ-
ляют собой урезанный до одной-двух строк текст, взятый целиком из
«взрослого» справочника с совершенно излишними географическими
подробностями. При этом, например, в «справке» о великом дзэнском
поэте Рёкане даже не упомянуто, что он был монахом, сознательно из-
бравшим в качестве схимы нищенство и одинокую жизнь в скиту, а в
«справке» о Кагэки – о том, что он был законодателем поэтической мо-
ды в первой половине XIX в.

Пособие, которое позиционируется как «Гэндайбун», то есть «со-
временная речь», выпущенное в 2014 г. столичным издательством «То-
кио сёсэки», предлагает пользователям пеструю смесь из текстов Мори
Огай, Абэ Кобо и Оока Сёхэй, стихов-*гэндайси* Такамура Котаро,
Ёсиока Минору и Тамура Рюити, нескольких современных *хайку*, а
также довольно длинного ряда разрозненных статей и эссе по различ-
ным проблемам современной культуры. Все вместе создает видимость
широкого охвата литературной жизни страны, но в действительности
представляет собой совершенно несъедобное ассорти, от употребления
которого у школьника может случиться душевное расстройство.

Учебников *кокуго* существует несколько, и набор произведений в них может отчасти варьироваться, но суть от этого не слишком меняется.

Как мы видим, современные школьные программы не чуждаются литературы, но способ подачи материала, судя по всему, просто запрограммирован на его отторжение. Материала много, он труден, плохо скомпонован, спрессован во времени и не рассчитан на последовательное усвоение и запоминание. В итоге те школьники, которые выкраивают время после занятий в школе и на репетиторских курсах, не имеют достаточной мотивации для чтения и, соответственно, никогда не прикасаются к классике вне учебной программы.

Школьные нормативы не предусматривают чтения упомянутых в учебнике произведений целиком не только по причине лингвистической трудности, но и потому, что большинство классических шедевров просто классифицируется как «не детское чтение», недоступное разумению школьника, иногда даже в старших классах (то есть в возрасте 17–18 лет). Если учесть, что в японской школе вся программа ориентирована на усредненного ученика без поправок на индивидуальные способности и неординарные интересы, то возможности самостоятельного чтения трудных классических текстов, если и не полностью исключаются, то во всяком случае никак не поощряются. А если вспомнить, что подавляющее большинство старших школьников вынуждено также по вечерам посещать параллельные репетиторские курсы *дзюку* и участвовать в спортивных секциях, станет ясно, что для чтения у них нет ни времени, ни возможностей.

Стоит отметить, что популярные произведения художественной литературы, как японской, так и зарубежной, существуют, помимо перевода оригинала, в различных детских, до предела адаптированных, вариантах, которыми учащиеся школ в принципе могут пользоваться. Вероятно, к ним еще обращались до появления Интернета, который благополучно избавил новые поколения школьников от необходимости посещать библиотеку. В Интернете же адаптированные варианты, да еще в бесплатном пользовании, найти непросто, и сейчас ими, видимо, пользуются единицы.

Как ни странно, ситуация со школьной программой отечественной литературы несколько не беспокоит Министерство Просвещения и науки Японии. Особой озабоченности, похоже, не проявляют и учителя, которые следуют по накатанному пути и явно не собираются от себя вносить какие бы то ни было изменения. Мне не удалось найти ни одной статьи, заставляющей задуматься о том, что происходит с классическим литературным наследием в стране Восходящего солнца. А ведь речь идет о трагедии национального масштаба: в суеете строительства «экономического чуда», в угаре модернизации, глобализации и информационной

революции духовная составляющая японской культуры, основанная на литературной классике, странным образом выпадает из обязательного образовательного комплекса XXI в., перейдя в категорию комплиментарных дисциплин.

За двадцать три года работы в Японии передо мной прошли сотни студентов в классах японской литературы, которые я вел – сначала в Токийском университете иностранных языков, а затем в Международном университете Акита. Оба университета не являются профильными вузами со специализацией по японской филологии, но представляют собой достаточно типичные учебные заведения с общим гуманитарным уклоном, каковых в Японии очень много: первый как лингво-страноведческий институт, второй – как вуз с обучением по системе Liberal Arts (что подразумевает ознакомление с широким спектром гуманитарных дисциплин с добавлением естественных наук). Все эти годы я периодически проводил анкетирование студентов, суммируя результаты опросов. Кроме того, на собеседованиях перед вступительными экзаменами мне в составе отборочной комиссии ежегодно приходится опрашивать десятки абитуриентов с целью определить уровень их интеллекта и эрудиции. Такого рода собеседования проводятся по достаточно жесткой схеме, зафиксированной в списке вопросов, куда (по моему настоянию) был внесен и вопрос о прочитанных за последние годы книгах.

Попутно можно отметить, что вопрос о круге чтения и литературных интересах молодых людей практически никогда не затрагивается в полученных от директора школы характеристиках-рекомендациях, которые часто прилагаются к документам.

Как показывают результаты собеседований и опросов, несмотря на высокие показатели в аттестатах, блестящие рекомендации и довольно содержательные сочинения-эссе на вольную тему интерес к классической литературе в целом проявляет лишь незначительное меньшинство абитуриентов, менее 10%. Однако и у этого меньшинства при ближайшем рассмотрении «интерес» обычно сосредоточен на одной или двух книгах автора из упомянутых в школьном курсе. То есть, если в школе, например, выборочно проходят роман классика Нового времени Нацумэ Сосэки «Сердце» («Кокоро»), то интерес к автору может заставить школьника прочесть еще один его роман – скажем, «Ваш покорный слуга кот». Правда, с трудом, поскольку даже язык начала XX в. таит для современного юноши немалые трудности. Тем и ограничивается знакомство с классикой. На большее, как правило, у школьника уже нет ни времени, ни желания. Правда, и одна попытка на фоне нулевого интереса прочих должна засчитываться в актив. Никакой аналитической работы над книгами не ведется: ни разбора текстов, ни сочинений на литературные темы, столь популярных в российской школе. Жанр литературной критики может быть представлен в учебнике одной-двумя

критическими статьями на произвольную тему, но написание такого рода сочинений в школе не предусмотрено. Для полноты картины можно добавить, что, хотя на вопрос «Читали ли вы книги за последний год?» многие абитуриенты отвечают положительно, в большинстве случаев речь идет о книге в единственном числе, принадлежащей айпаду какого-нибудь современного мастера детективного жанра или «женского романа» – в зависимости от личных вкусов. Здесь, впрочем, нет ничего удивительного, если учесть, что в последние годы японский книжный рынок наводнен примитивными псевдолитературными подделками, премии вручаются нередко за книги сомнительного качества, неизменным лидером продаж остается Мураками Харуки, и даже престижная литературная премия Акутагавы присуждалась девятнадцатидвадцатилетним девицам за соответствующий палп-фикшен.

Объясняется такая денонация классики тремя факторами: трудностью архаичного текста, дефицитом времени и отсутствием стимула, а также поощрения со стороны учителей, которые и сами ныне отнюдь не отличаются начитанностью. Хотя классическая средневековая проза действительно трудна для понимания, в действительности большинство классических шедевров не являются непреодолимым препятствием для учеников старших классов, уже способных свободно читать на современном языке и имеющих некоторое представление о *кобуне*. Ведь издается древняя классика почти всегда с параллельным переводом на современный японский или по крайней мере с очень подробными комментариями. А уж поэзия, в особенности *хайку*, вообще подается чаще всего в препарированном виде, так что понимание не требует от читателя особых лингвистических усилий – только дополнительное время. Однако для подобного чтения нужен стимул, нужна заинтересованность, подогреваемая «общественным статусом» данной дисциплины, а такой заинтересованности школа, по-видимому, создать не может и не хочет.

Чтение книг сегодня не дает никакого преимущества в реальной жизни. Наоборот, оно, скорее, только мешает, предлагая молодому человеку некую альтернативную «идеалистическую» систему ценностей, иногда значительно отличающуюся от общепринятых в данной социальной среде практических моделей. Ведь оценка конкурентоспособности индивидуума ведется почти всегда по сумме полученных им прикладных знаний, а не по сумме его эстетических установок и эмоциональных возможностей. Классическая литература уже давно перешла для подавляющего большинства молодежи в разряд музейных экспонатов, которые заслуживают всяческого уважения, но рассчитаны главным образом на специалистов-филологов, а не на массового читателя.

Курс отечественной литературы в программе любого университета (помимо собственно факультетов японской филологии, где имеется,

конечно, весьма значительная диверсификация) может подразумевать все, что угодно, кроме базового ознакомительного курса, освещающего основные этапы литературного процесса по хронологическому и жанровому принципу. Хотя в странах Запада и в России освоение зарубежных литератур предполагает именно такой подход, в японском университете любой обобщающий базовый курс, в том числе и по литературе – редкое исключение из правила. Виной тому, бесспорно, присущий японской науке, а также и образованию, утрированный «компартизм».

Очень часто специалист, формально ведущий якобы базовый курс, сосредотачивается на одном периоде или даже на одном авторе, неторопливое чтение и толкование которого и становится основным наполнителем курса. Тот же подход характерен и для многих преподавателей истории, социологии или антропологии, которые, не слишком полагаясь на свою эрудицию, предпочитают не выходить за рамки собственных статей или диссертаций. Неудивительно, что познания студентов в конце такого курса не намного превышают их уровень в начале семестра. Добавив к этому затухающую потребность новых поколений молодежи в чтении книг, мы получим довольно безрадостную общую картину.

К тому же программа университетов, как правило, включает крайне мало комбинированных лекционных курсов с участием нескольких преподавателей (здесь курсы такого рода называются «эстафетными» – *piré koso*). Такие курсы не засчитываются как полноценные индивидуальные курсы для конкретного преподавателя и фактически превращаются в дополнительную «общественную нагрузку». В результате студенты филологи, специализирующиеся по одной из зарубежных литератур, чаще всего обходятся без ознакомительных курсов по остальным западным, а тем более – восточным литературам, довольствуясь своей «профильной».

Таким образом, чаще всего усредненный специалист, например, по французской литературе второй половины XX в. практически ничего не знает о литературе Англии, Франции, Германии, Испании, Скандинавии, Северной и Южной Америки, а также России с древности до наших дней, довольно слабо ориентируется во французской литературе первой половины XX в., еще хуже – во французской литературе XIX в. и уже никак не ориентируется в более ранних периодах. Тем более, что, не будучи по специальности историком, он скорее всего благополучно избежал курсов по всемирной и региональной истории.

Прискорбнее же всего то, что он также очень слабо разбирается в классической японской литературе. В большинстве случаев он ее просто не знает, потому что оканчивал другое отделение, на котором курса отечественной литературы не было предусмотрено, а читать отечест-

венную классику «для души» слишком сложно и трудоемко. Но даже на отделениях отечественной или зарубежной литературы практически отсутствуют базовые общие курсы по литературоведению и теоретической лингвистике, без которых любой анализ текста неизбежно превращается в любительское эссе. При написании же магистерских и даже докторских работ диссертанты нередко ориентируются на случайно выбранные литературоведческие концепции, далекие от мирового научного мейнстрима. Разумеется, бывают и исключения, которые нельзя сбрасывать со счетов.

Учитывая, что большинство гуманитарных предметов является элективами, выбор которых определяется исключительно личными вкусами студента, в основном при отсутствии правильного понимания сверхзадачи, очень часто дополнительные предметы несколько не подкрепляют основной специализации. Например, студент, специализирующийся по литературе эпохи Эдо и конкретно по театру Кабуки, вместо того, чтобы прослушать курсы по городской культуре *укиё* и истории зарубежного театра, может выбрать начальный курс португальского языка и практический семинар игры на аккордеоне. Этого будет достаточно для получения необходимой суммы кредитов для данного семестра. Таким образом, зачастую вместо аккумуляции вспомогательных предметов к концу обучения происходит их энтропия, а основная специализация не подкрепляется достаточным количеством нужных дополнительных курсов.

При написании же магистерских и докторских работ, как правило, происходит дальнейшее сужение горизонта, когда аспирант полностью сосредотачивается на своей работе и в основном уже отнюдь не стремится к наращиванию полноты знаний в широком диапазоне, предпочитая углубляться в избранную узкую тему. Так, если темой диссертации является, например, конфликт чувства и долга (*гири-ниндзё*) в бытовой драме Тикамацу Мондзаэмона «Гонец в преисподнюю» (что само по себе уже довольно широкая тема), то изучения творчества других драматургов эпохи Эдо не предполагается вовсе. Поэзия и проза данной эпохи из поля зрения диссертанта также выпадают. Сравнения с западной драматургией не требуется (хотя расхожие определения типа «Тикамацу – японский Шекспир» в быту вполне возможны). Главным образом следует обобщить работы именно по данной теме японских авторов и сделать некоторые выводы на базе такого обобщения.

Русист, пишущий магистерскую, а то и докторскую диссертацию по поэме Блока «Двенадцать», может не обременять себя знакомством с ранним творчеством поэта, с творчеством его современников, с общим культурным фоном Серебряного века, с поэтическим наследием более раннего периода, а также может не озадачиваться вопросом о трагической безвременной кончине поэта. Достаточно будет анализа самого

произведения на основе имеющихся работ российских и японских критиков. В результате диссертант навсегда остается специалистом узкого профиля, и этот же профиль доминирует в его лекционных курсах. Что ведет, соответственно, к дальнейшему самовоспроизводству специалистов такого же узкого профиля – по крайней мере, в области гуманитарных дисциплин.

Яркие исключения фактически только подтверждают общую закономерность.

Характерно, что в своей широкомасштабной культурной политике за рубежом, проводимой в жизнь через Японский фонд и другие организации, правительство Японии ныне взяло курс не столько на пропаганду богатейшего культурного наследия страны через посредство «высокой классики», сколько на пропаганду нового имиджа, который условно получил название «Cool Japan» – страны хайтека, *манга*, *аниме*, *оригами* и продвинутой экстравагантной моды. Такая же экспансия нового имиджа наблюдается и на внутреннем рынке. Классика ушла в тень – возможно, навсегда.

Тем не менее классическая японская литература и культура в целом продолжают до некоторой степени присутствовать в недрах современного общества, хотя и на второстепенных ролях. Ее, разумеется, по-прежнему изучают специалисты-филологи в университетах и научно-исследовательских центрах. Кроме того, в массах не иссякает интерес к классической поэзии – прежде всего *хайку*, поскольку этот жанр давно уже пустил корни в самых широких слоях населения, а за последние десятилетия свершилось триумфальное шествие *хайку* по всем континентам. Ассоциации, общества и кружки *хайку* существуют в каждом крупном городе и объединяют сотни тысяч авторов-любителей. Некоторые, впрочем, причисляют себя к профессионалам на том основании, что регулярно печатаются в журналах своих же ассоциаций (так называемых *додзин дзасси*) и размещают *хайку* на соответствующих сайтах. В меньших количествах имеются также кружки *танка* и *сэнрю* (шуточные трехстишия).

Существуют передачи, посвященные *танка* и *хайку* на телевидении и на радио. Выходят специализированные журналы. Даже в крупных газетах можно встретить колонки *хайку*.

Среди современных поэтов *хайку* присутствуют все слои населения – от высокообразованных интеллектуалов до простых клерков. Все они формально в той или иной степени причастны к классической традиции вне зависимости от уровня начитанности и таланта. То же самое можно сказать о не столь многочисленных поэтах-любителях жанра *сэнрю* и *танка*, чье число измеряется не сотнями, а всего лишь несколькими десятками тысяч.

Проблема, однако, в том, что увлечение *хайку*, *сэнрю* или даже *танка* отнюдь не служит неопровержимым свидетельством любви к классике. К ней с должным почтением относится лишь незначительное меньшинство. Остальные пишут в вольном стиле, не оглядываясь на наследие предков. В *танка* апофеозом такого стиля модерн стал напечатанный миллионными тиражами «Праздник салата» («Сарада кинэнби») Тавара Мати – сборник миленьких женских миниатюр, упакованных в фантики из тридцати одного слога. Авторы новой волны полагают, что эпоха канонических ограничений в традиционных жанрах давно окончена, как и вообще эпоха классической литературы в традиционном понимании этого термина. Фактически для них такое увлечение чаще всего просто заменяет всю остальную литературу, как японскую, так и зарубежную. То же самое можно сказать и о бесчисленных художниках-любителях, работающих в традиционных стилях. Сами по себе такие увлечения в массовом масштабе заслуживают величайшего уважения и свидетельствуют о достаточно высоком уровне культурных запросов широких слоев населения. Вот только к классике они имеют весьма отдаленное отношение.

Членство в кружке призвано удовлетворить как художественные амбиции, так и потребность в социальном общении, которая необычайно развита среди японцев всех возрастов. Для многих пенсионеров и домашних хозяек культурные центры становятся вторым домом, где их интеллектуальные и духовные потенции реализуются в полной мере в строго заданных рамках определенной секции на протяжении многих лет. То, что хобби еще и структурируется под эгидой традиционного классического жанра, явно повышает его престиж. Но для членов данной секции все радости мира в основном замыкаются именно на ней.

В связи с этим мне вспоминается характерный эпизод из практики преподавания в Токийском университете иностранных языков. После каникул я устроил в группе студентов опрос по теме «Как вы провели лето?» Одна девушка сказала, что в течение месяца регулярно выезжала с друзьями по секции на целый день к морю в Камакуру, где они играли в пляжный волейбол. «Прекрасно. Вы, наверное, много купались?» – предположил я. – «Нет, мы вообще ни разу не купались» – был ответ. – «Почему же? – не понял я. – Провели столько дней у моря и ни разу не купались?!» – «Но мы же ездили играть в пляжный волейбол, а не купаться!» – пожала плечами девушка, видимо, искренне удивившись моей наивности.

Для современных любителей *хайку*, *сэнрю* и *танка* их литературное хобби вовсе не обязательно связано с чтением и изучением других видов поэзии, отечественной и зарубежной, не говоря уж о прозе и драматургии. По принципу «сочинитель не обязан быть читателем», во всяком

случае читателем других видов и родов художественной литературы. Такая же ситуация характерна и для всех прочих ныне практикующихся в стране традиционных искусств. При больших домах культуры и культурных центрах, особенно спонсируемых, например, газетными корпорациями «Асахи» или «Ёмиури», действует великое множество кружков и секций (иногда более сотни), которые рассчитаны главным образом на людей, располагающих свободным временем. Значительная часть кружков так или иначе связана с освоением классического наследия, что является, бесспорно, способом поддержания и самовоспроизведения ононого. Это кружки традиционного театрального искусства, поэзии, каллиграфии, рисования тушью (*сумиэ*) в различных вариациях, *оригами*, *икэбаны* разных школ, *бонсай*, *бонсэки*, гончарного искусства, изготовления воздушных змеев и вееров, чайной церемонии. Но и Кабуки, игры на *кото*, *сямисэне* или *сякухати*. Среди участников кружков только любители, но к ним относятся также и представители гуманитарных профессий, в основном пенсионного возраста: учителя словесности, журналисты, редакторы, корректоры и т. п. Как правило, участник одного кружка или член одной секции остается верен избранному хобби до такой степени, что никогда не выходит за его границы и уж во всяком случае не выходит за них слишком далеко. Правда, иногда чайная церемония может сочетаться с икэбаной, а каллиграфия с рисованием тушью.

В большинстве случаев одно «художественное» хобби призвано заменить для данного индивидуума все или почти все остальные сферы художественной культуры. И в этом усматривается знамение современности, когда на смену идеалу универсального мастера искусств и наук, столь популярному со времен европейского Ренессанса и эпохи Гэнроку в Японии, приходит идеал специалиста в своей узкой области знания. Когда-то между профессиональными поэтами, художниками, скульпторами и членами любительских кружков существовала почти непреодолимая грань, но сегодня эта грань становится все менее и менее заметна.

Проблема в том, что в подавляющем большинстве кружков и секций формально представляющих классическую литературу и искусство, присутствуют лишь технические компоненты обучения и практически полностью отсутствует духовная составляющая, которая исторически была прочно укоренена в буддизме и особенно – в Дзэн-буддизме.

Дело здесь не в нарочитом пренебрежении к религии, а в особенностях опять-таки школьного образования. За все двенадцать лет обучения в школе ученик не получает никакой информации о религии (которая, конечно, отделена от государства) в любых ее проявлениях. Шанс познакомиться с религиями в университете есть только у студентов некоторых гуманитарных факультетов. Это, разумеется, результат инициированной

американскими властями реформы образования 1947 г., целью которой было прежде всего раз и навсегда покончить с «государственным синто», идеологической опорой поверженного милитаристского режима. С водой выплеснули и ребенка, поскольку запрет на преподавание коснулся всех видов религии и духовности. Между тем все традиционные виды литературы и искусства в Японии всегда имели под собой прочную религиозную, в основном буддистскую, основу. Если взглянуть на основные категории японской эстетики (*югэн*, *ваби*, *саби*, *мусин*, *усин* и пр.), станет ясно, что все они заимствованы из буддийской терминологии и представляют собой проекцию буддийской философии на сферу искусства. Однако по прошествии более полувека от основы мало что осталось: согласно не раз проводившимся мною опросам, большинство студентов сегодня позиционирует себя как стопроцентных атеистов, не интересующихся религией и не признающих ее ценности. Подобная эмансипация фактически породила в современных поколениях японцев вопиюще индифферентное отношение к любым видам религиозных практик и духовных построений.

Хотя свобода совести предусматривает, согласно конституции Японии, полную свободу вероисповедания, молодежь до восемнадцати лет, а иногда и старше, не имеет ни малейшего представления о вере своих предков, как, впрочем, и о христианстве, не говоря уж об исламе или иудаизме. Для многих не вполне ясна разница между синто и буддизмом, а особенности буддийских сект в том числе, разумеется, и Дзэн, остаются практически для всей молодежи тайной за семью печатями. Даже те отрывочные сведения о литературе и искусстве, которые бессистемно получают японские дети за годы обучения в школе, фактически не вполне достоверны, поскольку в них умышленно игнорируется роль буддизма и синто. Так, например, в ходе опросов выяснилось, что студентам знакомы имена Иккю (крупнейший дзэнский философ и поэт, 1394–1481) и Рёкана (дзэнский монах-отшельник и великий поэт, 1758–1831), но не в литературном или философском контексте. Оба пользовались известностью не только как литераторы, но также и как дзэнские эксцентрики, а современные студенты знают их уже отнюдь не как великих поэтов и мыслителей, а лишь как забавных чудаков, героев популярных исторических анекдотов и персонажей *манга*, в полном отрыве от литературных шедевров обоих дзэнских мастеров и от их духовного наследия. Смутно знакомо им также имя Мотоори Норинага, но безотносительно к его трудам по синтоизму, исследованиям антологии «Манъёсю» и авторской поэзии *танка*.

Если такие знаковые понятия, как *ваби* и *саби*, довольно часто упоминаются в быту, оставаясь символами японской эстетической традиции (не имеющими, впрочем, однозначного толкования) и, соответственно,

на слуху у каждого, то уже понятия *югэн* или *ёдзё* вызывают недоуменные вопросы.

Во многих университетах на гуманитарных факультетах либо вовсе нет курсов, связанных с изучением доктрин буддизма, синто, конфуцианства и китайского даосизма, либо эти религиозно-философские системы упоминаются вскользь, без должных разъяснений. Таков, например, маловразумительный курс «Религия и биоэтика» в программе Международного университета Акита, предлагаемый неким склонным к публицистике монахом-расстригой вместо Введения в религиоведение. Таким образом, подавляющему большинству молодежи ничего не известно об истории синтоизма и его роли в национальной мифологии (как, впрочем, и о роли «государственного синто» в истории страны), об истории буддизма и его просветительской миссии, о буддийских основах классической литературы и искусства, о роли конфуцианства в становлении национальной этики, а равно и о восприятии христианских ценностей в средневековой Японии и далее – после реставрации *Мэйдзи*. Хотя научные труды на данные темы, разумеется существуют, их содержание не доходит до масс и остается в сфере эзотерических познаний узкого круга посвященных. Как это ни парадоксально звучит, в Японии бурными темпами идет процесс «деспиритуализации» общества.

Небрежение Министерства Просвещения и науки к религии тем более парадоксально, что к охране религиозных верований и поддержанию архитектурных сооружений религиозного толка государство относится весьма серьезно. Однако количество поступающих в буддистские академии год от года сокращается, и многие деревенские храмы уже перешли на попечение сельской общины, лишившись священников. Выхолащивание традиционных религиозных верований (при формальном соблюдении многих обрядов и храмовых праздников) приводит к образованию духовного вакуума и снижению общего уровня как эстетического, так и морально-этического воспитания, хотя последнему в школе уделяется много времени и сил. Идеи глобализации западного образа нанесли серьезный удар по целостности японской картины мира, девальвируя многие национальные духовные ценности в глазах молодежи.

Современная японская культура оказалась отсеченной от своих духовных корней – если не законодательно, то во всяком случае *de facto*, а колоритные обряды, которые можно наблюдать в Новый год, на праздник Бон, в День девочек, в День мальчиков и во время местных храмовых фестивалей сегодня являются для подавляющего большинства населения всего лишь красочной оберткой, лишенной реального смыслового наполнения.

Отсюда, например, и невероятная, с точки зрения здравого смысла, эклектика свадебных церемоний, получивших название *chappel wedding*.

Не секрет, что большинство брачующихся сегодня предпочитают чопорному и дорогостоящему синтоистскому обряду свадьбу по западному образцу – с христианским венчанием, подвенечным платьем, флердоранжем, обручальными кольцами и пышным тортом. При этом венчаются в большинстве случаев жених и невеста, не принадлежащие ни к какой христианской конфессии, что делает всю церемонию нелегитимной. Проводят венчание тем не менее настоящие католические или протестантские священники, для которых подобное действие также нелегитимно – но хорошие гонорары творят чудеса. Разумеется, жениха и невесту мало занимает религиозная сторона венчания, поскольку они воспринимают такую свадьбу просто как красочно обставленную торжественную церемонию. Широкое распространение церковные свадьбы могли получить среди преимущественно не-христианского населения только в стране, предавшей забвению собственные религиозные каноны и не слишком разборчиво относящейся к чужим. Как говорили древние, «без постоянного нет основы».

К сожалению, надо признать, что в кружках и секциях *хайку*, *икэбаны*, *сумиэ* или чайной церемонии сегодня «теория», то есть Дзэн-буддийская духовная составляющая отсутствует почти полностью. Даже те секции и кружки, которые ведут происхождение от старых школ, порой насчитывающих не одно столетие, довольствуются освоением лишь технического мастерства. За исключением разве что верховных иерархов школы – *измото* (о которых не так уж много известно) никто из тысяч и тысяч обучающихся теоретических трактатов не читает и к духовному аспекту учения специально не приобщается. Все ограничивается освоением практических навыков и комплекса технических приемов, которые и подаются как единственно ценное наследие школы. Такое же отношение постепенно проникает в последний оплот японской традиционной духовности – классические воинские искусства.

На протяжении веков стержнем морального воспитания в самурайском сословии служил кодекс чести «Бусидо», оформившийся окончательно в эпоху Эдо в трудах Дайдодзи Юдзана и Ямамото Цунэтомо. Кодекс, состоящий на девять десятых из чисто конфуцианских заповедей и на одну десятую из синтоистских верований, сыграл поистине колоссальную роль в создании официальной идеологии самурайства. Уже после реставрации Мэйдзи и роспуска самурайского сословия основные положения Бусидо были использованы для выработки моральных заповедей для солдат императорской армии и спроецированы также на весь массив японского общества в предвоенный и военный период. Благородные в основе своей идеи и положения Бусидо были в значительной степени извращены и дискредитированы зверствами японской армии в Китае и на островах Южных морей, что заставило противни-

ков милитаристской Японии с подозрением отнести ко всем проявлениям «самурайского духа». Хотя после поражения Японии во Второй мировой войне пропаганда Бусидо была запрещена оккупационными властями, этические принципы средневекового кодекса чести не ушли из жизни. Некоторые их элементы остались в быту, в национальном самосознании японцев, и отчасти также в школьных программах морального воспитания. Тем не менее линия преемственности была на долгое время прервана – вплоть до наших дней, когда о Бусидо снова заговорили вслух.

Поскольку упоминать о Бусидо напрямую долгое время было невозможно, современные выпускники школ уже не знают ни о возникновении Бусидо, ни о героях, воплощавших воинские добродетели, ни о конфуцианских корнях тех правил, которые им и сегодня втолковывают в школе. Имена великих полководцев эпохи «враждующих княжеств» Такэда Сингэн и Уэсуги Кэнсин, например, встречаются в учебниках, но едва ли можно в них найти упоминание о том, что оба великих воина были буддийскими послушниками в миру (*нюдо*) и ревностными последователями Дзэн-буддизма.

Запрет на преподавание боевых искусств в Японии был снят только в пятидесятые годы прошлого века, по окончании американской оккупации. Эффект от их легализации превзошел самые смелые ожидания, поскольку боевые искусства не только возродились в Японии, превратившись в массовые виды спортивных единоборств, но и нашли широчайшее признание на всех континентах, явившись мощнейшим инструментом японской культурной политики. Однако массовизация традиционных *будо* в конце концов привела к размыванию чистоты учения и забвению изначальных принципов, что в свою очередь, ослабляет позиции Японии на мировой арене боевых искусств, где лидерство давно уже принадлежит другим странам.

Все больше федераций и школ переходит от комплексного психофизического воспитания гармоничной личности к подготовке единоборцев, ориентированных на победы в спортивных соревнованиях. Лишь немногочисленные старые мастера, в основном потомственные наставники *будо*, еще пытаются сохранить наследие самурайских воинских искусств. Исключением пока еще, возможно, служит «Общество воинской добродетели Великой Японии» (Дай Ниппон бутокукай) со штаб-квартирой в Киото – содружество мастеров высокой квалификации, поддерживающих старые самурайские традиции. Остальные федерации и школы, включаясь в глобальный процесс приобщения *будо* к спорту (поощряемый Международным Олимпийским комитетом), все чаще предадут забвению заветы отцов-основателей, отказываются от обременительной теории и концентрируют усилия в основном на прак-

тических упражнениях. Но классические *будо* никогда не ограничивались практическим обучением. Важнейшей частью процесса считалось также овладение теорией, знакомство с установочными трактатами *макимоно* и сверх всего—моральное самосовершенствование личности путем усердного психофизического тренинга под непосредственным руководством мудрого наставника.

Мало кто из современных японских мастеров *будо* может претендовать на роль подлинного гуру. Большинство никогда не читали работ средневековых классиков *будзюцу*, разве что за исключением многократно переиздававшейся «Книги пяти колец» («Горин-но сё») Миямото Мусаси. Не будем забывать о том, что старинные трактаты написаны на языке, который современному молодому японцу практически недоступен. Многие почти ничего не знают о связях японских *будзюцу* с китайскими и корейскими школами, считая незывлемым приоритет Японии в этой сфере. Многие редко задумываются о целях и задачах изучения *будо* в современном мире, культивируя лишь спортивно-прикладной аспект комплексного учения и не касаясь буддийской теории, лежащей в основе большинства школ. Иные наставники пытаются создать некие собственные этические принципы, отталкиваясь лишь от смутно осознаваемых общих положений Бусидо, подпитанных *манга*-мифами и теле-легендами, но не опирающиеся на массив теории боевых искусств, составлявшей в течение многих веков основу жизненной философии в странах Дальнего Востока.

В отличие, например, от России, где секции боевых искусств открыты для маленьких детей начиная с трех-четырёхлетнего возраста, большинство японских клубов *будо* принимает учеников не младше 10–12 лет. При этом в обучении детей компонент сознательного духовного и морального обучения отсутствует полностью. Хотя в известном смысле любая практика боевых искусств способствует закалке характера, как и любой западный вид спорта, но классическое наследие философии *будо* при этом остается за кадром. По сути дела то же самое происходит сегодня и в секциях для юношества, и в университетских клубах *дзюдо*, *аикидо*, *каратэ*, *сёриндзи-кэмпо*, *кэндо* и *кюдо* не слишком отличающихся от обычных спортивных секций.

В Университете Будо (преф. Тиба) боевые искусства преподаются преимущественно в спортивном аспекте, как и в секциях при токийском Будокане и его аналогах в других городах. В этом смысле ситуация в мире боевых искусств Японии не слишком отличается от ситуации в любой стране Запада или отличается в сторону утилитарности и излишнего упрощения предмета. Возможно, поэтому в современной Японии не приживаются экстремальные виды тренинга *будо*, сравнимые с китайским *цигуном*, которые требуют полной самоотдачи и неукос-

нительного следования традиции. В целом же занятия *будо* в стране явно не носят такого массового характера, как, например, в Китае.

В клубах фитнеса за последние двадцать лет появились секции индийской (*хатха*) йоги, но они включают только набор основных асан, никак не подкрепленных теорией и не опирающихся на изучение специальной литературы. То же можно сказать и об оздоровительных секциях гимнастики Тайцзи-цюань. Во многих клубах есть также секции «боевых искусств», но они и вовсе представляют собой детскую адаптацию нескольких приемов самообороны для нужд фитнеса.

Если для бытовых праздников и даже для спортивных единоборств соблюдения чисто внешних правил и отправления обрядов достаточно для поддержания хотя бы видимости традиции, то на отношение новых поколений японцев к искусству и литературе классических жанров размышление и постепенное исчезновение традиционных духовных компонентов, бесспорно, оказывает самое негативное влияние. Классическая литература в чистом виде уходит безвозвратно. По иронии судьбы она одновременно приходит на Запад в многочисленных качественных переводах. Японская классика неизменно пользуется успехом в Америке и Европе, а ее беспрецедентный успех в России – феномен, еще ждущий логического объяснения.

Впрочем, объяснение напрашивается само собой: в японской классической литературе и искусстве люди Запада находят именно то, чего им не хватает в собственной мультикультурной среде, подавленной засильем хайтека и не дающей четких ориентиров для развития целостной индивидуальности – мощную единую духовную традицию, подкрепленную всем массивом дальневосточной философии и направленную на психофизическое совершенствование личности. Поскольку основные шедевры японской литературы и классические трактаты китайских мыслителей давно уже переведены на европейские языки, для адептов восточной духовности открыты все пути – в том числе и те, которые для самих японцев ныне почти полностью закрыты.

Какова будет дальнейшая судьба классического наследия Японии в XXI веке? Однозначного ответа на этот вопрос не существует, но скорее всего, если общая тенденция не изменится, через пятнадцать-двадцать лет классика здесь окончательно выйдет из обращения и перейдет в разряд музейных экспонатов. Есть, правда, и альтернативные варианты. Так, например, если Китай превратится в ведущую экономическую сверхдержаву, определяющую политическую силу в Азии и во всем мире, то не исключено, что в Японии вновь будет введено обязательное фундаментальное изучение китайского языка, а это значительно расширит иероглифическую базу школьников. К нему не так уж трудно будет добавить *вэньянь*, что даст возможность вернуть японскому читателю значительную часть утраченной классики.

Другая перспектива – возврат к отечественной классике через посредство англоязычных переводов. Эту опцию мы сейчас в экспериментальном порядке прорабатываем в Международном университете Акита. Ведь Япония взяла курс на глобализацию, которая для самих японцев представляется в первую очередь процессом тотального внедрения английского языка в жизнь пока еще монолингвистического общества. Предположительно, через десять-пятнадцать лет английский станет естественным вторым языком и будет играть такую же роль, которую он играет ныне в Индии, Сингапуре, Гонконге или Тайбэе. Если это действительно произойдет, то чтение литературы на английском станет для японцев легким и приятным занятием. Тогда знакомство с японской классикой в хороших английских переводах окажется для школьников и студентов гораздо проще и эффективней, чем приобщение к ней через посредство скверно усвоенного *кобуна* – во всяком случае на начальном этапе.

Так, в моих группах японской литературы МУА, состоящих из японских студентов и иностранных стажеров, где лекции читаются в основном на английском, мы используем в качестве пособия антологию переводов классики (составленную Дональдом Кином), но постепенно дополняем ее оригинальными текстами в меру индивидуальных возможностей каждого. Постепенно доля оригинальных текстов возрастает, и многие японские студенты охотно вовлекаются в процесс билингвистичного чтения, а некоторые к концу курса начинают самостоятельно читать подлинники с хорошими комментариями или переводами на современный язык. Преимущество такого метода состоит в том, что студенты с самого начала могут свободно ориентироваться в широком диапазоне средневековой классики на английском и тем самым получают стимул для освоения оригинальных текстов. Но и чтение основных памятников древней литературы на английском тоже может немало дать молодежи, особенно, если бы удалось внедрить такое обучение в средней школе.

Впрочем пока о массовом внедрении билингвистичного преподавания японской литературы говорить рано, а статус японской классики в обществе на сегодняшний день внушает все больше опасений. Время покажет, как Япония сможет ответить на этот вызов в эпоху глобализма.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК: ВЕЛИЧИНЫ ПЕРЕМЕННЫЕ И ПОСТОЯННЫЕ

Рассматривая языковую ситуацию в современной Японии, мы не можем не отметить, что в японском языке продолжают происходить изменения в самых разных областях – фонетике, лексике, грамматике и даже письменности. Скорости этих изменений различны: быстрее всего обновляется лексический состав языка, медленнее меняются фонетика и грамматика, появляются новшества в письменности (орфографии), в частности возникают новые варианты написания слов в компьютерном языке.

В отечественном японоведении существует немало работ, посвящённых происходящим в разные периоды времени изменениям, которым был подвержен японский язык. Среди этих работ основополагающими следует считать труды Н. А. Сыромятникова, проследившего становление японского языка с древних времён до наших дней¹. Языковая ситуация в Японии XX – начала XXI веков, в том числе и с точки зрения её истории, рассматривается в работах В. М. Алпатова². Е. В. Маевский в работе «Лексическая «революция Мэйдзи» показывает, как обогатился японский язык огромным количеством новых слов и как происходили словообразовательные процессы в языке в эпоху Мэйдзи после открытия Японии и её знакомства с Западом³. Т. М. Гуревич в статье «Язык поколения глобализации» затрагивает проблемы изменения в интонации японского языка, в лексике и грамматике⁴.

Чаще всего для появления изменений в японском языке был необходим какой-то толчок извне, сильное влияние чужой культуры. Японский

¹ Сыромятников Н. А. Становление новояпонского языка. М., 1965; Древнеяпонский язык. М., 1972 и др.

² Алпатов В. М. Япония. Язык и общество. М., 1988; Япония. Язык и культура. «Языки славянских культур». М., 2008.

³ Маевский Е. В. Лексическая «революция Мэйдзи» // Актуальные вопросы японского и общего языкознания. М., 2005.

⁴ Гуревич Т. М. Язык поколения глобализации // Япония 2002–2003. Ежегодник. М., 2003.

язык находился также под воздействием многих исторических событий, экономических, политических и социальных факторов. Всем известна роль китайской культуры и китайского языка в формировании японской письменности и языка в целом. Н. И. Конрад даёт оценку этого влияния ещё в 1937 г. в своём «Синтаксисе японского языка»⁵. Были эпохи и других, не связанных с Китаем влияний, например, период Мэйдзи, явившийся переходным этапом к современному состоянию японского языка. В это время Япония подверглась сильнейшему воздействию западных культур, что привело к революционным изменениям, в том числе и в области языка. Экономическое развитие страны, распространение средств массовой информации, государственное регулирование процесса школьного образования, а также, в целом, изменения в образе жизни японцев привели к исчезновению старых диалектов и появлению новых, к распространению общепонятного японского языка *кё:цу:го* на основе языка Токио⁶. В эпоху Мэйдзи была выдвинута идея национального языка *коккаго*, позднее *кокуго*, и стандартизации японского языка путём создания *хё:дзюngo* – стандартного, образцового, нормативного японского языка наподобие того, что было сделано в странах Европы⁷.

Ещё один период больших перемен в японском языке начался после Второй мировой войны, когда английский язык, не являвшийся популярным ранее, потоком хлынул в Японию. Тогда в словарном составе японского языка произошли столь значительные перемены, что с точки зрения лексики он стал уже не японско-китайским, как писал Н. И. Конрад, а японско-китайско-английским, особенно если иметь в виду некоторые определённые сферы общения⁸.

В наше время, по прошествии почти 70 лет с момента окончания Второй мировой войны, мы можем говорить о влиянии процессов глобализации и интернационализации, происходящих во всём мире, а также о влиянии широкого распространения информационных технологий во всех областях жизни людей. В эпоху информатизации убыстряются все процессы, ускоряется темп жизни, увеличивается скорость общения и передачи информации. Всё это не может не влиять и на японский язык, который является живым организмом, восприимчивым к воздействиям извне и к той среде, в которой он существует.

Объём статьи не позволяет подробно рассмотреть эволюцию японского языка на протяжении всей истории его развития. Здесь нам хоте-

⁵ Конрад Н. И. Синтаксис японского языка. М., 1937.

⁶ Санада Синдзи. Ёку вакару нихонгоси (Наглядная история японского языка). Токио, 1999. С. 55–57.

⁷ Там же, С. 61–63.

⁸ Корчагина Т. И. О тенденциях развития лексики современного японского языка // Язык и культура. Новое в японской филологии. 1987. С. 60–61.

лось бы показать, какие тенденции наблюдаются в последнее время. Рассмотрев конкретные примеры возникающих в японском языке отклонений от нормы (乱れ *мидарэ*, или 誤用 *гоё:*), мы попытаемся понять, какие из отклонений могут закрепиться (или уже закрепились в нем) как формы нормативного употребления, а какие просто являются данью моде. Это позволит увидеть, что помимо изменяющихся элементов японского языка (будь то лексика, грамматика или что-то иное) в нем есть нечто постоянное, не способное меняться столь быстро, и понять причины этого постоянства.

Проследим последовательно те изменения, которые можно наблюдать в лексике, грамматике, фонетике и орфографии японского языка.

Лексика

Как было упомянуто в начале статьи, быстрее всего обновляется лексический состав языка. В этом отношении исследование изменений, происходящих в лексике, наиболее показательно. Исследователь лексики японского языка А. А. Пашковский писал: «Словарный состав отражает большие и малые события в жизни народа»⁹. Очевидно, что обновление лексики происходит постоянно.

Если говорить о тенденциях лексических изменений, то они остались прежними: в японский язык в последние годы по-прежнему проникает множество английских слов, которые японцы приспосабливают к японскому произношению, длине японского слова, отбрасывая лишние слоги и делая их комфортными для произнесения. Есть слова, ставшие модными и продолжающие жить в языке, есть слова модные и исчезающие из языка. Не все модные слова (流行語 *рю:ко:го*) являются новыми (新語 *синго*). Слова могут появляться разными путями: из фильмов или телевизионных драм, отражать какие-то значимые события, происходящие в Японии или в мире. Модными могут быть не обязательно заимствования, это могут быть переосмысленные старые слова, давно живущие в языке. К последним относятся всем известные лексические единицы 神風 *камикадзэ* («божественный ветер», с 30-х годов XX века «пилот-смертник») и 浪人 *ро:нин* («самурай, покинувший свой клан», сейчас это «абитуриент, не поступивший в университет»). В 1939 г. словом 日の丸 *хиномару* (японский государственный флаг) называли *бэнто* (еда в коробочке), состоящее из риса и маринованной сливки *умэбоси*.

Ещё один пример такого рода – 三種の仁義 *сансю-но дзинги* (три регалии императорской власти – зеркало, меч, яшма). В конце 50-х годов

⁹ Пашковский А. А. Особенности японской лексики // Слово в японском языке. М., 1980. С. 189.

XX в. в Японии это выражение использовали, говоря о трёх предметах-символах новой жизни для японцев: чёрно-белый телевизор, стиральная машина и холодильник. Далее, в 1960-х годах, с префиксом *син-* («новый») говорили о новых трёх сокровищах 新三種の仁義 *син-сансю-но дзинги* – цветном телевизоре, кондиционере и автомобиле. В 2003–2010-х годах в рекламе появляется デジタル三種の仁義 *дэдзитару сансю-но дзинги* («три цифровые сокровища», это цифровая камера, проигрыватель DVD-дисков и плоский телевизор). Как дальше будет использоваться слово *сансю-но дзинги*, можно только догадываться.

Доступные нам источники позволяют проследить появление в японском языке новых и модных слов и выражений начиная с 20-х годов XX в.¹⁰ В небольшой статье невозможно показать весь пласт новой лексики, поэтому приведем наиболее интересные примеры, чтобы проиллюстрировать скорость пополнения японского языка новыми словами и их многообразие (табл. 1). Отметим также, что по доступным нам данным, в японском языке появлялось в среднем 5–10 слов ежегодно.

Таблица 1. Некоторые новые слова, появившиеся в японском языке в XX в.

№	Год появления слова	Слово	Значение, происхождение
1	1927	モボ・モガ <i>мобо, мога</i>	сокращение от слов モダンボーイ・モダンガール <i>модан бо:и, модан га:ру</i> «современный молодой человек», «современная девушка», отражающих появление в Японии европейской моды
2		オブジェ <i>обудже</i>	от французского objet «объект»
3	1929	カジノ <i>каджино</i>	казино
4	1930	ルンペン <i>румпэн</i>	от немецкого «люмпен»
5		ツカガール <i>дзукага:ру</i>	девушка из труппы «Такарадзука»
6	1932	挙国一致 <i>кёкокуитти</i>	«национальное единение», лозунг кабинета министров Сайто Макото
7	1933	転向 <i>тэнко:</i>	«отказ от идей коммунизма и социализма в период до Второй мировой войны и во время войны»

¹⁰ <http://ja.wikipedia.org/wiki/流行語>, а также <http://ja.wikipedia.org/wiki/新語・流行語大賞> (Слова, получившие премию как новые или модные).

8	1935	人民戦線 <i>дзиммин сэнсэн</i>	«народный фронт», перевод с французского Front Populaire – название организации, объединяющей борцов против фашизма, империализма и милитаризма
9	1941	ABCD包囲網 <i>ABCD хо:имо:</i>	выражение часто употреблялось в газетах и означало название четырёх стран – Англии, Британии, Китая и Голландии, которые пытались ограничить японскую торговлю в Восточной Азии
10	1945	ピカドン <i>пикадон</i>	простонародное название атомных бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки: <i>ника</i> передаёт яркий свет, а <i>дон</i> – звук взрыва; называли также <i>ника</i>
11	1946	アプレ <i>анурэ</i>	из французского, о молодом послевоенном поколении, лишенном идеалов
12		アメ横 <i>амэёко</i>	торговая улица в Токио в районе Уэно-Окатимати
13		赤線 <i>акасэн</i>	название районов проституции, которая до марта 1958 г. была официально разрешена. Уличных девушек называли パンパン <i>панпан</i> , что также отмечено среди модных слов в 1946 г.
14	1948	冷たい戦争 <i>цу-мэтай сэнсо:</i>	«холодная война»
15		鉄のカーテン <i>тэцу-но ка:тэн</i>	«железный занавес»
16	1949	駅弁大学 <i>экибэндайгаку</i>	так стали называть университеты, созданные по всей Японии в связи с реформой образования под руководством США, сейчас слово используется как слэнг в значении «провинциальный университет»
17	1951	BG <i>би:dzi:</i>	business girl, «девушка-служащая». Так же называли проституток, поэтому это модное слово было отменено, и с 1963 г. стало употребляться слово <i>о:эру</i> OL (office lady), появившееся перед Олимпиадой
18		ノーコメント <i>но: комэнто</i>	«без комментариев», слово стало модно после выступления А. А. Громыко во время заключения Сан-Францисского мирного договора
19	1952	デフレ <i>дэфурэ</i>	дефляция
20		ヤンキー・ゴー・ホーム	антиамериканский лозунг, ставший модным в Японии в 50-ые годы

		янки: <i>го: хо: му</i>	
21	1956	ケセラセラ <i>кэсэрасэра</i>	из фильма А. Хичкока «Человек, который слишком много знал», в переводе с испанского – «будь что будет»
22	1957	グラマー <i>гурама:</i>	гламур
23	1959	ながら族 <i>нагарадзоку</i>	«человек, делающий одновременно несколько дел», слово впервые появилось в книге детского врача Кида Фумио, который писал о синдроме <i>нагарадзоку</i> у детей
24	1960	交通戦争 <i>ко: цу: сэнсо:</i>	«война на дорогах», это сложное слово возникло в связи с резким увеличением числа жертв от дорожных происшествий
25	1962	スモッグ <i>сумоггу</i>	смог
26	1984	おしんする <i>Осин суру</i>	слово из группы слов <i>Осинго</i> おしん語, связанных с популярным сериалом NHK «Осин» (женское имя): «жить в бедности, страдать и терпеть, как Осин»
27		おしん現象 <i>Осин гэнсё:</i>	«явление Осин», т. е. «жизнь, которую вела Осин»
28		おしん族 <i>Осиндзоку</i>	«те, кто жили, как Осин»
29		おしんどローム <i>Осиндору: му</i>	«синдром Осин» слово получило золотую медаль как лучшее новое слово в 1984 г. от издательства «Дзию кокуминся»
30	1986	ファミコン <i>фамикон</i>	«домашний компьютер», сокращение от family computer
31	1987	JR <i>дзэ: ару</i>	название железных дорог после приватизации государственных компаний ж/д <i>кокутэцу</i>
32	1988	ペレストロイカ <i>пэрэсуроика</i>	начавшаяся в СССР перестройка очень позитивно воспринималась в Японии, само слово «перестройка» стало модным и получило золотую медаль издательства «Дзию кокуминся», которая была вручена послу СССР в Японии Н. Н. Соловьеву
33	1989	セクハラ <i>сэкухара</i>	«сексуальное домогательство», сокращение от английского sexual harassment
34	Начало 1990-х годов	リストラ <i>рисутора</i>	сокращение от слова английского происхождения <i>рисуторакутярингу</i> リストラクチャリング / «реструктуризация»

35	1997	成田離婚 <i>нарита рикон</i>	«развод в Нарита», слово появилось в 90-ые годы XX в., когда многие супружеские пары, уезжая в свадебное путешествие, по возвращении сразу развелись, разочаровавшись друг в друге, говорили также <i>супи:до рикон</i> スピード離婚
36	1999	ブッチホン <i>бут-тихон</i>	новое слово, появившееся в период правления кабинета Обути и образованное из двух корней <i>бути</i> – часть фамилии Обути и <i>хон</i> от слова телефон. Есть аналогия со словом <i>буссюхон</i> «звонки президента Буша». Обути звонил многим известным людям для поднятия своей популярности
37	Начало 2000-х годов	IT革命 <i>айти: какумэй</i>	информационная революция
38	2005	小泉劇場 <i>коидзуми гэкидзё:</i>	букв. «театр коидзуми», так называли живые артистические выступления премьер-министра Коидзуми
39	2006	格差社会 <i>какусасякай</i>	«расслоение общества на бедных и богатых»
40	2008	ワーキングプア <i>ва:кингү пуа</i>	от «working poor», говорят о новом типе бедности в Японии, когда человек работает, но еле сводит концы с концами
41	2009	婚活 <i>конкацу</i>	сокращение от <i>кэккон кацудо:</i> 結婚活動 «действия, которые нужно предпринимать, чтобы выйти замуж», слово стало модным благодаря рекламе на телевидении
42		政権交代 <i>сэйкэн ко:тай</i>	«смена власти», слово стало модным в период правления кабинета Хатояма Юкио
43	2011	スマホ <i>сумахо</i>	сокращение от <i>сума:тофон</i> スマートフォン «смартфон»
44		絆 <i>кидзуна</i>	«связь», «узы»
45		帰宅難民 <i>китакү наммин</i>	«беженцы, которые не могут вернуться домой»
46		風評被害 <i>фү:хё: хугай</i>	«ущерб, который наносят слухи и сплетни»
47		脱原子力 <i>дацүгэнсирёкү</i>	«закрытие атомных электростанций»

48		反原子力 <i>хангэнсирёку</i>	«против атомной энергии»
49		核廃絶 <i>какухайдзэцу</i>	«запрещение атомных электростанций»
50		計画停電 <i>кэйкакү тэйдэн</i>	«плановое отключение электроэнергии»
51		輪番停電 <i>римбан тэйдэн</i>	«отключение электроэнергии поочерёдно в разных районах в целях экономии»
52		シーベルト <i>си:бэруто</i>	«зиверт», единица, выражающая влияние радиации на живой организм
53		3.11 <i>сан ити ити</i>	«11 марта», день, когда произошло землетрясение
54	2012	東京ソラマチ <i>То:кё: сорамати</i>	новый торговый комплекс в Токио, который называют также <i>То:кё: сукайцури: таун</i> 東京スカイツリータウン
55		生活保護 (生保) <i>сэйкацу хого</i> (<i>намапо</i>)	букв. «защита жизни», закон о гарантировании минимального уровня жизни и выплат бедному населению со стороны государства

Источники: <http://ja.wikipedia.org/wiki/流行語>,
<http://ja.wikipedia.org/wiki/新語・流行語大賞>; <http://singo.jiyu.co.jp>

Как видно из приведённых примеров, новые слова появлялись в Японии в связи с изменением образа жизни, появлением каких-то новых предметов или возникновением новых явлений и процессов.

Среди включённых в таблице слов, с точки зрения словообразования, можно особо отметить те, которые образованы из сочетаний *канго*, *ваго* и английских слов в разных комбинациях (6–9, 12–16, 23, 24, 26–29, 35, 37–39, 41, 42, 44–51, 54, 55). Эти слова (или их части) в той или иной форме уже существовали в японском языке прежде, но в какой-то момент стали использоваться в совершенно ином значении либо с какими-то новыми оттенками смысла. Большинство остальных слов представляют собой в чистом виде *гайрайго* – слова, которые взяты из иностранного языка с определёнными искажениями и/или сокращениями.

С тематической точки зрения в таблице можно выделить пласт лексики, которая связана с серьёзными политическими событиями, новыми законами, деятельностью политиков и премьер-министров (6–10, 14–16, 18, 20, 32, 36, 38, 42, 55); группу слов, связанных с модой, изменением образа жизни японцев и другими социальными факторами (1, 3, 4, 11, 17, 22, 23, 39, 40, 41), с новыми изобретениями и научно-техническим прогрессом (30, 37, 43). Особого внимания заслуживает целая группа слов, появившихся в 2011 г. в связи с Великим Восточнояпонским землетрясением (44–53). Можно также отметить слова, впервые прозвучавшие

чавшие в телесериалах. В приведенной таблице это, в первую очередь, так называемые *Осинго* おしん語 – слова, связанные с популярным сериалом NHK «Осин» (26–29). Молодежь, вероятнее всего, не знает этих слов, хотя в 2000 г. сериал вновь показывали по телевизору.

Телевидение (в особенности телесериалы, а также песни, звучащие в эфире) часто становится источником не только новых модных слов, но и фраз и выражений. Японцы подхватывают их и начинают употреблять, однако потом, конечно, многое забывается и уходит. Фразы из кинофильмов получали широкое распространение еще до войны. Например, (1927) *Нани-га канодзё-о со: сасэта ка* 何が彼女をそうさせたか (из пьесы Сэйкити Фудзимори и фильма с тем же названием «Что заставило её это сделать?»); (1929) *Дайгаку ва дэта кэрэдо* 大学は出たけれど (из фильма с тем же названием «Университет я закончил, но...»). Несомненно, в наше время роль телевидения значительно возросла, и оно, наряду с интернетом и печатными СМИ, является чуть ли не главным источником и средством распространения языковых новшеств.

С телевидением связаны и многие модные слова 2013 г., вошедшие в ежегодный список издательской компании «Дзию кокуминся»¹¹ (табл. 2). В списке можно увидеть слова из сериалов и рекламы, слова, связанные с политическими, экономическими и другими важными событиями в жизни страны (распространившиеся, разумеется, через телевидение, интернет и различные печатные издания).

Таблица 2.

Слова, получившие премию «Дзию кокуминся» в 2013 г.

Слово	Перевод	Происхождение и трактовка
今でしょ! <i>Има дэсё</i>	«именно сейчас!»	из телевизионной рекламы
お・も・て・な ・し <i>омотэнаси</i>	«гостеприимство»	слово в необычном звучании и написании прозвучало на заседании Международного олимпийского комитета в связи с подготовкой к Олимпиаде в Японии в 2020 г., подчёркивает японское радушие при приёме гостей

¹¹ Издательская компания «Дзию кокуминся» каждый год, начиная с 1984 года, в начале декабря объявляет список новых и модных слов и присуждает им премии *Синго, рю:ко:го тайсё*: 新語・流行語大賞 (с 2004 г. премия называется *Ю:кян синго, рю:ко:го тайсё* ユーキャン新語・流行語大賞). Премия выдаётся человеку, группе или организации, причастным к созданию или распространению этих слов. Выбранные для награждения слова включаются в ежегодный сборник современной лексики «Гэндай ё:го-но кисо тисики», издаваемый этой же компанией (<http://singo.jiyu.co.jp>).

じえ じえ じえ <i>дзе-дзе-дзе</i>	передаёт удивление, замешательство и т. п. на диалекте Иватэ	из драмы «Ама-тян», показанной на канале NHK
倍返し байгаэси	«отблагодарить вдвойне», «отплатить вдвойне»	слова героя из драмы «Хандзава Наоки» на канале TBS
アベノミクス <i>абэномикусу</i>	«абэномика»	слово, изобретённое соратниками премьер-министра Абэ, выражающее суть экономической политики, проводимой кабинетом ЛДП под его руководством
ご当地キャラ <i>гото:ти кяра</i>	местные зверюшки-талисманы	зверюшки-талисманы, распространённые в различных префектурах, например, медведь в Кумамото
特定秘密保護法 <i>токутэй химицу хогохо:</i>	«закон о защите особо секретной информации»	закон, который должен вступить в силу в декабре 2014 г.
PM 2.5 <i>пи:эму нитэнго</i>	мельчайшие частицы менее 2,5 микрон	частицы, загрязняющие воздух и опасные для дыхательных органов человека; PM – начальные буквы сочетания particulate matter
ブラック企業 <i>буракку кигё:</i>	«чёрные предприятия»	слово, родившееся в интернете, букв. «чёрные предприятия» – предприятия или компании с тяжелыми условиями труда и жестокой эксплуатацией работников, нанимающие, главным образом, молодых людей, в том числе выпускников вузов
ヘイトスピーチ <i>хэйто супи:ти</i>	выступления, речи, разжигающие вражду	выступления, речи, разжигающие вражду по национальным, религиозным или половым признакам; слово родилось для выражения протеста против таких выступлений
被災地が、東北が、日本が一つになった 楽天・日本一をありがとう	«Пострадавшие районы, Тохоку, Япония – стали единым целым. Ракутэн – спасибо, что вы первые в Японии»	Тренер бейсбольной команды «Тохоку Ракутэн Golden Eagles» после землетрясения 11.03.11 сказал: «Мы покажем силу Тохоку!». Приведённое выражение – приветствие тренера в адрес команды спустя 3 года. Жюри присудило особую премию этим словам для того, чтобы они остались в истории как символ мужества японцев.

Источник: <http://singo.jiyu.co.jp/nendo/2013.html>

Что касается модных слов 2014 г., то они будут объявлены, как всегда, в декабре, а пока что кандидатом в номинанты является лишь одно слово *リケジヨ рикэдзё* – сокращение от *рикэйдзёси* 理系女子, *рикэй-но дзёсисэй* 理系の女子生 или *рикэй-но дзёсэй кэнкю:ся* 理系の女性研究者 «студентка или женщина-исследователь, занимающаяся естественными науками».

Грамматика

Грамматику можно считать каркасом языка, который позволяет объединять кирпичики слов в предложения. Если кирпичики лексики обновляются сравнительно легко, то каркас является более прочной структурой. Тем не менее, в японской грамматике возник ряд отклонений от нормы, которые давно волнуют языковедов.

Одно из таких явлений – это употребление так называемых «форм без *ра*», т. е. *ら* 抜き言葉 *ра-нуки котоба*, например, *見れる мирэру* «могу посмотреть/увидеть» (вместо *見られる мирарэру*), *食べれる табэрэру* «могу есть» (вместо *食べられる табэрарэру*), *起きれる окирэру* «могу встать» (вместо *起きられ окирарэру*), *着れる кирэру* «могу надеть» (вместо *着られる кирарэру*) и т. п. Форма потенциального залога от глаголов второго спряжения появилась ещё в эпоху Тайсё (в начале XX века) и до сих пор является предметом обсуждения в японской прессе, на телевидении, в Государственной комиссии по японскому языку¹². Она получает всё большее распространение среди молодого поколения, но пока не признана официально. Вот что пишет известный японский лингвист Оно Сусуму: «Люди в новую эпоху говорят по-новому, происходит упрощение форм, их распространение. Это, естественно, вызывает их неприятие у определённого круга людей, особенно пожилых. Этим новым формам необходимо придать статус нормы... Как исследователь языка я знаю, как образовались эти формы и какая ситуация сложилась в связи с этими «неправильными» формами, и считаю, что когда-нибудь придёт такое время, когда они будут официально признаны»¹³. Интересно свидетельство профессора Осацкого университета Санада Синдзи, который пишет о том, что в последние годы в районах западной Японии стало наблюдаться даже так называемое двойное выражение возможности *二重可能形式 нидзю: кано: кэйсики*. Имеется в виду образование «неправильного» потенциального залога от формы того же потенциального залога глагола первого спряжения: *書ける какэру* –

¹² См. подробнее: Корчагина Т. И. О новых явлениях в японской грамматике // Япония. Язык и культура. М., 2002. С. 108–109.

¹³ Оно Сусуму. Нихонго со:дан (Консультации по японскому языку). Асахи симбунся. Токио, 2002. С. 33–34.

書ける *какэрэру* («умею писать»), 読める *ёмэру* – 読めれる *ёмэрэру* («умею читать») и т. п.¹⁴

Ещё одним новым грамматическим явлением, заслуживающим пристального внимания, можно назвать *さ付き言葉 са-цуки котоба* (букв.: «слова с добавлением слога «са»), а именно употребление суффикса побудительного залога – *させる* *-сасэру* вместо *—せる* *-сэру* в глаголах первого спряжения. Например, 子供に手を洗わさせる *Кодомо-ни тэ-о аравасасэру* (вместо правильного *洗わせる* *аравасэру*) «Заставит ребёнка вымыть руки», 終わらせてください *Оварасасэтэ кудасай* (вместо *終わらせて* *оварасэтэ*) «позвольте закончить», 休まさせてください *Ясумасасэтэ кудасай* (вместо *休ませて* *ясумасэтэ*) «Разрешите отдохнуть». Такое отклонение от норм японской грамматики часто встречается в сочетании с глаголом *いただく* *итадаку* в вежливой конструкции – *させていただきます* *сасэтэ итадакимасу*, его не следует считать модой или временным явлением. Об этом говорят и результаты опроса общественного мнения, проведённого Научно-исследовательским институтом культуры вещания при NHK: из 2000 человек в возрасте от 20 лет более 70% не испытывали чувство неприятия формы *-сасэтэ итадакимасу* в предложении – *曲歌わさせていただきます* *Иккёку утавасасэтэ итадакимасу* «Позвольте мне спеть одну песню»¹⁵. Японский лингвист М. Дзиннути полагает, что со временем форма с «са» получит широкое распространение как новая форма вежливости в японском языке, которому свойствен принцип «чем длиннее и сложнее, тем вежливее»¹⁶.

Выпадение слога «*ра*» в глаголах второго спряжения и добавление «*са*» в глаголах первого спряжения можно, по нашему мнению, рассматривать как явления одного порядка в том смысле, что оба они ведут к единообразию грамматических форм и упрощению грамматической системы. В истории японского языка такие явления наблюдались часто (упростились спряжение глаголов – от 9 типов в IX–XIII вв. до современного состояния, совпали определительные и заключительные формы предикативных прилагательных, изменились суффиксы страдательного и побудительного залога и т. д.). Появление и распространение формы *ра-нуки котоба* представляется логичной ещё и потому, что помогает избежать грамматической омонимии, поскольку «правильная» форма с суффиксом *-rarэру* совмещает в себе четыре разных грамматических значения: страдательность, вежливую форму, возможность и самопроизвольно возникающее действие.

¹⁴ Санада Синдзи. Указ. соч., С. 103.

¹⁵ Результаты опросов см. подробнее: Корчагина Т. И. О новых явлениях в японской грамматике. С. 111–112.

¹⁶ Дзиннути Масатака. Нихонго-но има (Современное состояние японского языка). Токио, 1998. С. 31. Об этом же пишет Санада Синдзи. Указ. соч., С. 45–46.

В последнее время широко распространилась в Японии и получила статус новой вежливой связки форма *—になります* *-ни наримасу* в именном сказуемом. Эта форма не означает «стать чем-то или кем-то», а употребляется в данном случае вместо *—です* *-дэсу* или *— でございます* *-дэ годзаимасу*. Например, *どちらからおかけでしょうか。—栃木県からになります。* *Дотира-кара окакэ дэсё:ка* *—Тотигикэн-кара-ни наримасу.* «Откуда вы звоните? – Из префектуры Тотиги»¹⁷.

В японском языке постоянно происходят изменения форм выражения вежливости, например, в настоящее время утрачивается различие между глаголами *あげる* *агэру* и *やる* *яру*: *花に水をやる* *хана-ни мидзу-о агэру* «полить цветы», *子供におもちゃを買ってあげる* *кодомо-ни омотя-о каттэ агэру* «купить ребёнку игрушку». Традиционно в этих случаях употреблялся глагол *яру*, выражающий направленность действия к младшим по возрасту, животным или растениям. Молодые японцы перестают ощущать глагол *агэру* как вежливый, и он превращается в нейтральное слово со значением «давать» либо, в сочетании с глаголом на *—тэ*, передаёт желание быть вежливым с собеседником. Примером этого могут быть фразы, в которых объектом действия не является человек или действие направлено на 1-ое лицо (говорящего). Приведем примеры: *こんがり色づくまで炒めてあげましたら...* *Конгари иродзуку-мадэ итамэтэ агэмаситара...* «Когда поджарите это до коричневатого цвета...» (из телевизионной передачи); *このXに5を代入してあげると...* *Коно экусу-ни го-о дайню: ситэ агэру то...* «Если вместо X подставить 5...» (из образовательной программы); *クリームをお顔全体につけてあげましょう* *Кури:му-о окао дзэнтай-ни цукэтэ агэмасё:* «Намажем всё лицо кремом» (реклама косметики). Фраза *自分を褒めてあげたい* *Дзibun-о хомэтэ агэтай* «Хочется себя похвалить», произнесённая олимпийской чемпионкой Хироко Аримори, вызвала бурную реакцию и обсуждение языковедов¹⁸. В рекламе на японском телевидении в 2013 г. была фраза *自分に甘い点数をつけてあげよう* *Дзibun-ни амай тэнсу: -о цукэтэ агэё:* «Поставим себе высокий балл».

Из языка молодого поколения почти исчезла модальная концовка *—かしら* *—касира*, свойственная женской речи. Вместо неё независимо от пола стало употребляться модальное завершение фразы *—かな* *—кана*. В то же время, появляются новые значения известных выражений, вызывающие чувство дискомфорта и протеста у людей старшего поколения. Например, окончание фразы *じゃないですか* *дзя най дэсу ка* в предложении *私、バナナ嫌いじゃないですか* *Ватаси, бана-на кирай дзя най дэсу ка* «Я не люблю бананы». Здесь собеседнику сообщается

¹⁷ Подробнее см.: Корчагина Т. И. О новых явлениях в японской грамматике. С. 113–114.

¹⁸ Дзинноути Масатака. Указ. соч. С.119.

совершенно новая информация, не требующая подтверждения, как это бывает в традиционном употреблении концовки *для най дэсу ка*, и он чувствует давление со стороны говорящего.

На страницах интернета сейчас идёт обсуждение правомерности использования формы *-させていただきます* *-сасэтэ итадакимасу* в случаях, когда ни у кого не спрашивается разрешение, а форма употребляется в значении *いたします* «*итасимасу*» («делать», о 1-ом лице). Помещена фотография магазина и надпись *土日休ませていただきます* *Донити ясумасэтэ итадакимасу* «В субботу и воскресенье магазин не работает»¹⁹. Сама форма *-сасэтэ итадакимасу* – выражение, пришедшее из района Кансай в Токио в 1950-ые годы. В Кансае оно не вызывает неприятия в отличие от Токио. Обсуждается также употребление выражения *ойсику итадаку*, которое по данным опроса отдела языка Министерства культуры (文化庁国語科) не нравится 10% респондентов, так как *итадаку* является вежливым словом, а в этом выражении оно употребляется в значении *табэру* «есть».

В последнее время распространилось употребление формы глагола с *-масу* в определительной позиции (например, *こちらにあります鉛筆* *котира ни аримасу эмпицу* «карандаш, который вы здесь видите»). Это всегда считалось допустимым лишь в очень вежливой речи в сфере обслуживания, повсеместное употребление этой определительной формы критикуется NHK²⁰.

В качестве грамматического отклонения от нормы обсуждается выражение *ぜんぜんだэндэн* + утвердительная форма сказуемого, например, *ぜんぜん大丈夫* *дэндэн дайдзё:бу* (*дэндэн* – абсолютно, совершенно, *дайдзё:бу* – нормально, в порядке). Это выражение распространилось после выхода фильма с таким названием («*ぜんぜん大丈夫*», 2008 г.). Японцы стали употреблять *дэндэн* в сочетании с прилагательными *おいしい* *ойсий* (вкусный), *良い* *ий* (хороший), *おもしろい* *омоси-рой* (интересный) и т. д. Употребление утвердительной формы с *дэндэн* считается неправильным и на вступительных экзаменах 2013 г. признавалось ошибкой²¹.

Ещё одно ошибочное употребление вежливой формы, свойственное молодому поколению – *私では役不足です* *Ватакуси-дэ ва якубусоку дэсу*. Многие считают, что это уничижительное выражение, имеющее значение «я не смогу справиться с этой работой», но о себе этого говорить нельзя, это не то, что уничижительно, это заносчиво и высокомерно,

¹⁹ <http://ja.wikipedia.org/wiki/>

日本語の乱れ

²⁰ Иноуэ Фумио. Кэйго ва ковакунай. Сайсин ё:рёй то киси тисики (Вежливые формы – это не страшно. Последние примеры и базовые знания). 1999. С. 110.

²¹ <http://www.b-chive.com/honorific45>

поскольку значит «для меня это слишком лёгкая работа, я не могу быть ей удовлетворён», «я достоин большего»²².

В настоящее время наблюдаются отклонения в употреблении так называемых падежных показателей, например, в выражениях – *を好き* –*о суки* («люблю», «нравится»), *を嫌い* –*о кирай* («не люблю»), – *を分かる* –*о вакару* («понимаю»), где по нормам японского языка необходимо употреблять не *о* – показатель винительного падежа, а *га* – показатель именительного. Это очень широко распространённое отклонение, которое объясняют либо тем, что это просторечие, либо тем, что это новый токийский диалект, либо влиянием английского языка²³. Осмелимся предположить, что в случае *суки-кирай* употребление –*о* может быть реакцией языка на грамматическую омонимию, ведь сочетание *彼の(が)好きな(嫌いな)女 Карэ но (га) суки на (кирай на) онна* может обозначать в одном случае «женщина, которую он любит (не любит)», в другом – «женщина, которая его любит (не любит)». При употреблении –*о* вместо –*га* во втором случае омонимия исчезает. Что касается глагола *分かる вакару* («понимать»), то возможно, происходит процесс совмещения значений переходности и непереходности, как мы наблюдаем сейчас в глаголе *終る овару* («заканчиваться» и «заканчивать»). Ранее употреблявшийся переходный глагол *終える оэру* почти вышел из употребления.

Есть и другие примеры отклонений от грамматических норм, мы назвали лишь самые основные, обсуждаемые японскими лингвистами и общественностью. Добавим лишь, что большой интерес представляет работа японского лингвиста Наоя Ниино «Исследование изменений, происходящих в современном японском языке», выполненная в Государственном институте японского языка²⁴. В ней рассматриваются многие из названных нами отклонений.

Фонетика и орфография

Фонетика и орфография относятся к относительно постоянным (по сравнению с быстро обновляемой лексикой) составляющим языка, меняющимся, как правило, под воздействием мощного внешнего импульса. Так, например, в период Мэйдзи появилось множество новых для японцев звуков и слогов из заимствованных европейских слов, что привело к революционным переменам в фонетике. Однако в ближайшее

²² Там же.

²³ Случаи влияния грамматики европейских языков на японскую грамматику известны. Так, в эпоху Мэйдзи в японском языке появились пассивные формы с неодушевленным подлежащим, считавшиеся «нарушением строя японского языка, ненужным европеизмом». Сейчас они признаны нормой. См. *Конрад Н. И.* Указ. соч., С.12

²⁴ Наоя Ниино. Гэндай нихонго-ни окэру синко:тю:-но хэнка-но кэнкю: (Исследование изменений, происходящих в современном японском языке). Гэнгохэн, 93 том. 2011.

время вряд ли стоит ожидать столь революционных изменений. Говоря о современных тенденциях, можно лишь отметить утрату назализации звуков ряда *ga* в интервокальной позиции, которая в Токио началась ещё с довоенных времён. Пока ещё есть разница между поколениями (назализация между гласными, как правило, отсутствует у молодёжи) и регионами (носовой звук свойствен некоторым диалектам)²⁵. Меняется тонизация слов, которая и так не является строго зафиксированной и зависит от позиции слова в предложении, в сторону ровного произнесения; меняется и интонация всего предложения, иногда под влиянием американского английского²⁶.

Японская письменность прошла многовековой путь развития, начиная с заимствования и усвоения китайских иероглифов и приспособления их для передачи звучания японского языка. Несколько реформ орфографии были направлены на упрощение написания и приближение написания к фонетическому облику слов. Борьба за изменение исторической орфографии, не отражающей реального произношения, началась ещё в эпоху Мэйдзи, но только после войны, в 1946 г. правительство приняло закон о современной орфографии, приближенной к произношению, и в результате историческая орфография была отменена. Поправки и уточнения к этому закону были приняты в 1986 г.²⁷

Следует сказать, что историческая орфография всё же частично сохраняется в японском языке и до сих пор создаёт неудобства не только для иностранцев, изучающих японский язык, но и для японцев, которых заставляют учить написание слов в школе.

Прежде всего, это проблема «ёцугана»: написание четырёх букв азбуки *кана* ジ (じ) *дзи*, チ (ち) *дзи* и ズ (ず) *дзу*, ツ (つ) *дзу*. Звучание каждой из этих пар совпало очень давно, различия исчезли ещё в эпоху Эдо, хотя раньше, в VIII-XII вв., эти слоги звучали как [zi] и [di], [zu] и [du]²⁸. Существуют правила, когда писать какую букву, но в некоторых словах допускаются отклонения от правил и ошибаются не только иностранцы, но и японцы.

Историческая орфография сохраняется при написании частицы *ва* и двух падежных показателей. Частица *ва* пишется буквой は (*ха*), а не わ (*ва*), падежный показатель винительного падежа -~~を~~ (-*о*) пишется буквой, которая больше нигде не употребляется, а не буквой お (*о*) ряда *а*, падеж направления э пишется буквой へ (-*хэ*), а не え (*э*). Отметим, что в электронных сообщениях часто происходит подмена традиционного написания фонетическим. Особенно часто нам приходилось встречать わ вместо は.

²⁵ Дзинноути Масатака. Указ. соч., С. 34–35.

²⁶ Там же, С.39–44.

²⁷ http://www.bunka.go.jp/kokugo_nihongo/joho/kijun/naikaku/gendaikana.

²⁸ Санада Синдзи. Указ. соч., С. 24.

В орфографии есть проблема передачи долготы слогов с буквой *o* в некоторых словах, например, とおい (*тоой* «далёкий»), おおきい (*оокий* «большой»), とおる (*тоору* «проходить») и т. д. В отличие от общепринятой передачи долготы с помощью буквы う (*y*), в этих словах долгота передаётся с помощью お (*o*). Такое особое написание связано с этимологией этих слов, но это мало кого интересует сейчас, и здесь тоже возникают ошибки. Ещё одной ошибкой в передаче долготы японских слогов признано использование обозначения долготы для *катаканаго* («заимствованных слов») в словах, написанных азбукой *хирагана* например, おじーさん *одзи:сан* («дедушка»), らーめん *ра:мэн* («лапша»).

В области письменности остается не решенной до конца проблема так называемых омофоно-синонимов, т. е. слов, имеющих очень близкие или одинаковые значения, но разное иероглифическое написание. Считается, что они различаются сферами употребления: 止める, 留める, 泊める, 停める (*томэру*, общее значение «останавливать»); 周り, 回り, 廻り (*мавари* «вращение», «окружность»); 混じる, 交じる, 雑じる (*мадзиру* «быть смешанным») и т. п. Написание омофоно-синонимов для большего числа случаев было отрегулировано послевоенными языковыми реформами, но многие из них остаются в языке и их разграничение входит в список экзаменационных заданий для японцев. Можно предположить, что в русле общих тенденций эта проблема будет разрешена в сторону упрощения написания.

Больше всего орфографических отклонений мы смогли бы найти, изучая письменный язык интернета. Ведь современный темп жизни требует быстрых способов передачи информации, использования особого языка письменных сообщений, особой графики и особой лексики. Этому вопросу должно быть посвящено отдельное исследование.

Вместо заключения

История японского языка является наглядным подтверждением того, что язык – живой организм, в котором под воздействием разных исторических, экономических, политических, социальных и др. условий происходят постоянные процессы обновления лексики, изменения грамматики, фонетики и орфографии.

Те элементы, которые меняются в языке, мы можем назвать «переменными величинами». Они нам понятны, если мы понимаем контекст, в котором они родились, или логику внутреннего развития языка, ведущего к возникновению одних форм и исчезновению других благодаря «борьбе противоположностей в языке, являющейся отражением диалектического развития самого мышления»²⁹. В связи с изменениями, происходящими в японской грамматической системе, мы говорили о

²⁹ Конрад Н. И. Указ соч., С. 37.

стремлении языка к унификации глагольных форм (-*ра нуки котоба*, -*са цуки котоба*), к стремлению избежать грамматической омонимии при совмещении четырёх значений в одной форме страдательного залога.

Но есть ли в японском языке «постоянные величины», которые остаются неизменными, несмотря на смену эпох? По-видимому, есть. Существует какая-то основа языка, в которой могут варьироваться по определённым правилам отдельные элементы, не разрушая этой основы.

Если взять освоение японским языком заимствованной лексики, то сейчас процесс «пересадки и освоения иностранных слов» (как называл его Н. И. Конрад³⁰) происходит по тем же законам, что и в эпоху Мэйдзи или позже. Неизменными при заимствованиях остаются и правила, по которым иностранные слова приживаются в языке. Японцы обязательно их сокращают, приспособляя к длине японского слова в 2–3 слога (максимум 4), изменяя их фонетику в соответствии с японской, так что англоговорящие люди не узнают английские слова (приведённые выше как примеры *リストラ рисутора*, *セクハラ сэкухара*, *スマホ сумахо*, *デフレデфурэ* и многие другие). Японский язык с большой лёгкостью воспринимает иностранные (в основном, английские) слова, добавляя к ним свои форманты: глагол -*суру* «делать», окончания прилагательных -*и*, -*на*, суффиксы -*тэки*, -*ппой*, например, *エンジョイする эндзёй-суру*, *シリアスな сириасу-на*, *ニュースな ню:су-на*, *ナウい нау-й*, *ヨーロッパ的 ё:роппа-тэки*, *ビジネスっぽい бидзинэсу-ппой*. Примеров можно было бы привести много.

Модные слова, входя в японский язык и принимая японское словоизменение, не всегда остаются в нём надолго, например, после 1979 г. некоторое время среди молодёжи для выражения чего-то нового и современного были модными слова *ナウい нау* и *ナウな науна*, образованные от английского *now* и окончаний японских прилагательных -*и* и -*на*. Сейчас их называют *死語 сию* («мёртвыми словами»). Зато японцы нашли новое применение слову *now*: его добавляют к месту своего нахождения или занятию, быстро сообщая о себе собеседнику. Например, вместо длинного *今北海道にいます*. *Има Хоккайдо:ни имасу* («Я сейчас на Хоккайдо») пишут или говорят *北海道ナウ Хоккайдо: нау*, вместо *ジョギングをしています Дзёгингу-о ситэ имасу* («Я сейчас бегаю») – *ジョギングナウ Дзёгингу нау*. Выражение родилось в интернете и в 2010 г. получило премию «*Ю: кян синго рю:ко:го тайсё:*», о которой мы писали выше. Действительно, это сочетание очень ёмко и кратко передает информацию о человеке, что удобно для sms-сообщений и интернета. С одной стороны, это выражение соответствует эпохе больших скоростей, с другой, оно образовано вполне традиционным, неизменным для японского языка способом, характерным для корнесложных

³⁰ Там же, С. 33.

слов японского языка. Иными словами, тенденции в словообразовании сохраняются и являются «постоянными величинами».

Нельзя не сказать и ещё об одной «постоянной величине» – особенности японского менталитета и человеческих взаимоотношений, находящихся выражение в языке. Вот что пишет Наканэ Тиэ, известный специалист по культурной антропологии и социологии: «Только потому, что Япония достигла экономических успехов, было бы упрощением предполагать, что образ мышления японцев, человеческие отношения между ними стали такими, как у европейцев или хотя бы приблизились к ним»³¹. Далее она выражает ту же мысль другими словами: «После Мэйдзи и особенно после войны жизнь японцев – если взять её бытовой аспект – очень резко изменилась. В ней появилось много европейского, так что иностранцы, приезжая в Японию, удивляются. Но можно сказать, что хотя в японской культуре видимые на поверхности вещи сильно изменились, в повседневном общении японцев, в том, как они разговаривают друг с другом, в основном не изменилось ничего»³².

Японское общество, в котором выше всего в человеческих отношениях ценится гармония 和 (*ва*), переносит эту гармонию и на языковое поведение, имеющее особенности, отличные от языкового поведения людей европейских культур.

Это – пассивность языкового поведения; недосказанность, умолчание, молчание; неясность, двусмысленность, неопределённость; выражение отношений иерархии и возрастных различий.

Активное языковое поведение не считается в Японии похвальным, о японцах говорят 語らぬ民族、ものを言わぬ民族 *катарану миндзоку, моно-о ивану миндзоку* («не разговаривающая нация») ³³. Если европейцы и американцы рассматривают собеседника как объект языкового воздействия и стараются в чём-то убедить партнёра, то японцы к собеседнику относятся иначе – они хотят оценить ситуацию, в которой находятся, и определить свою линию поведения. Японцам трудно инициировать беседу, особенно в разговоре с незнакомыми людьми, в компании иностранцев они всегда чувствуют себя напряжённо. Существует множество японских пословиц и поговорок, подтверждающих эти положения ³⁴.

В контекстуально зависимой японской культуре большую роль играют недосказанность, умолчание каких-то фактов или просто молчание как

³¹ Наканэ Тиэ. Татэсакэй-но нингэн канкэй (Отношения между людьми в вертикальном обществе). Токио, 2008. С. 17.

³² Там же. С. 21.

³³ Хага Яесуи. Нихонго-но саяки синри (Социальная психология японского языка). «Нингэн-но кагакуся». Токио, 1998. С.7–11.

³⁴ Корчагина Т. И. Обучение культуре языкового общения с японцами // Полвека в японведении. М., 2013. С. 187–188.

способ передачи информации невербальным путём. Недосказанность и молчание – добродетели в японской культуре. Истина не может быть выражена словами – идея, пришедшая из буддизма: 話半分 *ханаси хамбун* («Истина за рамками разговора»). Человек, обладающий групповым сознанием, не может высказывать своё мнение, пока не известно мнение всей группы. Это может нарушить гармонию и привести к конфронтации. Нельзя открыто демонстрировать свои способности и хвалить что-то своё³⁵.

Японскую культуру языкового поведения характеризует неопределённость, неясность, двусмысленность, расплывчатость при выражении мысли, называемые по-японски 曖昧さ *аймаиса*. Японцы в речи избегают чётких и ясных формулировок, не умеют сказать «нет», не говорят прямо то, что думают. Приведём только одну фразу, услышанную нами на лекции японского профессора: そうじゃないか、という感じがしないわけではない。Со: дзянайка то иу кандзи га синай вакэ дэванай. Если упростить перевод, то это всего лишь «Я полагаю, что это так», хотя в японском предложении употреблено три отрицания для избежания прямого высказывания.

Несмотря на то, что старая система вежливости в японском языке частично разрушена, до сих пор каждый японец употребляет сложные формы вежливости, которые выражаются как в специальных грамматических формах, так и в лексике. При выборе необходимой языковой формы большое значение имеют противопоставления «свой» – «чужой», «высший» – «равный» – «низший», которые зависят от ситуации и могут накладываться друг на друга.

Названные выше особенности языкового поведения японцев имеют глубокие корни и связаны с многовековыми традициями жизненного уклада. Основополагающими концепциями, определяющими культурные традиции и человеческие отношения японцев, являются групповое сознание (集団意識 *сю:дан исики*), понятия «свой – чужой» (内/外 *ути-сото*), «общие принципы» и «истинные намерения» (建前/本音 *татэ-маэ – хоннэ*), чувство долга (義理, 恩 *гири, он*) и другие принципы, благодаря следованию которым в японском обществе достигается гармония 和 (*ва*). Именно достижение гармонии является постоянной составляющей всей японской культуры, находящей выражение и в языке.

Насколько важны для японцев межличностные отношения, покажем в заключение на примере употребления двух слов あなた (*аната*, местоимение второго лица «ты», «вы») и 先輩 (*сэмпай* «старший по курсу, по стажу работы и т. п.»).

Местоимение второго лица *аната* в современном японском языке имеет очень ограниченное употребление. Когда-то оно было вежливым,

³⁵ Там же. С. 188–189.

но сейчас словари дают самые разные его толкования³⁶. В настоящее время обращаться к незнакомому человеку, употребляя слово *аната*, считается невежливым и бесцеремонным, так как не соблюдается необходимая дистанция между говорящими. Тем не менее, мы видим это слово во многих учебниках японского языка для иностранцев, где оно употребляется как английское местоимение *you* (あなたは日本人ですか。-いいえ、私は中国人です。 *Аната ва нихондзин дэсу ка. -Ииз, ватаси ва тю:гокудзин дэсу.* «Вы японец? –Нет, я китаец»). Грешат этим и российские учебники. Известно, что лучше всего обращаться к человеку по фамилии + *сан, сама*. В одном из опросов Министерства культуры слово *аната* при обращении к незнакомому человеку употребили бы только 18% респондентов. При этом *аната*, которое могут употребить старшие, имеет более вежливое значение, чем то, которое есть в современных учебниках. В современном *аната* «степень вежливости» утрачена³⁷.

В 1952 году, стремясь упростить формы вежливости в японском языке, Государственная Комиссия по японскому языку при Министерстве просвещения внесла предложение о правилах употребления вежливых форм, первым пунктом которого было «Сделать слово *аната* стандартной формой обращения». Местоимения *кими* («ты») и *боку* («я») рекомендовалось использовать при разговоре с близкими, а в остальных случаях использовать *аната* и *ватаси* («я»)³⁸. Если бы это предложение Комиссии было реализовано, то система личных местоимений стала бы очень простой, как в английском языке *I* и *you* для первого и второго лица, и для изучающих японский язык проблем стало бы меньше. Однако указом сверху этот вопрос решить было нельзя, и сейчас, по прошествии более 60 лет, сфера употребления местоимения *аната* остаётся крайне ограниченной. Сами основы человеческих отношений в Японии не позволили упростить систему местоимений.

Слова 先輩 *сэмпай*, как и его антоним 後輩 *ко:хай* («младший по курсу, классу и т. д.»), являющиеся отражением иерархических отношений в японском обществе, давно известны. Однако *сэмпай* как обращение к старшему стало употребляться сравнительно недавно. Это обращение распространилось в конце 60-х годов прошлого века из телевизионных драм на производственную тему, *анимэ* и *манга* и стало модным среди молодёжи в университетах, школах, спортивных коллективах и т. д. По данным опроса токийских студентов и школьников

³⁶ См. Алпатов В. М. Система личных местоимений 1-го и 2-го лица в современном японском языке // Теория и типология местоимений. М., 1980; Корчагина Т. И. О тенденциях развития лексики современного японского языка, С. 66.

³⁷ См. Дзинноути Масатака. Указ. соч., С. 46–47.

³⁸ Там же. С. 46.

средних и старших школ, 70% мальчиков и 90% девочек пользуются обращением *сэмпай*³⁹.

Японцы, обращаясь к человеку, любят употреблять так называемые *якувари мэйсё*: (役割名称), или *канкэй мэйсё*: (関係名称), т. е. обращения, которые указывают на место, роль человека в иерархии или на отношения с ним говорящего, например, 課長 *катё*., 部長 *бутё*.: (обращение к начальству на работе), お母さん *о-ка:-сан* (обращение мужа к жене «мамочка»), お姉さん *о-нэ:сан* (обращение родителей к старшей дочери, букв.: «старшая сестра») и т. д. Обращение *сэмпай*, которое также является *канкэй мэйсё*., очень удачно совмещает в себе сразу несколько характеристик: 1) свой, близкий, не враг, не чужой; 2) старший по возрасту, которому говорящий готов подчиняться; 3) обращение *сэмпай* приятно тому, кого так называют. В результате между общающимися сторонами сохраняются хорошие отношения, способствующие гармонии в обществе.

³⁹ См. Дзинноути Масатака. Указ. соч., С. 49–50.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА» В ЯПОНИИ»

Вот уже многие десятилетия не теряет для исследователя-японоведа своей интригующей притягательности проблема сочетания в Японии нового и неизменного, традиционного и современного, национального и того, что характеризует все страны с высоким уровнем жизни, образования и темпа роста научно-технических достижений.

Интригующей не только потому, что продвижению Японии по пути научно-технического прогресса и сохранению национальной самобытности способствовали одни и те же факторы¹, но и потому, что обнаруживаются феномены, которые обуславливают национальную идентичность японцев и специфику их культуры, но отсутствуют в культуре других народов. Причины этого явления вполне объективны – это существующая константа в мировоззрении, и особенности исторического развития, в результате которых закрытая на два с половиной века для общения с другими странами Япония ускоренными темпами усваивала знания и опыт других стран, что вызывало изменения в массовом сознании общества². Особенно интересна для исследователя область художественной культуры Японии, которая во все времена была высокоразвита, и, вклад которой в мировую культуру весьма значителен.

Под художественной культурой понимается не только искусство со всеми видами и жанрами, но и мотивированность творческой деятельности, отношение к художественным ценностям, понимание критериев художественности, способ и место хранения произведений искусства

¹ Подробнее см. *Герасимова М. П.* Традиционные ценности как факторы движения Японии по пути прогресса // Восток/Oriens. 2013, № 1.

² Подробнее см. *Герасимова М. П.* Изменение массового сознания в японском обществе // Историческая психология и социология истории. 2013, т. 6, № 2.

(коллекции, музеи) и многое другое. В отношении каждого из этих компонентов, формирующих понятие «художественная культура» в Японии, можно обнаружить немало удивительного: прежде всего, это отсутствие в течение долгого времени самого понятия «искусство», и, соответственно, отсутствие статуса «художественного» у музеев искусств, отсутствие склонности собирать коллекции и многое другое.

Японцы в течение почти всей первой половины XX в. произведения собственного искусства все еще не воспринимали как таковые, поскольку мотивация при их создании была совершенно иной, и по иному виделось их назначение. Они создавали художественные ценности, не только не помышляя об этом, но и не догадываясь о том, что ею обладают изготовленные ими предметы. Разумеется, не следует абсолютизировать и считать, что все предметы, созданные японцами вручную, одинаково хороши, но в целом отношение к труду было таково, что любой процесс изготовления превращался в творческий акт.

Причиной этого была синтоистская вера японцев в существование во всем, что окружало человека, души, которую должно было познать, а познав, продемонстрировать своим богам *ками* что их замысел понят. Поэтому предполагалось, что берясь изготовить вещь, японец прежде всего реагировал на природный материал, душой отзывался на его природную суть и стремился выявить ее. Отсюда особое внимание к рисунку древесины, цвету песка и камня, фактуре глины, характерные для японцев вообще и при изготовлении предметов вручную, в частности. В связи с этим, забегая вперед, следует отметить, что на выставке художественных работ, созданных в стиле японского народного творчества *мингэй* (о чем подробнее будет сказано позже), проходившей в начале 2014 г. в Лондоне и Нью-Йорке, отмечалось, что в них «главное – это уважение к исходному цвету, фактуре и весу материала»³. Таким образом, изготовление чего бы то ни было, всегда было творческим актом, а созданный предмет всегда был единственным в своем роде, неповторимым как сама Природа и воспринимался не только утилитарно, но и как некий образ, значимый сам по себе.

Переведя это на современный прагматический язык можно воспользоваться словами президента компании «Мацусита дэнки» Накамура Кунио, о том, что «японцы в силу особенностей своего национального характера особенно успешны в *монодзукури*» (букв.: изготовление вещей – М. Г.). В статье, посвященной проблемам преодоления экономического кризиса в Японии, он писал, что «Японское *монодзукури* больше, чем просто производство... *Монодзукури* для японцев – это акт создания новой ценности, ценности не только материальной, но и духовной»⁴.

³ <http://www.brooklynrail.org/2014/03/artseen/mingei-are-you-here>

⁴ Nakamura Kunio. Manufacturing as the Lifeblood of the Nation // Japan echo. 2005. № 8. P. 3.

Вещь не утрачивала своего очарования для человека, если имела утилитарное значение. Более того, созданная человеком вещь становилась связующим звеном в системе Человек – Природа. Считалось, что вещи связывают всех, кто с ними соприкасался, а организующим началом в этой всеобщей взаимосвязанности является Природа, воспринимаемая как вечное и бесконечное олицетворение красоты и гармонии, подарившая людям материал для изготовления вещей. Иными словами, вещи, которыми окружали себя японцы, рассматривались ими как звено в цепи всеобщей взаимосвязанности. Ненарушение этой взаимосвязанности – залог гармонического существования в лоне Универсума. Поэтому никому не приходила в голову мысль «изъять» вещь из её естественного окружения и представить на обозрение саму по себе. Как экспонат она характеризовала бы эпоху, социальную среду и т. п., а также степень мастерства её создателя, вызывая скорее познавательный интерес, чем чувство эстетического наслаждения, которое для японцев традиционно не было самоценным.

Очевидно, что при таком отношении к созданию вещей и к самой вещи, когда она воспринимается как звено в определенной цепи фактов, явлений, равно природных и социальных, не могло быть и речи о коллекционировании, поскольку это нарушило бы их естественную взаимосвязанность. Предмет, входящий в состав коллекции, так же как музейный экспонат, это – предмет, вынутый из контекста. Его функция в этом случае скорее познавательная, чем эстетическая. Однако именно такое отношение к изготовлению вещей, поднимало их на уровень искусства, что и было оценено европейцами, но обусловило отсутствие в понимании японцев разницы между ремеслом и искусством. Именно это было и остается отличительной чертой изделий, «сработанных» японцами, и в частности, тех что называют *мингэй* – буквально «народное искусство», или искусство, созданное народом.

Широко употребляемое сегодня как для обозначения занятия традиционными ремеслами, так и для изделий этих ремесел, слово *мингэй* в японском языке появилось только в 20-ые годы прошлого века. Его «создателем» считается Янаги Соэцу (Мунзёси, 1889–1961), прославившийся как философ, сумевший «раскрыть красоту «искусства», созданного народом». Оно состоит из двух иероглифов: *мин* – народ, и *гэй* – искусство, мастерство, талант. (Элемент «гэй» с середины XIX в., когда Япония познакомилась с понятием искусство и появилось слово *гэйдзюцу* как калька с западных языков, стал употребляться в качестве компонента слов, обозначающих тот или иной вид искусства, например, *бунгэй* – художественная литература в отличие от *бунгаку* – литература в широком смысле этого слова).

Появление в словаре японцев слова *гэйдзюцу*⁵, хотя и свидетельствовало о некоторой модернизации мышления японцев, но не означало, что западноевропейское понятие «искусство» было ими усвоено. На Западе искусствами занимались либо для того, чтобы заполнить досуг, либо для обогащения своего духовного мира, либо для выражения своего видения окружающего мира, предмета, явления или переживания. В любом случае занятие искусством и все, что с ним связано, было над обыденностью, своего рода особым случаем. Японцы же не стремились возвыситься над повседневностью, это было бы нарушением естественного хода событий, но в силу своих убеждений и поверий вносили в трудовую деятельность элемент, который на Западе называли бы творчеством, поэтому, не стремясь производить художественные ценности, они их создавали, и искусство оказалось вписанным в быт, не будучи воспринимаемо как таковое, о чем свидетельствуют предметы, которыми японцы пользовались в повседневной жизни. Есть многочисленные свидетельства того, что иностранцы приходили в восторг при виде японских подносов, утвари, шкафчиков, шкатулок и пр.

В Европе первыми увидели японские товары самого широкого спектра жители Лондона. Это произошло в 1862 г. во время Большой международной лондонской выставки. Спонсором этой выставки-ярмарки, на которой 36 стран представили более 28000 экспонатов, был созданный в 1754 г. с целью находить практические способы решения современных социальных задач Королевский комитет по делам искусств, промышленности и торговли. Япония была представлена предметами из коллекции английского консула сэра Резерфорд Оллок (1809–1897). Отбирая японские экспонаты для выставки, он писал: «во всех ремеслах японцы, несомненно, превосходили всех. Я без колебания заявляю, что их фарфор, их бронза, их шелковые ткани, их лаковые изделия, их работы по металлу, а также их произведения изящных искусств по дизайну и по исполнению, не только конкурируют с лучшими евро-

⁵ В истории японской культуры слово *гэйдзюцу* впервые встречается в китайской исторической хронике V века «Гокандзё». Но его нет в словаре японских архаизмов, и общеупотребительным оно стало в эпоху Мэйдзи, когда его стали использовать для перевода с западных языков понятия «искусство». До этого, если его и употребляли, то в смысле далеком от того, что принято понимать под словом «искусство». Так, например, в известном высказывании Сакума Сёдзан «Восточная мораль, западная техника» (*тоё-но дотокү сэйё-но гэйдзюцу*) для слова «техника» употреблено *гэйдзюцу*, понимаемое в данном случае, как свидетельствуют японские справочники, как «техника, технология, практические науки», такие как медицина, топография, география, иными словами знания и умение, которые могут найти практическое применение в жизни. Со временем слово *гэйдзюцу*, закрепилось за «искусством», но в тех случаях, когда речь идет об искусстве в высоком смысле этого слова, японцы, как правило, пользуются английским словом Art.

пейскими образцами, но представляют продукцию, которой мы можем всего лишь подражать»⁶.

Среди предметов японского материального культурного наследия великое множество не просто художественных, но высокохудожественных, однако слова **бидзюцу** (исходя из иероглифов оно значит «мастерство делать красивые, изящные вещи»), употребляемого для обозначения изящного изобразительного искусства, равно как и слова **когэй** (буквально техническое искусство) – ремесло, в японском языке также не было. Они, по свидетельству японских исследователей и в первую очередь Китадзава Нориаки и Сато Дэнсин⁷, также появились в период модернизации и являются калькой с европейских языков. До того времени широкоупотребительным было слово **гигэй**, понимаемое как техническое искусство, техническое мастерство, искусность. **Гигэй** не предполагало каких-либо дефиниций и зачастую то, что японцы характеризовали как **гигэй**, западно-европейская традиция в равной степени могла рассматривать и как изобразительное искусство, и как ремесло. Это служит очередным доказательством того, что в Японии не было деления на искусство и ремесло, «художественное» и «не художественное».

Когда в период модернизации в попытке ввести новые понятия и классифицировать различные явления японской жизни по «западному образцу», новое и плохо понимаемое японцами слово **бидзюцу**, было применено к тому, что они называли **гигэй**, в умах «модернизирующихся» японских граждан произошла невероятная путаница и **бидзюцу** стали называть все, что делалось человеческими руками – скульптуру, каллиграфию, живопись, гравюру, фотографию, архитектурные проекты, ювелирные украшения, керамические, стеклянные, деревянные и инкрустированные изделия, мозаику и пр. Иными словами, всё то, создание чего требовало определенного мастерства. Впоследствии то, что объединялось под одним словом **гигэй**, разделилось на две категории: то, что можно было отнести к изящным искусствам **бидзюцу**, и то, что можно было отнести к **когэй**, понимаемому как «созданные в процессе ручного труда предметы для практического использования, имеющие художественную ценность». Такое объяснение приводится во втором издании Всемирной энциклопедии⁸. Однако, как сказано далее, в этой же словарной статье, «грань между изящным искусством **бидзюцу** и ремеслом **когэй** весьма зыбкая и неоднозначная, характеристики и оценки могут варьироваться».

⁶ Цит. по Kikuchi Yuko. Japanese Modernisation and Mingei Theory: Cultural Nationalism and Oriental Orientalism), Лондон, 2004. Р. 89.

⁷ Подробнее см. Китадзава Нориаки. Мэ-но синдэн (Святылище глаз). Токио. 1989; Сато Досин. Бидзюцу то кайсо – кинсэй-но кайсосэй (Искусство и социальные слои – социальные классы в новое время и формирование «искусства» в Японии). Токио. 1966.

⁸ Сэкай дайхякка дзитэн. Всемирная энциклопедия. Второе издание. Токио. 2007.

Введение в обиход слова бидзюцу, как уже говорилось, было обусловлено попыткой соответствовать принятым в западной Европе классификациям. Впервые оно было употреблено в материалах, относящихся к международной выставке, которая проходила в Вене в 1873 г. Тогда к **бидзюцу** было отнесено все то, что впоследствии стало называться **эйдзюцу**, то есть все виды искусства – музыка, живопись, скульптура, поэзия. Окончательно все запуталось, когда, как отмечает Киносита Наоюки, **бидзюцу** стали называть и зрелища **мисэмоно**⁹.

Впервые **бидзюцу** в его нынешнем значении, то есть понимаемое как изящные искусства, было употреблено при составлении учебной программы в созданной в 1876 г. Художественной школе изящных искусств и технического мастерства при Министерстве промышленности (**Кобу бидзюцу гакко**). Так назывался предмет, для преподавания которого был приглашен итальянский живописец Антонио Фонтанези (1818–1882).

Что касается слова **когэй**, употребляемого для обозначения ремесла в современном языке, оно также вошло в обиход в ходе мэйдзийских реформ. Известно, что оно фигурировало в документах по подготовке к выставке, которая должна была проводиться в Париже в 1877 г. в списке ремесел. В тот период **когэй** употреблялось как синоним «промышленности» – **когё**, поскольку из-за чрезвычайной отсталости промышленного производства почти все изготовлялось вручную.

Со временем из **когэй** выделились живопись и скульптура, которые стали относить к изящным искусствам бидзюцу по аналогии с изящными искусствами – *fine arts* – на западных языках. Главной отличительной чертой **бидзюцу** считалась «неутилитарность» предмета, невозможность или непредназначенность для применения в повседневной жизни. **Бидзюцу** это то, что только для любования.

Следующим шагом было появление понятия «художественные ремесла», выразившегося словосочетанием **бидзюцу когэй**, за которым последовали «обыкновенные ремесла» – **фуцу когэй** и так называемые промышленные ремесла – **сангё когэй**, ремесла, обслуживающие промышленность. Так шаг за шагом благодаря созданию новых институциональных систем, включая музеи, выставки, художественные школы, а также появлению в печати статей, посвященных разбору художественных достоинств произведений разных видов и жанров, слова **бидзюцу** и **когэй**, наполненные новым содержанием, постепенно укореняются в сознании японцев. Однако более всего способствовали пониманию и усвоению этих неологизмов «наглядные пособия», каковыми были экс-

⁹ Подробнее см. Киносита Наоюки. Бидзюцуютою **мисэмоно** (Зрелища **мисэмоно**, называемые **бидзюцу**) Токио. 1993.

понаты, размещенные в разделах «Изящные искусства» (*бидзюцу*), «Художественные ремесла» (*бидзюцу когэй*), «Ремёсла и промышленное производство» (*когэй-когё*) открывшегося в 1886 г. Императорского музея и создание Токийской школы изящных искусств в 1887 г., о чем уже упоминалось выше.

Одновременно с усвоением понятия художественности и, видя интерес, который вызывают у иностранцев предметы, изготовленные японцами вручную, начала происходить переоценка собственных материальных и культурных ценностей, появился взгляд на ремёсла как на статью дохода и именно их продукция была положена в основу национального экономического проекта, разработанного для развития международной торговли. Так художественная культура в Японии стала частью экономической культуры страны.

Официально Япония впервые приняла участие в международной выставке в 1867 г. в Париже, где её экспонаты имели грандиозный успех. Затем последовало участие в Венской международной выставке в 1873 г., где традиционные японские ремесла были представлены достаточно полно и с учетом вкусов западной публики. В 70-х годах XIX в. на долю изделий традиционных ремесел приходилась десятая часть от общего объема экспорта. Все еще отстающая по уровню развития науки и техники Япония таким образом представляла на экспорт продукцию, которая была вне конкуренции. Япония была признана «страной ремесел», и в конце 70-х годов XIX в. Европу охватило повальное увлечение всем японским, которое с подачи французской критики получило название *Japonisme* – «японизм».

В это же время (1876–1877) Японию посетил Кристофер Дрессер (1834–1904) – один из самых значительных дизайнеров своего времени. Он много ездил по стране, побывал в 64 гончарных и десятках других мастерских, фотографировал дома и интерьеры, собрал значительную коллекцию предметов быта, часть которой позже была продана за немалые деньги через знаменитую ювелирную фирму Тиффани. Он не только сам покупал изделия японских ремесел, но и давал японцам советы, как и где лучше развивать торговлю изделиями, которые в японском понимании укладывались в группу *когэйхин*, изделия ремесел *когэй*. В 1882 г. он выпустил книгу «Япония: её архитектура, искусство и его создатели», в которой высоко отзывался о художественном вкусе японских ремесленников.

Значение ремесел для экономического развития Японии было столь велико, что правительство поощряло создание ремесленных колледжей и научных центров, где занимались бы разработками технологий для ремесленного производства. В 1880-х гг. по всей стране были открыты многочисленные школы, в которых обучали передовым технологиям и которые помогли наладить в этой сфере серийное производство.

Художественные ремёсла *бидзюцу когэй* стали рассматриваться как дело государственной важности. Правительство разработало систему наград и поощрений за выдающиеся достижения в том или ином виде ремесла. В 1890 г. был введен титул *тэйсицу гигэйдзин* – придворный художник, которым награждал император. Позднее, в 1919 г., была учреждена Академия изящных искусств японской империи (*Тэйкоку бидзюцуин*), переименованная в 1937 г. в Академию искусств японской империи (*Тэйкоку гэйдзюцуин*), а в 1947 г. она стала называться просто Японская академия художеств (*Нихон гэйдзюцуин*).

1920-е годы в Японии называют «золотым периодом» в истории художественных ремёсел *бидзюцу когэй*. Появились художественные студии, было создано Японское общество художественных ремёсел (*Нихон когэй бидзюцукай*), проведена первая выставка, на которой были представлены изделия художественных ремёсел (*Нихон когэй бидзюцу тэнранкай*).

Именно в этот период Янаги Соэцу (Мунэёси, 1889–1961), зачинатель Движения народных ремёсел (*Мингэй ундо*), отголоски которого по сей день слышны в Японии, да и не только в Японии, но и далеко за её пределами, выступил со своей концепцией «народного искусства» (*мингэй*), положенной в основу теории *мингэйрон*, (букв.: теория *мингэй*).

Следует отметить, что 10–20-ые годы XX в., на которые приходится эпоха Тайсё (1912–1926), один из наиболее значимых периодов интеллектуальной жизни Японии. Многочисленные переводы самой разнообразной литературы с западных языков служили проводником идей, которыми жило общество в этих странах, влияя на процессы, происходящие в японском обществе.

В этот же период, также не без влияния распространенных на Западе взглядов о пагубном влиянии модернизации на жизнь общества и его членов, в Японии началась, затянувшаяся на долгие годы дискуссия о необходимости «преодолеть современность» (*киндай но тёкоку*), что следовало понимать как сопротивление «механистичности» и «обездушиванию», неизбежных в условиях индустриализации. Именно в это время, приобрели особую популярность работы Джона Раскина и Уильяма Морриса, идеологов английского художественного Движения искусств и ремёсел конца XIX века, ставшего реакцией на промышленную революцию. Идеи Толстого, Кропоткина, Маркса, также находили своих почитателей и недавно усвоенное понятие «искусство» стало рассматриваться в социальном контексте, поставив на повестку дня такие вопросы как «искусство, созданное народом», «искусство и красота жизни», «крестьянское искусство». Так что положения теории *мингэйрон* звучали в унисон веяниям, характеризующим время.

Мингэйрон стала первой эстетической теорией, в основе которой лежит понимание сущности ремёсел и дизайна. Сформулировать

коротко её суть не просто ввиду того, что Янаги развивал её на протяжении всей своей жизни. Если на первых порах, то есть в конце 20-х годов XX века, в ней, на первый взгляд, много совпадений с идеями и формулировками идеологов английского Движения искусств и ремесел, то позднее, к 1950–1960-м годам, в ней начинают преобладать элементы буддийского учения дзэн с его идеями недualityного восприятия мира, интуитивного познания Истины, бесстрастной созерцательности и другими понятиями, характерными для буддийской духовности. Успех движения и его влияние на жизнь японского общества грандиозны. Считается, что Янаги «спас горшки простолудинов времен Эдо и Мэйдзи, которые непременно исчезли бы в условиях происходящей быстрыми темпами урбанизации в Японии», как говорится в аннотации к одной из его книг.

Действительно, среди предметов повседневного обихода изготовленных вручную неизвестными мастерами без намерения сотворить прекрасное, много превосходных, не оцененных самими японцами. Янаги назвал эту продукцию *мингэй* и посвятил ей всю свою жизнь. Ему не только удалось обратить внимание соотечественников на изделия ремесленников, но и вписать их в условия современного городского быта.

В работе под названием «Что такое *мингэй*?», которую сам автор называет введением в *мингэйрон*, он говорит о *мингэй*, как о наиважнейшем элементе культуры, поскольку именно *мингэй* привносят красоту в повседневную жизнь. Кроме того, *мингэй* отражают самобытность народа, что важно для самоидентификации нации¹⁰. Всё это веские причины для того, чтобы уделять внимание сохранению, поддержанию и развитию ремесел. Первый шаг в этом направлении был сделан самим Янаги Соэцу в 1926 г., когда он организовал выставку, на которой представил собранные во время поездок по Японии предметы, а в следующем году опубликовал книгу «Путь ремесел», которая стала теоретической основой так называемого Движения *мингэй*.

Очевидно, что это название дано книге не случайно. В Японии знают много «путей»¹¹ – «Путь чая», «Путь цветов», «Путь письмен». На Западе их рассматривают как японские традиционные виды искусства – чайная церемония *садо*, составление букетов цветов *кадо* или икебана, каллиграфия *сёдо*, в Японии же их относят к духовным практикам, помогающим ощутить всеобщую взаимосвязанность, иными словами к культурным традициям, одухотворенным религиозным мировоззрением.

¹⁰ Подробнее см. Янаги Соэцу. Мингэй то ва наника (Что такое *мингэй*). Токио, 2012.

¹¹ Путь – *до* (китайское «дао») – означает Вселенский путь. Иначе говоря, Путь Истинного сущего. Считается, что постижение Истинного сущего приводит к избавлению от суетных желаний, ложных ценностей и помогает обрести душевное равновесие.

В основе теории *мингэй* лежат «критерии прекрасного» (*би-но хёдзюн*), которым, по мнению автора, более всего соответствуют изделия традиционных ремесел – *мингэй*. *Мингэй*, по его определению, это – предметы, которыми люди пользуются в повседневной жизни. Они изготовлены вручную неизвестными мастерами, в большом количестве, из натуральных материалов, традиционным способом с применением традиционного дизайна, по форме просты, но лишены строгой «правильности», несут на себе отпечаток местного колорита, утилитарны в высшей степени, стоят недорого, их вид вызывают чувство чего-то близкого, родного (*ситасиса*).

Комментируя эти критерии, Янаги, оперирует терминами, характеризующими буддийскую духовность *му* – Ничто, *ку* – Пустота, *мугэн* – Бесконечность, *фуни* – Недуальность, *мусин* – буквально «без сердца», «без мысли», «без чувств», предполагает состояние отрешенности, бесстрастности, особенно необходимое для того, чтобы познать какой бы то ни было объект. Именно в состоянии *мусин*, свободном от личных эмоций и мыслей возможно подлинное постижение сути предмета, явления. Здесь нет места интеллекту или рассудку, постижение сущности, равно как постижение абсолютной красоты, как и Истины, возможно лишь интуитивно.

Интеллектуальное, рассудочное постижение – это скорее знание, а знание – это только часть подлинного постижения, поэтому истинную красоту может передать только тот, кто не ставит себе подобной цели, не обременен творческим замыслом и действует по естественному побуждению. Так работали неизвестные мастера, ремесленники, от которых осталось то, что называется *мингэй*, и эти предметы являются носителями подлинной красоты.

Вся жизнь и деятельность Янаги Созцу с того момента, как будучи под большим впечатлением от работ странствующего монаха буддийской школы Дзэн Мокудзика-сёнин'а (1718–1810), оставившего в разных уголках Японии более 1000 вырезанных из дерева скульптур Будды, он отправился в путешествие по Японии, с целью найти работы мастера. Во время путешествия его внимание привлекли утварь и другие предметы домашнего обихода, которыми простые жители пользовались в повседневной жизни. Он усмотрел в них особую красоту, что и стало отправной точкой для определения «критериев красоты» (*би-но хёдзюн*), которые легли в основу его теории *мингэй*.

В 1931 г. Янаги начал выпускать журнал «Когэй» («Ремесла»). Тираж был невелик, но оформление которого считается одним из самых замечательных в истории японской книги. Тексты были напечатаны на изысканной бумаге ручной работы, а обложка сделана из кусков знаменитых японских тканей в комбинации с элементами, выполненными из

лака. В 1934 г. была создана Японская ассоциация Народных ремесел (*Нихон мингэй кёкай*), руководящий орган Движения *мингэй*. В 1936 г. Янаги осуществил свою мечту, которую вынашивал около 10 лет. Он создал Японский музей *мингэй* (*Нихон мингэйкан*). Так появился в Японии художественно-просветительский музей народного искусства.

Трудно сказать, что именно было определяющим и способствовало успеху Движения *мингэй*. Во-первых, возможно, акцент на характерном для японцев отношении к вещи как к связующему звену в системе Человек – Природа, что давало столь необходимое японцам ощущение всеобщей взаимосвязанности. Во-вторых, усиливающиеся в Японии с начала 1930-х годов националистические тенденции, в свете которых любая специфичность рассматривается как выдающаяся исключительность, как превосходство. В-третьих, интересы коммерческих кругов, (с тех пор и по сей день универмаги – во главе с «Мицукоси» и «Такасимая» – регулярно устраивают выставки изделий традиционных ремесел), но успех движения, опирающегося на теорию был несомненен и долговечен. Его результатом можно считать принятие в 1950 г. закона об охране культурного наследия, на основании которого традиционные ремесла были причислены к «национальным сокровищам», а владеющие секретами мастерства объявлены «живыми сокровищами» – *нингэн кокухо* (букв. человек-сокровище). Знаменательно, что в Музее искусств Охара, который создавался как музей Западного искусства и первый получил статус художественного, было пристроено крыло, в котором стали экспонироваться гончарные работы (Каваи Кандзи, Хамада Сёдзи, Томимото Кэнкити), и резьба по дереву (Мунаката Сико и мастера по крашению тканей Сэрисава Кэйсукэ). В 1974 г. японское правительство приняло закон, предусматривающий «Содействие развитию традиционных ремёсел».

Однако во второй половине 1970-х годов появились критические работы, в которых подвергалась сомнению оригинальность теории *мингэй*. провозглашенной Янаги Соэцу и его «право на авторство» в «изобретении» слова *мингэй* (Окамура Китизмон, Идэкава Наоки, Такасаки Содзи, Адзюка Тиаки). Этот факт особо подчеркивает профессор Лондонского Университета Искусств Кикиути Юко. Она провела кросс-культурное исследование, на основании которого выявила общность целого ряда положений теории *мингэй* с тем, о чем говорится в работах Джона Раскина и Уильяма Морриса, и сделала вывод о том, что эта теория Янаги Соэцу не более чем сочетание идей, почерпнутых из западных теорий и восточных учений. В 2003 г. вышла неоднократно переиздававшаяся впоследствии её книга «Японская модернизация и теория *мингэй*: культурный национализм и восточный ориентализм», В предисловии к ней говорилось: «Идеи Движения *мингэй*, сформулированные

в 1920-е годы Янаги Соэцу, с 1950-х годов получили широкую известность и распространение во всем мире, порождая множество разнообразных явлений, сутью которых было особое внимание к народному творчеству. Появились музеи народного искусства, коллекционеры и исследователи, специальные магазины, торгующие предметами ручного труда, которые можно было отнести к разряду *мингэй*, и даже рестораны в стиле *мингэй*. Суть этой теории, представленная Западу в переводе мастера гончарного дела Бернарда Лича, друга и единомышленника её создателя Янаги Соэцу, уже много лет пользуется популярностью среди мастеров и художников, работающих в духе народных ремёсел на Западе, как основы «восточной эстетики». Однако в последнее время появилось немало исследователей, подвергающих сомнению саму «восточность» этой теории»¹²

Многие положения и даже определения в теории Янаги Соэцу, действительно, напоминают взгляды Уильяма Морриса, однако в этом случае вряд ли стоит говорить о заимствовании. Здесь налицо совпадение взглядов людей, пытающихся понять значение ремесел в культуре народа приблизительно в одинаковых исторически сложившихся условиях. Янаги Соэцу получил блестящее образование, владел иностранными языками, настолько, что не только читал серьезные журналы по искусству, но и переводил с западных языков работы по теории искусства и адаптировал их для японского читателя. Он не мог не знать о Теофиле Готье (1811 – 1872) и его теории «искусства для искусства», с его требованием формального совершенства творений, оторванных от жизни и убежденностью в том, что всякая вещь перестает быть прекрасной, если приобретает утилитарное значение.

Янаги же настаивал на том, что только то и красиво, что полезно, вещь должна быть полезна, должна находиться среди людей и переходить из рук в руки. В этом убеждении Янаги явно прослеживается характерное для японцев отношение к вещи как к связующему звену, о чем говорилось выше.

Теофиль Готье был чрезвычайно популярен, однако Янаги склоняется не к нему а к Моррису, с которым у него все же есть существенные расхождения, которые не отрицает и Кикиути Юко. В частности, Моррис всегда ратовал за свободу творчества и за то, чтобы труд приносил радость, и выражал надежду на то, что новое искусство будет искусством, созданным сознательным интеллектом. В этом сказывается характерное для западноевропейской традиции деление на ремесло, которое есть труд, и Моррис полагает, что он должен быть радостным, а творчество должно быть сознательным.

¹² Kikuchi Yuko. Japanese Modernisation and Mingei Theory: Cultural Nationalism and Orientalism London-New-York, 2003, 2004, 2006.

Янаги же говорил о труде, который есть нравственный долг, о труде в состоянии отрешенного сознания, когда Природа, традиции и Высшая сила, которую он называл милостью небес, помогает создавать вещи, несущие в себе красоту. Апологеты Янаги, рассматривая его теорию с философской точки зрения, считают, что заслуга автора в том, что он рассматривает народное искусство как манифестацию мира, истинно существующего, из которого рождаются искусство, философия и религия и в котором исчезают существующие между ними барьеры. Как это ни парадоксально, а может быть и вполне естественно в силу взаимодополняемости, на современном Западе более востребованными чем идеи Уильяма Морриса оказались идеи Янаги Соэцу.

Слово *мингэй*, с легкой руки Янаги Соэцу стало общеупотребительным в среде мастеров декоративно-прикладного искусства и дизайна, как синоним лаконичного и изысканно-простого, характерного для предметов, изготовленных японскими ремесленниками, далеко за пределами Японии. В особенности велико его влияние на эстетическую мысль в Великобритании и США. У теории *мингэй* в Европе появилось множество сторонников после того, как он представил участникам Международной конференции мастеров керамики и текстиля в Дартингтон холле в 1952 г. свои работы, озаглавленные «Буддийская идея красоты» и «Понимание ремесла японцами». С тех пор и по сей день эстетические взгляды Янаги Соэцу не теряют своей привлекательности.

В январе-феврале 2014 г. в Лондоне в галерее Пэйс проходила выставка под названием «*Мингэй*: есть ли ты здесь?», о которой говорилось выше. Затем она переехала в Нью-Йорк, где работала в марте-апреле. В анонсе к выставке, было написано: «Выставка помогает понять суть этого оригинального движения и убедиться в том, что современные ремесла переживают ренессанс и что совершенные почти столетие назад поиски резных скульптур, сотворенных Мокудзики Сёнин, по-прежнему вносят свежую струю в нашу жизнь»¹³. На выставке были представлены 80 экспонатов 30 художников, японских и иностранных, современных и тех, чья деятельность приходилась на время жизни Янаги и испытала на себе влияние его идей, то есть с конца 20-х до 60-х годов прошлого века, а также несколько предметов, изготовленных неизвестными японскими мастерами в Японии в средние века. Цель выставки заключалась в том, чтобы сопоставив экспонаты, выявить общие черты в творчестве тех, кто работает в духе *мингэй* сегодня с их предшественниками. В рецензии Майкла Страуса, члена совета директоров нескольких музеев и учреждений, ведающих вопросами искусства, в том числе члена редакции журнала «Бруклин Рэйл», в котором печатаются материалы,

¹³ Mingeirelease <http://www.pacegallery.com/london>

посвященные вопросам искусства, культуры и политики, по этому поводу говорится: «главное – это уважение к исходному цвету, фактуре и весу материала и преданность гармонии, которые беспрестанно просвечивают в гениальном умении каждого художника, осязая материал, почувствовать его в каждое из тех мгновений, которые он отдает работе», отчего «так легко исчезает, растворяется, предполагаемое различие между ремеслом и искусством»¹⁴.

В то время как Запад учился секретам художественного мастерства у японцев, они сами осваивали понимание художественности в западно-европейском смысле. Этому способствовали и создаваемые в Японии после 60-х годов XX в. в большом количестве художественные музеи, как японского искусства, так и зарубежного, и классического, и современного. Это была новая тенденция в жизни японского общества, хотя с самой идеей существования и функционирования музеев, столь характерного для западноевропейской культуры института, японцы познакомились в середине XIX в., когда в Европе публичные музеи уже были неотъемлемой частью общественной жизни¹⁵.

Это произошло в тот период, когда в Японию, все еще пребывавшую в условиях военно-феодального гнета и закрытую для общения с иностранцами, но уже бурлящую в преддверии грядущих перемен во всех областях жизни, через закрытую голландскую факторию на острове Дэсима проникали так называемые «голландские науки» (*рангакү*) – достижения европейцев в области естественных и отчасти гуманитарных наук.

После заключения 29 июля 1858 г. японо-американского договора о дружбе и торговле группа японцев получила разрешение отправиться в Америку. На японцев, изумленных различием в образе жизни жителей другой страны и их собственным, огромное впечатление произвели музеи и та роль, которую они играли в обществе.

Как известно, свое начало европейские музеи берут в кабинетах и галереях, которые с XVII в. предусматривались при строительстве дворцов специально для размещения коллекций картин, скульптур, книг и гравюр. Мода на кабинеты и галереи началась еще в XVI в. в Италии и постепенно охватила всю Европу. В Германии наряду с предметами искусства стали создавать коллекции необычных вещей – Wunderkammer. Галереи и кабинеты поначалу служили для личного

¹⁴ <http://www.brooklynrail.org/2014/03/artseen/mingei-are-you-here>

¹⁵ В Европе к концу XVIII в. уже хорошо были известны Британский музей в Лондоне (1753) и Эрмитаж в Санкт-Петербурге (1765), Коллекция искусства Ватикана (1769) и Королевская Коллекция Вены (1770), Королевская Коллекция Дрездена (1770) и Национальный Музей Науки в Мадриде (1771), и ставший первым большим публичным музеем, открытый в 1793 г. в Париже Лувр.

удовольствия их хозяев, но к концу XVII – началу XVIII в. многие приняли общественный характер.

Ничего даже отдаленно похожего в Японии не было. Справедливо-сти ради, следует отметить, что в буддийских монастырях хранились предметы местных ремесел, достойные называться образцами прикладного искусства, которые периодически выставлялись на всеобщее обозрение. Но эти собрания не были коллекциями в полном смысле этого слова, т. е. не собирались целенаправленно и не систематизировались. Они пополнялись от случая к случаю.

В некотором роде исключение представляет собой сокровищница Сёоин монастыря Тодайдзи в Нара, собрание которой является старейшей музейной коллекцией в мире. Её содержимое представляет собой личные вещи императрицы Комё (701–760), супруги императора Сёму (701–756), при котором буддизм фактически стал государственной религией Японии. Поминая своего супруга, она несколько раз преподносила в дар Великому Будде, скульптурное изображение которого установлено в главном храме монастыря Тодайдзи – Дайбуцудэн (буквально храм Великого Будды) в Нара, свои личные вещи. В период Хэйан (794–1185) сокровищница пополнилась утварью и предметами, используемыми во время религиозных ритуалов, привезенными из других монастырей. После Реставрации Мэйдзи (1868) в ходе проведения государственных реформ коллекция была передана в ведение правительства, а после Второй мировой войны в ведение Управления императорского двора. В настоящее время вся коллекция недоступна для общественности, но один раз в году осенью в музеях Нара экспонируется часть входящих в неё предметов.

Других случаев, когда коллекции стали бы отправной точкой для создания музеев, в Японии нет. Иными словами, коллекционирование, – столь широко распространенный на Западе вид деятельности, не было известно японцам.

Как уже говорилось, отсутствие привычки коллекционировать вещи, а тем более выставлять их на обозрение как экспонат объясняется тем, что одним из основополагающих положений в миропонимании японцев является убежденность во всеобщей взаимосвязанности вещей. Вещь в коллекции оказывается вынудой из контекста, а это влияет на естественное положение вещей, изменяя его. Строго говоря, бывало (и бывает), что японцы выставляют вещи напоказ, но только на время, единично, и продиктовано это не желанием продемонстрировать предмет достойный внимания, а верой в то, что в этом случае на него снисходит дух божества¹⁶.

¹⁶ Подробнее см. Masao Yamaguchi. The poetics of Exhibition in Japanese Culture. Exhibiting Cultures. Washington and London. 1996.

По истечении определенного времени вещь начинает функционировать в своей обычной системе, взаимодействуя с другими привычными её элементами.

Коллекции в Японии, в особенности художественные артефакты, начали собираться уже в новое время, когда японцы стали свидетелями того, как активно скупали иностранцы предметы их быта и старины. Многие из этих коллекций впоследствии стали основой, на которой были созданы музеи.

Таков, например, созданный в 1917 г. первый частный художественный музей, в котором экспонировались ширмы, маски театра Ноо, старинные книги, картины, керамика и скульптуры, входившие в состав домашней коллекции предпринимателей из дома Окура – Окура *сюкокан* (буквально «Дом, в котором собраны предметы старины»). То же самое можно сказать и о созданном в 1940 г. музее Нэдзу. В его коллекцию, собранную президентом железнодорожной компании Тобу Нэдзу Каитиро (1860–1940) входят 7 предметов, квалифицируемых как «национальные сокровища», 87 как «важные культурные ценности», и 94 как «сокровища искусства».

Тенденция создавать музеи на основе собственных коллекций продолжалась и после войны, в 1960-е годы прошлого века: например, основа музея Яматанэ – собрание картин японской живописи традиционных жанров, принадлежавшее торговцу рисом Ямадзаки Танэдзи (1893–1983). Художественная галерея Идэмицу возникла из коллекции восточноазиатского искусства, принадлежащей нефтяному магнату Идэмицу Садзо (1885–1981), одному из творцов «экономического чуда» и поклоннику искусства Сэнгай Гибон¹⁷.

Интересно отметить два факта, характеризующие массовое сознание японского общества в переходную эпоху, когда Япония только начала интегрироваться в мировое сообщество. Первый – это то, что в отличие от стран Запада, имеющих давнюю «музейную историю», где вначале появились художественные музеи, в которых экспонировались произведения искусства, и только спустя некоторое время просветительские, в Японии всё было наоборот. Сначала появились просветительские музеи, выполнявшие образовательные функции, и только полвека спустя художественные. Второй необычный для западноевропейского сознания факт заключается в том, что художественные по существу музеи в течение долгого времени не имели этого статуса.

После Реставрации Мэйдзи, когда во всех областях жизни японцев проводились реформы по западному образцу, барон Танака Ёсио (1838–1916) – биолог, зоолог и натуралист, один из первых исследователей

¹⁷ Сэнгай Гибон (1750 – 1837) – японский монах дзэн-буддийской школы Риндзай.

природных богатств Японии, вместе с первым в Японии ученым-ботаником Ито Кэйсукэ (1803–1901) настоятельно требовали у правительства содействия в создании музеев, которые помогли бы расширить знания населения в области естествознания. Их усилия увенчались успехом, и в Японии началось строительство здания, в котором можно было бы хранить систематизированные реликты древних эпох.

В 1871 г. еще до окончания его строительства стараниями энтузиастов из Министерства образования, вполне осознававших необходимость повышения уровня образованности широких масс в науках, в Токио в районе Юсима была устроена первая в Японии выставка, на которой были представлены минералы, окаменелости животных и растений, а также изделия местных ремесел. Выставка пользовалась настолько большой популярностью и положительные результаты её посещения были настолько очевидны, что при правительстве был создан специальный отдел, который должен был заниматься вопросами создания постоянного музея, который был бы в ведении государства. Так, в 1873 г. появился Токийский Государственный музей. И один за другим стали открываться музеи – в 1877 г. музей под названием «Просветительский» (букв.: музей для образования, Кёику хакубуцукан) в парке Уэно, известный сегодня как Японский национальный музей науки с дисплеями, посвященными физике, химии, зоологии, ботанике, в 1897 г. Национальный музей сельского хозяйства и торговли, в 1902 г. Музей почтовой связи, музеи под названием «Торгово-выставочный зал» в 1897 г. и «Выставочный зал патентов» в 1905 г. и др.

Художественные музеи в Японии появились в последнюю очередь. Но не следует думать, что прекрасные образцы японского изобразительного и декоративно прикладного искусства остались без внимания. Управление императорского двора в 1886 г. приступило к рассмотрению вопроса о создании центрального музея, в котором были бы собраны именно произведения искусства. В 1889 г. были основаны Императорский музей Нара и Императорский музей Киото, переименованные в 1952 г. в Национальный музей Нара и Национальный музей Киото¹⁸. Для посетителей Национальный музей Нара был открыт только в 1895 г., а Национальный музей Киото в 1897 г.

Национальный музей Киото первоначально задумывался как музей, в котором будут собраны предметы, достойные называться произведениями искусства, хранившиеся в многочисленных храмах и святилищах города. (Позднее коллекция пополнилась предметами, получен-

¹⁸ В Национальном музее Нара широко представлены предметы буддийского искусства – скульптуры, алтари, живопись, в том числе живопись мандала, ритуальная утварь. В 1914 г. при музее был открыт отдел, который заведовал сокровищницей Сёсоин.

ными в дар и от Императорского двора. Сегодня она поражает обилием шедевров, созданных в Японии в основном до периода Мэйдзи).

При этом ни государственные, ни частные музеи не имели, как уже говорилось, статуса «художественного» – *бидзюцукан*, (букв.: Палаты изящных искусств), как это имеет место в настоящее время. Эти музеи, как и музеи просветительского характера, назывались *хакубуцукан* (букв.: Палаты сотен вещей).

Первый музей, к которому было применено слово *бидзюцукан*, был Музей искусств Охара – *Охара бидзюцукан* – частный музей в городе Курасики, принадлежащий промышленнику Охара Магасабуро. Это произошло в 1930 г. Важно подчеркнуть, что это был музей западного искусства. Экспонатами музея были в основном работы французских живописцев и скульпторов XIX – начала XX вв.

Интеграция в мировое сообщество и взаимодействие культур давали свои результаты, но они не были бы так значительны, не будь в Японии Вакимура Ёситаро (1900–1997), стараниями которого создано множество больших и малых музеев (общим числом около 200).

Роль, которую сыграл Вакимура Ёситаро, известный японский экономист, долгое время проработавший в должности профессора экономики Токийского университета, успешно совмещавший преподавание экономики с искусствоведением, коллекционированием произведений искусства и просветительской деятельностью, в экономическом и культурном развитии Японии трудно переоценить. Он был одним из тех, кто непосредственно участвовал в формировании новой социальной инфраструктуры в Японии, пытаясь реформировать государство и общество, опираясь на социальные науки. Вакимура полагал, что интерес к искусству мог быть рычагом для урегулирования отношений потенциально антогонистически настроенных друг к другу социальных групп, существующих в рамках японского общества, и рассматривал музеи как принципиально новое пространство, в котором отношения будут строиться по законам равноправия¹⁹.

Мысль о том, что музеи помогут решить ряд социальных проблем, зародилась у Вакимура в 1921 г., когда он побывал на выставке французской живописи в Осака. Спонсором выставки выступила газета «Асахи», предоставившая для экспозиции ввиду отсутствия выставочных залов в Японии свои офисные помещения. Здесь он увидел, как общаются люди, объединенные общим интересом, и пришел к выводу, что музеи помогут гармонизировать общество. Исторические события последующих двух десятилетий не давали возможности развернуть

¹⁹ Подробнее см. *Laura E. Hein. Modern Art Patronage and Democratic Citizenship in Japan* // *The Journal of Asian Studies*. University of Cambridge. 2010. Т.69, № 3.

«музейную активность», но после окончания войны, когда в стране начала налаживаться жизнь, появился средний класс, Вакимура развернул бурную деятельность, направленную на создание пространства, в котором представители разных социальных групп могли бы свободно общаться, объединенные общим интересом.

Претворяя в жизнь свои планы, он делал ставку на подлинный интерес к искусству. Он поддерживал достаточно тесные отношения с представителями разных политических партий, которые как-то были связаны с искусством или коллекционированием. Интерес к искусству был точкой соприкосновения с людьми самих разных профессий и политических взглядов. Они одалживали ему для выставок, которые он организовывал, картины из своих коллекций. Одним из его «партнеров» в этом деле был член Либерально-демократической партии Японии Исида Хирохидэ, занимавший в 1960-е гг. должность министра труда.

Глубокая убежденность в том, что музеи, как общественные организации, способны играть интегрирующую роль в жизни общества, не мешала ему способствовать созданию и частных музеев. Он встречался с главами многих корпораций, и нередко эти встречи давали желаемые результаты. Так в начале 60-х гг. прошлого века Вакимура был приглашен в дом Мицуи для описи имущества и обнаружил, что семья владеет богатой коллекцией предметов искусства, включая чайную утварь. Коллекция была собрана самим основателем концерна «Мицуи» Масуда Такаси в эпоху Мэйдзи. Кроме того, он здесь познакомился с бесценными архивными документами.

Торговый дом Мицуи имеет богатую и длинную историю, которая начинается в конце XVII в. Представители этого дома были успешны как в торговле, так и банковском деле. Они бережно хранили и передавали из поколения в поколение документы о сделках, бухгалтерские отчеты, деловые письма и т. д. Таким образом, собрался небывалый по информативности и по объему архив. Вакимура предложил семье передать всё это в культурный фонд, в результате чего в 1965 г. появился так называемый Мицуи бунко – Архив Мицуи. Он был создан как исследовательский центр, которому были переданы все документы, имеющие историческую ценность. Библиотека и выставочные залы Мицуи Бунко свободны для посещения. Позднее, в 1985 г. рядом с Мицуи бунко был открыт художественный музей, экспонатами которого стали предметы из коллекции дома Мицуи, собранные его членами на протяжении всей истории его существования. Коллекция чрезвычайно разнообразна. Она включает в себя не только предметы декоративно прикладного искусства – ширмы, экраны, шкатулки, вазы, утварь, маски, каллиграфические свитки, но и мебель, переводные картинки, канцелярские принадлежности, одежду и аксессуары, кукол, краски и краси-

тели, мечи, почтовые марки и многое другое. Разрабатывать стратегию музея, пополнять и систематизировать коллекцию помогал Вакимура.

Он также помог основать музей в деловой части Токио президенту компании «Токио Дэнки Корпорэйшн», переименованной позднее в «Тосиба», Кага Тани, убедив его в том, что хорошо организованная экспозиция в центре города привлечет огромное число посетителей. Музей открылся демонстрацией картин Мориса Утрилло, которую сменила выставка работ выходца из Японии, причисляемого к парижской школе живописи и графики Фудзита Цугухару (1886–1968).

Знакомство с западно-европейским искусством имело особенно важное значение, оно меняло установку, а именно – призывало человека посмотреть внутрь себя, рассказывало о том, что бывает внутренний мир художника, непохожий на все остальные, и что всякий мир, может быть изображен через призму собственного «Я». Для японца, привыкшего не выделять себя из окружающего мира, именуемого Природой, стремится забыть «эго» (состояние *муга* букв.: не-я), пытаться слиться с объектом с которым он имеет дело, это означало по-новому взглянуть на мир и на свое место в нем. Как показало время, японцы, не отказываясь полностью от собственного миропонимания, научились вместе с тем по-новому смотреть на мир. Таким образом тема новое и неизменное не потеряла своей актуальности по сей день.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВЛИЯНИЕ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Массовая культура как новая социокультурная реальность

В наши дни понимание японского общества и восприятие его культуры в мире формируется во многом феноменом последних десятилетий – комиксами-*манга*, анимационными фильмами – *анимэ*, японским роком (*J-rock*) и поп-музыкой (*J-pop*) и т. д. Всё это – образцы современной массовой культуры, которая стремительно становится неотвратимой реальностью, заполняя собой духовную и материальную жизнь общества и внося кардинальные изменения в национальный характер и ценностные ориентации современных японцев.

Герои и сюжеты массовой культуры окружают жителей этой страны повсюду, красуясь на рекламных плакатах на улице и в метро, в кафе и на вокзалах. Японию часто называют «страной комиксов». Их читают все – и мужчины, и женщины, школьники и студенты, клерки и профессора. Читают, а вернее, просматривают в электричке и на автобусных остановках, на переменах в школе и в обеденный перерыв в офисах. Но *манга* – это не только занимательные рисованные истории. Этот самый популярный в Японии жанр визуального искусства сегодня широко используется и при создании учебников по экономике и истории, в рекламе и даже в политической пропаганде. С развитием мобильных технологий, появилась «мобильная *манга*», которую можно за символическую плату принимать на дисплеи современных гаджетов, так же, как и просмотр *анимэ* уже не ограничивается только теле- или киноэкраном, как это было не в столь далекие времена.

Японская анимация сегодня не только уравнилась в правах с игровым кино на международных кинофестивалях и в зрительских рейтингах, но уже в скором времени может составить серьезную конкуренцию художественным лентам, став самым массовым искусством. В популярности *анимэ* в Японии легко убедиться буквально на каждом шагу.

Стоит только доехать до станции городской электрички JR «Таката-но баба», что неподалеку от старейшего университета Васэда. Уже много лет прибытие поезда здесь сопровождается бравурной музыкой из культовой ленты «Могучий Атом» прославленного Тэдзука Осаму, которого в Японии величают «богом современной *манга* и *анимэ*». А при выходе в город вы обязательно обратите внимание на большую красочную стену с изображением созданных им рисованных персонажей, ведь здесь неподалеку еще сохранилась студия известного мастера.

Витрины магазинов и даже аптек, не говоря уже о крупнейших специализированных торговых центрах игрушек, также заполнены кукольными созданиями – реальными и виртуальными. Одно из них под названием «Кидди рандо» («Kiddy Land») не так давно появилось на фешенебельной улице Токио Омотэсандо среди самых модных и дорогих бутиков. Здесь покупателей радушно встречает целая армия добродушных Доразмонов, трогательных кошечек «Hello Kitty», говорящих кукол «Пурино Пиэру», которые в последнее время необычайно популярны среди молодых незамужних женщин. Секрет этого увлечения прост: с этой куклой можно общаться буквально как с детьми, которыми японки не спешат обзаводиться. Что это: просто игрушка или новый и сравнительно недорогой способ проведения досуга для одиноких людей? Недаром таких кукол даже отправляют в дома престарелых, чтобы хоть как-то скрасить их унылый и однообразный быт.

Тинейджеры предпочитают свои игрушки и занимаются собиранием коллекций недорогих пластиковых и резиновых фигурок персонажей популярных анимационных фильмов – так называемых *каракута фигия* (от английского слова character's figure), которыми особо бойко торгуют маленькие магазинчики в районе Акихабара. Дело дошло до того, что популярные фигурки стали продаваться даже в супермаркетах в наборе со сладостями. Так появилось достаточно странное словосочетание из японских и английских слов – *ато* (от англ. art) *сёку гангу*, что в переводе означает «художественные съедобные игрушки».

Не только у детей и подростков, но почти у каждого взрослого при себе обязательно найдутся брелки с забавными мордочками животных, колокольчики, бантики и другие затейливые мелочи, прикрепленные к сумкам, кошелькам и мобильным телефонам. А в толпе то и дело промелькнет молодой служащий или солидный бизнесмен в галстуке с собачками или львятами или покажется особа женского пола с шарфиком с изображением котят, обезьянок и других трогательных существ. Одним словом, у японцев всех возрастов стало устоявшейся привычкой окружать себя всевозможными маленькими и приятными недорогими игрушками и прочими мелочами, которые, по их ощущениям, обладают позитивным эмоциональным воздействием и создают чувство душев-

ного комфорта, переносящего их фантазии в ностальгический мир далекого детства.

Не случайно здесь так полюбили слово *кавай* (милый, приятный, славный, хорошенечкий), родившееся в молодежной среде и прочно вошедшее в повседневный обиход и культуру японцев, начиная от самых актуальных тенденций в искусстве, моде, кухне и кончая особенностями разговорного языка, нормами поведения и т. д. Забавно, что *кавай* могут сказать и о манекенщице, и о борце сумо, и подростковой поп-группе. С одинаковой непринужденностью японцы произносят это определение в отношении новых марок мини-автомобилей и воздушных пирожных. Но главным символом этой новой эстетики остается миловидная кукольная кошечка «Hello Kitty», превратившаяся в мировой бренд и почетного посла ЮНИСЕФ.

Даже полугосударственная телерадиовещательная корпорация Эн-Эйч-Кэй, ориентированная в первую очередь на информационные и образовательные программы, вот уже несколько лет каждую неделю транслирует новый и весьма успешный проект «Токио *кавай*», рассказывающий о новых явлениях в мире молодежной уличной моды и молодежной жизни, центром которой стала Такэсита-дори возле станции городской электрички Харадзюку.

Все начиналось в 1990-х годах, когда юноши и девушки с розовыми, синими и оранжевыми волосами с огромными нарисованными глазами, как у героев *анимэ*, появились на улицах города. Одеты они были в самые нереальные и вызывающие одежды – пышные кукольные платья, зловещие готические костюмы, а порой – и просто в строгие школьные форменные матроски. Именно тогда зародился знаменитый на весь мир японский уличный стиль «Fruits», вызвавший к жизни большое число новых молодежных субкультур, по числу которых Япония не знает себе равных в мире.

Как далеки эти беззаботные забавы современных юношей и девушек от того, чем увлекались их родители, бабушки и дедушки. Говоря о молодежных субкультурах первых послевоенных десятилетий, стоит вспомнить и полукриминальные женские группировки девушек-боссов «Сукэбан», подражавшие японским ганстерам якудза и ставшие героями серии популярных фильмов 1970-х годов. Их сменили байкеры «*босодзоку*», наводившие ужас на жителей больших и малых городов не только ревом двигателей, но и порой своей близостью к леворадикалам из «Красной Армии» и т. д. Еще раньше появились стилиаги и прожигатели жизни – представители «Солнечного поколения» «*тайёдзоку*», словно сошедшие со страниц одноименного культового романа Исихара Синтаро «Солнечный сезон» (*Тайё кисэцу*). А затем на смену им пришли избалованные сынки преуспевающих родителей – «хрустальные», столь же богатые и холодные, как блеск дорогого хрусталя. Однако при всем

разнообразии японских молодежных субкультур прошлого, в них было одно объединяющее начало: при всем внимании к внешнему антуражу молодые бросали вызов современному им обществу.

Теперь же на смену бунтарским настроениям пришла игра, во многом навеянная духом и эстетикой *манга*, *анимэ* и другими образцами массовой культуры, в которой молодежь ищет новую среду духовного обитания и путь к свободе, к поиску индивидуальности и самовыражения. Необходимость оставаться и выглядеть молодым диктуют сегодня и средства массовой информации, и производители товаров повседневного спроса, а также вездесущая реклама, переориентировавшие свою маркетинговую стратегию исключительно на молодежные стандарты, прекрасно понимая их непреходящую силу.

Еще в 1930-е годы немецкий философ Карл Ясперс прогнозировал, что XX век станет веком массовой культуры, а главную идею этого века массовой культуры он сформулировал кратко и ёмко: «Люди должны оставаться молодыми»¹. И социокультурный опыт Японии убедительно доказывает это. Откуда проистекает этот всеобщий инфантилизм современных японцев, их невероятная тяга к стилистике и духу молодой массовой культуры?

Ответ на этот вопрос дает один из ее ярких представителей, лидер японского неопоп-арта Мураками Такаси. Он связывает истоки этого явления, прежде всего, с историей своей страны и, в первую очередь, с такими ее трагическими страницами, как атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, а также последующими за этим годами американской оккупации. Эти события, по его убеждению, нанесли огромную духовную и эмоциональную травму национальному сознанию народа и полностью подорвали веру японцев в собственные силы. Так быстро выработалась привычка слепо подчиняться судьбе и приказу свыше, что это стало не только удобным способом существования, но и причиной достаточно беззаботного и потребительского отношения к жизни, породив инфантилизм и иждивенческие настроения в обществе. И подобного рода мироощущение на каком-то генетическом уровне передавалось современным японцам. Вот почему, по мнению Мураками, «многие современные японские художники, переживая трагический опыт, связанный с поражением во Второй мировой войне и последующей оккупацией, переносят жестокую реальность в мультяшные фантазии – плоские, разноцветные и неприкаянные»².

Но главную причину сегодняшнего инфантилизма японцев художник усматривает все-таки в материальном изобилии, которое переживает в

¹ См. подробнее Кармазина Е. В. Массовая культура и массовая философия // Идеи и идеалы. М., 2009, №1, т.1 // ideaidealy.ru/massovaya-kultura-i-massovaya-filosofiya

² Т. Тайсон. Такаси Мураками // www.proza.ru/2010/09/01/969

наши дни общество, что создает чувство пресыщенности и скуки чуть ли не у всех его членов и особенно среди молодежи. Именно материальный достаток и широкое разнообразие предлагаемых услуг и товаров, доступных чуть ли не каждому, по мнению художника, не только породили резко возросшие за последние годы потребительские настроения, но и обострил тягу людей к развлечениям, к приятному и беззаботному досугу и т. д. А это порой оборачивается стремлением уйти от реальности и окунуться в мир фантазий, приключений, ассоциирующийся у большинства людей со счастливыми и беззаботными годами детства. Отсюда, по мнению Мураками, происходит буквально поголовное увлечение японцев *манга*, *анимэ* и т. д., чему, по его мнению, подвержено не в меньшей степени, чем дети и подростки, и взрослое население страны³.

Возможно, это так. Однако у современной японской молодежи для этого увлечения существует еще одна совершенно иная мотивация. Для многих юношей и девушек массовая культура – эта та виртуальная реальность, куда можно уйти по причине неприятия реальной действительности и той системы материальных и духовных ценностей, которыми жили их отцы и деды. Так, по мнению известного американского исследователя Шарон Кинселла, вызов обществу в послевоенной японской молодежной культуре перерос сегодня в протестные настроения против всего мира взрослых⁴.

По всей видимости, этот вывод пока рано распространять на всю японскую молодежную среду. Ведь протестным настроениям сегодня подвержены далеко не все молодые японцы, а только часть из них, причем, как правило, дети из достаточно благополучных семей, живущие в крупных мегаполисах с их благами и пороками современной цивилизации. И, тем не менее, это явление, четко обозначившееся в социокультурной жизни Японии, дает новые представления, как о её культуре, так и о самом обществе, во многом разнящиеся с привычными представлениями об этой стране. Эта другая нетрадиционная Япония и новая своего рода «неформальная» молодежь являются предметом данного исследования.

Японская молодежь: новые штрихи к портрету

Сегодня много говорят и пишут о кризисе молодого поколения японцев, называя его «растерянным» и даже «потерянным», что связывают, прежде всего, с коренными общественными и социо-культурными переменами, произошедшими в обществе за последние десятилетия.

³ andrey-fesyun.livejournal.com

⁴ Kinsella Sharon. Cuties in Japan // <http://www.kimselfreearch.com>

Затянувшаяся экономическая депрессия 1990-х годов, постоянные волны мирового финансового кризиса, ощутимые сбои в системе пожизненного найма, без которой по существу рухнет весь уклад жизни японцев, и другие негативные явления современной жизни коренным образом изменили экономическую и социальную ситуацию в стране и повлекли за собой кардинальные перемены в сознание людей, к которым как нельзя лучше подходит определение «тихая революция»⁵.

Японские юноши и девушки больше не хотят повторять опыт своих отцов. Общие групповые интересы они перестали ставить выше личных. Индивидуальность и самовыражение стали их кредо. При этом японский индивидуализм – это не только подражание Западу, а протест против группового сознания прошлой эпохи. А отсюда меняется буквально все: и отношение к жизни, к работе, взаимоотношения друг с другом, с родителями и т. д. Молодых японцев уже трудно назвать «трудоголиками» – определение, которое, как казалось раньше, на все времена закрепились за представителями этой нации. Принцип «жить, чтобы работать» уже потерял для них всякий смысл, так же как и идеи фанатичной преданности своей компании и мечты о карьерном росте уже мало популярны в среде молодых. В отличие от своих отцов и дедов дети и внуки сегодня стремятся, по возможности, меньше работать и интересно жить. А сократившиеся доходы готовы компенсировать резким сокращением материальных запросов, за что носителей этих взглядов нарекли «травоядными». Главное для большинства из них – это независимость от общества и наличие свободного времени для реализации собственных талантов и увлечений (например, сочинительство рок-музыки или создание *манга*).

К категории «травоядных», в первую очередь, следует отнести так называемых «фриттеров» – по-японски *фурита*, что в вольном переводе может означать «свободные трудяги». Но если для Запада это – достаточно распространенное явление, то для традиционного японского общества подобное поведение молодежи совсем недавно было вовсе не типичным. Эти молодые японцы отдадут предпочтение не постоянной работе на одной фирме в системе пожизненного найма, как это было в прежние времена, а временным заработкам или же почасовым подработкам, предпочитая жить, как говорится, «на вольных хлебах».

«Им не хочется быть адвокатами, врачами или преподавателями, а просто достаточно иметь деньги на жизнь, – говорится в докладе японского Института молодежи»⁶. Правда, сами «фриттеры» на вопросы о

⁵ Термин принадлежит известному японскому социологу Ивао Сумико. Подробно см. И. С. Тихоцкая. «Тихие революции» в Японии // Япония: экономика и общество в океане проблем. М., 2012. С. 128.

⁶ <http://www.sevennebo.com>

своем будущем заявляют несколько иначе: 40% мужчин и 23% женщин мечтают стать независимыми профессионалами, но все они сомневаются, что это им удастся⁷. По данным газеты «Рондза», число *фурита* в Японии уже превысило 4 млн. чел., и в большинстве своем это – молодые люди, чуть перешедшие 20-летний рубеж⁸. Согласно одному из опросов, проведенном в 2006 г., к этой категории отнесли себя 48% респондентов в возрасте 15–24 лет и 26% – в возрасте 25–34 лет⁹. При этом, с 1990 по 2001 г. количество *фурита* в возрасте 19–30 лет (исключая учащихся) выросло в 2,3 раза – с 1,83 млн. до 4,17 млн., что позволяет говорить о них как о социальной группе со своей психологией¹⁰. Главное, что объединяет всех этих людей, – типичная философия жизни: жить сегодняшним днем, не заглядывая в будущее.

Иностранная терминология понадобилась японцам и для обозначения другого нового для этой страны социального явления. Это – так называемые «*ниито*» от английского «NEET» (Not in Education, Employment or Training), люди, в основном, молодежь, которые вообще предпочитают подолгу нигде не работать и не учиться. Их число также с каждым годом возрастает. О своей принадлежности к категории *ниито* в 2009 г. заявили 640 тыс. японцев: 260 тыс. (40%) в возрасте 15–24 лет и 380 тыс. (60%) – в возрастных 25–34 лет. Для сравнения: в 2002 г. их количествало оценивалось в 480 тыс., а год спустя – уже в 520 тыс.¹¹

Далеко не все *фурита* и *ниито* следует воспринимать как «золотую молодежь». Ведь причины для столь «прохладного» отношения к труду могут быть совершенно разными. Одни ищут работу не только по специальности, но и по душе, а это бывает весьма трудно. Другие же все еще колеблются с выбором жизненных приоритетов и т. д. Правда, среди них есть и такие, которые избрали для себя стиль жизни потенциальных тунеядцев. Ведь куда проще жить в свое удовольствие на всем готовом за счет родителей, на плечи которых легко и просто переложить весь груз собственных материальных и бытовых проблем.

Этих молодых людей, составляющих сегодня примерно 10% всего трудового населения страны, с легкой руки социолога Ямада Масахиро достаточно образно окрестили «паразитами – одиночками» («парусай-то сингуру»). Причем, ряд исследователей считают это явление результатом «испорченности» японской молодежи, тогда как другие, среди

⁷ О. Железняк. Парасайто сингуру// Независимая газета. 29.11.2004.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ В. Э. Молодяков. Растерянное поколение: старые и новые проблемы японской молодежи//Япония: экономика и общество в океане проблем. М., 2012. С.118.

¹¹ Там же.

которых следует назвать ученого Уэда Гэнды, винят во всем их родителей, стремящихся окружить своё чадо всеми материальными благами¹².

Как отмечает газета «Асахи», «многое в поведении молодых японцев обусловлено тем, что они родились в эпоху свободную от забот о пропитании и поэтому во многом утратили такие ценные качества их родителей, как прилежание и усердие. Они не ставят серьезных целей в жизни, но весьма прагматичны и холодны. Например, 52% японских школьников заявили, что они «довольны» настоящим и не беспокоятся о будущем, в то время, как так считают лишь 22% их американских сверстников и 13% тайваньских»¹³.

И так думают не только школьники, но и молодые люди с вполне сформировавшимися взглядами. Чтобы не покидать родительский дом и не отказываться от родительской опеки эти любители сытой и вольготной жизни даже готовы не обзаводиться семьями, рожать детей, заниматься сексом и т. д. Достаточно сказать, что за прошедшие 30 лет число заключаемых в Японии браков сократилось на 30%. Если в 1970 г. их показатель составлял 10 на 1000 чел., то в 2010 г. он уменьшился до 5,6¹⁴.

Встречная тенденция семейной жизни – это непрерывный рост разводов: 0,74 на 1000 чел. в 1960 г.; 2,0 – в 2010 г. При этом, значительная часть молодежи не спешит официально оформлять свои отношения, но, если и делает это, то далеко не в юном возрасте. Если в 1950 г. средний возраст вступления в брак приближался к 26 годам для мужчин и 23 лет для женщин, то к 2009 г. он дошел до 30,4 года и 28,6 года¹⁵. А это, в свою очередь, влечет за собой резкое сокращение деторождения и стремительное старение японского общества, что усугубляет и без того острую демографическую проблему.

Разумеется, эти и другие достаточно симптоматичные социальные явления – не только проблемы Японии, но и многих развитых стран. Правда, к примеру, во Франции, к этой категории молодежи относятся более снисходительно и даже лояльно, подобрав для этих юнцов достаточно мягкое и поэтичное определение – «поколение кенгуру», то есть детенышей, удобно устроившихся на животе у матери. Для Японии же подобного рода иждивенческие настроения нечто новое и мало свойственное национальному менталитету, и здесь они принимают свои специфические, порой крайние формы.

Одна из них – «*хикикомори*» – «добровольное затворничество», охватившее около 1 млн. человек¹⁶ и ставшее настоящим бичом для японского

¹² Genda Yuji. The New Reality Facing Japanese Youth. Tokyo, 2005. P. 35.

¹³ О. Железняк. Парасайто сингуру.// Независимая газета. 29.11.2004.

¹⁴ В. Э. Молодяков. Растерянное поколение: старые и новые проблемы японской молодежи. С. 119.

¹⁵ Там же. С. 120.

¹⁶ Там же. С. 124..

общества. Этот термин ввел в обиход психолог Сайто Тамаки, который заявляет, что «приблизительно 20% молодых японцев (1% населения страны) действительно сидят годами запертыми в собственных комнатах», как правило, перед компьютерами, полностью погрузившись в виртуальные миры¹⁷. С этой проблемой столкнулись и на Западе, не понаслышке знают о ней и у нас в России, где немало родителей прилагают отчаянные усилия, чтобы вырвать своих чад из необъятной бездны «мировой паутины». Однако в Японии, в силу специфики ее современной культуры, ориентированной, прежде всего, на самые передовые в мире техноносители, это явление приобретает массовый характер, порождая полную отчужденность этих «добровольных затворников» от окружающего мира, конфликты в семье, всякого рода асоциальное поведение, доходящее до психических заболеваний и даже преступлений.

Достаточно сказать, что в последние годы все чаще мелькают сообщения в прессе об убийстве родителей их же детьми, при этом характерно, что такие случаи ярко выраженной агрессии наблюдаются в возрасте от 16 до 20 лет. Избалованные чада жалуются на «несвободу», невнимание к их личности и жизненным запросам, но могут доказать свою «взрослость» лишь таким извращенным образом, в чем эксперты нередко усматривают влияние *манга* и *анимэ*¹⁸. Что уж здесь говорить о почитании старших и заботе о них, что когда-то считалось традиционной японской добродетелью. Современная молодежь все меньше слушает «стариков» и не стремится следовать их советам. А старшие поколения, в свою очередь, как водилось во все времена, склонны критиковать и поучать современных юношей и девушек, обвиняя их в социальной незрелости, эгоистичности, безответственности, лени, невоспитанности. Правда, единственно, в чем за молодыми все-таки признается пальма первенства, так это в высокой степени свободы и умения обращаться с современными техническими новинками, что позволяет им легко адаптироваться к условиям высокотехнологичного информационного общества. И это — только часть из числа острых конфронтационных моментов, которые разъединяют сегодня «отцов» и «детей».

Серьезные проблемы наблюдаются не только в семье, но и в школе. Трудные времена переживает система образования, превращаясь в мощный тормоз на пути общественного развития. Ежедневная механическая зубрежка учебников, «ад» бесконечных экзаменов, акты издевательства и насилия в ученической среде — это далеко не весь перечень негативных социальных моментов, с которыми постоянно сталкиваются современные подростки в процессе своего взросления. А получив

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 125.

среднее образование где-то около половины выпускников (57,7% мужчин и 56% женщин)¹⁹ оказываются перед чередой проблем иного свойства и, прежде всего, выбора вузов, которые четко различаются по своей престижности. Даже выпускники элитарных учебных заведений, в последние годы все чаще сталкиваются с проблемой своеобразного «переизбытка» специалистов с высшим образованием, вне зависимости от его качества и специализации. Вот почему один из главных вопросов, встающих сегодня перед японскими студентами по окончании четырехлетнего университетского курса, заключается в выборе дальнейшего карьерного пути: либо продолжать обучение в вузе, либо поступать на службу.

Поразительно, но будущая карьера, возможно, в большей степени волнует сегодня представительниц так называемого «слабого пола». Молодые японки, ранее привязанные к домашнему очагу, в последнее время стремятся взять реванш за все «упущенные возможности». Вот почему созданию семьи они предпочитают полную профессиональную самореализацию – хорошее образование и престижную работу. Семью и детей эта категория молодых женщин откладывает «на потом», отдавая явное предпочтение удовлетворению своих постоянно растущих материальных запросов, а вслед за ними и духовных потребностей. А это, в первую очередь, – шоппинг, развлечения, вкусная еда, спорт, путешествия за границу и т. д.

Неудивительно, что и основными потребителями современной культурной индустрии являются именно девушки из состоятельных семей и преуспевающие молодые женщины, что сказывается на их образе жизни, вкусовых пристрастиях и т. д. Те, кто постарше, явно тяготеют ко всякого рода брендовым иностранным вещичкам – сумкам Луи Виттон, шарфам от Диора и т. д., что является для них показателем престижа и социального успеха.

А их более юные подруги, напротив, стремятся к подчеркнутой детскости и в одежде, и в поведении (*кодомоттой*), стараясь при этом выглядеть одновременно и милыми (*кавайи*), и сексуальными (*сэкуси*). В качестве одежды, отвечающей этим целям, нередко служит школьная форма, которая сразу же заявляет о возрасте ее владелицы. А изрядно поднадоевший за долгие годы учебы деловой и строгий стиль легко оживить с помощью маленьких хитростей: элитной бижутерии, дорогих сумочек, шарфиков от «Бабель», первоклассной косметики и т. д. Так родилась целая субкультура *когяру* (маленькая девочка), представительницы которой при всем своем детском облике имеют вполне взрослые замашки. Они любят проводить время в ночных клубах, где

¹⁹ Там же. С. 116.

многие из них не прочь пуститься в любовные приключения со взрослыми мужчинами, ищущими новых ощущений. Причем, деньги, полученные таким путем, идут не на пропитание или помощь семье, а на дорогие развлечения и покупку брендовых вещей. Это социальное явление, получившее название *эндзё косай* (общение ради помощи), превратилось в настоящую проблему для Японии.

В то время, как эти юные особы увлеклись школьной стилистикой, другая половина их сверстниц, напротив, тяготеет к стилю «унисекс». Кстати говоря, стиль «унисекс» активно эксплуатирует и так называемая «сильная половина» человечества. Правда, теперь, это определение уже мало подходит для многих японских юношей и молодых мужчин. В их характере и поступках все чаще преобладает инфантильность и душевное равнодушие, а во внешнем облике мужское начало завуалируется чисто женской атрибутикой: длинные окрашенные в светлые цвета волосы, крупная бижутерия, одежда экзотических цветов и фасонов и т. д. В ущерб традиционным представлениям о чисто мужских занятиях и увлечениях этим юнцам больше свойственно хождение по магазинам и почти фанатичный уход за собой: они тщательно следят за своей внешностью, активно пользуются косметикой, за что их даже окрестили «женоподобными» – *одзё-мэн*. Такой тип молодых людей становится в Японии все более модным и привлекательным в противовес популярному ранее типу брутального *самурая*, байкера или *якудза*.

Как отмечает исследователь Марк Вилласи: «Веками японских мужчин характеризовала грубая сила и убийственный меч – от грозного самурая до вызывающего страх борца сумо. К XX в. самопожертвование солдата стало кульминацией японской мужественности, на смену которой пришел образ «воина корпорации» – *сараримана*, завоевавшего мир. Однако новый век привел к появлению нового поколения мужчин, которые больше склонны потворствовать своим желаниям, нежели проявлять самопожертвование. Многие в Японии полагают, что феминизация мужчин является следствием наблюдения молодых людей за поколением своих отцов и дедов и нежеланием следовать стереотипам *сарариманов* – вести однообразную жизнь, жениться и заводить детей в определенном возрасте и копить деньги»²⁰. При этом следует отметить, что эта новая молодежная мораль, а тем более, стиль жизни и, естественно, мода диктуются и формируются, прежде всего, через рекламу и средства массовой информации.

Что остается молодому человеку в такой ситуации? Пожалуй, ничего другого, как с тревогой осознавать, что все преподанные ему школой и

²⁰ Цит. по И. С. Тихоцкая. «Тихие революции» в Японии // Япония: экономика и общество в океане проблем. М., 2012. С.136.

обществом и хорошо заученные им самим идеалы уже не работают, а главные ценности в жизни – не те, которые навязаны извне, а те, которые формирует его индивидуальный внутренний мир. Профессор университета в г. Киото Татибанаки Тосиаки отмечает в этой связи, что «в любую эпоху молодые были силой, выступающей за изменения в обществе. С сожалением констатирую, что ныне у японской молодежи совершенно другой характер поведения. Молодежь отделилась от общества в целом и сформировала свой собственный мир»²¹. И добавим к этому, мир, центром которого стали новые информационные технологии и тесно связанная с ними современная массовая культура.

Массовая культура и японская молодежь

Как влияет современная массовая культура на формирование ценностных ориентаций молодых японцев? На этот вопрос, весьма сложный и важный для понимания современного японского общества, однозначно ответить нельзя, поскольку о самой массовой культуре на протяжении многих лет ведутся непримиримые споры между ее критиками и апологетами. Первые обвиняют эту культуру в открытом коммерциализме, искусном манипулировании сознанием людей, в пренебрежении классическим наследием, низком художественном и содержательном уровне, ведущим к эстетической, духовной и моральной деградации ее потребителей. А ее сторонники же, напротив, провозглашают современную массовую культуру закономерным следствием общественного развития и необратимого научно-технического прогресса, культурой, которая формирует умы и души молодого поколения и т. д. Одним словом, феномен массовой культуры сегодня уже не вписывается в бинарную схему «белое-черное».

Обратимся, к примеру, к столь любимым японцами комиксам – *манга*, которые часто называют «матрицей» японской культуры, поскольку этот вид визуального искусства тесно связан с древними национальными художественными традициями и дал рождение многим направлениям современной культуры. И, тем не менее, *манга*, в наши дни нередко подвергается серьезным нападкам со стороны японских педагогов, родителей и даже деятелей культуры. Почему?

Чаще всего создателей современных комиксов критикуют за пропаганду культа силы и жестокости. Так, специалист в области педагогики Сиромачу Акио, анализируя содержание комиксов для детей, не раз сетовал на то, что «детей и подростков заставляют жить в захлестывающем их половодье антигуманных жизненных ценностей, таких как преклонение перед деньгами, культ развлечений, культ силы... универсальностью

²¹ О. Железняк. Парасайто сингуру//Независимая газета. 29.11.2004.

человеческого богатства...»²². И подобные оценки далеко не единичны. Достаточно сказать, что в свое время родительские комитеты запрещали детям смотреть легендарный «Могучий Атом» Тэдзука Осаму из-за, как казалось тогда, сцен насилия и пугающих непривычных роботов. Общий же гуманистический настрой ленты, сделавший ее мировым хитом, не был правильно воспринят и оценен ее критиками.

Другие противники *манга* считают этот вид искусства отупляющим и требуют его запретить по иного рода причинам. Профессор Макино Кэнъити, например, основал в Киото специальное исследовательское общество по изучению проблем *манга* и ее влияния на сознание человека. Широко известно, что после просмотра *анимэ о покэмо́не* некоторые японские детишки впадали в транс. А ведь этот персонаж начинал свой путь на телеэкран с одноименных комиксов.

Многих японских педагогов волнуют еще одно негативное последствие увлечения детей комиксами – формирование у молодежи «плоскостного мышления», при котором «художественный образ заменяется лишь условной проекцией, стереотипным обозначением того или иного персонажа. Сама обьемность мыслительного процесса в таком случае сводится лишь к оперированию картинками». Японский педагог М. Мацумяма предостерегает: «Комиксы могут погубить нацию!». – Он утверждает, что «школьники, отдающие все свое свободное время разглядыванию картинок в комиксах, не только теряют навык настоящего чтения, но и разучиваются свободно изъяснять свои мысли и чувства, а затем в какой-то степени теряют саму способность глубоко, развернуто мыслить и переживать»²³.

И, наконец, еще одна серьезная опасность, подстерегающая, по мнению японских специалистов, фанатов *манга*, – это чисто психологическая невозможность адаптации нашего восприятия к быстро меняющимся раздражителям, что приводит к притупленности ощущений, усталости, потребности в легком, развлекательном искусстве. И если мы в этом случае говорим обычно об эмоциональной глухоте, то японский кинорежиссер Ёсида Хироака, обеспокоенный этим явлением, назвал его «ожирением души»²⁴.

Но подобного рода нападкам противостоят не менее аргументированные заявления не менее авторитетных японских и зарубежных ученых, вставших на защиту *манга*. Наиболее активные из них предлагают продолжать разрабатывать и печатать на основе комиксов учебники, различные справочники и т. д. И не только специалисты, но и известные деятели культуры, и простые жители Японии выступают за сохранение

²² Сиромацу Акио. Атарасий кёйку гидзюцу (Новое искусство обучения). Токио. 1977. С. 63.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

манга как части уникальной японской культуры. А пока эти споры продолжаются, комиксы уже прочно захватили большую часть медийного и культурного пространства, превратившись в своеобразную среду обитания современных японцев.

Не в менее острой борьбе с общественной критикой пробивала себе путь к массовому зрителю и японская анимация – *анимэ*. От многочисленных критических нападков на ее создателей не могла защитить даже всемирная известность Миядзаки Хаяо, на шедеврах которого воспитывалось не одно поколение современных японцев. Нередко, а порой и не без основания критики ругают создателей *анимэ*-продукции за падение уровня нравов, распространение апокалиптических настроений в обществе, особенно среди молодежи, примитивизм сюжетов и образов и т. д. Находятся даже и такие, кто в гневе называют *анимэ* «информационным оружием», вместе с тем предрекая, что популярность этого вида искусства будет и дальше возрастать, поскольку посредством его «можно транслировать любой набор идей: от сугубо потребительских, развлекательных до научных, геополитических, философских и даже религиозных»²⁵.

Но не только создатели *манга* и *анимэ*, но и фанаты этого искусства, которых принято называть *отаку*, нередко испытывают на себе открытое неприятие общества. Ведь в глазах взрослого населения страны они предстают «асоциальными, извращенными и эгоистичными молодыми людьми, которые прикованы к комиксам и *анимэ*-реальности и не нуждаются в каком-либо общении или социальной активности»²⁶. Такое предубеждение зародилось в Японии еще в конце 1970-х годов. А в 1989 г. нашлось тому реальное подтверждение. Тогда всю Японию потрясло жестокое убийство детей на сексуальной почве маньяком Миядзаки Цутому, как впоследствии оказалось, типичным представителем *отаку*. После его ареста многие газеты печатали фотографии его комнаты, заполненной тысячами видеозаписей *анимэ* и стопками журналов с *манга*, подробно анализируя, как эти продукты культурной индустрии повлияли на формирование личности преступника и его криминальные наклонности. С тех пор об *отаку*-культуре в японском обществе на долгие годы закрепились представления как о «символе патологических проблем молодого высокотехнологичного поколения, увлеченного сексуальными и агрессивными образами»²⁷.

К сожалению, эта проблема не потеряла своей актуальности и в наши дни. В 2008 г. на Акихабара – своеобразной Мекке всех *отаку* про-

²⁵ Аниме как информационное оружие//<http://forum.rise-n-fall.com>

²⁶ Azuma Hiroki. Superflat Japanese Postmodernity// <http://www.hirokiazuma.com>

²⁷ Ibid.

изошло очередное жестокое преступление, прошедшее в криминальных сводках как «резня на Акихабара». Тогда опять же на почве увлечения *манга* и *анимэ* 25-летний Като Томохико зарезал четверых случайных прохожих и тяжело ранил восьмерых, еще троих он сбил грозовиком, на котором приехал. Но самое резонансное преступление всколыхнуло страну в 1995 г., когда японские юнцы – члены религиозной организации «Аум синрикё» организовали газовую атаку в токийском метро, принесшую большие человеческие жертвы. Среди исполнителей этого террористического акта было немало приверженцев *манга* и *анимэ*.

Увлекаясь фантастическими сюжетами и образами массовой культуры и следуя созвучным им заповедям своего духовного наставника Асахара Сёко, они верили в очистительную миссию вселенской катастрофы и в свое собственное чудесное спасение. Симптоматично, что незадолго до случившегося на экраны страны вышла культовая анимационная лента «Новое поколение Евангелион» режиссера Анно Хидзаки, события которой во многом предвосхитили произошедшую трагедию. Говорят, что влияние этой ленты на аудиторию было настолько велико, что кинокритики стали делить историю *анимэ* на периоды до и после «Евангелиона».

С тех пор апокалиптический поток буквально захлестнул собой умы и души молодых японцев, которые стали все дальше уходить от действительности в воображаемую реальность, в мир достижений науки и техники. Здесь они могли с упоением грезить фантастическими сюжетами и проблемами внешнего космоса как новой реальности и прообраза будущего в его многочисленных смоделированных вариациях. Японский культуролог Савараки Нои, говоря о современной японской молодежи, рассматривает ее менталитет «в динамике амбивалентных побуждений, балансирующих на грани стремления уйти из самоизоляции в реальный мир и вновь вернуться обратно»²⁸. Эти слова в полной мере отражают не только умонастроения молодых японцев, но и суть современной массовой культуры, ключевым понятием которой является «эскапизм».

Как известно, слово «эскапизм» происходит от английского «escape» – «убежать», «спастись» и обозначает стремление личности в ситуации кризиса, бессилия, отчуждения уйти от действительности в мир иллюзий, фантазий. Какие же современные формы эскапизма мы можем наблюдать в японской действительности? Это – компьютерные игры, Интернет, *манга*, *анимэ* и, конечно же, различные молодежные субкультуры, которые позволяют молодым уйти от общества в закрытое «комьюнити» себе подобных. И это приобщение к тем или иным субкультурам

²⁸ Little Boy. The Arts of Japan's Exploding Subculture. N.Y., 2005. P. 204.

означает не только форму бегства от реальной действительности, но и действенный способ спасения от одиночества, поддержания, возможно, не столько реальных, сколько виртуальных контактов с другими людьми и т. д. И, хотя участие в том или ином субкультурном образовании в среднем не превышает 2–3 лет, субкультура позволяет молодому человеку лучше почувствовать и проявить самостоятельность своего «я», освободиться от тягостных переживаний, вызванных конфликтом с внешним миром взрослых и с господствующей в обществе культурой.

Прогнозы японских социологов

Обобщая и анализируя все эти далеко не типичные прежде для японцев и практически неизвестные старшим поколениям явления, происходящие в современной молодежной среде, японские социологи много пишут о формировании нового типа людей. Известный исследователь Хаяси Тикио из Токийского государственного университета, на протяжении многих лет занимавшийся изучением национального характера японцев, именует их не иначе, как «новое человечество» – *синдзинруй*. На основе анализа наблюдаемых им тенденций последних нескольких десятилетий он уверенно заявил о том, что в XXI в. японскую нацию будет представлять поколение *синдзинруй*. «Его появление – не просто следствие процесса вестернизации, интернационализации и роста комплексности японского общества... Имея много общих черт со своими предшественниками, его представители будут обладать совершенно отличными от них системой ценностей и эмоциональным миром», – поясняет социолог²⁹.

Основное отличие *синдзинруй* от других возрастных категорий, по мнению Т. Хаяси, заключается в том, что эти молодые люди, наконец, полностью преодолели в своем сознании «ахиллесову пяту» многих поколений японцев, избавившись от дихотомического деления мира на «традиционное» и «современное». Это означает, что противоречия и противостояние между этими двумя понятиями в современной реальности стремительно теряют всякий смысл. Западные ценности уже не обладают для молодых японцев той всепоглощающей привлекательностью, как для старших поколений жителей этой страны, поскольку сегодня они уже гармонично вписались в японскую действительность. А традиция, напротив, перестает восприниматься как нечто старое, отжившее и несовременное, что бытовало в сознании значительной части населения, начиная уже с первых лет после реставрации Мэйдзи.

В свою очередь, профессор университета Хосэй Накано Осаму, выделяет и другие отличия *синдзинруй* от всех других поколений. Это –

²⁹ Цит. по: Постмодернизм и духовные ценности японского народа. М., 1995. С. 20.

«возрастающая роль индивидуальных приоритетов» и «постепенный переход от общих ценностей к индивидуальным, эстетическим; от интереса к функции вещей к их семиотическим сторонам (цвету и форме); от стабильности к изменчивости, от поисков структуры к свободной форме» и т. д.³⁰ Эти принципиальные изменения национального характера он объясняет, в первую очередь, релятивизацией ценностей, к которой привели японское общество высокий уровень экономического изобилия и порожденное им размывание старой иерархии ценностей, усматривая во всем этом закономерный переход от модернизма к постмодернизму³¹.

О. Накано пишет также о наметившемся в последние годы в сознании молодых переходе от материальных ценностей к духовным. Но, судя по всему, речь идет лишь о только еще набирающих силу долгосрочных тенденциях, тогда как материальная составляющая все еще явно преобладает сегодня в ценностных ориентациях значительной части молодого населения страны. Даже сам исследователь вынужден признать, что современные юноши и девушки в наши дни «озабочены удовольствиями и комфортом»³². А далее он разбирает эту ситуацию более детально: «Им ближе удовольствие, чем страдание; развлечение, чем труд; потребление, чем производство; оценка, чем творчество; движение, чем стабильность; изменчивость, чем устойчивость; текучесть, чем организованность; эскапизм, чем участие; знаки, чем вещи; внешний вид, чем сущность; свободная форма, чем структура»³³.

Эти качества, по мнению О. Накано, вполне естественно сочетаются с такими новыми для японцев понятиями, как уважение свободы, равных прав и индивидуальности других людей и полное безразличие к групповым ценностям. «У них нет близких друзей, а прежние тесные социальные контакты они склонны подменять общением в группах (субкультурных), которые существуют порой кратковременно и возникают случайно, — отмечает он. — В этих группах молодые люди остаются в значительной мере изолированными друг от друга. Причем, эта изоляция является по-своему неизбежной и добровольной. А возникающую в этих условиях психосоциальное пространство заполняют средства массовой коммуникации, и, преимущественно, Интернет, который формирует структуру мышления и эмоции молодых людей»³⁴.

³⁰ Накано Осаму. Синдзинруй гэнрон (Основы теории синдзинруй). Сэйрон. 1986, №11.

С. 31.
³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

Он называет «новых японцев» поколением так называемых «мораториумных людей», главная особенность сознания которых состоит в откровенном инфантилизме: они предпочитают реальной действительности игру в детство и не хотят становиться взрослыми. Причем, по мнению японского исследователя, «мораториумная психология» является не только следствием материального изобилия, но и результатом роста отвращения к так называемым модернистским ценностям, что проявляется в повышенном интересе молодых японцев к иллюзорной простоте и естественности»³⁵.

Сам термин «мораториумные люди» впервые был введен в научный оборот известным японским психиатром Оконоги Кэйго в 1980-е гг., после чего эта теория получила широкое хождение в Японии. «В современном обществе, – пишет он, – все больше проявляет себя такой тип людей, которые не стремятся брать на себя те или иные обязанности перед обществом, кто не намерен причислять себя ни к какой партии, ни к какой организации, предпочитает абсолютную независимость и старается убежать из-под контроля общества и тесных рамок официальной молодежной культуры», – пишет он³⁶.

В наши дни определенная часть японской молодежи, пусть и не столь значительная, уже начинает отождествлять себя с этим новым типом японцев, демонстрируя свое неприятие многих сторон современного общества и реализуя свои духовные, эстетические и другого рода запросы в массовой культуре, а также тесно связанных с ней субкультурных сообществах. Но станет ли эта тенденция главенствующей в молодежной среде и насколько изменится национальный характер японцев в XXI в., покажет время.

³⁵ Там же. С. 37.

³⁶ Оконоги К. Мораториуму нингэн то дзидай. (Эпоха мораториумных людей). Токио, 1978. С. 17.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ В ЯПОНСКОЙ СЕМЬЕ

На протяжении столетий основой общества, ее структурной ячейкой была семья, являясь центром экономической, социальной, религиозной активности человека. Менялись размеры и структура, в разные времена то одна, то другая функция становилась главенствующей, но при этом неизменной оставалась ее роль как первичной группы общества, как воспитателя личности в параметрах, задаваемых интересами государства и общества. Радикальные изменения в японской семье произошли после окончания Второй мировой войны, проведения демократических преобразований, ускорения начавшейся еще после реставрации Мэйдзи модернизации страны.

Среди социально-экономических факторов, оказавших серьезное влияние на изменения в семье и на образ жизни японцев, были демографические сдвиги. Прежде всего, речь идет о распаде традиционной японской большой семьи *иэ* (букв.: дом), который начался еще в первой трети XX в., а во второй его половине с каждым годом набирал силу под влиянием, как экономических, так и различных социальных причин¹.

Большая семья являлась центром не только семейной, но и производственной жизни. Нормы, регулирующие поведение всех членов *иэ*, обеспечивали ее иерархическую структуру, что, несомненно, указывало на влияние конфуцианства – лояльность государству, верность семье, уважение старшинства. Власть главы *иэ* распространялась не только на бытовую и хозяйственную деятельность, но и на образ мыслей всех ее членов. Главенство отца, мужа, а затем и сына по отношению к женщине было непререкаемым. Наследство передавалось только старшему сыну, который был продолжателем семейной линии. Остальные должны

¹ *Иэ* впервые начали регистрировать с 1871 г. с целью обеспечения сбора налогов. Ранее городские жители не имели фамилий. Официально первичной структурой общества она была объявлена в Гражданском кодексе 1898 г.

были начать свое дело, опираясь на собственные силы. «В японской *изэ* все члены представляют собой единую группу, подчиненную главе. Они не имеют специфических прав, соответствующих статусу личности в семье». Так охарактеризовала систему такой семьи известный социолог Наканэ Тиэ². За счет как раз деятельности «вторых и третьих сыновей» в Японии, по ее мнению, достаточно быстро пошел процесс урбанизации и экономического развития. С этим же связано и постепенное появление нуклеарных семей.

Не менее важную роль в трансформации семьи и ее образа жизни сыграли такие демографические сдвиги как старение населения, постепенное сокращение рождаемости, повышение возраста вступления в брак, уменьшение числа традиционных семейных домохозяйств, появление многих бездетных супружеских пар, повышение роли женщин в общественной жизни, изменение ценностных ориентаций новых поколений, которые уже далеко не всегда следуют жизненным курсам своих родителей и т. д. Эти перемены начались задолго до 90-х годов прошлого века, но результативно сказались в новом столетии. Они наиболее заметны в урбанизированных районах, особенно в мегаполисах.

Государственная политика в отношении семьи

Конституция 1947 г.³ впервые юридически уравнивала в правах мужчин и женщин, и признала это фундаментальным принципом демократического законодательства. Статья 14 гласит: «Все люди равны перед законом и не могут подвергаться дискриминации в политическом, экономическом и социальном отношениях по мотивам расы, религии, пола, социального положения, а также происхождения».

Равенство прав в браке юридически было зафиксировано в статье 24 основного закона: «Брак основывается только на взаимном согласии обеих сторон и существует на основе взаимного сотрудничества, в основу которого положено равенство прав мужа и жены. Законы в отношении выбора супруга, имущественных прав супругов, наследства, выбора местожительства, развода и других вопросов, связанных с браком и семьей, должны составляться исходя из принципа личного достоинства и равенства полов».

На основе положений новой Конституции были внесены серьезные изменения в Гражданский кодекс и законы, касающиеся избирательной системы, образования и найма. Основой семейной системы была признана нуклеарная семья (супружеская пара без детей и с детьми, один

² Наканэ Тиэ. Нихондзин то нихон сякай-но токусюсэй ни цуйтэ (Специфические черты японцев и японского общества), Токио, 1972. С. 10.

³ Текст Конституции 1947 г. см.: Современная Япония. М., 1973.

родитель с детьми), сведения о которой, как и раньше (когда это касалось *изэ*), заносились в книгу регистрации актов гражданского состояния. Вступая в брак, муж и жена могли выбрать любую фамилию, но она должна была быть общей. Практически всегда это была фамилия мужа, как это диктовала патриархальная традиция. Женщины де-юре получили право избирать и быть избранными, заниматься предпринимательской деятельностью, учиться в высших учебных заведениях, получать равную оплату за равный труд с мужчинами⁴, обрели равенство и в семье.

Однако многие положения на практике не реализовывались. Поэтому законодатели не раз были вынуждены возвращаться к тем или иным наболевшим вопросам. Законы и различные положения, принимаемые в последующие годы, были направлены на развитие гендерного равенства как в трудовой сфере, так и в семье, поощрение занятости лиц старших возрастов, создание системы социального обеспечения. Можно, в частности, упомянуть Закон о равных возможностях найма на работу мужчин и женщин (1985, дополненный в 1999), который гарантировал им одинаковые права при найме, непосредственно на предприятии, на рабочих местах, при подготовке и переподготовке кадров, получении льгот и ограждал женщин от сексуальных домогательств мужчин-начальников на работе. Женщины получили право участвовать в выборе имени ребенка и оставлять фамилию мужа в случае развода, чтобы дети имели с матерью одну фамилию. Работающие женщины добились того, что частные компании и государственные учреждения разрешили им в интересах карьеры выступать под своей девичьей фамилией. И, наконец, в начале XXI в. при регистрации брака женам было разрешено оставлять девичью фамилию, а работающие женщины получили право обращаться к соответствующим органам, чтобы вернуть свою девичью фамилию, но это сопряжено с большой волокитой. В целом все это, безусловно, означало еще один шаг на пути к обретению женщинами большей независимости в семье и на работе и соответственно гендерного равенства.

Благодаря поправкам в закон о наследовании, была увеличена доля супругов в наследовании имущества, фактически речь шла об увеличении доли жены, ибо устанавливался принцип деления имущества в соответствии с вкладом наследников по уходу за престарелыми или больными, впоследствии умершими родственниками (обычно ухаживает за больным женщина). Кроме того, изменялись критерии раздела

⁴ Следует отметить, что, хотя положение о равной оплате мужчин и женщин фактически не практиковалось, формально в Японии оно было введено на 16 лет раньше, чем в США (www.2gol.com).

имущества в пользу супругов перед детьми, иными словами, признавался больший вклад женщины.

Также в интересах женщин в середине 1980-х гг. был изменен Закон о национальных пенсиях. Ранее жены-домохозяйки наемных работников по их желанию включались или не включались в национальный пенсионный фонд, а мужа для их содержания получали надбавку к своей пенсии по страхованию по месту работы. Закон отменил эти надбавки, а базовую пенсию в связи с этими изменениями, начали получать все без исключения. Неработающие женщины в таком случае обрели право самостоятельно распоряжаться пенсионными средствами, поступающими на их счета. Это было особенно важно в случае потери трудоспособности, смерти мужа или развода.

За 1990-е годы – первое десятилетие XXI в. было принято свыше 20 законов, положений и программ, направленных на создание для работающих женщин более комфортных условий для воспитания и образования детей: увеличивались сроки отпусков по уходу за детьми, их оплата, пособия на детей, организовывались все новые детские дневные центры и пр., предпринимателям предлагалось создавать максимально благоприятные условия для работников, имеющих детей, вводилось налоговое стимулирование семей с детьми старшего школьного возраста и т. д.

В этот же период был принят ряд законов и программ, связанных с улучшением условий существования людей пожилого возраста, с обеспечением им достойного уровня жизни. Были разработаны, например, три «Золотых плана» (1989, 1994, 2000), программа об оказании помощи на дому (1992), Закон о нетрудоспособных (1993), Основной закон о мерах по оказанию поддержки стареющего общества (1995), Закон о долгосрочном страховании по уходу на дому (1997), Закон о долгосрочном страховании (2000), Закон о предотвращении плохого обращения с пожилыми людьми (2005). Все они были нацелены на улучшение медицинского обслуживания и повышение благосостояния лиц пожилого возраста, совершенствование системы обслуживания на дому, создание дневных центров для престарелых, домов-пансионатов, увеличение набора услуг, оказываемых этой категории населения, и т. п. В частности, число пользователей службой по уходу за престарелыми за 2000–2012 гг. выросло с 1,5 до 4,5 млн. человек⁵. Однако уровень поддержки пожилых людей пока еще недостаточен.

Точно так же остается еще много нерешенных проблем в вопросах гендерного равенства. Частично это зависит от несовершенства самого законодательства, зачастую связано с недобросовестным его применением, а также все еще, и это очень значимо, с существованием прежних

⁵ Statistical Handbook of Japan. 2013.

устоев в сознании людей, в том числе и самих женщин. В результате, так или иначе, дискриминация женщин продолжает существовать, как в семье, так и на рабочем месте.

Структурные изменения в японской семье

За последние десятилетия произошли серьезные изменения в структуре семьи. Прежде всего, уменьшился ее размер. Она стала небольшой, с малым числом детей. Об этом свидетельствуют цифры о численности средней семьи на протяжении последних 60 лет⁶:

Годы	1950 г.	1970 г.	1980 г.	2010 г.
Число человек в семье	5,0	3,45	3,22	2,42

Постоянно сокращается число и доля домохозяйств, в которых вместе живут три поколения. В то же время появилось много семей, состоящих из одного человека, и доля их продолжает расти – это старики, незамужние женщины и холостые мужчины. Дети уже не хотят жить с родителями, да и родители после того, как дети вырастают, предпочитают зачастую жить для себя. По данным опроса НИИ ННК, за 1973–2003 гг. с 38 до 24 % уменьшилась доля лиц старших поколений, кто хочет жить с детьми и внуками, и с 20 до 13 % – тех, кто хотел бы продолжать работать. И, наоборот, с 20 до 30 % увеличилась доля тех, кто предпочитает заниматься своим хобби, отдыхать и т. п.⁷. Общество становится фрагментарным.

Как свидетельствует японская официальная статистика⁸, постоянно увеличивается число семей, состоящих из одного, двух и трех человек и сокращается – с числом от 4 до 10 и более человек. Так, только за последние 30 лет (1980–2010 гг.) число семей, состоящих из одного или двух человек, выросло в 2,4 раза, из трех человек – в 1,5 раза. В то же время количество семей, состоящих из четырех человек, сократилось за тот же период на 18 %, из пяти – на 35 %, из шести – на 52 %, а из семи и выше – более чем вдвое (на 57–58 %). В результате доля семей, состоящих из одного человека, увеличилась с 19,8 % до 32,3 % (см. табл. 1).

⁶ Кэйдзай токэй нэнкан (Ежегодник экономической статистики). Токио, 2001. С.48; Нихон токэй нэнкан (Японский статистический ежегодник). Токио, 2014 // www.stat.go.jp/data/nenkan/

⁷ Florian Coulmas. Population Decline and Ageing in Japan – Social Consequences. London and New York. 2008. P. 29.

⁸ Здесь и далее, если специально не оговорено, данные взяты или подсчитаны из Нихон токэй нэнкан. 2014; Statistical Handbook of Japan. 2013.

Таблица 1.
Количество семей в зависимости от числа их членов (тыс.)*

годы	всего	один челов.	2	3	4	5	6	7	8	9	10 и более
1980	35824	7105	6001	6475	9070	3982	2033	843	236	55	23
1990	40670	9390	8370	7351	8788	3805	1903	815	199	38	12
2000	46782	12911	11743	8810	7925	3167	1449	594	145	28	9,1
2010	51842	16785	14126	9422	7460	2572	985	359	101	24	9,6

* Составлена по Нихон токэй нэнкан. 2014.

Выросло и число семей, состоящих из одного родителя с ребенком, и не имеющих детей, снизилась доля супружеских пар с детьми (см. табл. 2). Эти тенденции наиболее ярко заметны в городских районах, прежде всего в крупных агломерациях. Так, в Токио, например, в 2000 г. доля семей, состоящих из одного человека, уже достигала 40 %, в то время как в среднем по стране она составляла тогда менее 25 %⁹.

Таблица 2.
Динамика числа семей в зависимости
от их состава в 1970–2010 гг., %*

Структура семьи	1970	1985	1990	2005	2010**
Один человек	18,5	18,4	21,0	24,6	32,4
Один родитель с ребенком	5,1	4,6	5,1	6,3	8,7
Супружеская пара без детей	10,07	14,6	16,6	21,19	21,7
Супружеская пара с детьми	41,2	41,9	38,2	31,1	27,9
Семья из трех поколений	19,2	15,2	13,5	9,7	4,7
Другие	5,3	5,3	5,6	6,4	4,6

* Facts and Figures in Japan. Tokyo, 2001, p. 17; 2007, p. 40.

** Подсчитано нами по Нихон токэй нэнкан. 2014//www.stat.go.jp

Особо надо отметить увеличение числа семей, состоящих только из пожилых людей (в возрасте 65 лет и более). За период с 1980 г. по 2010 г. их численность выросла с 8 до 19 млн., а их доля – с 22,7 до 37,3 %. Среди таких семей 4791 тыс. – это одинокие мужчины и женщины, причем число последних в два с половиной раза превышает число первых.

⁹ Social Science Japan Journal. Vol. 15, № 1. Winter, 2012, p. 55.

За то же время в 5 раз выросло число семей, состоящих из пожилых пар (мужей в возрасте 65 лет и выше, жен – 60 лет и выше), о чем свидетельствует таблица 3.

Таблица 3.
Число пожилых семей (тыс.)*

годы	1980	1990	2000	2010
общее число семей	35824	40670	46782	51842
семья из одного человека	881	1623	3032	4791
одинокие мужчины	193	310	742	1386
одинокие женщины	688	1313	2290	3405
пожилые супруги	1026	1967	3661	5251
Всего пожилых семей	8124	10729	15057	19338

*Statistical Handbook of Japan. 2013 // www.stat.go.jp/English/data/handbpr/c0117.htm

Появление малых семей с небольшим числом детей объясняется, прежде всего, тем, что многодетность перестала быть объективной необходимостью. Кроме того, молодежь теперь не хочет быстро обременять себя детьми, она стала позднее вступать в брак и даже после его оформления не стремится сразу иметь детей. В известной мере это связано с постепенным распространением индивидуалистического демографического поведения, стремлением молодых людей пожить в свое удовольствие, сделать карьеру.

Раньше было ясно, что коль скоро молодые люди вступят в брак, они будут иметь детей¹⁰. Сейчас это не «само собой разумеющееся». Так ответили во время опроса NHK в 2003 г. 50 % респондентов. Более того, число женщин в возрасте до 35 лет, которые думают, что не иметь детей – вполне приемлемо, не только значительно превышает число тех, кто считает, что их, конечно, нужно иметь, но их даже больше, чем мужчин, которые вполне могут обойтись без детей¹¹. Сотрудники Государственного института изучения населения и проблем социального обеспечения (*кокурицу сякай хосё дзинко мондай кэнкюсё*; далее: Институт изучения населения) предложили замужним женщинам ответить на вопрос «Считаете ли Вы, что супружеская пара заслу-

¹⁰ Но многие так думают и в настоящее время. В 2003 г. тогдашний премьер-министр Мори Ёсиро даже предложил лишить пенсии женщин, не имеющих детей, аргументируя тем, что те, кто прожил жизнь в свое удовольствие, не должны тратить в старости деньги налогоплательщиков // *Jeff Kingston. Japan's Quiet Transformation. London and New York. 2004. P. 337.*

¹¹ Приводится по: *Florian Coulmas... P.6.*

живает уважение, только если она имеет детей?». В 1993 г. 13 % дали положительный ответ и еще примерно 28 % склонялись ответить положительно, в 2008 г. эти цифры были соответственно 7 % и 26 %¹².

Характерная черта семейной жизни в последние десятилетия в Японии – поздние браки (*банконка*), о чем свидетельствуют цифры изменения среднего возраста вступающих в брак японцев за 1950–2012 гг.¹³

Средний возраст:	1950	1970	1980	1990	2000	2010	2012
женихов	25,9	26,9	27,8	28,4	28,8	30,5	30,8
невест	23,0	24,2	25,2	25,9	27,0	28,8	29,2

В 2005 г. был проведен опрос мужчин и женщин об идеальном, с их точки зрения, возрасте вступления в брак. Женщины определили его в 32,2 года, мужчины – в 33,9 лет¹⁴. В 1975 г. 21 % женщин и 49 % мужчин в возрасте до 30 лет не состояли в браке, в 2005 г. этот показатель составил соответственно 60 и 72 %¹⁵.

В 1970 г. средний возраст женщины при рождении первого ребенка равнялся 25,6 лет, в 2012 г. он поднялся до 30,3 лет¹⁶. Если начать рожать в таком возрасте, то, безусловно, вырастить двух или трех детей становится сложнее. У детей в таких семьях не только сравнительно старые родители, но и мало, или вообще нет братьев и сестер. Так что в отличие от семьи, которая существовала при их родителях, они уже воспитываются в другом обществе, обществе с небольшим числом детей (*сёсика сякай*), обществе – сравнительно индивидуализированном. Отсюда и соответствующий психологический настрой на будущее материнство.

Однако, поздние браки характерны не только для Японии. Такое положение отмечается и в других странах, но при этом коэффициент рождаемости падает далеко не всюду. Более того, в некоторых из них, например, в Великобритании, Франции, в Скандинавских странах, он восстановился. Эта проблема непосредственно связана с японскими национальными традициями, согласно которым дети должны появляться в официально оформленной семье. Здесь лишь примерно 2% детей рождаются вне брака, в то время как в упомянутых странах таких свыше 40%¹⁷. В Швеции, в частности, более половины всех детей рож-

¹² The Japanese Journal of Population. Vol.10, № 1 (march 2012). P. 26 (www.ipss.go.jp/webj-ad/webjournal.files/population/2012_vol.10/Web%20Journal_vol.10_01.p).

¹³ Statistical Yearbook of Japan. 2013.

¹⁴ Asahi Shimbun Japan Almanac. 2006. P. 31.

¹⁵ The Week. 11.01.2014.

¹⁶ Statistical Handbook of Japan. 2013.

¹⁷ Japan Economic Currents. # 69/ March. 2008. P. 3.

дается до официального оформления брака, и при этом дети пользуются всеми правами, что и рожденные у родителей, состоящих в браке. Поэтому здесь нет прямой связи между наличием детей и возрастом заключения брака. В Японии же продолжает сохраняться неприятие внебрачного деторождения, а дети матерей-одиночек подвергаются дискриминации на бытовом уровне. В результате отсрочка замужества отдалает время появления детей, а отказ от замужества в принципе делает это фактически невозможным.

Одна из важных причин поздних браков – желание молодежи чего-то добиться в жизни, проявить себя, сделать карьеру. Для мужчин еще очень важным является достижение материального благополучия. В Японии традиционно брак, семья – дело весьма ответственное. Ведь чтобы создать семью необходимо купить дом или квартиру, и поскольку теперь молодые пары предпочитают жить не с родителями – иметь средства для содержания жены и ребенка, ибо брак предполагает все-таки появление детей. Поэтому многие остаются жить с родителями, чтобы ни о чем не заботиться, в том числе и о материальном положении, ибо их сегодняшний доход далеко не всегда сможет обеспечить покупку дома, хорошее образование для детей и т. д.

Что касается женщин, то и они, будучи в основном хорошо образованны (в прессе не раз встречаются высказывания, что японки – одни из самых образованных среди женщин развитых стран), чувствуют потребность раскрыть свои творческие способности, и только потом рожать детей. Ведь сейчас очень много женщин учится в колледжах и университетах. За 1975–2012 гг. доля юношей, окончивших среднюю школу второй ступени, выросло с 33,8 % до 51,5 %, девушек – с 34,6 до 55,5%. Больше половины девушек после средней школы второй ступени продолжают учебу. Число студенток университетов (государственных и частных, включая аспирантуру) увеличилось, например, за 1985–2012 гг. почти в три раза – с 434 тыс. до 1206 тыс., а их доля поднялась с 23,5% до 41,9 %¹⁸. Кроме того, вступая в брак, рожая детей, женщина понимает, что она в известной мере теряет свою независимость. Причем не только потому, что у нее появляются новые обязанности, но и потому, что она уже попадает в семью. Дело в том, что пока молодые люди встречаются или даже живут вместе, но не состоят в браке, никакого гендерного неравенства между ними не проявляется. Но после свадьбы, так или иначе, патриархальная традиция все же зачастую начинает постепенно входить в свои права.

Кредо современных молодых женщин ярко выразила студентка факультета социологии Университета Мусаси: «Нас не заботит, как мы

¹⁸ Нихон токэй нэнкан. 2014 (www.stat.go.jp/data/nenkan/zuhyou/y2213000.xls).

выглядим в глазах мужчин, своих потенциальных мужей... Найти мужа – далеко не главное дело в жизни японской женщины, гораздо важнее проявить себя, отстаивать свое законное право жить так, как тебе самой хочется»¹⁹. Не менее ярко высказалась и сотрудница банка Томита Эри: «Быть домохозяйкой, не имея независимого дохода! Это – выбор не для таких женщин как я!»²⁰. Такого рода амбиции – тоже одна из причин поздних браков. И в среднем, по данным опроса общественного мнения, примерно треть респондентов (из 38 тыс. опрошенных) считает, что никакой пользы от брака они не видят²¹.

Заканчивая разговор о поздних браках, нельзя обойти традиционную практику заключения браков по сговору родителей (*миай кэккон*), когда жениха и невесту искали через сваху, а вступающие в брак до свадьбы друг друга и не видели, не говоря уже о том, что были знакомы. Брак, как правило, был не романтическим событием, а лишь необходимым социальным и практическим мероприятием. Так повелось спокон веку. Недаром, видимо, 12 % опрошенных невест еще в начале 1980-х гг. сомневались, что они будут счастливы²². Но постепенно все меняется. Цифры о том, сколько пар женятся по сговору и сколько находят сами друг друга (обычно они учатся или работают вместе, либо знакомятся через сестер и братьев, друзей), сейчас очень разнятся. В других источниках пропорция *миай кэккон-рэнай кэккон* (брак по любви) приводится соответственно как 30 : 70 процентов²³. Но при этом теперь и при *миай кэккон* пары предварительно знакомятся, причем принято, чтобы при первой встрече присутствовали родители с обеих сторон. Потом молодые люди, видимо, решают уже сами, чем это знакомство закончится. Судя по всему, в том числе, учитывая рассказы японцев, сейчас обе эти формы, видимо, сосуществуют, дополняя друг друга. Сохранение прежней нормы можно объяснить и тем, что теперь многие мужчины стали весьма инертны, если не сказать, ленивы, не проявляют активности, а ждут, пока им кто-нибудь не поможет, боясь, в частности, что им могут отказать и они «потеряют лицо».

И, наконец, к структурным изменениям семьи относится и тот факт, что практически перестала существовать роль семьи как производственной единицы, если не считать фермерских хозяйств, доля которых постоянно снижается. В городе такие семьи могут быть представлены индивидуальными предпринимателями, например в сфере ИТ. Теперь даже

¹⁹ www.cultura-portal.ru

²⁰ The Week. 11.01.2014 // <http://theweek.com/article/index/254923/>

²¹ www.japantoday.com/category/national/view/33-0/

²² Trager J. Letters from Sachico: A Japanese Women's View of Life in the Land of the Economic Miracle. N-Y. 1982, P. 167.

²³ <http://japanese.about.com/library/weekly/aa080999/htm>

строятся такие малогабаритные квартиры в кондоминиумах, которые можно одновременно использовать и как офис (доля такого рода комбинированных жилых помещений составляла в 2008 г. около 3 %). Это напоминает традиционную японскую деревянную застройку, когда на первом этаже располагался магазин, а на втором – жилые помещения семьи.

Взаимоотношения в семье

Казалось бы, что расселение по отдельным домам или квартирам ранее проживавших вместе членов большой семьи должно повести к разобщенности ее членов, ибо у жителя такой квартиры усиливается ощущение автономности, обособленности. Но в реальности это не совсем так.

У японцев чувство семьи как непреходящей ценности не исчезло. Как пишет профессор Ричард Рональд (Амстердамский университет), «хотя *ие* утратила юридическое значение, она сохранялась как организационный принцип, а также социальный и культурный ориентир для современной семьи, но уже в отличной от традиционной форме»²⁴. Заметим, что в Японии и в прошлом, и в настоящем семейные связи были и остаются гораздо крепче, чем на Западе.

Оказывается, что для поддержания семейных ценностей значительно важнее психологическая близость людей, чем их совместное проживание. Другими словами, семейные связи, традиции взаимопомощи сохраняются и тогда, когда родители живут отдельно от своих взрослых детей, хотя возможностей оказания помощи членами семьи друг другу становится меньше, поскольку начало сокращаться и число членов уже нуклеарной семьи.

В любом случае ценность семьи остается, так сказать, на генетическом уровне²⁵. И даже, например, высокие посты, которые, хотя и редко, начали занимать японки, не могут изменить того факта, что главным для женщины остается семья. Именно так ощущала себя одна из немногих японских женщин, занятых на дипломатическом поприще, видный международный деятель Огата Садако²⁶, которая говорила: «Для меня, как для Верховного комиссара ООН, не существует понятия национальной

²⁴ Housing and Social Transition in Japan. Ed. by Yosuke Hirayama and Richard Ronald. New York, 2007. P. 75.

²⁵ О ценности семейных отношений см. также *Хоменко О. А.* Японская семья после Великого землетрясения 11 марта: ценности и приоритеты// глава десятая данной монографии.

²⁶ Огата Садако – из семьи дипломатов, имела дипломы двух американских университетов – Джоржтаунского и Беркли. Автор ряда книг по истории дипломатии и международных отношений. Была деканом факультета международных проблем университета Святой Софии в Токио. В 1991 г. была назначена верховным комиссаром ООН по делам беженцев, под ее руководством работали 5500 служащих в 117 странах мира.

принадлежности беженцев, но сама я – истинная японка. Завершив свою службу в ООН, я вернусь домой, к мужу и детям»²⁷.

Поэтому правильнее, пожалуй, сделать следующий вывод: желание жить в отдельных квартирах и даже в собственных домах, не с родителями, иметь возможность уединиться – является лишь отходом от некоторых аспектов довоенной идеологии и патриархальных семейных традиций, которые уже стали неадекватными современной семейной жизни.

Но при этом взаимоотношения между членами семьи меняются, как и их роли ней. Происходит это постепенно, традиции продолжают давать о себе знать. Так, новую равноправную модель семьи, в 1973 г. приветствовали лишь менее одной четверти женщин и мужчин (соответственно 22 и 21 %), хотя уже утвердились новые экономические условия и постепенно завоевывало позиции демократическое мировоззрение. В 2003 г. эти цифры поднялись соответственно до 48 и 43 %²⁸. Однако консервативное мышление продолжает оставаться весьма распространенным. В этой связи весьма интересен результат опроса, проведенного канцелярией кабинета министров уже в наши дни, в октябре 2012 г. Он показал, что 51 % респондентов среди 3033 мужчин и женщин считает, что жены должны «принадлежать дому». Среди мужчин так думает 55,7 %, среди женщин – 43,7 %²⁹. Создается впечатление, что японское общество устойчиво продолжает придерживаться старой модели гендерного неравенства.

Однако распределение ролей между мужем и женой меняются. Раньше муж только работал, а вся домашняя работа выполнялась женщиной, даже, если и она работала. Теперь работа жены многими рассматривается как экономически необходимая. Хотя социальный статус женщины до сих пор в Японии (особенно в сравнении с другими развитыми странами) низок, в семье она занимает достаточно высокое место, зачастую имея непререкаемый авторитет. Кроме выполнения своих обязанностей по дому, женщина контролирует бюджет семьи и часто принимает важные для нее решения, как о покупках (в том числе таких крупных как жилье), так и о воспитании ребенка. И можно сказать, что сейчас главным в семье становится связка мать-ребенок. Во время опроса, проводимого в 2008 г. специалистами по семейным отношениям Института изучения населения, свыше 80 % жен высказалось за то, что дети должны быть приоритетом для родителей даже в ущерб самим родителям³⁰. Мать всецело отвечает за воспитание и образование детей. Часто пре-

²⁷ Цит. по: Япония сегодня. Октябрь 1999. С.7.

²⁸ Приводится по *Florian Coulmas. Ageing in Japan – the Social Consequences*. London, NewYork. 2008. P. 12.

²⁹ The Japan Times. 19.01.2013.

³⁰ The Japanese Journal of Population, Vol, 10, № 1. P.27.

стиж женщины серьезно зависит от того, как ребенок ведет себя в детском саду, как он учится и ведет себя в школе.

Эта ситуация связана с тем, что мужей часто не бывает дома, они возвращаются после работы, когда дети обычно уже спят. В 2008 г. в среднем 17 % мужей возвращались домой после 10 часов вечера, между 9 и 10 часами – 10–12 %; примерно половина мужей к 8 вечера бывали дома и могли хоть как-то общаться с детьми. Цифры эти варьируются в зависимости от возраста детей в семье, от того, работает жена или нет и т. п.³¹. Кроме того, на фирмах распространилась практика ротации служащих. Их рассылают по разным городам на весьма значительные сроки (*тансин фунин*), т. е. они просто физически отсутствуют в семье даже в выходные дни. Так что раздельное существование жен и мужей отчасти становится нормой. И жена часто относится к мужу как к старшему сыну, которого нужно уважать, но с которым можно не советоваться. Раньше отец воспринимался в семье как верховное существо. Существовала даже поговорка, что в жизни надо бояться четырех вещей – землетрясения, грома, огня и.... отца (!). Теперь же, мужчина, хотя формально и продолжает оставаться главой семьи, часто и не знает, что делается у него дома, авторитета особого не имеет, эмоционально он далек от семьи (по выражению профессора токийского института Гакугэй Тамура Такэси, он принадлежит компании³²).

Мужья, как правило, мало участвуют в быте семьи. По подсчетам специалистов, работающие матери с маленькими детьми тратят на них в день примерно три часа, на работу по дому – 4,5 часа; отцы же заботятся о детях лишь 25 минут в день, а на работу по дому отводят 23 минуты (в Европе и США у семейных мужчин на это отводится три часа)³³. Правда, согласно обследованиям, проводимым Институтом изучения населения, постепенно мужчины начинают тратить больше времени на работу по дому и воспитание детей³⁴. Следует заметить, что мужья наиболее активно помогают женам в домашней работе в молодых семьях, затем их активность снижается и немного возрастает, когда жены достигают 60-летнего возраста. Кроме того, согласно данным обследований, примерно 30 % мужей вообще ничего дома не делают, если

³¹ Ibid. P. 17.

³² www.u-gakugei.ac.jp/~tam/research/culture/brasil/html

³³ Mari Nakagawa. Fathers' Family Involvement and Wives' Employment in Japan/http://ocha-gaps-gcoe.com/contente/Proceedings13_17; подробнее о ряде других аспектов жизни японских женщин см.: Маркарян С. Б. Японки в интерьере «мужского» общества // Портрет современного японского общества. М., 2006, глава девятая.

³⁴ Например, по сравнению с показателями 2003 г. в 2008 г. примерно на 8 % увеличилось число мужей, которые один, два и даже более раз в неделю ходили за покупками, стирали, убирали со стола после еды и мыли посуду, и на 4–6 % число тех, кто играл с детьми, кормил их и укладывал спать.

жена сидит дома, работает по временному найму или в семейном бизнесе, и приблизительно 20 %, если жена занята на постоянной работе³⁵.

В целом мужчины ведут себя в семье абсолютно свободно. Они часто ходят после работы в бары вместе с коллегами (соблюдая традицию демонстрации лояльности по отношению к компании и к сотрудникам своей группы), или для встречи с партнерами, имеют связи на стороне, не стесняются проявлять насилие по отношению к жене. При этом нельзя не отметить, что факты недостойного обращения с женщинами, как правило, не афишируются, и до сих пор многие не считают такое поведение противозаконным деянием.

В результате не одно поколение женщин и детей подвергалось насилию, но ни к общественности, ни к юристам никто не обращался. В обществе считалось, что домашнего насилия (*катэйнай борёку*) в стране нет. Но оно было, только об этом избегали говорить. В обществе, где в юридической системе доминантой является мужчина, преобладает патриархальная идеология. Поэтому не удивительно, что, разбирая дело о разводе, адвокат-мужчина нередко ведет дело к тому, что в насилии со стороны мужа виновата сама женщина³⁶.

Лишь после зверского убийства подростка своим отцом в 1996 г. СМИ серьезно заговорили о домашнем насилии. По данным официальных опросов и статистики полицейского агентства, было зафиксировано, что одна треть женщин «подвергались физическим нападениям, психологическим угрозам или сексуальным насилием со стороны своих прежних или настоящих партнеров». Причем, половина этих жертв никогда не упоминали о таких инцидентах, пока их официально не стали расспрашивать. Сами женщины воспринимали эти действия как вполне допустимые: проводившие обследование сотрудники канцелярии кабинета министров были потрясены, что примерно треть из пострадавших винили во всем себя³⁷.

В 2001 г. был принят закон о предотвращении домашнего насилия, в 2007 г. он был распространен не только на мужей, но и на любого партнера. Кроме того, угроза по телефону, электронной почте или факсу была признана одной из форм домашнего насилия, а свидетели получали защиту. Были также созданы центры поддержки, где потерявшие могли получить консультации юристов и медиков и пройти реабилитацию.

³⁵ The Family Changes in Contemporary Japan: Overview of the Results of the Fourth National Survey on Family (2008) // The Japanese Journal of Population, Vol.10, № 1 (March 2012). P. 11, 12, 15.

³⁶ Профессор Дж. Кингстоном, со ссылкой на газету «Майнити» и данные Японской федерации ассоциации юристов, приводит некоторые такого рода высказывания адвокатов: «Если Вы сказали что-то в этом роде, любой захотел бы Вас ударить!», «Это ваша обязанность удерживать мужа от применения насилия» // Jeff Kingston. Japan's Quiet Transformation. P. 261, 262.

³⁷ The Japan Times. 17.06.2012.

Лед несколько тронулся, во всяком случае, с точки зрения появления информации о происходящем.

Факты насилия над детьми начали фиксировать с 1990-х годов. Закон о предотвращении насилия в отношении детей был принят в 2000 г. Эксперты объясняют это явление ухудшением экономического положения в стране. По данным полицейского агентства, в 2007 г. было зафиксировано 300 случаев насилия над детьми, и часто – со стороны матерей³⁸. Аналитики считают, что такое поведение объясняется нервным срывом под бременем их множества обязанностей.

«Свободное» поведение в семейной жизни мужчин нередко является мотивацией для разводов, которые были абсолютно неприемлемы ранее и воспринимались как явление аморальное. Подавать на развод имел право только мужчина, теперь же инициатором все чаще выступает женщина. Причем разводятся и пенсионерки, которые ранее терпели мужей ради детей. В целом число браков имеет тенденцию сокращаться, а число разводов неуклонно растет, что является характерной чертой демографической ситуации последних лет. Динамика коэффициентов браков и разводов (из расчета на 1 тыс.) за 1950–2011 гг. наглядно подтверждает это положение³⁹:

:	1950	2060	1970	1980	1990	2000	2011
Браки	8,0	9,3	10,0	6,7	5,9	6,4	5,2
Разводы	1,01	0,74	0,93	1,22	1,29	2,10	1,87

Повышение роли женщины в семье связано и с тем, что японки начали выходить за узкие семейные рамки. Они, как и раньше, работают в локальном сообществе, в низовых организациях различных обществ, создаваемых для разрешения местных проблем, занимаются волонтерской деятельностью. Постоянно растет их роль на производстве⁴⁰. В настоящее время среди занятых в различных отраслях экономики свыше 40 % (в 1975 г. их было 32,2 %, в 2012 г. – 42,3%) составляют женщины (38,8 % – в первичных отраслях экономики, 24,3 % – в обрабатывающей промышленности и 48,7 – в сфере услуг)⁴¹. Особо надо отметить, что женщины овладевают профессиями учителей, докторов, адвокатов. Среди успешно сдавших государственный экзамен на занятие соответствующей должности в 1980 г. их было 4,5%, в 2000 г. – свыше 15 %. За 1980–2000 гг. доля женщин среди судей выросла с 2,8

³⁸ www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3134931

³⁹ Нихон токэй энкан. 2014.

⁴⁰ В 1975 г. вне дома работало 12 млн. женщин, в 1993 г. – 20 млн., в 2001 г. – 27 млн. человек.

⁴¹ Statistical Handbook of Japan. 2013.

до 10,8 %, прокуроров – с 1,2 до 6,1 %, адвокатов – с 3,8 до 8,9 %. В 2000 г. женщины составляли две трети фармацевтов и свыше 15,6% докторов. В 1994 г. среди вновь приступивших к работе врачей было 24 % женщин, в 2000 г. – одна треть⁴².

В 2011 г. в числе исследователей и научных работников (по данным канцелярии кабинета министров) работало 14% женщин⁴³. Женщины постепенно начинают занимать и административные и выборные должности, но пока еще очень редко. В 2012 г. среди администраторов и менеджеров доля женщин составила лишь 11,1% (в США – 43 %); среди членов советов директоров компаний в Японии было лишь 2 % женщин (в Европе – 17, в США – 15 %⁴⁴). В 2013 г. в палате представителей было всего 39 японок (из 480 членов палаты) и 44 (из 242) – в палате советников⁴⁵. Для сравнения отметим, что, по данным канцелярии кабинета министров Японии, в 2010 г. в Швеции среди политиков на национальном уровне было 44 женщины, в Великобритании в числе членов парламента – 22%⁴⁶.

С точки зрения возможности пополнения бюджета семьи жены значительно уступают мужьям. Это происходит по ряду причин. Они в большинстве своем работают в менее хорошо оплачиваемой области производства – в сфере услуг и на канцелярской работе. Их изначально принимают именно на такие должности. Большинство женщин (в 2012 г. 54,5 %) заняты на непостоянной работе (они составляют там примерно три четверти занятых⁴⁷), где заработки невысоки. Но даже на постоянной работе их зарплата вдвое ниже, чем у мужчин⁴⁸. И она у них растет медленнее, чем у мужчин на тех же должностях, их реже продвигают по службе. Кроме того, из-за того, что женщины на период рождения и первых лет жизни ребенка часто делают перерыв в своей работе, они, как правило, не могут вернуться на свою прежнюю хорошо оплачиваемую должность. Именно наличием такого рода перерывов в работе оправ-

⁴² Данные приводятся по Jeff Kingston... P. 290.

⁴³ Конечно это небольшой процент (в США – 34 %, Великобритании и Испании – 37, в Норвегии, Финляндии, Германии – 32–33 %, во Франции и Швейцарии – 27 % // Japan Labor Review. Vol.10, № 2, Spring 2013. P.85), но сам факт, что женщины присутствуют и в этих сферах, очень показателен.

⁴⁴ Japan Labor Review. Vol. 10. № 2, Spring 2013. P. 85.

⁴⁵ Statistical Handbook of Japan. 2013; the Japan Times. 21.04.2013.

⁴⁶ The Japan Times. 23.12.2011.

⁴⁷ Справедливости ради надо сказать, что большинство женщин предпочитают именно временный найм, чтобы иметь больше времени для семьи; учитывается также возможность потери ряда льгот в случае превышения определенного размера зарплаты.

⁴⁸ В 2012 г. зарплата постоянно работающих женщин на предприятиях с числом занятых 30 человек и более составляла лишь 52,2 % мужской, на предприятиях с числом занятых 5 человек и более – 51,5 %, и только в сфере информации и связи она поднялась до 62 %; в сфере услуг она составила 49,8 % (Подсчитано по Нихон токэй энкан. 2014 y1600.xls).

дывают часто руководители компаний свое нежелание брать женщин на ответственные должности. Отсутствие у современных японок возможностей карьерного роста приводит часто к тому, что они сами добровольно бросают работу, ибо не видят перспектив. Как сообщает газета «Japan Times», в Японии так поступают 74 % окончивших колледжи женщин, в то время как в США – только 31 %, в Германии – 35 %. И процент японок, которые выпадают из рабочей силы в 30 лет в связи с рождением детей, тоже больше чем в США и Европе, где занятость женщин на время воспитания детей остается практически стабильной⁴⁹.

Увеличение числа работающих женщин связано, прежде всего, с их желанием иметь работу для увеличения семейного бюджета, но не менее важным является и получение денежных средств непосредственно для себя. Многие стремятся не уходить с работы после рождения ребенка. По данным опроса Японской организации по изучению условий труда, в 1998 г. таких было 57 %, а собирающихся ее бросить после замужества или рождения ребенка – только 28,7 %. В 2005 г. 52 % женщин брали отпуск по рождению ребенка или уходу за ребенком, не оставляя работы, а 37 % бросали работу, но собирались ее возобновить при возможности⁵⁰. В 2007 г. в стране работало 48,9% замужних женщин, в том числе среди когорты до 30 лет – почти половина (49,7%)⁵¹.

Японки могут и хотят работать, но для этого нужно создать определенные условия – обеспечить оптимальный баланс распределения времени между работой и семьей. Это может быть достигнуто благодаря объединению усилий государства и работодателей, которые должны предоставить работающим матерям необходимые льготы, а также мужьям, которые будут активнее помогать воспитывать детей и выполнять домашнюю работу⁵².

С укреплением нуклеарной семьи постепенно происходит поворот от вертикально-родовой ориентации на горизонтально-индивидуалистическую. Но это не означает, что родители и дети и другие члены семьи не интересуются друг другом. Они, в той или иной степени, часто помогают друг другу. Молодежь во многом надеется на родителей, нуждаясь в их помощи в приобретении жилья (нередко родители строят дома для своих детей на своем участке), а многие молодые мамы сейчас мечтают, чтобы их мамы-бабушки помогали с детьми.

⁴⁹ The Japan Times.21.04.2013.

⁵⁰ www.jp.org; Japan Almanac. 2006. P.29.

⁵¹ <http://search.japantimes.co.jp/cgi-bin/nb20080405>

⁵² В настоящее время, конечно, управляться с домашним хозяйством стало гораздо легче благодаря внедрению различных технических усовершенствований, появлению кулинарных новинок в магазинах, новой моде обедать вне дома и т. п., но все равно на это уходит достаточно много времени.

Уровень совместной жизни поколений в Японии и сейчас еще выше, чем в других странах, хотя постепенно и снижается. На основе проведенных обследований, Министерство здравоохранения и благосостояния выявило, что за 1980–1998 гг. даже выросла доля пожилых людей (65 лет и выше), которые жили со своими детьми, и тех, кто жил только с одним из родителей, соответственно с 16 до 19 % и с 28 до 48 %. Кроме того, появилась тенденция переезда пожилых родителей поближе к месту жительства родственников. Правда, одновременно уменьшилась доля тех, кто жил с детьми, состоявшими в браке, – с 53 до 31 %⁵³.

Обследование частоты разговоров между живущими отдельно родителями и их женатыми и замужними детьми в 2008 г. показало, что ежедневное общение со своими сыновьями или дочерьми имели соответственно 7 и 13 % респондентов, 3–4 раза в неделю – 9 и 24 %, 1–2 раза в месяц – соответственно 40 и 30 %. Не менее интересны данные того же обследования о помощи, которую оказывают матери своим состоящим в браке сыновьям и дочерям. Деньги на свадьбу сыновьям дают свыше 53 % матерей, дочерям – 50 %; для покупки дома соответственно 25 и 12 %; средства на внуков – 28 и 30 %; помощь при рождении ребенка – 18 и 62 %; занимаются внуками – 25 и 43 %. Можно также отметить тенденцию увеличения всех видов помощи за 2003–2008 гг. И еще один небезынтересный, но вполне объяснимый факт: сыновьям матери предпочитают помогать экономически, дочерям – личным участием⁵⁴. Все это свидетельствует о том, что вертикальная, традиционная модель семьи все еще очень близка сердцу японцев.

Молодежь теперь резко сменила жизненное кредо. Поколение дедов и отцов придерживалось девиза «жить, чтобы работать». Новые поколения сменили его на: «работать, чтобы жить». Теперь молодежь предпочитает не проводить время после работы в компании с коллегами, а использует его по своему усмотрению, со своими сверстниками, занимается спортом, в различных кружках, ходит на концерты, посещает выставки, путешествует и т. д. По мнению профессора В. Э. Молодякова, который не только имеет возможность наблюдать, но и общаться с молодыми японцами, у них есть определенный потенциал (высокий уровень образования, хорошая профессиональная подготовка, умение отстаивать собственное мнение и т. п.), который надо смелее использовать.

В то же время большая материнская опека детей, особенно мальчиков, иногда приводит к тому, что у них появляется некоторый инфантилизм. Ряд экспертов фиксирует отсутствие у молодежи здоровой амбициозности. Молодых людей иногда даже называют «травоядными»

⁵³ Hachiro Nishioka. Parent-Adult Child Relationships in Japan // Review of Population and Social Policy. № 9. 2000. P.227, 228, 236.

⁵⁴ The Japanese Journal of Population. Vol. 10. №1 (March 2012). P.20.

(herbivore men, *сёсёкукэй данси*). Такой инфантилизм часто объясняют резким увеличением жизненного цикла японцев, что в известной мере продлевает период их детства.

Немалое число молодых людей продолжает жить за счет своих родителей. Некоторые из них не могут устроиться, другие на досуге ищут подходящую работу, или же не хотят приложить усилия, чтобы обеспечить себя достойным заработком и предпочитают ничего не делать. Так появились «*фритеры*» (по-японски – *фурита*) и «*нииты*» (по-японски – *ниито*)⁵⁵. По выражению профессора университета Гакугэй социолога Ямада Масахиро⁵⁶, они ведут жизнь «паразитирующих холостяков» (*паразито сингуру*) и ждут наследства. Этот термин начал применяться и к слабому полу. Женщины-*фритеры*, например, чаще откладывают браки, чем те, кто делают удачную карьеру.

Среди «паразитирующих холостяков» особо выделяются *хикикомори* – подростки или сравнительно молодые люди, которые по тем или иным причинам, избегают общества, не имеют друзей, живут в родительском доме обособленно в виртуальном мире (это явление возникло примерно с 1970-х годов). По данным «Оя-но-кай» (Организация родителей), среди *хикикомори* большинство юношей (60 %), из которых 40 % – в возрасте до 20 лет. У подростков такой социальный аутизм тянется обычно в течение трех-четырех лет. В настоящее время (2010, 2011 гг.), по данным канцелярии кабинета министров, насчитывается примерно 1 млн. *хикикомори*, 4,17 млн. *фритеров* и 850 тыс. *ниитов*⁵⁷.

В последнее время стали более заметными факты грубого обращения детей с родителями. Сказывается разность привычек, ценностных ориентаций разных поколений на ведение бизнеса, а в последние два десятилетия и не всегда благополучное экономическое положение. По мнению экспертов, молодые люди срывают на старших свои неприятности⁵⁸. Как считает профессор Дж. Кингстон, их неадекватное поведение говорит не только о социальном «недомогании» в обществе, но является и отражением неполадок в семье⁵⁹. По мнению некоторых аналитиков, это, в частности, может быть и следствием того, что ребенок в детстве был свидетелем домашнего насилия, что отразилось на его психике⁶⁰.

⁵⁵ Об этом явлении см.: Маркарьян С. Б. Японская жилищная система как катализатор и индикатор социально-экономических изменений // Япония. Ежегодник 2013. М., 2013. С. 118.

⁵⁶ Он высказал это впервые в 1999 г. (Подробнее см.: Jeff Kingston... P.274).

⁵⁷ Эти цифры приводятся по данным газеты «Асахи» за 2010 и 2011 гг. (<http://su.diva.portal.org/smash/get/diva2:568035/>). Следует заметить, что эти цифры постоянно растут: Например, число фритеров в 2002 г. было 2,5 млн., ниитов в 2003 г. – 520 тыс. (www.japanfocus.org/kosugi-reiko/2022; www.socwork.net/sws/article/view/200/485).

⁵⁸ www.u-gakugei.ac.jp/~tam/research/culture/Brasil.html

⁵⁹ Jeff Kingston... P. 268.

⁶⁰ The Japan Times. 17.06.2012. Подробнее о японской молодежи см.: Молодяков В. Японская молодежь накануне третьего тысячелетия // Япония: с чем в третье тысячелетие? М., 1999.

Однако молодежь не забывает о своем долге по отношению к старшему поколению. Проявление уважения к старшим не только по статусу, но и по возрасту, забота о них – неотъемлемая черта населения стран конфуцианского региона, давнишняя традиция японцев. В больших японских семьях о старшем поколении заботились всегда жены или невестки. Это было их неперенной обязанностью, чувством долга – *он*. И это – норма японского общества, в котором семья должна быть самодостаточной, опираться на собственные внутренние силы, что является, в известном смысле, психологическим настроем японцев и в настоящее время.

Однако сегодня в условиях демографических изменений, особенно в связи резким падением фертильности, высоким уровнем продолжительности жизни, с раздельным проживанием поколений, большим числом семей, состоящих из одиноких стариков, выполнение традиционного *он* со стороны семьи становится серьезной проблемой. Ведь достаточно напомнить, что те, кому, например в 2000 г. или в 2010 г., исполнилось 80 лет, имели по несколько детей, на каждого из которых приходилось меньшее число тех, о ком надо заботиться. Сейчас же членов семьи мало, им трудно успевать ухаживать за родственниками. Особенно в тяжелом положении находятся одинокие старики, которые не могут себя обслуживать. Согласно прогнозам Министерства по труду и благосостоянию, число такого рода пенсионеров в 2025 г. достигнет трех с лишним миллионов человек против двух в 2010 г., а число одиноких домохозяев в возрасте от 65 лет и более увеличится за тот же период с 4,7 млн. до 6,7 млн.⁶¹

Государство, со своей стороны, не привыкло заботиться о своих подданных. Система социального обеспечения появилась лишь в начале 70-х годов прошлого века и в очень урезанном виде. И хотя затем в соответствующий закон был принят ряд поправок, уровень социального обслуживания продолжает оставаться низким, значительно уступая аналогичным системам в развитых странах Европы и Америки. Все, что предоставляет старикам правительство, – от пенсий до социальных льгот, включая расходы на здравоохранение, – составляет только 1/3 их дохода. Это, безусловно, одно из проявлений традиционного отношения к нуждам населения со стороны центрального правительства, перене-

С. 185–210; Молодяков В. Э. Растерянное поколение: старые и новые проблемы японской молодежи // Япония: экономика и общество в океане проблем. М., 2012. С. 114–126; Катасонова Е. Л. Японское общество в мире *манга* и *анимэ* // Портрет современного японского общества. М., 2006. С. 257–279; Катасонова Е. Л. Влияние массовой культуры на ценностные ориентации современной японской молодежи // глава восьмая данной монографии; Лебедева И. П. Судьбы пожизненного найма: социальные аспекты // глава одиннадцатая данной монографии.

⁶¹ The Japan Times. 30.12.2011. Важную роль в области обслуживания этих слоев населения начинают играть волонтеры и некоммерческие организации. И надо сказать, что в этих организациях и среди волонтеров как раз очень много женщин – домохозяек.

сение бремени на плечи членов отдельной семьи, на локальное общество, на практику взаимопомощи людей между собой. В большинстве других развитых странах доля государства в обслуживании пожилых людей гораздо выше: в Канаде она составляет 42%, в Великобритании, Нидерландах, Швеции и Италии – от 50 до 59 %, в Германии, Испании и Франции – от 61 до 67%⁶². Но, так или иначе, нельзя не признать, что в связи с демографическими сдвигами в последние десятилетия и, особенно из-за быстрого старения населения и постепенного сокращения когорты трудоспособного возраста, перспективу финансовых возможностей социального обеспечения стариков нельзя назвать благоприятной. И это – объективная реальность.

Поэтому дочери или невестки во многом продолжают помогать своим пожилым родственникам, но теперь часто уже у них дома. По подсчетам, приводимым профессором Дж. Кингстоном, 85% престарелых японцев обслуживаются родственниками, а точнее родственниками женского пола – женами, дочерьми, невестками. Это, кстати сказать, еще одна причина, по которой, как считает профессор, женщины не хотят выходить замуж⁶³.

О динамике развития взаимоотношений между членами семьи, в том числе и между поколениями свидетельствуют результаты опросов, которые проводили сотрудники Института изучения населения соответственно в 1993, 1998, 2003 и 2008 гг. Респонденты ответили, в частности, на следующие вопросы: лучше ли для родителей в пожилом возрасте жить с детьми, должна ли финансовая поддержка пожилых родителей оказываться семьей или обществом, должна ли семья заботиться о пожилых родителях, нуждающихся в специальном уходе? Если в 1993 г. на первый вопрос «твердо положительно» ответили 14,4 % опрошиваемых, то в 2008 г. – только 6,3%, но при этом соответственно 47 и 43% ответили «пожалуй, положительно»; за тот же период сократилась и доля тех, кто считает, что именно семья должна оказывать так или иначе («твердо положительно» и «пожалуй, положительно») финансовую поддержку ее пожилым членам, а не перекладывать это бремя на государство. В то же время, все еще очень большое число респондентов (хотя оно и сократилось с 75 до 62 %) считает, что именно семья, так или иначе, должна ухаживать за пожилыми родителями, если их состояние требует специального обслуживания⁶⁴.

* * *

Данные главы свидетельствуют о том, что, несмотря на значительные изменения в составе семьи и семейных отношениях, традиционная

⁶² Japan Economic Currents. 2008, № 69. P. 7.

⁶³ Jeff Kingston..., P. 293, 294.

⁶⁴ The Japanese Journal of Population. Vol. 10. №1 (March 2012). P. 26.

преемственность остается. Сохраняется она и в общественных отношениях и социальной идентификации. В семье в том или ином виде продолжает существовать иерархическая и взаимозависимая природа общественных отношений. Японское общество все еще продолжает оставаться разделенным по гендерному принципу, сохраняется как и дискриминация труда женщин все еще сохраняются традиции, в соответствии с которыми женщинам надлежит обслуживать всех домочадцев.

Но одновременно важнейшим фактором трансформации семьи является постепенное выдвижение на передний план роли женщины, причем не только в семье. Все более активно она участвует и в общественной жизни страны. Это – одно из главных направлений эволюции японского общества в наши дни. Учитывая современную демографическую ситуацию, роль ее в этой сфере, несомненно, будет возрастать.

Приверженность японцев к обычаям и традициям, исторические и социокультурные факторы во многом влияют на то, что гендерное равенство не может пока полностью укорениться в японском обществе, в том числе и в сознании самих женщин, срок активной эмансипации которых еще не так велик. Поэтому, заканчивая главу, представляется целесообразным привлечь внимание к существующему в стране гендерному неравенству, что в целом негативно сказывается на экономическом развитии страны. В настоящее время среди экономистов довольно широко распространена точка зрения, что на динамизм экономического развития весьма положительно влияет трудовая занятость женщин и особенно на ответственных постах в экономике и политике. Считается, что в настоящее время именно женщины являются наиболее активной, инициативной, динамичной частью общества. Эти качества современных женщин, их высокий потенциал не раз отмечала известный социолог Ивао Сумико⁶⁵. Она считает, что, в то время как мужчина пассивен и склонен к иерархии, именно слабой половине человечества присущ в настоящее время динамизм и творческий дух. Такая точка зрения подкрепляется фактами достаточно успешного развития ряда стран с высоким уровнем занятости женщин, в том числе на руководящих должностях в экономике и политике. Об этом говорится в рабочем докладе двух экономистов из Международного валютного фонда (октябрь 2012 г). Авторы

⁶⁵ Ивао Сумико – не только ученый, но и известный общественный деятель. Она получила степень доктора философии в Йельском университете, работала в Гарвардском и Кембриджском университетах. В настоящее время – профессор Технического университета Мусаси, почетный профессор университета Кэйю, начальник отдела по вопросам детства Совета социального страхования, член комитета помощи женщинам Афганистана, председатель японского отделения японо-американского комитета по делам обменов в области культуры и образования. В 2000 г. представляла Японию на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам женщин. В 1992–2000 гг. работала в Государственном комитете общественной безопасности (www.embjapan.ru/).

приводят подсчеты о влиянии участия женщин в производстве на рост валового внутреннего продукта на душу населения в ряде развитых стран, где созданы комфортные условия для того, чтобы женщины, имеющие детей, могли работать.

По данным ООН, практически во всех развитых странах, за очень небольшим исключением доля работающих женщин в возрасте 25–49 лет в 2011 г. составила 75–80 %, матерей с детьми до 15 лет – примерно 65–80 %, в Японии соответственно – примерно 60% и 50 %. Доля женщин среди управленцев, государственных служащих и политиков в Японии достигла в 2008 г. только 10 %, в то время как в самой низкой по этому показателю из развитых стран (Дании) она равнялась 25%, в Австрии, Франции и Германии – 38 %, в США – свыше 40%⁶⁶.

Поэтому не удивительно, что в докладе Всемирного экономического форума, опубликованного в октябре 2012 г.⁶⁷, Япония занимала 101 место в рейтинге стран мира по уровню гендерного равенства (в ноябре 2011 г. она занимала 98 место среди 135 стран). Это – самый низкий рейтинг за семь лет проведения соответствующего обследования⁶⁸. На такой низкий уровень повлияло 102 место Японии по участию женщин в экономике и 110 – в политике. Учитывая, что в 2012 г. в нижнюю палату парламента было избрано всего 38 женщин из 225 кандидатов против 54, избранных на выборах в 2009 г., этот рейтинг сейчас вряд ли улучшится.

В то же время для Японии, в условиях постепенного сокращения численности населения, особенно трудоспособного возраста, и исключительно высокой доли лиц старше 65 лет, женский труд мог бы значительно компенсировать недостаток рабочей силы, улучшить возможности обеспечения детей и пенсионеров, а также повысить уровень потребления в стране. Аналитик токийской группы «Goldman Sachs» Кэти Мацуи, прославившаяся докладом (1999) о теории «Womenomics», назвала игнорирование Японией человеческого ресурса в лице трудящихся женщин близорукой политикой. И затем иронично добавила: «Трудно бежать марафон на одной ноге»⁶⁹.

Но для того, чтобы Япония смогла «бежать на двух ногах», для женщин, имеющих детей, необходимо создать комфортную среду: обеспечить необходимое количество дневных детских центров, предостав-

⁶⁶ Japan Labor Review. Vol.10. №2. Spring, 2013. P. 83, 85.

⁶⁷ The Japan Times. 19.01.2013.

⁶⁸ Этот показатель устанавливается с 2006 г. на основе данных по 14 позициям, которые предоставляют Международная организация труда, Всемирный банк, Всемирная организация здравоохранения и Всемирный экономический форум (последний основывается на данных опросов руководителей бизнеса 130 стран).

⁶⁹ The Japan Times. 21.04.2013; www.bloomberg.com/news/2014-01-21/goldman-s-n

лять дополнительные перерывы в работе для тех, кто имеет детей подросткового возраста, открыть женщинам доступ к ответственным должностям, принимать их на ту же престижную работу, которая прерывается в связи с рождением ребенка, т. е. гарантировать им карьерный рост и пр. Кроме того, по мнению сотрудника Азиатской программы Международного центра Вудро Вильсона (Вашингтон) Гото Сихоко, нужно также, чтобы достижения женщин на ответственных постах широко освещались, им должны быть предоставлены возможности для пропаганды их точки зрения по поводу ликвидации гендерного неравенства на рабочих местах. Все это, как считает Гото Сихоко, должно стать интегральной частью структурных реформ: «Без учета общей картины, будущее ограничено». Но, что очень важно, она подчеркивает, что сами женщины должны стать более уверенными в себе, более рискованными, стремиться действовать⁷⁰. С этим нельзя не согласиться.

Проблемами улучшения условий для работающих матерей обеспокоилось и японское правительство. Подробнее о намерениях премьер-министра Японии Абэ Синдзо в отношении создания лучших условий для трудящихся женщин можно судить по его высказываниям во время выступлений в Нью-Йорке, куда он приезжал на 68 сессию Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2013 г. Приведем в несколько сокращенном виде его соображения на этот счет:

«Рост Японии выгоден всему миру... Думаю, всем здесь очевидно, что фактор и результат роста заключаются не в чем ином, как в мобилизации возможностей женщин. Существует теория под названием «womenomics», которая утверждает, что чем больше поощряется продвижение женщин в обществе, тем выше становятся темпы роста.... расширение возможностей для труда женщин и их активности в обществе – уже не вопрос выбора для Японии, это поистине актуальная задача. «Создание общества, в котором женщины будут сиять». Под таким лозунгом я работаю над тем, чтобы изменить внутреннее устройство Японии. Тем не менее это не ограничивается лишь внутренними задачами.....Япония с уважением относится к деятельности организации «ООН-женщины»⁷¹.

И далее: «В Японии многие женщины оставляют работу ради замужества и детей, хотя их профессиональные возможности еще очень велики. Я убежден, что если они начнут действовать, Япония осилит динамичный рост. Чтобы это стало реальностью, нам необходимо изъять из нашего обихода слова «дети на листе ожидания в дневной центр». Мы приложим все возможные усилия, чтобы в этом и следующем году

⁷⁰ The Japan Times. 22.05.2013.

⁷¹ Структура ООН по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин.

предоставить для детей 200 тыс. мест, и всех 400 тыс. мест – в течение пятилетнего периода. К этому лету мы уже выполнили цель, создав 120 тыс. мест. Повторяю, критерий “Abenomics” – действие⁷².

Как свидетельствует «Wall Street Journal», в январе 2014 г. Абэ Синдзо подтвердил, что «Womenomics» является «существенным компонентом его стратегии экономического роста»⁷³.

Но, конечно, процесс ликвидации гендерного неравенства – весьма длительный. Для его осуществления требуются не только издание законов, указов и положений. Необходимо активное сотрудничество бизнеса, осознание им того факта, что некоторые потери на первых порах (предоставление, например, различных льгот работникам слабого пола) обернутся выигрышем в будущем. Необходимо воспитание новых поколений с раннего возраста в духе гендерного равноправия, осознания самими женщинами их высокой роли в семье и в обществе.

⁷² www.kantei.go.jp/foreign/96_abe/statement/2013

⁷³ www.bloomberg.com/news/2014-01-21/goldman-s-u

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ЯПОНСКАЯ СЕМЬЯ ПОСЛЕ ВЕЛИКОГО ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ 11 МАРТА: ЦЕННОСТИ И ПРИОРИТЕТЫ

Так случилось исторически, что после значительных природных катаклизмов японцы с удвоенным рвением берутся за восстановление страны, что несет с собой заметное улучшение качества жизни. Великое землетрясение Канто 1 сентября 1923 г. дало толчок экономическому росту и вызвало, например, переоснащение в энергетической сфере: керосиновые лампы, которые частично спровоцировали пожары во время землетрясения, были заменены на электрические лампочки. Благодаря этому факту и государственному заказу сделал свой первый капитал Мацусита Коносукэ, основатель компании «Мацусита дэнки»¹. После Великого землетрясения Хансин-Авадзи в регионе Кансай 17 января 1995 г. были утверждены новые архитектурные нормы для градостроительства, и с тех пор такой пересмотр норм делается после каждого крупного землетрясения. Но также очень часто после подобных природных катаклизмов сильно менялось представление японцев о ценностях. Одной из таких базовых ценностей является семья.

Опираясь на результаты социологических опросов, на последние тенденции и тренды в японском обществе и на то, как они освещаются в средствах массовой информации, мы попробуем проанализировать, как изменилось отношение японцев к жизни и к семье после трагических событий землетрясения 11 марта 2011 г. в регионе Тохоку и последовавшей за ней аварией на атомной электростанции «Фукусима-1», которые еще называют «инцидент 3.11». В объективе нашего исследования будет находиться понимание того, чем для японцев сейчас является семья, кто входит в ее состав и каковы ожидания по отношению к ней, какова ее ценность? Работа базируется на результатах социологических

¹ Информация из музейных материалов компании «Мацусита Дэнки» в г. Осака.

исследований, проведенных научно-исследовательским институтом жизни при рекламном агентстве Хакуходо. Проанализировав контент некоторых популярных и продаваемых большими тиражами женских журналов и их тематических материалов в течение марта 2011–марта 2014 гг. и побеседовав с редакторами популярных женских журналов, мы попробуем понять как эта тема преподносится в средствах массовой информации и насколько привлекательно в них рисуют образ семьи.

Анализируя контент, тренды, имиджи и статистические данные, мы также попробуем сравнить, отличается ли картина, изображаемая на страницах популярных масс-медиа, от японской реальности.

Японская семья: между 1988-м и 2013-м годами

В июне 2013 г. японский институт исследований жизни при рекламном агентстве Хакуходо презентовал примечательное исследование о новом представлении о том, что есть семья для японцев после Великого землетрясения в Тохоку². Исследование проводилось в радиусе Токио и городов, находящихся в 40 км от него; в нем принимала участие 1000 семей, возраст супругов в которых колебался от 20 до 59 лет. Все они были классической нуклеарной послевоенной семьей, то есть комбинацией «сарариман и домохозяйка». 93,3 % опрошенных имели детей. Позднее результаты исследования сравнили с исследованиями, проведенными тем же институтом в 1988, 1998 и 2008 гг.

Очевидным стал один факт – после событий 11 марта 2011 г. заметно изменилось отношение японцев к собственной семье. Люди стали внимательнее относиться к членам своей семьи, больше с ними говорить, иногда даже переспрашивать, куда они идут и когда вернуться домой, чего не было раньше. Как заметила японская домохозяйка 25-ти лет, «мы увеличили не только количество денег, которые откладываем, но и количество времени, которое проводим с семьей. Мы стали ценить каждую минуту и каждую секунду. Я, например, сама решила, что из своих личных денег буду водить мою семью раз в месяц в ресторан»³. Другая женщина, 29 лет, сказала, что они с мужем решили «жить так, чтоб не было потом о чем жалеть»⁴. Многие отметили, что эти события сплотили семью, стало гораздо легче прийти к общему решению и по другим вопросам.

Опираясь на данные этого исследования, попытаемся понять, какова динамика перемен в японской семье на протяжении последних 25 лет,

² 3.11 ни умарэта нихон-но кадзюку-но синкюрю (Новые тенденции, которые возникли в японской семье после 3.11). Токио, 2013.

³ Там же. С.1.

⁴ Там же. С.2.

происходили эти изменения в течение долгого времени или нет, или же катаклизмы марта 2011 года стали тем катализатором, который помог им быстрее состояться?

Исследование отмечает, что кардинальные изменения коснулись трех сфер в жизни японской семьи: отношений с детьми, отношений между супругами и отношений с родителями другого супруга.

Отцы и дети

В отношениях между родителями и детьми отмечаются три основных момента. Во-первых, изменилось отношение к детям внутри семьи. В частности, *увеличилось количество денег, которое семья тратит на детей*. Если раньше, до 1988 г., большинство полагало, что «супруги – основа семьи» (в 1988 г. так считали 29,6% респондентов, в 2013 г. – 18,7%), то за последние 25 лет произошёл сдвиг в сторону понимания, что «дети – это основа семьи». Так теперь считают 74,5% респондентов. Так же по сравнению с 1988 г. родители теперь считают, что *нужно тратить деньги не на себя, а на образование детей*. В 1998 г. такую необходимость видели только 29,5 % опрошенных, а сейчас их уже 44,5%.

Вызывает интерес динамика изменения семейных трат за последние годы. В 1988 г. 66,5% опрошенных откладывали деньги на случай болезни или несчастного случая, а в 2013 г. их количество уменьшилось до 40,8%. Практически неизменно высоким остался процент людей, откладывающих деньги «на старость»: эта цифра даже немного возросла с 48,3% до 48,8%. В тоже время значительно увеличился процент откладывающих «на образование детей» (с 53,4 до 62,4 %). Это второй по важности пункт, на который копятся деньги в японской семье, после сбережений «на старость»⁵.

В сфере самих отношений между родителями и детьми за последние 25 лет произошло еще несколько кардинальных изменений. В частности, *японские жены стали еще больше уделять внимания детям*. Раньше таких женщин было 12,7%, сейчас – 25,2%. Много времени детям японки уделяли и раньше, на протяжении 1980-х и 1990-х годов, в период высоких темпов экономического роста, когда хорошее образование для многих стало считаться залогом успешного будущего. Повышенная забота многих матерей об образовании своих чад повлияла на то, что таких женщин называли «мать-педагог» или «кёику-мама»⁶. Они водили детей на всевозможные кружки и дополнительные занятия

⁵ 3.11 ни умарэта нихон-но кацзоку-но синкору. С. 3.

⁶ Согласно определению в словаре японского языка – это матери, которые огромное внимание уделяют образованию собственного ребенка.

в надежде на то, что все это сможет помочь в получении «идеального» образования как залога хорошего будущего⁷.

Однако время показало, что такие ожидания не всегда оправдываются. Будущее зависит не только от образования, но и от глобальных экономических кризисов, которым подвержена любая экономика, в том числе японская. Японцы образца 2014 г. уже это понимают. Это подтверждает и статистика, которая говорит, что в последние 5 лет уменьшается процент родителей, надеющихся на то, что «дети смогут хорошо адаптироваться к социальным и историческим изменениям в обществе». Если раньше 52,4% отцов и 49,5% матерей надеялись на это, то к 2013 г. соответствующий показатель упал до 45,1% и 48,7% соответственно⁸. Такая динамика скорее говорит о том, что поколение японских родителей – в связи с множеством потрясений перехода от высоких темпов экономического роста до рецессии – само понемногу утрачивало иллюзии относительно собственной социальной адаптации и перестало возлагать такие надежды на своих детей. Исследования также показывают, что за последние пять лет среди японских матерей, по сравнению с отцами, обострилась тревога по поводу будущего своих детей. Этот показатель у женщин возрос с 43,5% до 48,7%.

Одновременно за последние 25 лет в отношениях между родителями и детьми произошли качественные изменения. В 1988 г. 69,1% опрошенных жен и 61,5% мужей считали, что «родители должны быть детям друзьями и на этом должны строиться отношения между ними»⁹. К 2013 г. так стали считать только 46,9% жен и 47,2% мужей. Статистика свидетельствует о том, что к 2013 г. 71,5% отцов и 68,9% матерей уверены, что в семье необходимо придерживаться четких иерархических отношений между родителями и детьми.

Возможно, усиление этой тенденции начиная с 1998 г. связано с тем, что за год до того, в 1997 г., имел место пик детской преступности, ознаменовавшийся резонансным преступлением в Кобе, когда несовершеннолетний мальчик совершил несколько серийных убийств¹⁰. В результате отношения между родителями и детьми были темой широких

⁷ Некоторые считают, что появление в последние годы феномена «матери – тигрицы» среди китайских матерей, которые живут и воспитывают детей за границей, во многом связано с феноменом «*кёйку-мама*» в Японии 1980-х и 1990-х гг. (о «матери-тигрице» смотри Amy Chua, *Battle hymn of the Tiger Mother*, Penguin books, 2011, 256 p.).

⁸ 3.11 ни умарэта нихон-но кадзюку-но синкорю. С. 4

⁹ Там же. С.5

¹⁰ Сёэн А–но дзэмбу кёдзицу тёсё (Полная картина заявления-исповеди подростка А). Бунгэй Сюдзю. 1998, Гото Сёдзиро, Кобэ Сакакибара дзикэн ни кодавара рио: А сёэн ва ханнин ка? (Преступник ли подросток А? Причины обратить внимание на инцидент в Сакакибара в Кобе), Гэндай дзинбунся. 30 января 2005 сюхан.

дискуссий в обществе и прессе даже спустя какое-то время после этого трагического события¹¹.

С одной стороны, японские родители стали тратить больше времени и денег на детей, но это происходит не из желания баловать их, а скорее из желания дать детям больше «стартового капитала» для построения успешного будущего. То есть дать больше, чем они сами имели в детстве. Очевидно, именно поэтому родители видят необходимость в установлении четких иерархических отношений, знание которых и следование которым помогут им в будущем успешно продвигаться в обществе. Такой видится логика японского родительского взгляда на вещи.

Отношения между супругами: главенство, помощь по дому, измены

Статистические исследования также говорят о том, что за последние 25 лет сильно изменилось японское представление об отношениях в браке. Исторически любовь никогда не считалась основой крепкого брака в понимании японцев¹². Традиционно браки заключались на основе договоренности, благодаря знакомству через посредников «*накодо*». Только после Второй мировой войны в повседневные представления японцев о браке, частично благодаря влиянию западной культуры, литературы и кинематографа, частично под влиянием брака «по любви», заключенного в 1959 г. наследным принцем Акихито (нынешний император) и Митико Сёда, категория «романтическая любовь» понемногу начинает восприниматься как допустимая основа для создания семьи. В то же время некоторые антропологи считают, что в период темпов высокого экономического роста и расцвета общества потребления, категории романтической любви и сексуальной привлекательности, в свою очередь, становятся дополнительным «товаром», при помощи которого можно выгодно продать и другие товары¹³. Эта практика широко использовалась в японской рекламе автомобилей 1970-х годов, которая напрямую спрашивала у женщин: «А вас любит ваш муж?»¹⁴.

В целом статистика говорит о том, что роль и позиция женщины в семье за последние 25 лет укрепляются, и отношения между супругами, сами по себе, выравниваются¹⁵. Уже мало остается традиционных семей,

¹¹ Сэнэн А – но собо: Сэнэн А коно ко о ундэ – тити то хаха гайкон но сюки (Отец и мать подростка А: Мы родили этого ребенка-покаянные записки отца и матери), Бунгэй Сюндзю, 10 апреля 1999 г.

¹² Кояно Ацуси, Нихон рэнъай сякай си (Социальная история японской любви). Токио. 2012.

¹³ Tom Reichert. The Erotic History of Advertising, Prometheus Books, New York, 2003.

¹⁴ Хоменко О. А. Женщина плюс автомобиль: из истории японской рекламы 1950–1970-х годов // Япония, Ежегодник. 2012. Москва, 2012., С.200.

¹⁵ 3.11 ни умарээта нихон-но кадзюку-но синкорю. Токио. 2013. С. 6.

где жена, согласно японской поговорке, “ходит на три шага позади мужа”. Такие традиционные семьи еще более двух десятилетий назад строились на принципе «*тэйсю кампаку*», т. е. «муж – главнокомандующий». К 2013 г. таких семей осталось только 22,4%. Теперь преобладают семьи «супругов-друзей», или «*томодати фуфу*», которых теперь 48,3%.

Одновременно увеличивается число японских мужчин, которые считают, что «лучше, когда у жены есть свое твердое мнение по всем вопросам». Теперь таких уже 42%, а в 1988 г. было только 26,3%. Также уменьшается количество женщин, которые считают, что в семье все должен решать муж: в 1988 г. их было 74%, а в 2013 сократилось до 54,3%. О том, что отныне на многие важные вопросы в японской семье сильно влияет жена, говорит тот факт, что в 1988 г. право выбора имен детей в 71,8% опрошенных семей принадлежало мужчинам и только в 7,7% семей – женщинам. К 2013 г. последнее слово принадлежит женщинам в 30,5% опрошенных семей, хотя в 54,3% это право все-таки осталось за мужчинами.

Очевидно, что в последние три десятилетия общество стало по-другому смотреть на то, что можно, а что нельзя японским домохозяйкам и женам. Последние 10 лет страну всколыхнула серия новостей о том, что домохозяйки ведут двойную жизнь и часто имеют отношения вне брака. По данному вопросу уже написано несколько книг¹⁶, и эта тема давно стала популярным сюжетом в манга для взрослых¹⁷. Следует сказать, что вначале, когда эту тему только принялись обсуждать в прессе, она вызвала огромный скандал и массовое осуждение. Сейчас же к ней относятся как к реальности и даже включают в социологические опросы. Оказалось, что к 2013 г. процент мужчин, которые не принимают измен жены, даже немного повысился по сравнению с 1988 г.: тогда 83,6% мужчин были против измен жены, а сейчас уже 85,7% опрошенных. Любопытно, что несмотря на это в 1988 г. 33,2% японских мужчин и 24,4% японских женщин говорили, что согласны иметь сексуального партнера вне брака. В принципе за последние 25 лет эта цифра мало изменилась: сейчас таких соответственно 31% и 24,4%. Добавлю, что на протяжении 1998–2008 гг. у женщин этот показатель был заметно выше – от 28,3% до 28,8%.

¹⁶ Икэути Хироми. Цума но уваки: отоко га сиранай 13—но дзидзицу (Измены жен: 13 фактов, о которых не знают мужчины). Токио, 2005; Катэйнай сюфу хирума нани о ситэ иру но ка? Окусама 358 нин но кокухаку: фурун хякусё (Чем занимаются домохозяйки в дневные часы? Признания 358 жен: 100 историй об измене). 2014; Икэдзиги Гороз. Кэйдзидося ни нору хитодзума на нандэ фурун ни хаширу ка? (Почему жены, которые ездят на малолитражных автомобилях, изменяют?). Токио. 2013.

¹⁷ *Кунитомо Ясуюки*. Син сивасэ – но дзикан (Время нового счастья), 19 выпуск, 28 мая 2014 года, Токио.

Кроме того, существенно изменилась роль мужа в вопросе помощи по дому. Если в 1988 г. только 38% мужей и 60,4% жен считали, что муж должен помогать по дому, то к 2013 г. такую необходимость видят 77% мужей и 86,6% жен. Вероятно, это можно объяснить тем, что подросло поколение сыновей, матерям которых не помогали мужья и которые всячески пытались приучить своих детей к тому, что помогать нужно. Если присмотреться детально к тому, что это за помощь, мы увидим, что в 1988 г. 2,3% японских мужей стирали белье (в 2013 г. уже 9,5%), 3,3% мыли посуду после еды за всей семьей (в 2013 г. 17,1%), 10,6% выносили мусор (в 2013 г. 30,9%), 22,1% чинили что-то по дому (в 2013 г. 43,2%). Эти цифры показывают, что за последние 25 лет присутствие японского мужа в семье и его помощь по хозяйству заметно увеличились.

Такую динамику скорее всего можно объяснить тем фактом, что в японском обществе выросло количество семей, где работают оба супруга, так называемые «*томобатараки фуфу*». Согласно данным министерства финансов, в 1988 г. в стране таких семей было 9 миллионов 560 тысяч, а в 2013 г. уже 10 миллионов 540 тысяч¹⁸. Однако очевидно, что тенденция к сохранению послевоенной модели семьи «сарариман и домохозяйка» все-таки имеется. По сравнению с другими странами, при населении в 123 миллиона увеличение работающих пар за 25 лет всего на миллион пар – это немного.

Новые представления: границы семьи, дети, тревога о будущем

После Второй мировой войны в результате индустриализации и миграции в города, японская семья уменьшилась и из «расширенной» (*дайкадзоку*) превратилась в «нуклеарную» (*какукадзоку*), в составе которой было, как правило, четыре человека: мать, отец и двое разнополых детей¹⁹. Нам показались интересным, считают ли сами японцы, что их семья это все те же четверо, что и раньше и мы проанализировали ответы исследования на вопрос: кого вы представляете, когда думаете о семье?²⁰

В понимании японских мужей очевидна динамика произошедших изменений между 2008 и 2013 гг., когда в составе своей семьи, кроме жены, детей и своих родителей, появляются еще и родители жены. В

¹⁸ Родорёку тёса (Исследования рабочей силы. Министерство финансов). Токио, 2013.

¹⁹ О японской семье смотри детально: Отиаи Емико. 21 сэйки кадзоку э: кадзоку-но сэngo тайсэй-но миката, коёката (К семье 21 века: взгляд на структуру и границы послевоенной семьи). Юхикаку Сенсё. Токио, 2001. С. 19.

²⁰ 3.11 ни умарэта нихон-но кадзоку-но синкорю (Новые тенденции, которые возникли в японской семье после 3.11). Токио, 2013. С. 9.

2013 г. так считают уже 43,3% японских мужей, в отличие от 30% в 1988 г. Жены и ранее считали родителей мужа своей семьей, причем этот показатель также растет: 38,2% в 1988 г. и 44,2% в 2013 г. Отметим здесь, что и мужья и жены заявляют, что не хотели бы жить в одном доме с родителями своей второй половины²¹.

Другая примечательная тенденция проявилась в изменениях представлений о семье среди японских жен. На 2013 г. 47% опрошенных женщин стали включать в «большую семью» своих братьев и сестер, хотя в 1988 г. так думали только 30%. Представление японцев о семье меняется по ряду параметров. Нежелание жить вместе с родителями показывает, что основным типом семьи на протяжении всех послевоенных лет остается нуклеарная семья, однако представление о границах «семьи» в широком ее понимании в то же самое время расширяется.

Многие японцы отмечают, что они стали больше ценить свою семью. Приводим мнение японской домохозяйки 37 лет: «я впервые задумалась о том, что могу потерять мою семью, и впервые испытала сильный страх по этому поводу. Я хочу, чтобы мы всегда были вместе. И теперь, когда я их провожаю на работу или в школу, я всегда думаю о том, что хочу, чтобы они благополучно вернулись домой»²². Другая женщина 29 лет сказала о том, что после землетрясения она стала думать о том, что можно сделать, чтобы защитить свою семью. Она узнала, где в ее районе находятся убежища на случай землетрясения. В ее доме появился необходимый запас продуктов и воды на такой случай. Также многие отмечают, что перестали употреблять воду из водопровода для приготовления еды. Другие респонденты говорят о том, что они договорились в семье о месте встречи на случай катастрофы, кто-то приобрел дополнительные мобильные телефоны ПЧС, которые не выключаются при сбое связи, кто-то даже завел совместный аккаунт в Твиттере, чтобы оставить там сообщение на случай беды. Также опрос показывает, что матери побеспокоились, чтобы у детей, даже детсадовцев (всех кто отлучается из дома), появились мобильные телефоны.

Одна женщина 42 лет сказала о том, что она «осознала страх смерти и поняла, что если есть какие-то планы и желания о том, что ты хочешь сделать для своей семьи, то нужно это делать прямо сейчас». Некоторые указали, что после событий марта 2011 г., стали выбирать на Новый год в синтоистских храмах дарумы другого цвета – того, что «повышают» уровень счастья в семье. Другими словами, события марта 2011 г. заставили японцев вновь задуматься и почувствовать насколько для них важна семья и даже стали ставить ее приоритеты выше своих собственных, как это было до того.

²¹ Там же. С. 10.

²² Там же.

Также 40,8% японских жен после землетрясения заявили о том, что не только их любовь к семье усилилась, но сильно поменялось мнение о тех навыках, которым они должны научить своих детей для повседневной жизни и на случай катастрофы²³. Женщины теперь хотят больше находиться рядом с детьми и поэтому все чаще выбирают для них школы и детские сады по принципу близости к дому. «Потому что я боюсь расстаться с ребенком. В случае землетрясения я бы не хотела, чтобы детский сад был далеко от дома», – говорит 38-летняя домохозяйка из Токио. Они теперь проводят больше времени с ребенком, не желая оставлять его без присмотра буквально ни на минуту. Все это происходит из-за усилившегося чувства тревоги и желания защитить ребенка. Все больше матерей полагает, что «сейчас необходимо научить детей всем навыкам жизни и заботы о себе». Одна 39-летняя домохозяйка сказала: «Последние события убедили нас, что сейчас нужно уходить от мысли о том, что достаточно научить детей учиться. Нужно их учить тому, как жить и договариваться с другими людьми, как начинать все с нуля, учить силе жизни и выживания»²⁴. По мнению другой 47-летней домохозяйки, больше «не стоит надеяться на государство. Нужно научить ребенка тому, что в экстремальном случае у него должен включиться животный инстинкт самосохранения и он обязан позаботиться о себе сам». Так же думает и 52-летняя домохозяйка, которая заявила, что «самое главное для детей – это научить их выживать и жить дальше в любой ситуации». Очевидно, что землетрясение в Тохоку сильно поменяло мнение японских матерей о том, что важно для дальнейшей жизни их детей в стране. Отныне это уже не только высокий уровень образования в лучших университетах страны.

Подобное изменение мнений и даже жизненной позиции у многих японцев вызвано прежде всего повышенным уровнем тревожности, спровоцированной землетрясением и аварией на АЭС «Фукусима-1». Когда-то в далеком 1994 г. автору пришлось услышать историю о семье из префектуры Фукуи (где больше всего в стране ядерных электростанций), которая своих детей, начиная с 7 летнего возраста, водила на длительные пешие прогулки и всегда имела в доме у входа «тревожный чемоданчик», дабы в случае аварии на станции дети могли его взять и сами уйти из города пешком к бабушке и дедушке, жившим в 20 км от города. В то время подобные разговоры вызывали легкое недоумение. После событий 11 марта 2011 г. для многих не только в Фукусима, но и в других городах Японии это стало реальностью. Согласно статистическому опросу, проведенному журналом «Аэра» среди 600 матерей японских детей младшего и среднего возраста в середине 2011 г.,

²³ 3.11 ни умарэта нихон-но кадзоку-но синкорю. С. 11.

²⁴ Там же.

45% опрошенных испытывали постоянную тревогу и психологический прессинг из-за радиации и ее возможного влияния на их детей²⁵.

Подтверждение таких же чувств мы находим в опросе Хакуходо и ответов людей, которые все чаще говорят о том, что после землетрясения «мы точно проверили, где находится в нашем районе место укрытия». «Мой муж не смог вернуться домой сразу после землетрясения и поэтому подготовил для меня предметы первой необходимости на случай, если что-то случится вновь», – рассказала 28-летняя домохозяйка²⁶. По словам другой японской домохозяйки 45 лет, у которой два сына и одна дочь, она «впервые задумалась о том, что случится и что она будет чувствовать, если вдруг в результате землетрясения погибнут дети и муж, и она останется совсем одна. Где она будет жить, если разрушится ее дом? «и после этих событий постоянно беспокоится о том, где находится ее семья и в безопасности ли она».

Причем, опросы говорят о том, что вначале наблюдалось полное неприятие ситуации на психологическом уровне и как результат – невозможность принять какое-либо решение по этому поводу моментально, а позднее – полная мобилизация всех возможных ресурсов, вплоть до окончательного принятия решения о переселении в другую префектуру²⁷.

Другими словами, можно говорить о том, что события марта 2011 г. спровоцировали среди японского населения, особенно среди женской его половины, значительное повышение уровня фрустрации, что позднее привело к мобилизации всех сил и ресурсов, которые были брошены на выживание в экстремальных условиях. К сожалению, по свидетельству той же прессы, это не сильно повлияло на снижение уровня тревожности среди женщин в последние три года²⁸. Он так и остается высоким.

Женщины, брак и рождение детей: инстинкты выживания

Возвращаясь к затронутой ранее теме «животных инстинктов выживания», следует отметить, что за последние 3 года, после катаклизмов в регионе Тохоку, появилась еще одна тема, на которую нужно обратить внимание. Касается она незамужних женщин. Известно, что брачный возраст японок в настоящее время постоянно повышается и достигает 30–35 лет. Женские журналы традиционно уделяют много внимания замужеству, рождению и воспитанию детей. Проанализиро-

²⁵ Дзайяку кан дэ осидзукэру хосяно га мусибаку кокуро (Давлеющее чувство вины: душа разьедаемая радиацией), Токио, 27 июня, 2011.

²⁶ 3.11 ни умарэта нихон-но кадзоку-но синкорю. С. 8.

²⁷ «Дзайяку кан» дэ осидзукэру: хосяно га мусибаку кокуро. (Давлеющее «чувство вины»: душа разьедаемая радиацией), «Аэра», Асахи Синбунся, Токио, 27 июня, 2011.

²⁸ Там же.

вав выпуски таких журналов с высокими тиражами, как Никкэй Вуман, Креа, Оз Плюс, Фигаро Джапан на протяжении марта 2011 – марта 2014 годов, мы пришли к выводу, что есть несколько тем, на которые они обращают внимание—это прежде всего мода, уход за собой, здоровье, питание, деньги, отношения с противоположным полом. Очевиден тот факт, что в последнее время издания, рассчитанные на незамужних женщин, все чаще стали говорить о планировании беременности. В прессе также активно обсуждается ситуация низкой рождаемости и то, что до определенного возраста государство оплачивает все лечение от бесплодия в надежде увеличить рождаемость. Благодаря росту собственной экономической независимости, японские женщины стали позже выходить замуж и тщательнее подходить к выбору спутника жизни. Раньше хорошей партией считался здоровый муж, который все время на работе: другими словами, само присутствие мужчины не обязательно, но очень важны его экономические возможности. Однако сейчас женские журналы всячески подчеркивают женскую индивидуальность и неповторимость, настаивают на том, что стоит «найти себе такого мужа, который подойдет лично вам».

Наше внимание обратил на себя японский женский журнал ОЗ, у которого есть ежемесячный тематический сборник-приложение ОЗ плюс. Темами в нем, как правило, становятся самые обсуждаемые в обществе проблемы. Июльский выпуск 2014 года ОЗ плюс посвящен теме Любовь и Брак, которые подчеркнут вашу неповторимость. Само название уже говорит о том, что семья не есть цель, она представлена, скорее, как способ дополнительного совершенствования личности. Кроме того, журнал затрагивает темы питания, красоты, совершенствования коммуникационных навыков, дает советы, как и где нужно знакомиться. Так же в нем есть рекомендации по поводу рождения детей, нарисован образ симпатичной беременной женщины, которая не бросает работу, и красивой работающей мамы.

Японские женские журналы в последнее время вообще пестрят советами на подобные темы. В номере этого журнала за март 2014 г., посвященном планированию жизни: своего графика, календаря и ежедневника – в разделе «Семья и брак» читательниц призывают задуматься о трех основных вещах: какой будет свадьба и семейная жизнь, как вы будете воспитывать детей и какой будет ваша совместная старость²⁹? По всем трем категориям представлен небольшой опросник. Он интересен тем, что отражает отношение японок к этим ключевым моментам жизни, поэтому остановимся на нем особо.

²⁹ ОЗ плюс, март 2014. Токио, С. 32–34.

В разделе «Свадьба и семейная жизнь» читательницам предлагают подумать о том, какой они видят свою свадьбу, где будут жить (снимать жилье или покупать?), будут ли заводить животных, будут ли продолжать работать, будут ли делить работу по дому с мужем, как видят баланс между семьей и работой, как будут тратить деньги, совместный ли у них будет с мужем бюджет или раздельный? Как будут строить отношения с родителями мужа? Будут ли звать друзей к себе в гости?³⁰ В разделе «Семья и дети» японкам адресованы вопросы, хотят ли они иметь детей, какие они предпочтут роды (кесаревым сечением или естественные), какого пола хотят ребенка, сколько детей, где будут их дети, пока они будут работать, каким предметам и хобби будут учить детей, отдадут их в частную или в государственную школу, какими видят отношения с мужем после рождения детей, какую марку машины желают приобрести для семьи, кто будет определять способ воспитания детей? В разделе «Планирование старости» содержатся следующие вопросы: как вы будете жить, когда ваши дети от вас уедут? Как вы представляете себе жизнь на пенсии? Какие у вас будут отношения с мужем? Как часто вы будете видеть внуков? С кем планируете дружить до старости? Хотите потратить все деньги до того, как умрете, или хотите оставить что-то детям?

Многие из этих пунктов, как то вопрос о раздельном бюджете, желании иметь или не иметь детей, отношения с мужем после рождения детей, являются маркерами, само наличие которых говорит о том, что японские женщины и их представление о себе, своей роли в семье и обществе, о том что можно женщине, а что нельзя, — ощутило поменяться за последние 25 лет. А также то, что к вопросу планирования семьи и своей жизни японцы подходят очень прагматично. В приведенном, весьма подробном, опроснике не было практически ни одного вопроса о любви, что позволяет сделать вывод о том, что вопрос «романтических чувств» часто остается за рамками при планирования жизни.

Обращает на себя внимание огромное количество специальных выпусков женских журналов, которые посвящены планированию деторождения. Например, октябрьский номер журнала «Креа» за 2011 г. полностью посвящен теме рождения детей и называется «Стать матерью». Он вышел спустя полгода после трагедии под девизом: «Особенно сейчас. Это чудо – стать матерью»³¹. Помимо общих тем, которые и ранее встречались в подобных выпусках: сложности, которые ждут женщин во время рождения и первых месяцев жизни ребенка и советы, как можно решить эти проблемы; советы относительно диеты и того, что

³⁰ Порядок вопросов сохранен.

³¹ Креа. Токио, октябрь, 2011 г.

можно, а что нельзя употреблять беременным женщинам, – данный выпуск уделяет особое внимание теме безопасности продуктов питания с точки зрения их радиационного загрязнения. Тема «здоровых» продуктов питания – вообще нередкая в японских СМИ, но до мартовской трагедии 2011 г. вопрос их «радиационной чистоты» в женских журналах практически не поднимался. Первый «специальный выпуск» по этому вопросу появился отнюдь не в женском издании. Это был экономический журнал «Никкэй Бизнес» за 11 апреля 2011 г., который вышел с черной обложкой и под названием «Еда опасна!»³². Но уже с конца марта 2011 г. эта тема стала и остается в обсуждениях в обществе и даже во многих специальных печатных изданиях³³.

В журнале «Креа» за октябрь 2011 г. рассказывается о семье Сайто, которая в поисках чистых продуктов переселилась из Фукусимы на Хоккайдо. К настоящему времени о чистоте и безопасности продуктов питания – в свете фукусимской трагедии – уже написано очень много, японцы попытались также изучить, что было сделано за 25 лет пост-чернобыльского опыта, перевести это на японский язык и обнародовать³⁴. Для этого, в частности, даже состав посольства Японии в Украине в 2011 г. был увеличен на несколько человек.

Японские журналы обычно идут в печать за 3 месяца до реальной даты выпуска. Следовательно, уже в августе 2011 г., через 5 месяцев после аварии на АЭС «Фукусима-1», японцы осознавали и уже открыто говорили с женщинами о том, что на продукты питания стоит обратить серьезное внимание, особенно беременным и кормящим. Женщинам, возможно, впервые косвенно, но в то же время довольно четко дали понять, что их природное право стать матерью кто-то или что-то может отобрать.

По свидетельству главного редактора журнала «Креа» Фудзита Йосико, его тематические выпуски на тему материнства в последние три года постоянно пользуются огромной популярностью, и их тираж почти полностью распродается. По мнению г-жи Фудзита, японские женщины в последние три года стали серьезно задумываться над проблемой собственного материнства. Если раньше, по большей части из-за экономических причин, его откладывали на более поздний срок, то сейчас, после

³² Сёку га абунай. Никкэй Бизнес, Токио, 11 апреля 2011 г.

³³ Такаки Сабуро, Ватанабэ Миюки. Сёкутаку ни агатта хосяно (Радияция, что попала к вам на стол) Токио, март 2011; Мидзугути Кэннъя, Акаси Сёдзиро. Сёкухин–но хосясэн–но осэн кадзэн тайсаку манюару (Практическое руководство к действию по мерам борьбы с радиационным загрязнением пищевых продуктов), март 2011.

³⁴ Урадзимиру Бабенко. Дзibun но кодомо о хосясэнто кара мамору нива (Как уберечь своих детей от радиации), Токио, сентябрь 2011.

фукусимской трагедии, женщины впервые за многие десятилетия стабильности и благополучия осознали, что сама его возможность находится под угрозой, поэтому у них активнее заработал природный инстинкт желания продолжения рода. В связи с этим, по мнению г-жи Фудзита, среди молодых японок сейчас наблюдается повышенный интерес к теме чистых продуктов питания, заботе о своем здоровье и даже какой-то соревновательный дух в желании родить здорового ребенка.

Семья, как опора во времена перемен или «трастовый фонд под названием «дети»

Целью вышеупомянутого исследования института при агентстве Хакуходо является мониторинг изменения стиля жизни японцев. Делается это для того чтобы применить полученные результаты для создания более эффективной рекламы и стимулирования потребления. Данные показывают, что в течение последних 25 лет, особенно после событий марта 2011 г., в японском обществе произошла заметная переоценка ценностей. С 1988 по 2008 гг. исследования говорили о том, что японские семьи были основаны на сильной индивидуализации внутри семьи. Супруги подчеркивали свою индивидуальность, характер и хобби, встречались каждый со своими друзьями и часто по отдельности проводили свободное время. Пик этих процессов пришелся на 2008 г. Однако в промежутке 2011–2013 гг. данные опросов стали указывать на то, что многое внутри японских семей поменялось после мартовских событий 2011 г. Общество вновь обращается к семейным ценностям. Пережив затянувшийся экономический кризис 2008 г. и природные катаклизмы 2011г., японцы стали возвращаться к пониманию ценности самого наличия семьи и детей.

Ценность обладания семьей и детьми приобрела за последние 3 года большее значение, чем раньше. С одной стороны, после землетрясения наблюдался всплеск разводов среди пар, которые прожили вместе много лет. Основной причиной называлось то, что кто-то из супругов повел себя непредсказуемо в сложной ситуации и вторая половина разочаровалась. С другой стороны, согласно последней статистике, после событий 3.11 сначала был спад рождаемости³⁵, а в 2013 г. снова случился ее подъем и в Японии, впервые за долгое время, количество детей на одну женщину поднялся до уровня 1,43³⁶. В 2011 г., к слову, этот показатель

³⁵ Косэй Родосё. 2011 дзинко дотай токэй (Статистика естественного движения населения 2011), Токио.

³⁶ Статистика из агенства ДзиДзи Симпо за 4 июня 2014 г.
http://www.jijji.com/jc/c?g=soc_30&k=2014060400536

был на уровне 1,39 на одну японку³⁷. Очевидно, что сразу после землетрясения и событий в Фукусима японки не решались заводить детей, поскольку не видели еще всей картины возможных последствий, тогда как спустя два года после аварии, жизнь, все же, начала возвращаться в нормальное русло. Да и сам травмирующий опыт от всех пережитых событий заставил вспомнить о базовом инстинкте, заложенном в женщине, ее желании продолжения рода.

Автору не раз приходилось слышать, что многие молодожены познакомились во время волонтерских акций помощи жертвам землетрясения и переселенцам из Фукусима и вскоре поженились. Большое горе сделало людей более открытыми и заставило пойти навстречу друг другу.

За последние три года в Японии семья обрела для людей новый смысл и новое значение, близкое к тому, каким оно было после Второй мировой войны, когда японцы именно в семье надеялись найти спокойствие и умиротворение. Однако теперь семью, по мнению специалистов из Хакухо, можно назвать по-другому: теперь это «травматический фонд под названием “дети”»³⁸, который копит и вкладывает все свои ресурсы именно в них, причем процесс интенсифицировался после событий 11 марта 2011 г. «Ресурсами» являются время, деньги, осмысленное поведение и отношение родителей к воспитанию и благосостоянию детей, которых они вынуждены выпускать в такое беспокойное будущее. Для того чтобы обезопасить этот процесс и иметь возможность располагать большими ресурсами, теперь в семье зачастую работают оба родителя, муж помогает жене по хозяйству, роли в семье выравниваются и даже часто накладываются друг на друга. Кроме того, для увеличения семейных ресурсов «семьей» отныне считается не только «нуклеарная семья»: мама, папа и двое детей – но также зачастую старшие родственники и родные братья и сестры обеих половин. Все это направлено на накопление и расширение ресурсов для поддержки детей и обучения их высоким навыкам выживания в будущем. Ценность и смысл японцы теперь опять, как и в послевоенные годы, видят в своей собственной семье и детях. Частью такого понимания о смысле и ценности, безусловно, является человеческий инстинкт продолжения рода, который нередко активизируется после пережитых травматических событий, таких, как катастрофа 11 марта 2011 г. и ее последствия.

Также очевидно и то, что средства массовой информации очень чутко реагируют на такие изменения внутри японского общества и внимательно относятся к потребностям и ценностям своих читателей.

³⁷ Там же.

³⁸ 3.11 ни умарэта нихон-но кадзюку-но синкору. С. 12.

Именно поэтому выпускаются подобные выпуски, и женщинам уже не пытаются всячески «продать» идею «семьи», как это делалось раньше³⁹, обращаются сперва к реалиям жизни и потребностям людей. То есть, другими словами, пропасть между изображаемым на страницах журналов и реальностью становится уже все и меньше. Теперь медиа стоят максимально близко к читателю и меньше рисуют «идеальную картинку», которую сложно найти в реальной жизни.

³⁹ Хоменко О. А. Женщина плюс автомобиль: из истории японской рекламы 1950–1970-х годов // Япония, Ежегодник, М., 2012. – С.185–204

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

СУДЬБЫ ПОЖИЗНЕННОГО НАЙМА: СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Японская система управления трудом, которую часто называют системой пожизненного найма, долгое время и в Японии, и за ее пределами считалась едва ли не главным конкурентным преимуществом национальных компаний, позволившим им занять лидирующие позиции в мировой промышленности, а самой Японии стать одной из крупнейших экономик мира. Эта система начала формироваться в первые послевоенные десятилетия, а окончательно упрочила свои позиции в 70-е – 80-е годы прошлого столетия.

Главное, что отличает японскую систему управления трудом от систем, применяемых в других развитых странах, – это особое положение, которое занимают рядовые работники в компаниях, и особый характер отношений между ними и компанией (в лице ее менеджмента). Как известно, в западных странах получила распространение модель управления, в центре которой находятся интересы акционеров (shareholder-oriented model). Последние де-юре и де-факто являются собственниками компании и, вкладывая в нее свои деньги, не только принимают на себя риски и ответственность за результаты ее деятельности, но и получают право контролировать и определять направления ее развития. При этом менеджеры и рядовые работники нанимаются для выполнения определенных видов работ по контрактам, которые могут быть расторгнуты по желанию одной из сторон. Хотя и в Японии де-юре собственниками компании считаются ее акционеры, здесь сложилась другая система управления (stakeholder model), которая исходит из того, что компания принадлежит также и рядовым работникам, и менеджменту, которые вместе с акционерами представляют три составные части компании, три субъекта ее деятельности¹.

¹ Подробно см.: *Лебедева И. П.* Отличительные черты управленческой системы японских компаний // Японский феномен. М., 1996 г. С. 128–139; *Takashi Araki.* Changes in Japan Practice-Dependent Stakeholder Model and Employee-Centered Corporate Governance // Corporate Governance and Managerial Reform in Japan. N.Y. 2009. P. 222–251.

При этом именно особое положение и высокий статус рядовых работников являются наиболее заметной отличительной чертой японской системы управления. На привитие им чувства собственников компании, усиление заинтересованности в ее успехах и поддержание высокой трудовой мотивации и направлена разработанная до мельчайших деталей система пожизненного найма, связанная с целым комплексом моральных и материальных обязательств фирмы перед работниками. Не вдаваясь в подробный анализ элементов и принципов функционирования этой системы², отметим лишь следующее.

Для того чтобы та или иная система управления успешно работала, необходимо, чтобы она воспринималась самими работниками компании как разумная и справедливая. Поскольку система пожизненного найма основана на использовании элементов национальной культуры и национальной психологии (таких, как патернализм, группизм, эгалитарное сознание, стремление к консенсусу и *ва* (гармонии), предпочтение долговременных отношений, принцип старшинства и т. д.), она полностью удовлетворяла этому условию. Иными словами, применяемые японским менеджментом средства и методы управления в целом отвечали представлениям рядовых работников о том, что такое компания и как она должна управляться, и это обстоятельство, несомненно, способствовало быстрому распространению этой системы в Японии.

В то же время следует подчеркнуть, что система пожизненного найма всегда носила избирательный характер, т. е. охватывала не весь контингент занятых. В наиболее полном виде (с использованием всех элементов материального и морального стимулирования работников) она применялась в крупных частных компаниях (где охватывала и белых, и синих воротничков) и в государственных учреждениях. Однако и все другие предприятия, в том числе и мелкие, для того, чтобы повысить трудовую мотивацию персонала, стремились применять эту систему в той или иной степени, распространяя ее принципы на определенную группу работников (например, только на белых воротничков) или используя отдельные ее элементы.

Иными словами, сфера влияния системы пожизненного найма выходила далеко за пределы области ее прямого применения (т. е. крупных частных компаний и государственных учреждений) и в большей или меньшей степени охватывала практически весь контингент постоянных работников³. При этом особо следует отметить, что в 1950-е – 1980-е

² Подробно см.: *Матрусова Т. Н.* Своеобразие системы мотивационного управления персоналом // Японский феномен. С. 139–149; *Матрусова Т. Н.* Особенности управления трудом в японских фирмах // Учебное пособие «Экономика Японии». М., 2008. С. 385–401 и другие работы автора.

³ Напомним, что в конце 1980-х годов порядка 80 % работающих по найму относились к категории постоянных работников.

годы на всех типах предприятий привилегии пожизненного найма распространялись почти исключительно на работников-мужчин.

Широта сферы влияния системы пожизненного найма, соответствие ее принципов особенностям национального менталитета предопределили тот факт, что она стала не просто моделью управления трудом, а основой, на которой и вокруг которой формировался образ жизни и система ценностей нескольких послевоенных поколений японцев.

На наш взгляд, можно выделить, по меньшей мере, пять направлений воздействия этой системы на ценностные ориентиры японского общества.

Во-первых, поскольку система пожизненного найма распространялась почти исключительно на работников-мужчин, она способствовала закреплению за ними роли добытчиков средств, кормильцев семьи, а следовательно – и упрочению их главенствующего положения в семье и обществе.

Во-вторых, поскольку предоставляемые работникам гарантии долгосрочной занятости предполагали в ответ их готовность взять на себя довольно обременительные обязательства (например, соглашаться на продолжительный рабочий день и сверхурочные работы, на укороченный отпуск, на ротацию с переводом в другой город и т. д.), система пожизненного найма способствовала закреплению гендерного разделения ролей в семье (по принципу «муж – на работе, жена – дома»).

В-третьих, под влиянием системы пожизненного найма произошло значительное повышение престижа образования в обществе. Это было связано с особенностями практики найма японских компаний, а именно с тем, что на условиях пожизненного найма на работу принимались только «свежие» (т. е. не имевшие опыта работы) выпускники школ (на места синих воротничков) и университетов (на должности белых воротничков). Как правило, чем престижнее было учебное заведение, тем выше были шансы у его выпускников устроиться в известную, крупную фирму. При этом происходило постепенное снижение роли социального происхождения в доступе к хорошему образованию и, напротив, повышение значения личных усилий, личных достижений учеников.

В-четвертых, система пожизненного найма оказала сильное влияние на формирование ценностных ориентиров японской молодежи, предложив ей в качестве модели жизненного успеха карьеру *сараримана* (постоянного работника крупной компании или государственного учреждения). Чтобы стать *сарариманом*, нужно было закончить один из престижных университетов, а для того, чтобы успешно пройти через «экзаменационный ад» и поступить в него, необходимо было проявлять усердие и упорство в учебе, используя возможности не только школьного, но и различных видов внешкольного образования (прежде всего, *дзюку*). Пройдя успешно через систему отбора и поступив на работу в крупную компанию или государственное учреждение, молодой

человек попадал в особый мир – мир стабильной работы и предсказуемой жизни. Условия пожизненного найма гарантировали ему продвижение по служебной лестнице и повышение заработной платы на долгие годы вперед, благодаря чему он (и его семья) получали возможность планировать свое будущее и последовательно реализовывать те или иные жизненные планы.

Примечательно, что на практике эта модель оказалась доступна весьма широкому кругу молодежи. Так, среди юношей, закончивших школу в 1976–1985 гг., смогли стать *сарариманами* по окончании университета более 30 %, а среди выпускников 1986–1995 гг. – соответственно 40 %. Кроме того, в обоих случаях еще около четверти молодых людей смогли в той или иной степени реализовать эту «японскую мечту», получив работу белых воротничков в средних и мелких фирмах⁴. Следует также иметь в виду, что на карьеру, подобную карьере *сараримана*, могли рассчитывать и синие воротнички – работники крупных компаний, и даже часть рядовых работников мелких и средних фирм.

Наконец, в-пятых, система пожизненного найма сыграла важную роль в формировании в Японии «общества среднего класса». Как известно, с конца 1960-х годов порядка 90 % японцев стали относить себя к среднему классу, имея в виду при этом не только свое материальное положение, но и социальный статус. Очевидно, что такие черты системы пожизненного найма, как придание рядовым работникам высокого статуса в компании, стремление менеджмента сгладить различия в положении белых и синих воротничков, акцент при определении карьерного роста на оценке личного усердия и личных качеств работника и т. д., внесли свой вклад в превращение японского общества в «общество удивительного равенства возможностей и результатов»⁵. При этом, быстрый рост доходов работников японских компаний в период высоких темпов роста (1955–1972 гг.) и стабильное их возрастание в последующие два десятилетия создали материальную базу для формирования «общества среднего класса». Для абсолютного большинства японских семей стал доступен образ жизни, который в довоенные годы могли позволить себе лишь избранные: муж зарабатывал деньги, а жена занималась домашним хозяйством, растила 2–3-х детей, причем быстрое распространение различной бытовой техники и массовая автомобилизация делали домашний труд все менее обременительным, а жизнь домохозяйек все более комфортной⁶.

⁴ David Chiavacci. From Class Struggle to General Middle-Class Society to Divided Society: Societal Model of Inequality in Postwar Japan // Social Science Japan Journal, 2008, vol. 11, N1. P. 16–17.

⁵ Ibid. P. 16.

⁶ Naohiro Yashiro. Myths about Japanese Employment Practices // Contemporary Japan Journal of the German Institute for Japanese Studies. 2011, vol. 23, N2. P. 140.

Очевидно, что быстрое распространение системы пожизненного найма, укоренение ее идей не только в японской бизнес-среде, но и в обществе в целом было связано не только с близостью этих идей социо-психологическим ориентирам нации, но и с тем, что она была весьма эффективна с экономической точки зрения.

В сжатом виде основы экономической эффективности системы пожизненного найма можно описать следующим образом. Ежегодно 1 апреля в компанию принимаются выпускники высших и средних учебных заведений, и одновременно увольняются работники, достигшие так называемого предельного возраста пребывания в фирме (на ранних этапах он составлял 55 лет, позже был повышен до 60 лет). Новичкам предоставляются гарантии долговременной занятости, возможности для постоянного повышения квалификации (на основе различных видов внутрифирменного обучения) и продвижения по службе. Эти привилегии сочетаются с системой повышения заработной платы по мере увеличения стажа работы. Она устроена таким образом, что заработная плата молодых работников оказывается ниже их реальной производительности, а заработная плата пожилых работников, напротив, превышает их реальную производительность. Этот механизм позволяет компаниям, с одной стороны, планировать и регулировать расходы на рабочую силу, а с другой – полностью окупать огромные затраты на внутрифирменное обучение. Ведь для молодых работников единственным способом получения компенсации за недоплату их труда в первые годы работы является долговременное пребывание в компании, вплоть до достижения предельного возраста. Благодаря этому компания может рассчитывать на то, что ее инвестиции в подготовку работников нужной квалификации полностью себя оправдают, и что за долгие годы их работы она сможет максимально использовать приобретенные ими знания и умения⁷.

Повозрастная оплата труда имеет и еще одну сторону. Средства, недополученные работниками в первые годы работы, по сути, являются их «невидимыми инвестициями» в компанию, а сами они становятся как бы ее инвесторами, т. е. лицами, в высшей степени заинтересованными в ее успехах и процветании. Очевидно, что наряду с гарантиями долговременной занятости, практикой выплаты дважды в год бонусов (размер которых зависит, главным образом, от размера прибыли), системой надбавок к заработной плате (социально-бытового назначения) повозрастная оплата труда способствует повышению трудовой мотивации работников, усилению в них чувства преданности компании, ответственности за ее дела.

Говоря об эффективности системы пожизненного найма, следует отметить, что необходимыми условиями ее поддержания являются, во-первых,

⁷ Подробно см. указанные работы Т. Н. Матрусовой.

постоянное обновление рабочей силы за счет притока молодежи и, во-вторых, относительно высокие темпы роста производства. Первое условие необходимо для недопущения старения рабочей силы и сдерживания роста издержек на труд, а второе – для обеспечения ежегодного повышения заработной платы работников. Однако с начала 1990-х годов в экономике и обществе начали происходить изменения, которые в существенной степени подорвали эти основы эффективности системы пожизненного найма.

Как известно, с 1991 г. японская экономика вступила в полосу затяжной депрессии, которая продолжалась почти два десятилетия. Среднегодовые темпы роста ВВП снизились с 4 % в 1980-е годы, до 1,5 % в 1990-е годы и 0,8 % в 2000-е годы. Наряду с банковской системой в особенно тяжелом положении оказалась промышленность страны, где система пожизненного найма получила наибольшее распространение. В первые кризисные годы (1991–1993 гг.) объем промышленного производства снизился более чем на 10 %; в следующее десятилетие, при крайне неровной динамике, произошел некоторый его рост (на 9,9 % к 2004 г.), а в последующие годы, опять же при крайне неровной динамике, общим трендом стало сокращение его объемов (за 2004–2012 гг. – на 9 %) ⁸.

Наряду с этим к началу 1990-х годов в Японии завершился период «демографического бонуса», когда численность трудоспособного населения (от 15 до 64 лет) превышала численность зависимых лиц (до 15 и старше 65 лет), и начался процесс довольно быстрого старения населения. Система пожизненного найма, основанная на постоянном обновлении возрастного состава работников за счет молодой рабочей силы, столкнулась с заметным сокращением ее предложения. Так, число выпускников средних школ сократилось с почти 2 млн. в 1990 г. до 1 млн. 195 тыс. в 2012 г., а выпускников школ высшей ступени – соответственно с 1 млн. 770 тыс. до 1 млн. 50 тыс. И только число выпускников университетов, достигшее к 2000 г. 538 тыс., в последующие годы оставалось практически без изменений (540–560 тыс. человек) ⁹.

Естественным результатом демографических изменений стало старение рабочей силы страны: число работников в возрасте 40 лет и старше возросло за 1975–2009 гг. на 7,8 млн. человек, а число лиц моложе 40 лет – сократилось соответственно на 2,7 млн. человек, что привело к заметному «утяжелению» возрастной структуры работников японских компаний ¹⁰.

⁸ Тоё кэйдзай токэй гэппо. 1997, № 12 (Приложение); Нихон токэй нэнкан (Японский статистический ежегодник). 2013 (www.stat.go.jp/); Токэй дэ миру Нихон (Япония в статистических данных). Т., 2008. С. 151, 177.

⁹ Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology. Statistics (www.mext.go.jp).

¹⁰ Naohiro Yashiro. Myths about Japanese Employment Practices // Contemporary Japan Journal of the German Institute for Japanese Studies. 2011, vol.23, N2. P. 142.

Очевидно, что ухудшение экономической конъюнктуры и старение рабочей силы не могли не привести к росту издержек на труд. На макроэкономическом уровне это выразилось в повышении доли труда в национальном доходе: если в середине 1980-х годов она находилась в пределах 64 – 68 %, то в конце 90-х – начале 2000- годов поднялась до 72–74 %, а в последние годы (2009–2012 гг.) составляла в среднем порядка 70%¹¹.

Как же сложились судьбы пожизненного найма в новых условиях, и какова была реакция японских компаний на происходящие изменения?

Как ни странно, но данные многочисленных опросов показывают, что в целом система пожизненного найма устояла в непростых условиях 1990-х – 2000-х годов, и что большая часть японских компаний по-прежнему продолжает придерживаться принципов, лежащих в ее основе. Приведем лишь несколько примеров. Так, согласно обследованию, проведенному Министерством финансов в 2002 г., 54,3 % фирм сохраняли гарантии долговременного найма и оплату по старшинству, 29,8 % сочетали эти гарантии с несколько видоизмененной системой оплаты труда и лишь 15,9 % не применяли систему пожизненного найма. Эти данные практически полностью совпадают с данными обследования, проведенного в 2003 г. Министерством экономики, торговли и промышленности: 85 % компаний продолжали придерживаться принципов пожизненного найма (большинство – сочетая гарантии долговременной занятости с несколько измененными схемами оплаты труда), и лишь 15 % не применяли их. В опросе, проведенном в 2005 г. Японским институтом труда, ответы распределились следующим образом: 59,5 % компаний сохранили систему пожизненного найма, 27,4 % сохранили ее, но полагают, что она нуждается в частичных изменениях, и лишь 6,5 % считают, что необходима ее радикальная перестройка. Что же касается позиций самих работников, то согласно данным Японского института труда, в 2001 г. систему пожизненного найма поддерживали 76,1 % опрошенных, а в 2007 г. – 86,1 %¹².

Об удивительной жизнестойкости системы пожизненного найма пишет и американский экономист Дж. Абегглен, который первым познакомил западный мир с особенностями японской системы управления трудом и ввел в научный оборот сам термин «пожизненный наём» (в первоначальном варианте – *lifetime commitment* или пожизненный контракт). В одной из последних своих книг он отмечает: «... действительность показывает, что пожизненный контракт и сейчас пользуется таким же почетом и признанием, как и 50 лет назад, когда я впервые начал изучать японскую систему управления»¹³.

¹¹ Labor Economic Indicators (www.jil.go.jp/).

¹² Corporate Governance and Managerial Reform in Japan. P. 249.

¹³ James G. Abegglen. 21st Century Japanese Management. New System, Lasting Values. N.Y., 2006. P. 74–75.

Примечательно, что, несмотря на существенные изменения в других элементах японской системы организации и управления производством, такие, как ослабление особых отношений между компаниями и банками вследствие перехода от косвенного финансирования (банковских кредитов) к прямому (через рынок ценных бумаг), усиление внимания менеджмента к поддержанию курсов акций и повышению рыночной стоимости компании, снижение значения перекрестного акционерства и долговременных отношений с деловыми партнерами, возрастание роли акционеров в принятии решений и усиление внимания к обеспечению их интересов и т. д., отношения между работниками и фирмой, по сути, остались неизменными: рядовые работники компании по-прежнему занимают в ней особое положение и пользуются особым вниманием со стороны менеджмента. Так, согласно результатам опроса менеджеров, ответственных за планирование и управление трудовыми ресурсами, проведенного в 2003 г. Японским центром производительности, лишь 26 % опрошенных считали главным приоритетом при распределении прибыли интересы акционеров, а подавляющая часть полагала, что в равной мере должны учитываться и интересы работников. А опрос, проведенный этим центром в 2007 г., показал, что порядка 60 % менеджеров считают работников не только важной частью компании, но и частью более важной, чем ее индивидуальные и институциональные инвесторы¹⁴.

О том, что система пожизненного найма смогла устоять и выжить в сложных условиях 1990-х – 2000-х годов, наглядно свидетельствуют данные табл. 1, показывающие, насколько широко до сих пор распространена в Японии практика долговременных отношений между работниками и компанией.

Таблица 1
Доля работников в возрасте 50–59 лет с более чем 20-летним
стажем работы в одной и той же компании, 2009 г. (%)

Размеры компаний (число занятых)	Продолжительность работы			
	20–24 года	25–29 лет	более 30 лет	Всего
1000 чел. и более	4,0	5,1	66,3	75,4
100–999 чел.	6,0	6,9	40,0	52,9
10–99 чел.	8,9	7,9	21,0	37,8
5–9 чел.	10,3	9,8	22,9	43,0

Источник: Ministry of Health, Labour and Welfare. 2009. Приводится по: Naohiro Yashiro. Myths about Japanese Employment Practices// Contemporary Japan Journal of the German Institute for Japanese Studies. 2011, Vol. 23, N2. P. 136.

¹⁴ Corporate Governance and Managerial Reform in Japan. P. 247–248.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что, как и прежде, гарантии долговременной занятости предоставляются работникам не только крупнейших, крупных и средних компаний, но даже и мелких фирм, хотя, естественно, не в таких значительных масштабах.

Статистика также показывает, что за 1990-е – 2000-е годы не претерпела каких-либо существенных изменений и другая составляющая системы пожизненного найма – повозрастная оплата труда. Хотя в подходах японских компаний к этому вопросу произошли определенные изменения, на которых мы остановимся ниже, в целом шкала возрастания заработной платы сохранила прежние контуры. Так, масштабное обследование, проведенное в 2012 г. Министерством здравоохранения, труда и благосостояния, показало, что наиболее низкую заработную плату (в среднем по стране – 200,5 тыс. иен) работники получают в возрасте от 20 до 24 лет, затем она начинает возрастать, достигая максимума (в среднем – 423,7 тыс. иен) в возрастной группе 50–54 года; в следующей возрастной группе (55–59 лет) она начинает несколько снижаться (до 398,7 тыс. иен), а по достижении работниками предельного возраста пребывания в фирме резко падает (до 278,1 тыс. в возрастной группе 60–64 года и 260,7 тыс. иен в возрастной группе 65–69 лет), поскольку они увольняются и переводятся на годовичные контракты¹⁵.

Возникает естественный вопрос – каким же образом в условиях сложной экономической конъюнктуры и неблагоприятных сдвигах в возрастной структуре рабочей силы японским компаниям удалось сохранить систему пожизненного найма? Очевидно, что для этого им необходимо было, прежде всего, предпринять меры, которые позволили бы не допустить резкого роста издержек на рабочую силу. Будучи связаны моральными обязательствами перед работниками, нанятыми на условиях пожизненного найма (т. е. не имея возможности их уволить), для урегулирования проблемы издержек на труд японские компании предприняли следующие меры:

во-первых, ограничили прием на работу на условиях гарантированной занятости выпускников школ и университетов;

во-вторых, резко расширили использование различных форм непостоянной занятости;

в-третьих, усилили в системе оплаты труда акцент на элементах, которые позволили бы придать повозрастной заработной плате большую гибкость.

Что касается ограничения найма на постоянную работу выпускников школ и других учебных заведений, то эта мера использовалась и прежде, в периоды ухудшения конъюнктуры. Однако с начала 1990-х

¹⁵ Summary Report of Basic Survey on Wage Structure (Nationwide) 2012. P. 5 (www.mhlw.go.jp)

годов она приобрела устойчивый, целенаправленный характер. В 1990 г. число принятых на работу выпускников средних школ и школ высшей ступени составило 678 тыс. человек, а выпускников колледжей и университетов – порядка 530 тыс. человек. В 2012 г. на работу были приняты уже лишь 182 тыс. выпускников школ обеих ступеней и около 476 тыс. выпускников школ и университетов – соответственно на 496 тыс. и 54 тыс. человек меньше, чем в 1990 г.¹⁶

Параллельно с сокращением найма молодежи на постоянную работу происходило быстрое нарастание масштабов использования различных форм непостоянной занятости – частично занятых, работающих по контрактам, временных работников и т. д. Доля этой группы в общей численности лиц, работающих по найму, увеличилась с 20,2 % в 1990 г. до 38,2 % в 2012 г., т. е. почти в два раза. При этом произошел не просто количественный рост этой категории занятых (с 8 млн. 825 тыс. до 21 млн. 153 тыс. человек, или в 2,4 раза), но и качественное изменение ее состава, прежде всего, за счет притока молодежи. В целом среди молодежи в возрасте от 15 до 34 лет доля непостоянно занятых составила в 2012 г. 35,3 %, при этом в возрастных группах 15–19 лет и 20–24 года она была существенно выше – 73,7 % и 44,6 % соответственно¹⁷. Очевидно, что столь высокие показатели связаны с широко распространенной среди школьников и студентов практикой подработок в качестве *арубайто*. Но достаточно высока доля непостоянно занятых и среди молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет, которые уже закончили учебное заведение: в 2011 г. она составила 32,3 %¹⁸.

Следует отметить, что резкое расширение масштабов непостоянной занятости за последние два десятилетия было связано не только со стремлением японских компаний сдерживать рост издержек на труд (зарботная плата лиц этой категории в среднем в два раза ниже заработной платы постоянных работников). Этому способствовали, по меньшей мере, еще два обстоятельства. Во-первых, процесс сервисизации японской экономики, в том числе быстрое развитие рынка индивидуальных услуг, что создает объективные предпосылки для расширения использования различных гибких форм найма. Во-вторых, изменение самого характера труда в связи с переходом японской экономики на стадию постиндустриального развития. С одной стороны, продолжают существовать виды труда, требующие специальных профессиональных знаний и постоянного повышения квалификации, а с другой – появились виды работ, для выполнения которых достаточно следовать инст-

¹⁶ Labour Economic Indicators. www.stat.go.jp/

¹⁷ Токэй дэ миру Нихон (Япония сквозь призму статистики). Т. 2008. С. 179; www.mhlw.go.jp

¹⁸ White Paper on Children and Youth. 2012, June 12, Cabinet Office (www.cao.go.jp)

рукциям и повышения квалификации не требуется. Очевидно, что для выполнения первого вида работ компании нуждаются в постоянных работниках, а во втором случае вполне пригодными оказываются различные формы непостоянной занятости¹⁹.

Что касается третьей меры – усилий японских компаний по приданию системе оплаты труда большей гибкости – то хотя, как отмечалось выше, она и сейчас остается повозрастной, «крутизна» шкалы повышения заработной платы по мере увеличения стажа значительно уменьшилась по сравнению с 80-ми годами прошлого века, о чем свидетельствуют приводимые ниже данные. Так, по категории «постоянные работники с высшим образованием» заработная плата 50-летнего служащего превышала заработную плату 22-летнего новичка в 1980 г. в 5,68 раз, в 1990 г. – в 5,0 раз, в 2000 г. – в 4,05 раза, в 2006 г. – в 3,66 раза, в 2012 г. – в 2,46 раза. По категории «постоянные работники со средним образованием» разница в зарплате 50-летнего рабочего и 18-летнего новичка составила в 1980 г. – 5,04 раза, в 1990 г. – 4,91 раза, в 2000 г. – 3,94 раза, в 2006 г. – 3,62 раза, в 2012 г. – 3,47 раза²⁰.

Строго говоря, повозрастная система заработной платы ориентировалась преимущественно на возраст работника (а также образование и пол) лишь на начальном этапе своего формирования. Уже к концу 1960-х годов значение этих элементов снизилось, и основу заработной платы стала составлять плата за квалификацию (*сёкуно сикаку*), но поскольку в японских фирмах квалификация накапливалась и повышалась с годами, в процессе внутрифирменного обучения, то система заработной платы все равно оставалась повозрастной, т. е. ориентированной на оплату по старшинству.

В период 1960-х – 1980-х годов, когда технологические изменения носили постепенный характер, накопление квалификации работников шло в ногу с ними, и повозрастная оплата труда была экономически оправдана. Однако в 1990-е – 2000-е годы японские фирмы стали все чаще сталкиваться с тем, что из-за быстрых технологических изменений (особенно в сфере связи и информации) квалификация работников старших возрастов оказывалась морально устаревшей, т. е. переставала отвечать требованиям времени. И, наоборот, вновь принятая на работу молодежь оказывалась более пригодной для работы с новой техникой и технологиями.

С целью придания большей гибкости повозрастной оплате труда во многих компаниях был введен такой элемент, как оценка результатов

¹⁹ Ямада Масахиро. «Кибо какуса саякai» (Общество разделенных надежд). Т., 2004. С. 60–61.

²⁰ Токэй дэ миру Нихон. С.194–195; Summary Report of Basic Survey on Wage Structure (Nationwide) 2012. P. 7 (www.mhlw.go.jp/)

труда (*сэйсэкию*). При этом в расчет принимаются не только количественные показатели, но и сам процесс труда со всеми его составляющими (*нуросэсу дзюсигата сэйка*). В результате, сейчас в большинстве японских компаний базовая зарплата работника (на которую приходится около 70 % его месячного заработка) определяется с учетом трех элементов: занимаемой должности или квалификации (*сёкуноку*), возраста (*нэнрэйкю*) и результатов труда (*сэйсэкию*)²¹.

Хотя, как показывают многочисленные обследования, пока в большинстве японских компаний определяющую роль в системе заработной платы продолжает играть учет квалификации (и неразрывно связанного с ней возраста работника), постепенно система эволюционирует в сторону большего акцента на «полезную», т. е. необходимую для работы, квалификацию и уменьшения акцента на возраст работника. При этом наибольшим изменениям подверглась система оплаты менеджеров, в то время как рядовых работников нововведения затронули пока в меньшей степени. Так, во многих компаниях в отношении менеджеров система регулярного повышения заработной платы (связанного с возрастом) была отменена и заменена на компонент, учитывающий вид работы и положение в управленческой иерархии (*якуварию*). *Якуварию*, в свою очередь, состоит из фиксированной суммы и платы за результаты, поэтому менеджеры одного ранга стали получать не только разную, но и непостоянную заработную плату.

В то же время, если в системе определения месячной зарплаты для рядовых работников пока заметных изменений не произошло, то в практике выплаты бонусов они уже достаточно очевидны. Прежде бонусы рассчитывались как сумма кратная месячной базовой зарплате, без строгой привязки к индивидуальным результатам труда. Сейчас бонусы состоят из двух частей: одна часть по-прежнему является величиной кратной месячной базовой зарплате, а другая – зависит от результатов труда конкретного работника²².

Все эти меры позволили японским компаниям ослабить давление на издержки на труд такого фактора, как старение рабочей силы, и за счет придания большей гибкости системе заработной платы в целом сохранить ее ориентацию на принцип оплаты по старшинству.

Таким образом, благодаря изменениям в структуре занятости и нововведениям в системе заработной платы японским компаниям удалось сохранить пожизненный наём как основу всей системы организации и управления производством. Однако их «упорство» в сохранении гаран-

²¹ Harald Conrad. From Seniority to Performance Principle: The Evolution of Pay Practices in Japanese Firms since 1990-s// Social Science Japan Journal. 2010, vol. 13, N 1. P. 118–119.

²² Ibid. P. 120–125.

тий долговременной занятости, продвижения по службе и повышения заработной платы для постоянных работников создало и продолжает создавать довольно много проблем для тех слоев населения, которые оказались за пределами пожизненного найма. По мнению многих исследователей, в наиболее сложном положении оказалась японская молодежь.

Как отмечалось выше, трудоустройство на работу в качестве постоянного работника сразу после окончания учебного заведения долгое время было главной целью для большинства японской молодежи, поскольку такой старт гарантировал спокойную, стабильную и обеспеченную жизнь. Подобные представления весьма широко распространены и сейчас. Об этом свидетельствуют и данные опросов, и сохранение ожесточенной конкуренции в сфере образования – за поступление в лучшие школы, лучшие *дзюку*, наиболее престижные университеты. Весьма показателен и следующий факт: при всех изменениях, которые произошли на рынке труда Японии за последние два десятилетия, для государственных ведомств, ответственных за разработку и осуществление политики в области труда и трудовых отношений, «нормой» трудоустройства молодежи по-прежнему остается модель, характерная для системы пожизненного найма. Так, например, в одном из последних обследований Министерства здравоохранения, труда и благосостояния «стандартным работником» называется тот, кто «был нанят на предприятие сразу после окончания учебного заведения и будет работать на нем продолжительное время»²³.

Притом, что момент окончания учебного заведения и устройства на работу продолжает играть особую роль в Японии, в 1990-е – 2000-е годы возможности получения постоянной работы, как было показано выше, существенно сократились. Это относится даже к элите молодежи – выпускникам наиболее престижных университетов: если в начале 1990-х годов более половины из них могли получить постоянную работу в крупнейших корпорациях (с более 1 тыс. занятых), то в 2000-е годы – уже лишь 1/4²⁴. Особую остроту этой проблеме придает то обстоятельство, что в силу особенностей политики найма компаний (предпочтение «свежих» выпускников) вероятность получить в будущем постоянную работу для тех, кто не смог это сделать сразу по окончании учебного заведения, крайне низка.

Иными словами, одним из следствий приверженности японских компаний системе пожизненного найма стала определенная эрозия отлаженного за долгие годы механизма транзита «учебное заведение – компания» и подрыв доверия к системе образования как инструменту,

²³ Summary Report of Basic Survey on Wage Structure (Nationwide) 2012. P. 3 (www.mhlw.go.jp)

²⁴ David Chiavacci. P. 21.

поддерживающему социальную мобильность. Связь между успехами в учебе и успешной карьерой уже перестала быть столь очевидной, как прежде. Конечно, это не означает, что произошло снижение значения образования в системе ценностей японского общества: для большинства граждан оно по-прежнему остается одним из важнейших жизненных приоритетов. Но очевидно также, что эрозия механизма транзита «учебное заведение – компания» не могла не привести к снижению у части молодежи стимулов к учебе, к определенному обесценению огромных моральных и физических усилий (не говоря уже о финансовых затратах), которые прилагают и сами молодые люди, и их родители для получения доступа к хорошему образованию.

Еще одним следствием мер, предпринятых японскими компаниями для сохранения системы пожизненного найма, стала все большая поляризация японской молодежи, разделение ее на две части, резко различающиеся между собой по образу жизни, уровню доходов, социальному статусу, представлениям о будущем и т. д. С одной стороны, есть счастливчики, которые смогли устроиться на постоянную работу со всеми прилагаемыми к ней гарантиями и могут рассчитывать на такую же спокойную, размеренную, предсказуемую жизнь, которая была обеспечена их родителям (таких, по данным за 2012 г., насчитывалось порядка 10 млн. 600 тыс.). С другой стороны, из года в год растет армия тех, кто оказался за пределами системы пожизненного найма и вынужден довольствоваться различными формами непостоянной занятости (в 2012 г. их насчитывалось около 4 млн. 900 тыс.).²⁵

Эту группу молодежи в Японии называют *фритеры* (Freeters – комбинация английского Free и немецкого Arbeiter) и дают ей следующее определение: *фритеры* – это молодые люди обоих полов в возрасте от 15 до 34 лет, не являющиеся учащимися или студентами учебных заведений или домохозяйками (в случае замужних женщин) и работающие на непостоянной основе²⁶.

Состав *фритеров* чрезвычайно разнообразен, но в целом их можно разделить на три подгруппы:

– так называемые паразитирующие одиночки (parasite singles – термин, введенный в конце 1990-х годов известным японским социологом Ямада Масахиро), т. е. молодые люди, работающие лишь время от времени, проживающие совместно с родителями и зависящие от них в удовлетворении своих повседневных потребностей;

²⁵ White Paper on Children and Young People 2012, Figure 5; Basic Survey on Employment Structure, Figure 1–8.

²⁶ Emma E. Cook. Expectations of Failure: Maturity and Masculinity for Freeters in Contemporary Japan// Social Science Japan Journal. Vol. 16, N 1, 2013. P.29

– молодые люди (многие – с высшим образованием), которые не хотят опутывать свою жизнь ограничениями и обязательствами, налагаемыми работой на постоянной основе, и рассчитывают реализовать себя в таких сферах, как искусство, театр, мультипликация, компьютерные игры и т. д.;

– «*фритеры* поневоле», т. е. те, кто пытался найти постоянную работу сразу по окончании учебного заведения, но потерпел неудачу и вынужден довольствоваться работой на непостоянной основе²⁷.

В 1990-е – 2000-е годы появилась еще одна необычная для Японии группа молодежи – так называемые NEETs (not in Education, Employment or Training), т. е. молодые люди в возрасте от 15 до 34 лет, которые вообще ничем не заняты – ни учебой, ни работой, ни переподготовкой. В последние 10 лет численность этой группы колебалась в пределах 600–640 тыс., причем масштабы этого явления нарастают с повышением возраста. Так, по данным за 2011 г., из 600 тыс. NEETs 90 тыс. находились в возрасте от 15 до 19 лет, 150 тыс. – в возрасте от 20 до 24 лет и по 180 тыс. – в возрасте 25–29 лет и 30–34 года²⁸. Вместе с паразитирующими одиночками NEETs составляют основную часть потребителей продукции так называемой «индустрии грез» – анимэ, компьютерных игр и т. д., которая позволяет им в виртуальном мире воплотить свои мечты.

Конечно, было бы упрощением считать, что *фритеры* и NEETs появились в Японии лишь в результате изменений на рынке труда, связанных с усилиями японских компаний по сохранению системы пожизненного найма. Напрямую это можно отнести, пожалуй, лишь к «*фритерам* поневоле». Можно также предположить, что среди молодых людей, которые пытаются реализовать свои способности вне жестких рамок системы пожизненного найма, немало тех, кто выбрал этот путь после неудачи с устройством на постоянную работу. Их также можно считать «жертвами» изменений на рынке труда. Но что касается паразитирующих одиночек и особенно NEETs, то очевидно, что появление этих групп молодежи обусловлено целым комплексом причин – и ростом благосостояния японских семей, и все большей диверсификацией жизненных стилей населения, и усилением влияния западной культуры и западных ценностей на поведенческие установки молодежи и т. д., не говоря уже о том, что во многих случаях попадание того или другого молодого человека в эти нестандартные категории связано с особенностями его характера и психологического типа.

В целом же можно сказать, что рост числа молодых людей, оказавшихся за пределами постоянной занятости, при всех различиях в их

²⁷ James G. Abegglen. P. 84–85.

²⁸ White Paper on Children and Young People 2012, Figure 8. Примечательно, что Министерство здравоохранения, труда и благосостояния отнесло к группе NEETs и порядка 200 тыс. человек из возрастной когорты 35–39 лет.

мотивах, уровне образования, образе жизни, планах и устремлениях, является свидетельством нарастания противоречий между системой ценностей, которая сформировалась в японском обществе в послевоенный период под влиянием идеологии пожизненного найма, и интересами и потребностями современной японской молодежи.

Как отмечалось выше, в Японии постоянные работники получают примерно в два раза большую зарплату, чем работающие на условиях непостоянной занятости. Поэтому резкая поляризация по доходам в зависимости от характера занятости является одной из главных характеристик положения современной японской молодежи. Однако, еще более важное значение имеет поляризация по статусу. Это связано с тем, что до сих пор в Японии непостоянная занятость, особенно если речь идет о молодежи, воспринимается как некое отклонение от нормы, от общепринятого образа жизни. Характерно, что не только молодые люди, которые смогли устроиться на постоянную работу, но и сами *фритеры* оценивают свой статус как гораздо более низкий в социальной иерархии. Особенно остро это ощущают *фритеры*-мужчины.

Дело в том, что и сейчас в Японии символом мужественности и зрелости молодого человека остается *сарариман*. Его мужественность проявляется в том, что он преодолевает трудности, решителен и целеустремлен, обладает развитым чувством долга, а зрелость – в способности соответствовать ожиданиям общества и умении сочетать их со своими целями и желаниями²⁹. Очевидно, что *фритеры* – полная противоположность этим представлениям. Частая смена ими работы³⁰ (особенно под предлогом, что она не нравится), отсутствие четких жизненных целей воспринимаются как показатель слабого характера, незрелости, проявление эгоизма и безответственности (по отношению к семье и обществу).

Пока *фритеры*-мужчины молоды, им многое прощается (их часто называют «взрослые дети»), но чем старше они становятся, тем острее начинают ощущать несоответствие своего положения ожиданиям общества. Ближе к 30 годам многие из них пытаются изменить образ жизни и найти стабильную работу, но для большинства это оказывается невозможно. Так, по данным Министерства здравоохранения, труда и благосостояния (2011 г.), 40 % японских компаний относятся негативно к кандидатам с опытом *фритерства* и только 2 % готовы рассмотреть их заявки на трудоустройство непредвзято³¹.

²⁹ Emma E. Cook. P. 30–32.

³⁰ В Японии это явление называют *сити го сан* (фонетически совпадает с названием популярного детского праздника), имея в виду, что по статистике 70 % выпускников школ средней ступени, 50 % выпускников школ высшей ступени и 30 % выпускников университетов покидают место работы в течение первых трех лет. (The Sociology of Japanese Youth. P. 168.)

³¹ Emma E. Cook. P. 34–35.

Таким образом, в сегодняшней Японии за пределами спокойной, благополучной жизни оказывается весьма значительная часть молодежи. Если добавить к числу *фритеров* (4 млн. 900 тыс.) и NEETs (600 тыс.) численность безработных в возрасте от 15 до 34 лет (порядка 1 млн.)³², то окажется, что контингент неустroенных в той или иной степени молодых японцев составляет порядка 6 млн. 500 тыс. человек. Конечно, далеко не все они чувствуют себя неуютно. Паразитирующие одиночки и NEETs, опираясь на материальные возможности своих родителей, ведут довольно комфортно жизнь, погружаясь время от времени в виртуальный мир. Девушки-*фритеры* надеются, что смогут удачно выйти замуж, а молодые люди – что рано или поздно им удастся либо реализовать свои планы, либо найти постоянную работу. Проблема заключается в том, что далеко не всем это удастся, и по мере взросления они все острее начинают ощущать свое несоответствие принятым в обществе критериям и оценкам, сформировавшимся в период доминирования системы пожизненного найма.

Еще один важный аспект рассматриваемой проблемы – это влияние, которое система пожизненного найма и происходящие в ней изменения оказывают на положение японских женщин, включая вопросы семьи, брака и рождаемости.

Как отмечалось выше, в период 1960-х – 1980-х годов система пожизненного найма оказала значительное влияние на положение женщин на рынке труда и в обществе в целом, а также способствовала формированию определенной модели семьи, которая долгое время была доминирующей. Так, распространяя гарантии долговременной занятости только на работников-мужчин, она тем самым «выталкивала» женщин в сферу непостоянной занятости, т. е. априори ставила их в неравное положение с мужчинами с точки зрения статуса, уровня доходов и возможностей профессионального роста. Те немногие женщины, которым по окончании университета удавалось получить место постоянного работника, выполняли в основном обычную офисную работу (*иппансёку*), которая не предполагала повышения квалификации и профессионального роста, в то время как мужчинам поручалась так называемая общая работа (*согосёку*), которая, напротив, это предусматривала.

В то же время, как уже говорилось, система пожизненного найма способствовала закреплению главенствующего положения мужчины в семье и предопределяла четкое разделение ролей между супругами (муж на работе, жена дома). С одной стороны, доходы постоянных работников-

³² В данной статье проблема безработицы среди молодежи не рассматривается, поскольку, на наш взгляд, она является главным образом результатом общего состояния экономики, а не следствием изменений в практике найма японских компаний.

мужчин вполне позволяли им обеспечивать безбедное существование своих семей, а с другой – сами условия их труда (продолжительный рабочий день, большой объем сверхурочных работ, укороченный отпуск и т. д.) предполагали наличие в семье неработающей супруги.

Несмотря на значительные перемены, происшедшие в положении японских женщин за последние два десятилетия³³, система пожизненного найма продолжает оказывать влияние на самые разные стороны их жизни.

Прежде всего, следует отметить, что в целом участие женщин в экономической жизни общества постепенно возрастает. Так, если в 1992 г. доля женщин в общем числе занятых составляла 41 %, то в 2012 г. – 43 % (27 млн. 676 тыс.). При этом абсолютное большинство японских женщин (90,5 %) работают по найму.

Наиболее активны японки в возрасте от 20 до 60 лет – в этот период среди женщин работают примерно 65–75 % (среди мужчин – порядка 90 %). Однако если сравнить формы занятости женщин и мужчин, то сразу же можно обнаружить «след» пожизненного найма.

Таблица 2
Доля постоянных работников
в общем числе работающих по найму (2012 г., %)

Возрастные категории	15–19 лет	20–24 года	25–29 лет	30–34 года	35–39 лет	40–44 года	45–49 лет	50–54 года	55–59 лет	60–64 года
Мужчины	34,5	58,5	79,6	85,3	89,1	90,7	90,9	90,4	85,7	42,9
Женщины	18,8	52,3	60,7	52,4	46,2	41,4	39,6	39,7	37,1	23,5

Источник: Employment structure of the population of 15 years old and over and households, Figure 1–8 (www.stat.go.jp/)

Иными словами, несмотря на вступление в силу в 1985 г. Закона о равных правах женщин и мужчин при найме на работу, запретившего любую форму дискриминации в этой области по признаку пола, рынок труда в Японии по-прежнему имеет ярко выраженное гендерное измерение: во всех возрастных категориях доля мужчин, работающих на условиях постоянной занятости, существенно превышает соответствующий показатель для женщин.

Данные табл. 2 показывают также, что в то время как абсолютное большинство мужчин (85–90 %) вплоть до наступления предельного

³³ Подробно см.: С. Б. Маркарян. Японка в интерьере «мужского» общества // Портрет современного японского общества. М. «АИРО-XXI». 2006. С. 202–222.

возраста пребывания в фирме продолжают пользоваться привилегиями постоянной занятости, в отношении женщин складывается совершенно иная ситуация: после 30 лет доля постоянно занятых среди них начинает непрерывно снижаться, и к 60 годам уже менее 40% из них являются постоянными работниками.

При этом и положение женщин, нанятых на условиях постоянной занятости, заметно отличается от положения их коллег-мужчин. Это наглядно подтверждают различия в степени возрастания заработной платы.

Таблица 3
Разница между начальной и максимальной
заработной платой различных категорий постоянных работников
(заработная плата работников в возрасте 20–24 года =100)

Категории работников	С высшим образованием	Со средним специальным образованием	Со средним образованием
Мужчины	(50–54 года) 246	(55–59 лет) 212	(50–59 лет) 180
Женщины	(50–54 года) 190	(50–59 лет) 145	(45–49 лет) 124

Источник: Summary Report of Basic Survey on Wage Structure (Nationwide) 2012. P. 7. (www.mhlw.go.jp/)

Поскольку, как отмечалось выше, возрастание заработной платы в японских фирмах тесно увязано с повышением квалификации работника, более умеренный ее рост для женщин означает, что они в целом вынуждены довольствоваться более скромной, чем мужчины, профессиональной карьерой.

Та же картина характерна и для так называемых стандартных работников, т. е. работников, нанятых на условиях пожизненного найма сразу по окончании учебного заведения. Только в отношении женщин, имеющих высшее образование, положение дел можно назвать удовлетворительным: степень возрастания их заработной платы лишь незначительно уступает соответствующим показателям для мужчин. Тем не менее, даже в этой группе рассчитывать на равную с мужчинами профессиональную карьеру могут далеко не все. Так, например, доля женщин среди работников административно-управленческого аппарата частных компаний и служащих государственных учреждений составляет в Японии всего лишь 11 % (в США – 43 %, Франции – 38,7 %, Великобритании – 35,7 %, Норвегии – 34,4 % и т. д.)³⁴.

³⁴ Toward Active Participation of Women as the Core of Growth Strategy. Cabinet Office, Government of Japan. June 2013. P. 1. (www.cao.go.jp/).

Таблица 4
Разница между начальной и максимальной
заработной платой различных категорий стандартных работников
(заработная плата работников в возрасте 20–24 года =100)

Категории работников	С высшим образованием	Со средним специальным образованием	Со средним образованием
Мужчины	(50–54 года) 273	(55–59 лет) 258	(50–59 лет) 186
Женщины	(50–54 года) 203	(55–59 лет) 186	(50–59 лет) 227

Почему-то были изменены возрастные категории для женщин, а для мужчин – сам показатель.

Источник: Summary Report of Basic Survey on Wage Structure (Nationwide) 2012. P. 16. (www.mhlw.go.jp/)

Однако неравенство возможностей для профессионального роста – не главная проблема, с которой сталкиваются японские женщины, работающие на условиях постоянной занятости. Гораздо более серьезным вызовом для них является вопрос о замужестве и рождении ребенка. С одной стороны, нельзя не заметить позитивных изменений в этой области: так, практика увольнения женщин с работы сразу после замужества в основном осталась в прошлом, и все большее число женщин продолжают работать и после выхода замуж. Об этом, в частности, свидетельствует рост доли семей с двумя доходами – с 35 % в 1980 г. до 55 % в конце 2000-х годов³⁵. Но что касается рождения ребенка, то здесь изменений почти не наблюдается, что подтверждают и данные, приведенные в табл. 2: после 30 лет (сейчас – это возраст рождения первого ребенка) доля женщин, работающих на условиях постоянной занятости, начинает снижаться и больше уже не возвращается на прежний уровень. Это означает, что многие японки не только оставляют работу после рождения ребенка, но и не возвращаются на прежнее место, даже когда дети подрастают.

Нельзя сказать, что японское правительство бездействует. С начала 1990-х годов в Японии принимаются законы и предпринимаются разного рода меры, направленные на создание условий для совмещения женщинами домашних обязанностей и работы. Еще в 1991 г. был принят закон о предоставлении оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им 1 года (в размере 25 % от жалования). Затем этот закон неоднократно пересматривался, и в 2010 г. продолжитель-

³⁵ Naohiro Yashiro. Myths about Japanese Employment Practices. P. 143.

ность отпуска была доведена до 18 месяцев, а размеры выплат – до 50 % от уровня зарплаты. Кроме того, нормы закона были распространены на мелкие и средние предприятия, были введены ограничения на сверхурочные работы для лиц, имеющих детей, предпринимателям было предписано учитывать семейное положение работника при принятии решения о его переводе на новое место работы, а также была запрещена какая-либо дискриминация в отношении работников, решивших взять отпуск. Наконец, компаниям, в которых хотя бы один мужчина воспользуется отпуском по уходу за ребенком, были обещаны государственная поддержка и общественное признание³⁶.

Тем не менее, мало что меняется в этой области, и большинство женщин после рождения детей работают на условиях непостоянной занятости (см. табл. 2). Влияние системы пожизненного найма на консервацию этой ситуации, на наш взгляд, достаточно очевидно. Во-первых, изменения на рынке труда (резкое расширение найма на непостоянную работу и сужение границ постоянной занятости), а также разного рода реорганизации компаний, в первую очередь, затронули именно женщин. В частности, довольно широкое распространение приобрела практика замены постоянных работников временными в сфере *иппансёку* – традиционной вотчине женщин. Во-вторых, сохранение определяющей роли квалификации в системе оплаты труда постоянных работников удерживает женщин от возвращения на прежнее место работы, поскольку время отпуска по уходу за ребенком, отрывая их от системы повышения квалификации на основе внутрифирменного обучения, наносит серьезный ущерб их карьерному росту. Но самое главное – это сохранение у значительной части общества, в том числе и среди самих женщин, закрепленных пожизненным наймом представлений о характере разделения ролей в семье и предназначении женщины.

Конечно, отношение общества к этой проблеме постепенно меняется. Так, например, если в 1979 г. разделение семейных функций (мужчина работает, а женщина занимается домашним хозяйством и воспитанием детей) одобряли 31,8 % опрошенных японцев, «скорее одобряли» – 40,8 %, а не одобряли – 4,3 %, то тридцать лет спустя, в 2009 г., соответствующие показатели уже выглядели иначе: одобряли – 10,6 % респондентов, «скорее одобряли» – 34,0 %, не одобряли – 20, 7 %³⁷. Но при этом обращает на себя внимание то, насколько живучи прежние стереотипы в среде, казалось бы, наиболее эмансипированной части япон-

³⁶ Scott North. Work-Life in Japan: The Past is Prologue// Boston College Center for Work and Family. Executive Briefing Series. 2011. P. 5.

³⁷ М. Исии- Кунц, Нихон-ни окэру дандзё кёдо санкаку (Совместные планы мужчин и женщин в Японии// Лекция для стажеров Японского фонда в университете Отяномидзу 4 марта 2013 г. С.3.

ских женщин – студенток университетов. Так, согласно одному из проведенных профессором М. Ямада опросов, в последнее время примерно половина студенток университетов считают наиболее привлекательным для себя образ жизни домохозяйки, живущей за счет доходов мужа (десятилетием раньше таких было менее 40%). При этом, по мнению профессора, многие японки поступают в университеты не для того, чтобы получить образование и сделать карьеру, а чтобы иметь возможность по окончании учебы устроиться на работу в престижную компанию, где легче подыскать мужа с постоянной работой и хорошим заработком³⁸.

О том, что доход мужа играет очень важную роль при выборе женщинами жизненных приоритетов (семья или/и работа) свидетельствует заметное снижение доли работающих среди замужних женщин по мере повышения доходов их мужей. Так, по данным за 2012 г., в семьях, где уровень годового дохода мужчины составил от 1 до 2 млн. иен в год, работали 76,2 % женщин, а в семьях, где мужчина заработал за год от 7 до 10 млн. иен, – 59,1 %³⁹.

Итак, довольно большое число японских женщин добровольно или вынужденно выбирают образ жизни, который косвенно или прямо им навязывает система пожизненного найма, а именно работа на условиях непостоянной занятости, уход с работы после рождения ребенка, занятие домашним хозяйством и воспитанием детей, материальная зависимость от мужа. Но есть и другая категория женщин, которые пытаются приспособиться к жестким условиям окружающей среды, противостоять распространенным в обществе стереотипам и реализовать свои знания и способности. Их протест против общепринятых норм и стандартов принимает довольно своеобразные формы: отказ от замужества, перенос на более поздние сроки момента выхода замуж и соответственно – рождения первого ребенка, сокращение числа детей в семье.

Доля молодых женщин, не состоящих в браке, начала быстро возрастать в Японии с конца 1980-х годов. Если в 1980 г. в браке не состояли 24 % японок в возрасте 25–29 лет, 9,1 % – в возрасте 30–34 года и 5,5 % – в возрасте 35–39 лет, то к 2010 г. картина резко изменилась: в возрастной когорте 25–29 лет доля незамужних женщин достигла 60,3 %, в когорте 30–34 года – 34,5 %, а в когорте 35–39 лет – 23,1 %⁴⁰. За эти же годы произошло заметное повышение среднего возраста японок, впервые вступающих в брак – с 25,2 года в 1980 г. до 29 лет в 2011 г., а, следовательно – и возраста рождения ими первого ребенка: соответственно с 26,4 года до 30,1 года⁴¹. Наконец, в 1990-е – 2000-е годы про-

³⁸ Yamada Masahiro. Japan's Deepening Social Divides. P. 22. (www.nippon.com/en/in-depth/a01002)

³⁹ Toward Active Participation of Women as the Core of Growth Strategy. P. 7.

⁴⁰ Сёкока хакусё (Белая книга о снижении рождаемости). 2012. С.3.

⁴¹ Там же. С. 5.

должалось начавшееся еще раньше снижение показателя фертильности, и в 2011 г. он составил всего лишь 1,39, т. е. оказался самым низким в группе высокоразвитых стран⁴².

Характерно, что эти явления происходят на фоне в целом весьма положительного отношения молодых японок и японцев к институту брака, не говоря уже об известной всему миру любви японцев к детям. Так, в отличие от западных стран, где в результате усиливающейся диверсификации жизненных стилей и жизненных предпочтений как женщин, так и мужчин все большее распространение получают гражданские браки с частой сменой партнера, рождение детей вне брака, сознательный отказ от рождения детей супружескими парами и т. д., т. е. происходит определенная эрозия семейных ценностей и прежней модели семьи, в Японии общество остается весьма консервативным в этом отношении. Феминистские движения, сексуальная революция и диверсификация жизненных стилей, конечно же, распространились и на Японию, но их влияние здесь незначительно. Например, лишь 1% детей в Японии рождаются вне брака, а доля гражданских браков составляет всего лишь 2 % от общего числа семейных пар. При этом, по опросам, абсолютное большинство молодых японок и японцев (около 90 %) хотели бы выйти замуж или жениться⁴³.

Понятно, что такие явления, как резкий рост доли молодых незамужних женщин, откладывание на более поздние сроки замужества и рождения ребенка, снижение показателя фертильности, возникли под влиянием не только системы пожизненного найма, но и целого ряда других факторов (таких, как повышение уровня материальных и духовных запросов молодежи, возрастание доли молодых людей, обучающихся в университетах и аспирантуре, уменьшение численности населения и неблагоприятные изменения в его возрастной структуре и т. д.). Тем не менее, «вклад» пожизненного найма вполне очевиден. Так, например, наибольшая доля незамужних женщин отмечается среди обладательниц университетских дипломов, т. е. среди тех женщин, у которых больше шансов устроиться на постоянную работу и реализовать свои знания и способности⁴⁴. Далее, существуют резкие различия в показателях фертильности работающих и неработающих замужних женщин: если в первой группе он составляет всего лишь 0,6, то во вто-

⁴² Там же. С. 2.

⁴³ M. Yamada. Japan's Deepening Social Divides. P. 20.

⁴⁴ Toward Active Participation of Women as the Core of Growth Strategy. P. 6. В верности этого положения автор данной статьи могла убедиться на практике. Так, среди хорошо знакомых автору десяти бывших студенток университета Хосэй (одного из ведущих в Японии) к настоящему времени (т. е. к 30 годам) вышла замуж и родила ребенка лишь одна.

рой – 2,2 и практически не меняется на протяжении последних 30 лет⁴⁵. При этом очевидно, что принятие решения о рождении ребенка тем сложнее, чем выше заработная плата женщины и чем успешнее ее карьера. И, наконец, нельзя не отметить такой фактор, как снижение среди молодых японских мужчин доли тех, кого японские девушки считают достойными претендентами на роль мужа.

Выше уже говорилось, что одним из следствий изменений в системе пожизненного найма стал резкий рост доли молодых мужчин, не имеющих постоянной работы (*фритеров*). По мнению профессора М. Ямада, рост категории непостоянных работников среди молодых японцев является одним из главных факторов снижения числа заключаемых браков и падения рождаемости в стране, так как по своему статусу и материальному положению они не соответствуют ожиданиям японских девушек. Так, согласно данным одного из проведенных им опросов, около 70 % незамужних японок хотели бы иметь мужа с постоянной работой и доходом не менее 4 млн. иен в год, но, как отмечает профессор, сейчас среди неженатых японцев лишь каждый четвертый удовлетворяет этим критериям⁴⁶.

* * * * *

Таким образом, как было показано выше, прямо или косвенно система пожизненного найма продолжает оказывать влияние на самые разные стороны жизни японского общества и затрагивает интересы значительной части населения страны. Сложившиеся под влиянием этой системы нормы и представления (об идеальной карьере, о положении мужчин и женщин в обществе, о модели семьи и семейных отношениях и т. д.) до сих пор широко распространены в японском обществе. Между тем, изменения, происходящие в стране, в том числе и в результате тех действий, которые предприняли японские компании в последние два десятилетия для сохранения системы пожизненного найма, все чаще приходят в противоречие с этими устоявшимися нормами и представлениями.

Особенно остро это ощущает японская молодежь, которая оказалась разделена на две качественно различные категории – постоянных работников и тех, кто довольствуется работой на условиях непостоянной занятости. Во всех развитых странах вследствие значительного возрастания роли сферы услуг, развития информатизации, автоматизации производства и т. д. заметно возросла потребность в разного рода гибких формах занятости, и наоборот, сократилась потребность в постоянных работ-

⁴⁵ The Sociology of Japanese Youth. P. 162–163.

⁴⁶ M. Yamada. Japan's Deepening Social Divides. P. 22.

никах. Но ни в одной другой развитой стране нет такого глубокого водораздела между этими формами занятости, как в Японии – ни с точки зрения уровня оплаты труда, ни с точки зрения объема социальных гарантий, ни в плане возможностей карьерного роста и жизненных перспектив в целом. И это – результат влияния идеологии пожизненного найма.

Система пожизненного найма оказывается весьма «недружественной» и по отношению к японским женщинам. Как и в других развитых странах, в Японии все большее число женщин включаются в экономическую деятельность, но рынок труда остается по-прежнему более благоприятным к мужчинам, чем к женщинам, предоставляя последним гораздо меньше шансов на трудоустройство на условиях постоянной занятости. Далее, под влиянием системы пожизненного найма и порожденных ею стереотипов контуры диаграммы, отражающей степень участия в трудовой деятельности женщин разных возрастных групп, отличаются здесь весьма необычными очертаниями. В Японии эти контуры напоминают букву М с провалом, приходящимся на возрастную группу 25–39 лет (с долей работающих женщин немногим более половины), в то время как в других развитых странах – спину лошади (с долей работающих женщин в той же возрастной группе – 75–90 %) ⁴⁷. Более того, как было показано в работе, лишь незначительная часть японок возвращается впоследствии к работе на условиях постоянной занятости, а большинство пополняют ряды нерегулярно занятых. Что же касается тех женщин, которые решают делать карьеру, то жесткие условия пожизненного найма вынуждают их либо вообще отказываться от замужества, либо откладывать замужество и рождение ребенка на будущее, либо ограничивать число детей.

Но дело, конечно же, не в том, что на фоне других стран ситуация в Японии с точки зрения модели занятости молодежи и положения женщин выглядит довольно странно, а в том, что она имеет своим следствием целый ряд болезненных социальных явлений (таких, как появление многочисленных групп «нестандартной» молодежи, снижение числа браков в стране, резкий рост доли не состоящих в браке молодых японок и японцев, падение рождаемости и т. д.). Кроме того, у этой проблемы есть и экономический аспект: ведь создание условий, благоприятных для трудоустройства молодежи и повышения степени полноценного участия женщин в трудовой деятельности, является для страны едва ли не единственным средством решения проблемы нехватки рабочей силы, обостряющейся вследствие быстрого старения населения.

⁴⁷ М. Исии – Кунц, С. 3.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ЯПОНИИ: ОТ «КОЛОНИЗАЦИИ» ХОККАЙДО ДО «ЯПОНИИ РЕГИОНОВ»

Долгое время Японию воспринимали в мире, прежде всего, как страну, трепетно сохраняющую свои традиции и даже несколько архаичную. Японское «экономическое чудо» (вторая половина 1950-х – начало 1970-х гг.), внешне благополучные и даже «богатые» 1980-е годы изменили имидж Японии, и она стала позиционироваться как страна с традициями, но идущая в ногу со временем и достаточно успешно адаптирующая к новым реалиям. И, как ни странно, подобное восприятие, хотя и достаточно стереотипное, имеет под собой реальную основу.

В данной статье мы хотим показать, как традиции и новации переплетаются между собой, более того, поддерживают друг друга в такой достаточно специфической сфере национальной политики, как региональная экономическая политика¹. Около 15 лет назад автор уже обращался к подобной теме², и сейчас интересно проследить, что же изменилось

¹ В данной статье речь пойдет преимущественно о региональной экономической политике, которая в самом общем виде представляет собой сферу деятельности государства по управлению социально-экономическим развитием страны в пространственном аспекте и является неотъемлемой частью системы государственного экономического регулирования. В принципиальном плане региональная экономическая политика в Японии исходит из ограниченности территории и природных ресурсов, необходимости гармонизации природы и деятельности людей, требования создания адекватных условий для существования и деятельности людей в различных частях страны и комплексного использования национальной территории. Основными направлениями региональной экономической политики в послевоенный период были регулирование размещения производства, населения, всех экономических ресурсов по территории страны и создание условий для полноценного и сбалансированного развития всех регионов страны. – Комплексный анализ региональной экономической политики Японии – см. *Тимонина И. Л.* Япония: региональная экономика и политика, М., Институт востоковедения РАН, 2002.

² *Тимонина И. Л.* Традиционные основы региональной политики японского государства// Япония 2000: консерватизм и традиционализм. М., 2000, С. 172–192).

за эти полтора десятка лет, которые ознаменовались не просто радикальными, а поистине тектоническими сдвигами и в мировой экономике и политике, и в японском обществе. Напомним основные выводы, к которым пришел автор по результатам исследования, проведенного на рубеже 1990–2000-х гг.

Традиционное и современное в региональной политике: рубеж веков³

Традиционные элементы в региональной политике и системе отношений «центр – регионы» присутствовали и сохранялись в виде отдельных принципов и компонентов, пришедших из исторически более ранних периодов.

Региональная политика в Японии имеет глубокие исторические корни. Примеры вмешательства властей в формирование территориальной структуры страны можно обнаружить еще в далеком прошлом. Так, губернаторы периода Камакура (1192–1333) строили императорские деревни и прокладывали дороги. В XV–XVI вв. *сэнгоку даймё* уделяли много внимания экономическому развитию своих владений, особенно сельскому хозяйству и строительству⁴. Во времена правления Хидэёси Тоётоми (1536–1598) и Токугава Иэясу (1542–1616) местные феодалы возвели более 30 городов-замков, на месте которых возникли впоследствии крупнейшие современные города. В эпоху Мэйдзи (1867–1912) начала формироваться система постоянной государственной поддержки отдаленных относительно менее развитых районов, в первую очередь о-ва Хоккайдо и района Тохоку. В 1871 г. был принят первый десятилетний план колонизации Хоккайдо, в результате реализации которого население острова увеличилось с 60 до 240 тыс. человек, и было освоено около 17 тыс. га земель. Впоследствии такие планы, которые финансировались государством, стали приниматься на регулярной основе – всего до Второй мировой войны их было шесть. В 1882 г. был учрежден и специальный государственный орган – управление развития Хоккайдо.

Важнейшим направлением региональной политики, которое начало складываться еще в эпоху Мэйдзи, стало планирование городов. В 1888 г. был разработан проект перепланировки некоторых районов Токио, а в 1919 г. приняты законы о планировании городов и строительстве в районах сложившейся городской застройки, что положило начало юридическому, техническому, организационному оформлению системы городского планирования.

³ Излагается по: Тимонина И. Л. Традиционные основы региональной политики японского государства // Япония 2000: консерватизм и традиционализм. М., 2000. С. 177–184.

⁴ Лещенко Н. Ф. Япония в эпоху Токугава. М., 1999. С. 15, 16.

Таким образом, уже до Второй мировой войны сформировались принципы и определились некоторые направления региональной экономической политики японского правительства, которые были естественно восприняты в процессе становления региональной политики как самостоятельного блока государственного экономического регулирования. И, прежде всего, это плановый подход к решению региональных проблем. При этом если сначала планы составлялись для отстающих регионов, то впоследствии планированием была охвачена вся территория страны⁵.

Среди довоенных механизмов реализации региональной политики принципиальное значение имели система централизованного финансирования развития регионов, которая впоследствии была дополнена и другими финансовыми механизмами, и использование различных форм общественного предпринимательства для организации конкретных работ, связанных с развитием регионов.

Одним из основополагающих принципов региональной экономической политики, питаемых традицией, стала патерналистская модель взаимоотношений субъектов этой политики (правительственных органов, местных властей, компаний), предполагающая достаточно жесткую регламентацию со стороны государства и высокую степень централизации в принятии решений.

Устойчивость подобной модели управления в сфере региональной политики была во многом обусловлена особенностями формирования системы местного самоуправления в условиях послевоенного реформирования и демократизации экономики и общественного устройства под руководством оккупационных властей⁶. В условиях быстрого перехода от тоталитарной политической системы к демократической местное самоуправление создавалось государственными органами по единому «спущенному сверху» рецепту. При этом государство сохранило за собой многие рычаги воздействия на местную власть, что давало ему возможность контролировать, а зачастую и прямо вмешиваться в дела местного значения⁷. Все это и создало политико-правовые предпосылки

⁵ Подробнее о региональном планировании см.: *Тимонина И. Л.* Региональное планирование в Японии // *Ежегодник Японии*. 1994/95 М., 1995.

⁶ Конституция страны 1947 г. провозгласила «принцип местной автономии» (ст. 92). В экономической сфере предусматривалось право местных органов власти «распоряжаться собственностью, вести дела, осуществлять административное управление и издавать собственные постановления в пределах, установленных законом» (ст. 94). Подробнее о формировании системы местного самоуправления см., например, серию статей А. И. Сенаторова *Японская модель самоуправления* // *Знакомьтесь – Япония*, 1996, № 11–13. Текст конституции цит. по: *Japan Almanac*. 1998. P. 300–301.

⁷ *Знакомьтесь – Япония*. 1996, № 11. С. 29.

для формирования «высокоцентрализованной» модели экономических отношений между центром и периферией. Демократическая по букве закона послевоенная система несла в себе многие черты высокоцентрализованной и патерналистской системы отношений центральной власти и местного самоуправления, действовавшей в постемэйдзийский период. На местный уровень власти был делегирован обширный круг экономических функций и прав, что само по себе означало повышение степени самостоятельности местных властей. Однако, многие из этих функций (например, образование, обеспечение общественной безопасности) выполняются по поручению центрального правительства⁸. По многим вопросам министерства обладали правом административного руководства и направляли местным властям приказы, нотификации и распоряжения. Важно отметить и то обстоятельство, что органы местного самоуправления (ОМС) не обладали правом окончательного принятия решений по многим вопросам, им требовалось «утверждение» или «одобрение» сверху⁹.

По содержанию весьма существенную часть региональной экономической политики составляли программы помощи менее развитым, периферийным районам (Хоккайдо, Тохоку и другим). Так, в первые послевоенные годы регионам оказывалась финансовая помощь для восстановления жилого фонда, коммуникаций, сельскохозяйственного производства¹⁰. И центр в данном случае выступал в роли своего рода «благодетеля», поскольку выполнял функции перераспределения финансовых потоков, выбирал места для строительства тех или иных экономических объектов. В ходе промышленного освоения новых районов и строительства новых промышленных центров (например, программы так называемых «новых промышленных городов», «специальных промышленных зон» и др.) в 1960–1970-е годы разрабатывалось что-то вроде типового проекта промышленного центра, в котором довольно слабо учитывались особенности и своеобразие отдельных регионов, интересы местных сообществ и жителей, им фактически отводилась роль объекта политики центрального правительства по отношению к регионам.

В последующие десятилетия мы наблюдаем постепенную трансформацию принципов централизации и патернализма в региональной

⁸ На то обстоятельство, что до принятия поправок к Закону о местном самоуправлении в 2000 г. многие функции именно делегировались, а не законодательно закреплялись за ОМС обращает внимание российский исследователь Д. А. Сапрыкин (*Сапрыкин Д. А. Децентрализация – составная часть «Абэномики» // Япония 2013. Ежегодник, М., 2013. С. 44–45*)

⁹ О современной системе самоуправления и политике децентрализации см. *Сапрыкин Д. А. Децентрализация – составная часть «Абэномики» // Япония 2013. Ежегодник, М., 2013.*

¹⁰ *Нисияма Х. Кэйдзай тири гаку (Экономическая география). Токио, 1976. С.393.*

политике. Это выразилось, в частности, в использовании концепции так называемых местных сообществ (*тиики сьякай*), получившей распространение среди японских социологов и экономистов на рубеже 1960–1970-х годов XX в.¹¹, а также концепции «Технополис»¹², разработанной в 1980-е годы и соединившей в себе два теоретических начала: «поляризованное развитие» (т. е. развитие на основе центров роста) и «местные сообщества».

Постепенному размыванию традиционной централизованной и вертикальной модели взаимоотношений «центр – периферия» содействовало проведение в 1980-е гг. «местной административной реформы». 1990-е годы ознаменовались активизацией процессов децентрализации, под которой, по определению Министерства по делам местного самоуправления, подразумевался переход от «унифицированной и централизованной» системы к «диверсифицированной и децентрализованной», в большей степени отвечающей интересам местных жителей и регионов¹³.

Итак, мы можем констатировать, что на рубеже 1990–2000 гг. региональная политика в Японии и взаимоотношения центра и регионов несли в себе многие традиционные элементы системы управления экономикой и государственной организации (высокий уровень централизации, патернализм, планирование «сверху вниз», централизованное финансирование) и вместе с тем в этой сфере уже наметился некий инновационный тренд в сторону изменения баланса в пользу местного самоуправления и местных интересов. Рассмотрим теперь, изменилась ли ситуация в наши дни и какие факторы повлияли на развития данной сферы экономической политики и социально-экономической жизни Японии.

Новые факторы регионального развития.

Последняя четверть века (1990-е годы, «нулевые» и начало 2010-х гг.) стали для японской экономики и общества временем глубоких качественных перемен не только в экономике, но и социально-политической

¹¹ Подробнее на данной концепции мы остановимся ниже.

¹² Концепция технополисов, предполагающая стимулирование регионального развития и формирование рациональной с точки зрения эффективности общественного производства и качества жизни людей территориально-производственной структуры, благодаря созданию в различных районах страны за пределами крупнейших городских агломераций научно-производственных городков – технополисов, стала современным вариантом «полюсов роста». Подробнее см.: Тимонина И. Л. Япония: опыт регионального развития. М., 1992.

¹³ В 1994 г. были внесены изменения в закон «О местной автономии», в 1995 г. принят закон «О децентрализации», в котором было юридически закреплено требование модернизации всей системы местного самоуправления. В 2000 г. органам местного самоуправления было разрешено вводить новые налоги и изменять налоговые ставки без одобрения Министерства по делам местного самоуправления, которое было необходимо раньше.

жизни. Поэтому неудивительно, что концепция регионального развития в ее широком понимании, включая развитие регионов, взаимоотношения центральной власти и регионов, формирование облика национальной территории и планирование жилой среды, довольно существенно поменялись.

О радикальности произошедших перемен свидетельствуют, в частности, факты принятия нового основного закона о региональном развитии и совершенно новой стратегии национальной территории.

В 2005 г. был принят Закон о национальном пространственном планировании (National Spatial Planning Act)¹⁴, фактически заменивший Закон о комплексном развитии национальной территории (Comprehensive National Land Development Act, No.205, 1950), имевший статус базового в сфере регионального развития¹⁵. В новом законе была предусмотрена разработка новой Национальной пространственной стратегии (National Spatial Strategy) в качестве национального плана и зафиксирована новая система территориально-экономического деления. Было введено понятие «районы регионального планирования» в составе двух или более префектур, между которыми существуют экономические, культурные и иные связи и которые будут выделены приказом кабинета министров как регионы, нуждающиеся в комплексном пространственном развитии¹⁶.

Важно отметить, что в законе и в Стратегии в качестве основополагающего используется понятие «национальные пространственные стратегии» как комплекс планов, нацеленных на использование, улучшение и сохранение национальной территории, а также рациональное размещение производства, которое фактически заменяет понятие «развитие национальной территории», применявшийся ранее. Думается, что такое терминологическое обновление не случайно. Пространственное планирование и пространственные стратегии соединяют в себе региональное развитие и развитие территории как географического пространства, и это единение, по нашему мнению, знаменует новый этап развития стратегии решения региональных проблем не только в Японии, но и других странах, которые проводят систематическую региональную политику¹⁷.

¹⁴ cas.go.jp/seisaku/hourei/data/Plan.pdf

¹⁵ Напомним, что закон 1950 г. относится к разряду так называемых «основных», они действуют долгое время и хотя в него не раз вносились изменения, но название закона изменилось впервые.

¹⁶ В Национальной пространственной стратегии таких региональных планов блоков 8: Тохоку, столичный регион, Кинки, Хокурику, Тюбу, Тюгоку, Сикоку, Кюсю// National Spatial Strategy. Р. 126 – 127

¹⁷ Использование понятия «пространство» («spatial») в региональных планах, стратегиях, концепциях стало популярным во многих странах, в том числе европейских, например, в Ирландии. (<http://www.irishspatialstrategy.ie>), Нидерландах (Summary National Policy Strategy for Infrastructure and Spatial Planning) – [government.nl...national...strategy...spatial...national...](http://government.nl/national_strategy_spatial_national)

В Национальной пространственной стратегии (2008), которая фактически стала шестым комплексным планом развития национальной территории¹⁸, отражено современное понимание целей и принципов регионального планирования и региональной политики в целом. Среди главных факторов, вызвавших необходимость определенной корректировки подходов к региональному планированию, авторы стратегии называют стремительный рост экономик Восточной Азии, сокращение населения Японии темпами выше ожидавшихся ранее и изменение образа жизни граждан, прежде всего в связи с распространением Интернета и мобильных телефонов, а также изменения национальной системы ценностей (возрастание значимости таких ее составляющих как стабильность, безопасность, благоприятные экологические условия, привлекательные ландшафты), диверсификация стилей жизни¹⁹.

Исходя из этого вполне закономерным представляется тот факт, что среди основных принципов, которые в соответствии с Законом о национальном пространственном планировании должны быть положены в основу и общенациональной, и региональных пространственных стратегий, – координация внутренних и внешних факторов развития пространства, иными словами внутренняя региональная политика должна учитывать глобальные изменения. Кроме того, неоднократно специально подчеркивается самостоятельная роль местных властей в деле регионального планирования и в общем плане определения путей развития своего региона. Например, предусматривается, что префектуры и муниципалитеты индивидуально или совместно могут вносить предложения по разработке плана или его изменениям, направляя их в Министерство земель, инфраструктуры, транспорта и туризма. При этом будущий облик каждого из регионов видится авторам стратегии как стабильное общество с развитой инфраструктурой, решенными экологическими проблемами и сложными отраслями.

Интернационализация региональной политики

Глобализация в широком смысле этого понятия, безусловно, является важнейшим фактором перемен, происходящих во всех сферах жизни в Японии. Экономика, бизнес и общество в целом не могут существовать иначе как в едином мировом экономическом и политическом простран-

По данному вопросу см., например, статью *Е. Ю. Колбовского*. Стратегическое пространственное планирование как инструмент регионального развития // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 3. Том III (Естественные науки) – vestnik.yspu.org/releases/2011_3e/23.pdf

¹⁸ Напомним, что на основании Закона 1950 г. в Японии последовательно были разработаны 4 плана комплексного развития национальной территории, пятый план назывался *Grand Design for the 21st Century* (1998).

¹⁹ National Spatial Strategy. P. 1, 3, 4.

стве с его высокой турбулентностью и динамизмом. Относительная закрытость Японии, которая во многом и позволяла сохранять традиции, так или иначе становится архаизмом.

В сфере регионального развития и региональной политики влияние данного фактора многомерно. Прежде всего, обратим внимание на то, что японские регионы (имея в виду районы за пределами Тихоокеанского промышленного пояса) не выдерживают конкуренции за японские капиталы с зарубежной «периферией», поскольку японские корпорации, сообразуясь со своими бизнес-стратегиями, размещают производства в странах с низкими издержками и/или целевыми рынками²⁰, и государственные меры стимулирования инвестиций в регионы, не могут изменить этого обстоятельства.

Справедливости ради следует заметить, что региональные программы 1960–1970-х годов, нацеленные на развитие промышленности на периферии, были достаточно эффективны, и их результатом стало возникновение новых промышленных центров за пределами Тихоокеанского промышленного пояса. Однако эти механизмы действовали в тот период, когда новое производство размещалось преимущественно в рамках национальных границ, а привлечение иностранного капитала в регионы в качестве самостоятельного направления региональной политики вообще не предусматривалось (что соответствовало общей политике в отношении прямых иностранных инвестиций). Кстати, и сами регионы не рассматривались как активные субъекты международного сотрудничества, которые могли бы выстраивать самостоятельные стратегии взаимоотношений с внешним миром (за исключением приграничных контактов, культурных связей и движения городов-побратимов).

Сейчас ситуация принципиально иная: производственная база стала международной, и развитие регионов, как и региональная политика в целом рассматривается в Японии в контексте интернационализации ее экономики и бизнеса, политики открытости общества. В Национальной пространственной стратегии 2008 г. прямо указывается на то, что японские регионы должны строить свои собственные стратегии с учетом обмена и сотрудничества со странами Восточной Азии в целях формирования «национальной территории, открытой Азии»²¹. «Налаживание обмена и связей с Восточной Азией» названо в качестве первой из пяти основополагающих задач Стратегии и предполагает динамичную и одновременно мягкую интеграцию логистической и производственной деятельности, информационные и культурные обмены²².

²⁰ На это обстоятельство указывается, в частности, в Национальной пространственной стратегии // National Spatial Strategy. P.12.

²¹ National Spatial Strategy. P.7.

²² National Spatial Strategy. P.10.

В практическом плане предлагается развивать транспортную инфраструктуру в различных регионах страны с тем, чтобы японские порты и аэропорты могли стать частью логистических сетей Восточной Азии и АТР. Кроме того, авторы Стратегии призывают регионы самостоятельно развивать производственные связи со странами и регионами Восточной Азии, встраиваясь в цепочки поставок промежуточной продукции и выходя на их рынки со своей местной продукцией. В этом регионам может помочь, как считает правительство Японии, создание высокотехнологичных кластеров (о них мы поговорим ниже – *И. Т.*). Кроме этого, в качестве перспективных направлений партнерства японских регионов и стран и регионов Восточной Азии правительство видит совместные усилия в решении энергетических и экологических проблем, а также сотрудничество в сфере культуры и образования, учитывая, что развитие человеческого потенциала сейчас становится одним из важнейших резервов повышения национальной конкурентоспособности как в Японии, так и в других азиатских странах²³.

В планах привлечения в Японию прямых иностранных инвестиций (широкомасштабная программа Invest Japan)²⁴ регионам отводится едва ли не ведущая роль. География специальных зон (National Strategic Special Zones) для размещения бизнес-единиц иностранных корпораций, в том числе их азиатских штаб-квартир и исследовательских подразделений, подтверждает это: создание таких зон предусматривается не только в «центральных» районах страны – Токио и регионе Кансай, но и в городах Ниигата, Ябу, Фукуока и преф. Окинава²⁵.

За счет привлечения иностранного капитала правительство рассчитывает оживить региональную экономику. Так, в Программе субсидирования иностранных компаний, инвестирующих в Японию, прямо указывается на то, что правительство рассчитывает, что иностранные инвестиции окажут положительное влияние на ее экономику благодаря сотрудничеству иностранных компаний с местным бизнесом, университетами, государственными исследовательскими организациями и обеспечат значительное кумулятивное воздействие на развитие тех регионов, где они располагаются²⁶.

Местные власти, по замыслу правительства, должны проявлять собственную инициативу в деле привлечения иностранного бизнеса, что уже и происходит. На сайте Японской организации содействия внеш-

²³ National Spatial Strategy.P.13.

²⁴ <http://www.jetro.go.jp/en/invest>

²⁵ Towards Creating The World's Most Business-Friendly Environment http://www.meti.go.jp/english/policy/external_economy/investment/index.html

²⁶ Overview of FY 2014 Subsidy Program for Projects Promoting Foreign Direct Investment, Site Location and Regional Development in Japan (Project of site location for global companies) // http://www.meti.go.jp/english/policy/external_economy/investment/index_FDI_into_Japan.html#Overview

ней торговле (ДЖЕТРО) размещается информация об условиях инвестирования в каждой из префектур Японии²⁷. Префектуры, а также многие города в дополнение к государственному мерам стимулирования иностранных инвесторов предлагают свои собственные льготы и специальные условия, предоставляют подробную информацию о порядке оформления предприятия или офиса, о наличии производственной и социальной инфраструктуры в регионе, об иностранных предприятиях, уже работающих в той или иной местности. Иными словами, в настоящее время регионы Японии проводят достаточно самостоятельную политику улучшения своего инвестиционного климата в целях привлечения иностранного капитала.

Все это свидетельствует о том, что местные власти в Японии действительно всерьез занялись рекламой и международным продвижением своих регионов. При этом важная роль отводится такому понятию как региональный бренд. Вообще стратегия укрепления и продвижения бренда «Япония» в настоящее время занимает довольно заметное место в общеэкономической политике страны. И в новой Национальной пространственной стратегии вводится понятие «Японского бренда национальной территории» (Japanese brand of national land), который включает привлекательную и экологически безопасную природную среду с красивыми ландшафтами, безопасную, комфортабельную и «расслабляющую» жизненную среду²⁸. Для формирования такого бренда правительство призывает регионы как можно более полно использовать свои специфические особенности и преимущества – экономические, культурные, исторические – с тем, чтобы формировать свой региональный бренд и делать свой регион привлекательным для туристов – и японских, и иностранных, бизнеса, и вообще для жизни людей. Создание региональных брендов, по замыслу правительства, должно опираться и на развитие и продвижение продукции отраслей местной промышленности, в том числе традиционных и так называемых «креативных», что предусмотрено в общенациональной программе Cool Japan, где специально упоминаются местные промыслы²⁹.

Не забывая, однако, о теме данной статьи, заметим, что эта идея, в общем-то, не нова: она явно перекликается с программой «Одна деревня – один продукт», которая была начата еще в 1979 г. как инициатива губернатора преф. Оита М. Хирамацу³⁰, а затем стала общенациональным

²⁷ <http://www.jetro.go.jp/en/invest/region/basic>

²⁸ National Spatial Strategy. P. 7.

²⁹ Cool Japan Initiative

Industry http://www.meti.go.jp/english/policy/mono_info_service/creative_industries/creative_industries.html

³⁰ Подробнее о данной инициативе и М. Хирамацу см. *Тимошина И. Л.* Региональный лидер национального масштаба – губернатор Хирамацу Морихико // Япония второй половины XX века: проблемы и судьбы – М., 2003.

движением и частью программ экономической помощи Японии развивающимся странам³¹, т. е. в определенном смысле здесь можно говорить о традиционности и преемственности.

Инновационное развитие и региональная политика.

Прогресс технологий, безусловно, оказывает многообразное влияние на региональное развитие и региональную политику Японии. Как ни парадоксально это покажется на первый взгляд, но такой, казалось бы, сугубо современный фактор как НТП имеет и некий традиционный аспект применительно к сфере региональной политики. Известно, что ступив на путь модернизации после Реставрации Мэйдзи, Япония открылась и нововведениям в самых разных областях жизни. Не стала исключением и сфера регионального развития.

Если обратиться к более близкому нам периоду второй половины уже XX в. то можно заметить, что послевоенная региональная политика строилась на основе передовой для того времени концепции «поляризованного» развития. При этом напомним, что после программ регионального развития 1960–1970-х гг., которые были нацелены на развитие на периферии ресурсоемких центров тяжелой промышленности, в 1980-е годы Япония решительно перешла к стратегии продвижения в регионы наукоемких отраслей. Тогда была принята программа «Технополис», ориентированная в том числе и в первую очередь на стимулирование развития научного и образовательного потенциала регионов³².

В XXI в. на новом витке НТП и экономического развития страны на смену технополисам приходят *научно-производственные кластеры*, как современный вариант территориально-производственных образований, в рамках которых задачи регионального и научно-технологического развития не просто тесно взаимосвязаны, а неразделимы. При этом если технополисы создавались в относительно менее развитых районах страны, то кластеры, в соответствии с государственной стратегией могут образовываться повсеместно, что отвечает концепции комплексного пространственного развития в ее современном виде, поскольку упор сейчас делается не только и не столько на стимулировании отстающих регионов, сколько на создании условий для развития каждого региона страны³³. И важнейшей целью кластерной стратегии является создание инновационной среды и достижение синергетичес-

³¹ http://www.meti.go.jp/english/policy/external_economy/trade/OVOP/index1.html

³² О программе «Технополис» см. подробнее: *Тимонина И. Л.* Япония: опыт регионального развития. М., 1992.

³³ http://www.meti.go.jp/policy/local_economy/tiikiinnovation/industrial_cluster_en.html

кого эффекта в результате взаимодействия сетей кластеров, местных властей и частных организаций³⁴.

Сама идея родственна концепции технополисов, однако в кластерной стратегии гораздо отчетливее нацеленность именно на инновационное развитие и повышение конкурентоспособности как на региональном, так и на общенациональном уровне. Отметим, что и в мировой практике кластеры рассматриваются в первую очередь как инструмент повышения конкурентоспособности национальной экономики и ее отдельных отраслей, и в Японии она позиционируется сходным образом. Однако показательно то, что соответствующая программа МЭТП помещена в контексте «политики в отношении регионов и малого и среднего бизнеса»³⁵.

Программа развития кластеров была объявлена министерством в 2001 г. На первых двух этапах (2001 – 2005 гг. – период запуска, 2006 – 2010 гг. – период развития) кластеры формировались и развивались при поддержке правительства, и именно оно играло центральную роль в реализации проекта. На нынешнем третьем этапе (2011 – 2020 гг.), который назван периодом автономного роста, проекты кластеров должны продвигаться преимущественно усилиями местных властей и частных организаций³⁶.

Многие кластеры нацелены на сотрудничество с зарубежными партнерами. Например, кластер экологического бизнеса и переработки отходов на Кюсю (The Kyushu Recycle and Environmental Industry Plaza – K-RIP) взаимодействует с китайскими и южнокорейскими компаниями, что позволяет компаниям K-RIP продвигать свою продукцию и технологии на азиатские рынки³⁷. И это далеко не единственный пример. Благодаря связям с зарубежными кластерами (30 стран и 60 регионов) японские кластеры помогают местным компаниям выстроить сети продаж в разных странах мира. Учитывая, что кластерная политика адресована, как мы уже отмечали выше, главным образом, малому и среднему бизнесу, а именно он составляет основу экономик регионов (за пределами тихоокеанского промышленного пояса), показательно, что в период 2000 – 2007 гг. небольшие компании – участники кластеров достигли заметных результатов (см. табл. №1).

Другим крупным инновационным проектом, который можно назвать междисциплинарным и который также тесно связан с пространственным развитием, является *проект «умного города»* («смайт-город», smart city).

³⁴ 2009 Industrial Clusters Project http://www.meti.go.jp/policy/local_economy/tiikiinnovation/industrial_cluster_en.html

³⁵ http://www.meti.go.jp/policy/local_economy/tiikiinnovation/industrial_cluster_en.html

³⁶ http://www.meti.go.jp/policy/local_economy/tiikiinnovation/industrial_cluster_en.html

³⁷ 2009 Industrial Clusters Project. P. 9.

Таблица 1
Динамика финансово-экономических показателей
компаний – участников кластеров

	Стоимость продаж (2000=1)	Чистая прибыль (2000=1)	Численность занятых (2000=1)
Компании – участники кластеров	1,281	2,130	1,018
Компании с капиталом менее 1 млрд. иен (в целом по стране)	1,030	1,276	0,946

Составлено по: 2009 Industrial Clusters Project. P. 13

Он нацелен на создание экологически дружелюбной и комфортной для людей жилой среды в масштабах городского района или небольшого города. Главной идеей «умного города» в Японии стали интеллектуальные энергосистемы³⁸. Однако, если рассматривать «умный город» именно как проект в рамках «пространственной» политики, то он включает комплексное планирование городской среды, в том числе дизайнерские, архитектурные и инженерные решения, создание базовой и интеллектуальной инфраструктуры (в том числе с использованием энергосберегающих технологий и современных систем организации транспорта), создание и обеспечение функционирования комплекса бытовых услуг, инфраструктуры для обеспечения культурного досуга и возможностей для творческой реализации людей (стиль жизни, искусство и т. д.). Иными словами, это современный город «под ключ». В Японии в настоящее время реализуются четыре полномасштабных проекта «смарт-городов» – Иокогама, Тоёта, Кэйханна и Китаюсю.

С точки зрения оценки роли проектов «умных городов» в региональной политике, можно утверждать, что такие проекты уже стали частью усилий правительства, местных властей и бизнеса по созданию комфортной городской среды, и даже несколько проектов могут иметь значительный демонстрационный эффект.

³⁸ Национальный координационный орган для содействия реализации концепции «умного сообщества» – Японский альянс смарт-сообщества (Japan Smart Community Alliance – JSCA) был создан по инициативе Организации новых энергетических и промышленных технологий (New Energy and Industrial Technology Development Organization – NEDO) В составе руководящих органов Альянса представители компаний «Тосиба», «Хитати», «Итогю», «Кансай электрик пауэр», «Мицубиси дэнки», «Панасоник», «Тоёта», «Токио гэс», JGC. Всего же в альянс входит 355 компаний, занятых в разных отраслях, что свидетельствует о комплексном характере проектов «смарт-городов» и значительном интересе к таким проектам со стороны японского бизнеса// <https://www.smart-japan.org/english/tabid/103/Default.aspx>

<http://www.smart-japan.org/english/member/tabid/104/Default.aspx>

Децентрализация и региональное развитие.

Формирование современной региональной стратегии и региональной политики в Японии происходит на фоне процесса децентрализации, который затронул и сферу местного самоуправления. В данной статье мы не ставим цели анализа этого процесса, достаточно активно идущего начиная с первой половины 1990-х годов. Проблема исследована российскими авторами, в частности Д. А. Сапрыкиным³⁹, который, вполне обоснованно, на наш взгляд, анализирует политику децентрализации в тесной увязке с изменениями системы финансовых взаимоотношений центра и периферии.

Повышение уровня самостоятельности регионов, в том числе и в сфере разработки и реализации региональных планов, осуществление самостоятельных инициатив, что предусмотрено в новой Национальной пространственной стратегии, невозможно без повышения уровня финансовой самостоятельности ОМС. Японскую систему местного самоуправления долгое время называли «тридцатипроцентным самоуправлением», имея в виду степень зависимости местных финансов от финансовых потоков, перераспределяемых из центра. Сейчас в планах правительства реформирование системы местных финансов осуществляется таким образом, чтобы за счет местных налогов бюджеты ОМС обеспечивали бы себя⁴⁰.

В контексте проблематики данной статьи нам хотелось бы обратить внимание на вопрос о том, является ли движение в направлении децентрализации, в том числе финансовой самостоятельности ОМС, отходом от традиций или, наоборот, «возвращением к истокам». И тогда возникает вопрос, что считать в данном случае традицией. Если не обращаться к практике времен сёгуната, а обратить внимание на вторую половину XX в., когда региональная политика сформировалась как система, то мы увидим движение от централизованного управления (имея в виду отношения центр – регионы) к постепенному выравниванию позиций участников процесса, что подпитывалось в том числе и инициативой снизу. В разное время, во всяком случае, в послевоенной истории страны, находились региональные лидеры, которые проводили достаточно самостоятельную и активную политику и продвигали идеи реальной местной автономии. Наиболее «свежий» из таких примеров – деятельность губернатора преф. Осака Хасимото Тору, который, являясь основателем региональной Партии возрождения Японии выступает с

³⁹ См. Политическая система современной Японии. 2013; гл. 8 Сапрыкин Д. А. Децентрализация – составная часть «Абэномики»//Япония 2013. Ежегодник. М., 2013.

⁴⁰ Сапрыкин Д. А. Децентрализация – составная часть «Абэномики»//Япония 2013. Ежегодник, М., 2013. С. 48.

весьма радикальной политической программой и амбициозными планами создания на территории префектуры единого мегаполиса, способного конкурировать с крупнейшими городами Азии⁴¹.

Однако идеи реального местного суверенитета высказывались японскими политиками и более четверти века назад. Вспомним, например, уже упоминавшегося выше М. Хирамацу. Его деятельность на посту губернатора преф. Оита – а этот пост он занимал в течение 5 сроков (с 1979 по 2003 г.) – захватила в том числе и 1990-е годы, когда началась децентрализация «сверху». И губернатор М. Хирамацу стал одним из тех политиков, который поддержал децентрализацию «снизу». В преф. Оита уже в то время мы можем обнаружить ростки формирования новой региональной политики, которая строится самими регионами и их жителями, т. е. политики, которая официально провозглашена уже в 2000-е годы.

Взгляды губернатора М. Хирамацу на политико-административные основы местного самоуправления были весьма радикальны по сравнению с взглядами других региональных лидеров Японии. Он считал, например, что мер содействия децентрализации, предложенных правительством и предусмотренных одноименным законом 1995г., недостаточно, и предлагал в перспективе превратить Японию в государство, основанное, в первую очередь, на силе регионов. Центральное правительство, по его мнению, может оставить за собой функции обеспечения денежной системы, национальную оборону и дипломатию. Все административные функции, связанные с жизнью граждан, должны быть переданы ОМС.

М. Хирамацу призывал также при реформировании местного самоуправления в Японии, более активно использовать опыт других стран, обладающих развитой системой такого управления. Что касается бюджетного процесса, то идеальной ему представлялась система сбора налогов, действовавшая в Германии, где местные власти собирают все налоги и затем часть передают центральному правительству. М. Хирамацу предлагал, чтобы и в Японии 60% поступающих налогов шли прямо ОМС, что позволило бы местным властям более эффективно работать в области образования, здравоохранения, улучшения качества жизни людей⁴².

Более того, губернатор выдвигал весьма смелую идею реконструкции всей системы местного самоуправления по образцу Европейского

⁴¹ Там же. С. 5.

⁴² В Японии действует бюджетная система, при которой около 2/3 налогов собирает центральное правительство. Затем часть этих налогов перераспределяется в пользу бюджетов ОМС, в соответствии с уровнем финансового обеспечения префектур и муниципалитетов и объемом, возложенных на них функций.

союза и предлагал двигаться к системе административного устройства типа «соединенных штатов Японии». Таких «штатов», по его мнению, могло быть восемь: Хоккайдо, Тохоку, Канто-Синьэцу, «Большой Токио», Тюбу, Кинки, Тюгоку-Сикоку, Кюсю-Окинава. Что касается судьбы самой преф. Оита, то хотя, по мнению М. Хирамацу, она слишком мала, чтобы действовать самостоятельно, но объединение, созданное в масштабах всего о-ва Кюсю, могло бы быть вполне жизнеспособным и со временем обрести финансовую самостоятельность. Это новое образование управлялось бы «правительством» Кюсю, которое в свою очередь сформировало бы «конгресс», куда каждая префектура выбирала бы делегатов. А в случае успеха подобный опыт можно распространить на другие районы Японии⁴³. Конечно, в политическом отношении идея «соединенных штатов Японии» представлялась в то время чрезмерно радикальной, однако, экономическое сотрудничество на Кюсю уже обретало реальные очертания.

Принципиально поддерживая идеи децентрализации, губернатор и в своей префектуре проводил соответствующую политику. В 1995 г. был разработан план реформы управления преф. Оита, предусматривающий создание более простой административной системы, нацеленной на то, чтобы дать возможность местным властям и самим гражданам «искать собственное понимание того, где и как жить», укреплять самостоятельность муниципальных образований, как наиболее близкого к интересам граждан уровня управления. Для преодоления ограниченных возможностей отдельных городов при решении различных административных задач в префектуре были сформированы так называемые «региональные альянсы», куда входят «специально утвержденные» города. В соответствии с государственным законом 1994 г. такие «альянсы» считаются «специальными местными общественными организациями» и могут независимо планировать свою деятельность, что является проявлением тенденций к децентрализации на префектуральном уровне.

Итак, мы видим, что многие из идей и инициатив М. Хирамацу, в частности укрупнение административно-экономических единиц, проведение ОМС самостоятельной социально-экономической политики с учетом особенностей региона и стремлений и предпочтений жителей, развитие межрегиональных горизонтальных, в том числе и международных связей, – уже не кажутся сейчас чем-то экзотическим, а, напротив, положены в основу новой региональной стратегии.

И, размышляя о том, насколько японские традиции влияют на современную региональную политику, стоит заметить, что верность традициям в данном случае прослеживается в том, что радикальные изменения

⁴³ The Nikkei Weekly, 12. 07. 1999.

носят эволюционный характер. Пример М. Хирамацу и изложение его идей нам нужно было для того, чтобы проиллюстрировать японский подход: «идея должна созреть». Возможно, взгляды Хирамацу опережали свое время, однако сейчас созрели предпосылки для их реализации.

Несколько другой пример, подтверждающий эту мысль – также из сферы региональной политики. В третьем плане комплексного развития национальной территории⁴⁴ на 1976–1990 гг., разработанном в период, когда в Японии началась структурная перестройка экономики и региональная политика находилась на перепутье, была выдвинута концепция «интегрированного расселения», предусматривавшая развитие регионов на базе реально сложившихся местных сообществ с учетом местных особенностей и в гармонии с окружающей средой. Базовой единицей расселения, согласно плану, являлась «община» (деревня в сельской местности или квартал в городах, где повседневная жизнь людей и их производственная активность тесно связаны географически и функционально). Две и более «общин» составляют зону расселения, тяготеющую, например, к начальной школе (школьные округа). Таких «зон» в Японии было определено 20–30 тысяч, а они в свою очередь, должны были сформировать 200–300 «зон интегрированного расселения» (*тэйдзюкэн*).

Тэйдзюкэн, по определению авторов плана, это конгломераты городских и сельских территорий, включающие природные комплексы (горы, реки, равнины, морское побережье), районы проживания и постоянного передвижения и общения людей. Правительство намеревалось способствовать целенаправленному формированию таких зон и в границах сложившихся городских агломераций, и за их пределами в качестве «полюсов» регионального развития, в соответствии в принятой тогда концепцией поляризованного развития.

В теоретическом плане здесь явно проступает связь с уже упоминавшейся нами выше концепцией «местных сообществ» (*тиики сякай*)⁴⁵. По мнению большинства исследователей и экспертов, несмотря на де-

⁴⁴ Планы комплексного использования национальной территории принимаются в Японии на постоянной основе начиная с 1962 г. (в настоящее время действует пятый план) и содержат цели и общие стратегические установки политики государства в сфере регионального развития и использования территории страны.

⁴⁵ Понятие «местных» или «локальных» сообществ является одним из основополагающих в социологическом анализе в рамках исследования жизнедеятельности общества и его отдельных частей. Местные сообщества в Японии, являются формой реализации социальных связей, выросших из групповой системы и обладающие тремя базовыми признаками – общностью территории, наличием общественных связей и социальным взаимодействием. На эмоциональном уровне это понятие часто ассоциируется с малой родиной (*фурусато*). – См., например: Японский феномен. М., 1996. С. 66.

структивное влияние стремительной урбанизации и индустриализации непосредственно после окончания Второй мировой войны и в период форсированного экономического роста, локальные сообщества в Японии все же сохранили свои существенные традиционные черты. Они продолжают оказывать заметное влияние на образ жизни людей, характер социальных связей и даже организацию экономической деятельности (пример – сельскохозяйственная кооперация, сохранение местной промышленности на базе традиционных промыслов), особенно в периферийных районах и сельской местности.

Использование в региональной политике концепции, базирующейся на понятии «местные сообщества», послужило одним из теоретических обоснований изменения роли локальных сообществ и ОМС, как выразителей интересов местных жителей, в системе государственного управления региональным развитием. Оно же подготовило почву для превращения органов местного самоуправления из объектов в активные субъекты политики. В самом деле, «сообщество» – это не территория, куда можно поместить запланированный промышленный центр. «Сообщество», согласно рассматриваемой концепции, это совокупность индивидов с их личными устремлениями, предпочтениями, поведенческими мотивами. Возник даже новый термин *сэйкацуся*, который в буквальном переводе означает «носитель жизни» и в контексте концепции «местных сообществ» заменяет понятия *дзюмин* (житель) и *симин* (гражданин)⁴⁶.

В практическом плане *тэйдзюкэн* оказались абсолютно нежизнеспособными, и в начале 1980-х гг. был разработан другой проект – Технополис. Однако концептуально *тэйдзюкэн* знаменовали очередной этап поисков территориально-производственных образований, которые могли бы стать опорными точками развития относительно менее развитых районов (и не только их), не нарушая сохранившихся традиционных основ жизни людей, а наполняя их новым содержанием⁴⁷. Эта концепция появилась в неподходящий момент, и тоже опередила свое время.

Этот вывод был сделан автором в работе 2000-го года, и теперь мы находим ему подтверждение. В Национальной пространственной стратегии немалое место уделено идеям развития на основе местной идентичности и местного креатива, продвижения локальных традиций, куль-

⁴⁶ Комюнити сэйкацу-но ба-ни окэру нингэнсэй-но кайфуку (Местные сообщества – восстановление духа гуманности в местах проживания людей). Токио, 1969 (цит. по: Япония: полвека обновления. М., 1995. С. 295).

⁴⁷ Излагается по: Тимонина И. Л. Традиционные основы региональной политики японского государства// Япония 2000: консерватизм и традиционализм.. М., 2000. С.177–184.

туры, производств, повышению роли самих граждан и их сообществ в организации жизни на местах. И здесь мы сталкиваемся с еще одной традицией в сфере региональной (и не только) политики Японии: новое – это проверенное на практике старое.

Гражданские инициативы и региональное развитие

Одной из пяти главных целей Национальной пространственной стратегии названо «региональное развитие, основанное на «new public relations»⁴⁸, под которым подразумевается повышение роли локальных сообществ и формирование нового типа взаимодействия между гражданами, неправительственными организациями, компаниями и государственными и муниципальными органами.

Идея состоит в том, чтобы создать условия, при которых каждый житель региона, общественные организации, бизнес и другие заинтересованные стороны имели бы возможность внести свой вклад в развитие своего региона, города, района и взять на себя часть ответственности за результаты деятельности. Для этого, по мнению авторов стратегии, необходимо добиться прозрачности стратегий регионального развития, создать платформы для обмена мнениями и механизмы учета этих мнений. В настоящее время, по мнению авторов Стратегии, такие механизмы слабы или отсутствуют. В будущем центрами локальных сообществ в городских условиях могут стать различные ассоциации, начальные школы, ассоциации владельцев местных магазинов, а также неприбыльные организации (НПО), университеты, компании, отдельные граждане, государственные организации. Так, организации граждан могут заняться такими сферами как уход за престарелыми, воспитание детей, предотвращение правонарушений и т. п. Частный сектор мог бы проявить активность в уборке дорог или предоставлять помещения для общественных организаций, НПО – обеспечивать транспортом волонтеров. Таким образом, расчет делается на то, что малые, даже незначительные на первый взгляд дела, могут в совокупности сделать жизнь в районе более комфортной.

Другая сторона такой политики – возможности самореализации для людей, которые могут выдвигать инициативы и реализовать их, но инициативы касающиеся развития именно своего района, например, использования и коммерциализации местных ресурсов.

Нетрудно заметить, что часть видов деятельности, которыми правительство предлагает заняться местным жителям, в сельской местности традиционно выполнялась в рамках общин, однако в данном случае речь идет о том, чтобы перенести эти традиции на городскую жизнь и

⁴⁸ National Spatial Strategy. P. 11.

среду. И в этом также можно увидеть довольно гармоничное, по крайней мере по замыслу, сочетание традиций и новаций.

Итак, меняющаяся или неизменная... Выводы.

Итак, меняется ли концепция регионального развития и региональная политика в Японии. Конечно, мы не дадим однозначного ответа на этот вопрос. Наверное, самая главная традиция японского общества – от политиков высокого уровня до жителей самых отдаленных уголков Японии – это готовность к переменам при одновременном сохранении своей идентичности. В самом деле, такие черты региональной политики как систематичность, эволюционный характер, стратегия малых дел, тщательность проработки планов и внимание к мелочам, скрупулезный анализ предыдущего опыта как позитивного, так и негативного – все это, безусловно, характерные черты современной и, судя по стратегии, рассчитанной на десятилетия, будущей региональной политики.

Вместе с тем новые вызовы требуют адекватных ответов, и японские регионы становятся активными субъектами международных отношений, из потребителей плодов научно-технического прогресса превращаются в творцов, происходит демократизация процесса регионального планирования, в который вовлекаются сами жители с их насущными нуждами, планами и стремлениями.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ГЛОКАЛИЗАЦИЯ: ПУТЬ САМУРАЯ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ

Прежде всего, чтобы избежать упреков в поверхностной игре словами, хотела бы сказать, что в главе, связанной с бизнесом, «самурай» возник не случайно. Если считать, что японский бизнес, в его современном понимании, берет свое начало в реставрации Мэйдзи, мы увидим, что менеджерский состав новых министерств и предприятий мудро формировался из утративших свою особую социальную роль представителей самурайского сословия (как об этом говорила Наканэ Тиэ, «буси стали администраторами»¹). Возможно, именно использование в процессе вестернизации страны такой многочисленной и мощной социальной силы, носителей традиционной культуры и ее ценностей, помогло Японии удержать неоднократно отмечаемый и сегодня баланс между иностранным и национальным, западным и восточным, современным и архаичным.

В частности, речь идет о высоких этических стандартах бизнеса. Изначально они были обусловлены пространственными ограничениями (невозможностью легко избежать ответственности в случае мошенничества), а также и малой емкостью рынка, где однажды потерянное доверие означало для купца или для отдельного мелкого предприятия потерю клиентской аудитории и банкротство. Таким образом, геоклиматические условия и экономическая изоляция Японии сформировали до определенной степени принудительные формы честности в бизнесе. Благодаря же участию вчерашних буси в построении деловой среды нового времени (с 1868 года) в уставы новых компаний были интегрированы многие принципы из кодексов военного сословия, что усилило базовую прагматическую этику японцев значимыми элементами чести и самопожертвования.

¹ Nakane Chie. Japanese Society. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1970. С. 76

Конкуренция на международном уровне, борьба за рынки сбыта, волны кризисов и рецессий, безусловно, внесли в бизнес-этику современных японцев ощутимые коррективы, но и сегодня в сравнительном отношении их понятие обязательств (в том числе, неписаных), доверия и соблюдения интересов партнера могут служить примером для бизнеса развивающихся рынков.

Что касается присутствующей в названии «глокализации», то этот термин, придуманный, как считается, самими же японцами, весьма точно описывает ситуацию сегодняшней Японии с ее одновременным стремлением активизировать свое присутствие в глобальной экономике, но также и с рядом специфически японских тенденций, проявившихся во внутреннем развитии страны на фоне глобализационных изменений. Иногда это процессы отталкивания, взаимного конфликта «культуры и цивилизации», но часто – именно в Японии – локальные модели (в производстве или в образе жизни) начинают поставляться на глобальный экспорт и пользоваться там видимым успехом. Прежде чем переходить к конкретным примерам, хотела бы привести заслуживающее внимания мнение президента японского отделения Международной Ассоциации бизнес-коммуникаторов Амэмия Кадзухито: «Япония жаждет участвовать в процессах глобализации, но какой смысл при этом вкладывается в понятие «глобализация»? Фактически Япония часто ставит себя в центр этого процесса, и предлагает другим следовать за ней»². Это высказывание имело (само)критический смысл, подчеркивающий все еще сильные островные установки японцев, «отсчет мира от себя», но если говорить не о *глобализации*, а о *глокализации* – то подобная тактика вполне закономерна: в децентрализованном мире формируются локальные культурные центры, и каждый участник процесса не только реципиент глобальных моделей, но и создатель новых для общего пользования.

Глобальное в японской экономике и жизни представлено существованием мультинациональных корпораций, вовлеченных в общемировой оборот товаров и капитала; зависимостью Японии от вынесенных за пределы страны производственных площадок, зарубежных рынков сбыта; информационным бизнесом, вбирающим контекст международных новостей. Глобальное также показывает себя в коммуникации японцев с пришельцами извне, рост «инглишинизации» (Englishnisation) населения больших городов, отмечаемое самими экспатами.

Локальное в японской экономике и жизни связано с историческими традициями сельского хозяйства (а конкретнее, поливного рисоводства),

² Выступление на Симпозиуме «Роль бизнеса и медиа в диалоге культур России-Японии», ноябрь 2013 г., Токио.

жесткой геоклиматической зависимостью японцев, законами и принципами быта и питания. Локальное проявляется в коммуникации японцев *между собою*; особенно в периоды стихийных бедствий и социальных потрясений.

В последние несколько лет встречное движение этих двух процессов в Японии стало достаточно заметным, а в ряде сфер даже получило свое программное обоснование. Так, например, составной частью «абэномики» является активная монетизация локальных преимуществ Японии в культуре и бизнесе; имиджевые, туристические, информационные действия в рамках многолетней и одной из самых успешных в мире программ «soft power» (мягкой силы) поддерживают продвижение японских компаний и брендов на зарубежные рынки, и оживление национальной экономики и бизнеса.

Диалектика глокализации приводит к тому, что сегодня японский рынок и деловая среда представляют собой весьма пеструю и неоднородную структуру, куда входят и традиционная компания–*кайся*, и новое предпринимательство в стиле Cool Japan, и, в настоящее время переживающее подобие ренессанса, японское сельское хозяйство (одна из исторически весьма интересных составляющих японского бизнеса). Не претендуя на детальный анализ, я хотела бы обозначить некоторые социальные тенденции в современном японском бизнесе, при этом постараюсь соединить теорию с результатами полевых наблюдений, которые мне повезло сделать за последний год в Японии.

Глобальные корпорации и традиционная «кайся»

Путь японской *кайся* и ее трансформация к настоящему моменту уже имеют достаточно длинную историю – от упразднения американцами в послевоенные годы системы дзайбацу и создания, по американской модели, системы горизонтальных связей между предприятиями. От первых примеров глобализации японского бизнеса через экспансию 1970-х годов в США – до зависимости от азиатского дешевого труда на производственных площадках, вынесенных за пределы Японии.

Сегодня принято рассуждать о коренных изменениях в структуре японской традиционной компании, всё большей адаптации ею западных форм функционирования. Тому есть свидетельства в виде постепенно редуцирующейся системы пожизненного найма или общем снижении количества японских трудоголиков – в последние годы это уже не образ самоотверженного энтузиаста, а всего только жертвы архаичной системы и произвола своих непосредственных начальников.

К тому же глобализованной японской компании начинает требоваться зарубежный персонал на направлениях международного сотрудничества.

Имеются случаи приглашения в состав совета директоров зарубежных топ-менеджеров; как и случаи корпоративных скандалов, вызванные, в частности, разницей культурных измерений в бизнесе³. Гипотезу о том, насколько западная/американская деловая культура влияет на отношения к работе, балансу приоритетов, я пыталась проверить на основании личных бесед с рядом японских менеджеров, а также организовав дискуссии в бизнес-сообществах сети «LinkedIn». По ответам и комментариям можно заключить, что процент такого влияния все еще остается достаточно низким. Новое поколение офисных (тем более производственных сотрудников) пока имеет крайне ограниченные возможности наблюдения за своими западными коллегами в рабочем общении: их количество в японских компаниях по-прежнему невелико. Если компания и нанимает иностранца, то его внутренний статус в фирме либо заведомо низок и его собственные усилия уходят на попытки закрепления в компании и продвижения по службе – либо настолько высок (приглашенные члены совета директоров, независимые топ-консультанты), что видят такого специалиста и общаются с ним лишь несколько человек из верхнего эшелона компании. Как заметил один из старших менеджеров NTT, молодежь скорее черпает представления о западном бизнесе и о своих сверстниках в бизнесе в западных/американских фильмах, реже в книгах, чем в реальной профессиональной деятельности. (Более сильным, нежели гипотетический западный коллега, источником к пересмотру жизненных приоритетов для молодого менеджера может стать его собственная супруга – безусловно, не японка, а, например, американка. Количество браков японцев с американками неуклонно растет, и требования ежедневного выбора в пользу семейной жизни, а не интересов компании, слышат все больше молодых японцев).

Те немногочисленные иностранцы, которые работают в японских компаниях на средних менеджерских должностях, имеют к своему работодателю много претензий – от многочисловых и безрезультатных, на западный взгляд, внутренних переговоров до отказов рассматривать рабочие инициативы этих новых зарубежных сотрудников, направленные на повышение профессиональной эффективности и продуктивности бизнеса.

³ Британец Майкл Вудфорд (Michael Woodford), занявший в октябре 2011 г. пост президента «Olympus Corporation», был первый неяпонец среди высшего менеджмента компании. Буквально через две недели (!) он уже был уволен за «нарушения корпоративной этики» и стал центральной фигурой крупнейшего в Японии корпоративного скандала. В связи с этим скандалом весь совет директоров «Olympus» был распущен, ряд топ-менеджеров, включая председателя правления, арестован; зато Вудфорд стал знаковой фигурой среди западных антикоррупционеров; ряд британских изданий, включая «Independent» и «Financial Times», назвали его «Предпринимателем Года».

В российских медиа публикуется крайне мало статей о современном японском бизнесе, но те, что есть, по-прежнему транслируют образ некой исключительной трудовой системы. Так, один из авторов журнала «Русский Репортер», побывав в нескольких токийских компаниях, всюду видела немыслимую для русского человека организационную строгость и истовую сосредоточенность сотрудников на своих обязанностях:

– Если вы уже закончили то, над чем сегодня работаете, можете себе позволить посидеть в чате или поиграть в компьютерную игру?

– Закончил? – юный сарариман смотрит непонимающе. – Так не бывает. Если я закончил одно дело, я должен тут же найти себе другое. Игры, скайп, личная почта – как можно заниматься таким на работе?! Но вообще у нас тут все очень либерально. Вот мой друг работает в офисе, где запрещено разговаривать. Если хочешь что-то сказать соседу, нужно отправлять ему сообщение на рабочую почту.

– До которого часа работаете?

– Официально до шести-семи. Но обычно мы не успеваем все доделать и задерживаемся часов до одиннадцати.

– Выходные?

– Суббота и воскресенье. Но обычно мы не успеваем все доделать и приходим сюда в выходные.

– Тяжело? Устаете?

– Совсем нет. Здесь у нас хорошо. Очень либерально организованный офис. И кофе из автомата бесплатно⁴.

Возможно, некоторые изменения заметны тем экспатам, кто уже провел несколько десятков лет внутри японской компании – есть примеры не только японских, но и западных специалистов, сетующих на то, что молодые сотрудники позволяют себе приходить в последнюю минуту, а то и опаздывать на работу. Однако внешний взгляд не распознает существенных изменений; даже утренняя зарядка под радио и скандирование «миссии дня», пение корпоративного гимна по-прежнему практикуется подавляющим большинством компаний. 50 лет назад культурантрополог Наканэ Тиэ говорила о том, что, несмотря на порожденные индустриализацией новые, западные типы организаций/институтов, в Японии «традиционная структура в сильной степени продолжает свое существование... сохраняется, несмотря на огромные организационные изменения в социуме»⁵. Сегодня, в постиндустриальную эпоху, одним

⁴ «Мечтают ли андроиды о летнем отпуске». Русский Репортер, март 2012.

⁵ Nakane Chie. Там же. С.8

из тревожных признаков разложения традиционной структуры стал рабочий статус японской молодежи. Сколько бы ни говорили о сокращении населения и старении общества в Японии, рабочие места сократились еще сильнее в силу многолетней рецессии. В связи с этим и получил свое развитие такой сектор трудового рынка как «арубайто» (или даже «байто» – от немецкого «работа», но на деле *подработка*, неполная занятость молодежи, в том числе и выпускников престижных вузов).

С социальной точки зрения происходит серьезный разрыв в преемственности не то чтобы знаний и навыков, а трудовых традиций. Это звучащее вполне по-советски словосочетание уместно применять к Японии, где корпоративная культура организации является, по Хофштеде, коллективисткой. Известно, что японские университеты до сих пор так и не являются кузницей профессиональных кадров, а скорее формальной ступенью в длинном и сложном процессе социализации. Несмотря на глобализационные тенденции в японском образовании и формальную специализацию, выпускник может в результате (и это, как правило, и происходит) поступить в компанию, не имеющую ничего общего с его образовательной подготовкой⁶. Новобранцев фирма по-прежнему начинает обучать фактически заново. В число навыков необходимой частью входят как особый деловой язык (грамматически усложненный язык бизнес-иерархии, используемый с клиентами и вышестоящими, реконструкция отношений *ниндзё-гури*), которым выпускник не владеет, так и трудовая этика, представление о коллективной ответственности, построение фактически неразрывной связи между личными интересами и интересами компании.

Сегодня, когда уже не японские корпорации стоят в очередь за выпускниками университетов, а сами выпускники не менее чем за год до выпуска включаются в изнурительную гонку за вакансией, количество нетрудоустроенной молодежи в Японии приближается к 30% от общего числа окончивших вуз.

Не сумевшие получить постоянную должность молодые японцы и японки имеют, тем не менее, шанс на заработка, получая 1 тысячу иен в час и работая в удобном для себя графике в формате «байто». Озабоченность социальных исследователей в отношении этой группы японской молодежи связана с тем, что *байто* – формат без глубоких взаимных обязательств работника и компании. Эти молодые люди не воспринимаются как часть компании. *Байто* ничему не учит, не создает значимых социальных связей, не воспитывает ответственности перед компанией и клиентом. В большей мере это относится не к корпоративному бизнесу,

⁶ Например, двое молодых знакомых автора, работающие в банке «Mizuho», закончили – одна курс по японской литературе, другой по английской культуре.

а скорее к сетевым магазинам, ритейлу, сервисным компаниям, к предприятиям общественного питания.

Поначалу казалось, что временный персонал, молодежь на «арубайто» – это лучшая форма для быстрого роста компаний, которые одна за другой открывали свои филиалы внутри страны. Однако со временем стало видно, что подобный персонал не может соответствовать уровню развития компании, и более того – даже мешает ей развиваться. Ежедневно в торговых и сервисных точках, где используется *байто*, происходит примерно такая же ситуация, которая произошла со мной сегодняшним утром. В магазине сети *о-бэнто* «Вакана» на вопрос о том, с какого дня появится в продаже популярный сезонный йогурт, юная сотрудница не смогла ответить и даже не знала, о чем идет речь, поскольку в прошлом году не была здесь на *байто*. Если описывать ситуацию максимально точно, то она выпучила на меня глаза, замотала головой и протянула в вульгарной манере: «Сиранай-на...» То есть, она даже не смогла облечь свое незнание в лексическую форму, приемлемую для разговора с клиентом.

Такое снижение культуры легендарного японского сервиса произошло за последние 10–15 лет, и сегодня подобные инциденты служат еще одним источником стресса для требовательного японского клиента. Снижение клиентской удовлетворенности снижает скорость товарооборота и прибыль компании. Июньская статья сего года, опубликованная Рейтер,⁷ рассказывает о жертве низкооплачиваемого труда – WatamiCo – всеяпонской сети *идзакая*, которая вынуждена в ближайшее время сократить 10% своих заведений, во многом потому, что неквалифицированный временный штат не может должным образом обслуживать ее клиентуру. Там же сообщается, что «Fast Retailing», операционная компания «Юникло», действует противоположным образом: она намерена создать 16,000 рабочих мест в формате полной занятости, при этом большинство штата будет укомплектовано из бывших временных сотрудников, чтобы повысить их компетентность и увеличить продуктивность.

В этом же русле действует и «Don Quijote»⁸ (Дон Кихоте) – один из немногих представителей ритейла, существующий еще с 1980 г. и фактически не затронутый крушением экономики мыльного пузыря. Сегодня у ряда компаний уже сформировалось представление о маркетинговой связке: «низкооплачиваемый – низкоприбыльный» – т. е., экономя на постоянном вышколенном штате, компания не в состоянии увеличить прибыль до желаемых размеров. Возможно, динамичные компании

⁷ Yoko Kubota, Tetsushi Kajimoto. In Japan, labor crunch pushes businesses to reform // Reuters, Jun 4, 2014.

⁸ Сетевой дискаунтер из 160 точек по всей стране, с широкой продуктовой линейкой, от овощей до электроники.

нового поколения в конце концов вернуться к проверенным трудовым традициям японской *кайся*. Тем более, что единение с фирмой и коллективом остается желанием и надеждой большинства японцев. С началом мирового кризиса в 2008 г. процент «голосующих» за пожизненный найм (т. е., за свою гарантированную социальную и финансовую безопасность) закономерно вырос. В июне 2013 г. были опубликованы результаты опроса, проведенного японским Институтом менеджмента САННО (The SANNO Institute of Management). В нем участвовали 500 только что поступивших на работу новых сотрудников из 150 корпораций, и 69,5% из них заявили, что надеются на пожизненный найм⁹.

Вуманомика – один из значимых терминов внутри понятия Абэномики (неологизм, опять построенный, за неимением собственных ближних понятий внутри родного языка, на английском базисе Womenomics). По данным Министерства по административным делам, 3,15 млн японок хотели бы работать, но не могут – из-за необходимости ухаживать за детьми, неудобного трудового графика на службе и т. д.

Сегодня декларируются намерения обеспечить женщинам условия для реализации в профессии, в частности, радикально увеличить количество детских садов и других площадок дошкольного ухода и воспитания (200 тыс. новых к 2015 г. и еще 200 тыс. к 2018 г.). Планируется, что к 2020 олимпийскому году число женщин-начальников в разных сферах бизнеса возрастет на 30%. Причем, это, как видно из слов Абэ, во многом имиджевый подход: он хотел бы предъявить мировому сообществу «более сильную, обновленную Японию». Но речь идет, прежде всего, о предоставлении женщинам «второго шанса» – возможности вернуться на работу через несколько лет после замужества и рождения детей. До сих пор после замужества и рождения ребенка 60% японских женщин полностью исключали для себя дальнейшую профессиональную деятельность.

Сделав будущее японских женщин одной из «стрел» политики своего кабинета, Абэ говорит о Японии как об «обществе, где все женщины смогут сиять». Однако в подобных разговорах есть значительная доля социального лукавства. Так, общее снижение зарплат и бонусных выплат сотрудникам-мужчинам, замедление карьерного роста и связанная с этим стагнация зарплаты, снижение потребительских возможностей приводят к тому, что теперь и женщине приходится в меру сил вносить свой вклад в семейный бюджет, выходя на работу или берясь за всё то же *байто*. Современная японская семья все чаще представляет собой *томобатараки* – пару, где оба супруга работают. Это подается как современная тенденция в духе западного гендерного равноправия, но

⁹ 2013

имеет подкладку из японских экономических и социальных проблем. Приватные разговоры с несколькими работающими парами об их совместной жизни рисуют не очень радостную картину: рабочий график у них часто не совпадает, теперь уже не только муж, но и жена рано утром покидает дом и возвращается поздно вечером; видятся только на выходных; откладывают рождение ребенка.

Положение женщины в Японии – еще один выразительный пример глокализации, столкновения традиционной культуры и тенденций «развитой» экономики. Нередко кажется, что у Японии просто не хватает духу отстаивать собственную социальную систему, минимизирующую участие женщин в профессиональной жизни – не там, где веками применялся примитивный женский труд, а в структурах современной экономики, на позициях старшего менеджерского состава. Изменение рабочего положения женщин неизбежно приведет к фундаментальному пересмотру социально-гендерной иерархии; и произойти это должно за сроки, несопоставимые с вековыми изменениями в положении европейских женщин.

На Японию оказывают моральное давление такие международные структуры как Организация по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСД), призывая ее сократить гендерный разрыв в профессиональной сфере, или Международный Форум в Давосе, опубликовавший рейтинг, где страна занимает 105 место из 136 возможных, уступая даже Ирану и Ливии¹⁰.

В 2012 г. был разработан спецпроект газеты «Никкэй симбун», с целевой аудиторией «замужние японские женщины после 30-ти лет», и начал публиковаться специальный раздел, в котором, в частности, рассказывают о личных примерах женщин, совмещающих работу и семью, о возможностях в тех или иных рыночных сферах для японок, желающих продолжить или возобновить службу в компании. «Мать троих детей и управленец – совместимые понятия», утверждает один из последних обзоров. Четыре женщины от 35 до 45 лет делятся опытом работы на сравнительно руководящих должностях, рассуждая о лидерстве, ответственности операционного директора, и о том, что хотят видеть лица своих детей, поэтому стараются возвратиться с работы не позже половины восьмого вечера, принося в сумке оставшиеся неразобранными деловые бумаги¹¹.

Однако личные разговоры с японками – даже работающими – рисуют картину женских предпочтений, где собственная роль женщины не лидирующая, а поддерживающая, в полном соответствии с вековыми

¹⁰ The Global Gender Gap Report. 2013. World Economic Forum, Switzerland.

¹¹ Нихон кэйдзай симбун.07.06.2014.

национальными традициями. Иными совами, на работе японка предпочла бы не начальственную позицию, а позицию, предполагающую ассистирование начальнику; работу не ради хлеба насущного, а для расширения своих возможностей. Так, женщины среднего и старшего возраста берут подработки, чтобы оплачивать свои новые хобби (фигурное катание или уроки иностранного языка) не из общего бюджета семьи, а из собственных средств. Для подавляющего большинства молодых женщин, недавних выпускниц университетов, работа остается необременительной формой социализации до времени, пока она встретит будущего супруга. Что касается профессиональных планов после заключения брака, то наиболее характерный ответ – хотела бы работать в удовольствие; делать то, что нравится.

Вполне возможно, что японка, даже и озабоченная карьерой, не станет открыто говорить о своих социальных амбициях и постарается вписать их в приемлемый коллективистский контекст.

Предпринимательство в стиле Cool Japan

За рубежом программа Cool Japan нередко воспринимается как назойливая экспансия анимэшной культуры, сборища *отаку* и фестивали *косплэй* – хотя это только видимая и наиболее экстравагантная часть айсберга. Очевидно, что *манга* и *косплэй* – сугубо японские явления, которые понемногу приживаются на западной почве, к радости одних и неудовольствию других. Однако это и есть одна из сторон глокализации: выход локальных и даже специфически национальных моделей на глобальный уровень в процессе межкультурной коммуникации. Япония осознанно и активно продвигает свои глубоко национальные, изначально далеко не масштабные и нередко андеграундные сферы деятельности на глобальные рынки. Достаточно сказать, что ряд экспертов¹² считают, что эффективность этой программы может достичь уровня «экономического чуда» 1960–1970-х годов.

Выражение Cool Japan известно еще с 2002 г. получило свое широкое медийное распространение с 2009 г., но собственно государственная программа Cool Japan сравнительно молода: рабочая группа начала дискуссии и консультации в 2010 г., а первая формальная декларация появилась в мае 2011 г. В связи с этим многими программа стала восприниматься как мгновенный ответный шаг Японии на мартовский катаклизм.

Стратегии текущей зарубежной экспансии в рамках Cool Japan, как о том извещают информационные материалы METI (Министерство

¹² Например, см: McGray, Douglas «Japan's Gross National Cool». Foreign Policy. 1 мая 2002 г. Перепечатано 11 сентября 2012 г.

экономики, торговли и промышленности), охватывают в основном шесть секторов: (1) одежда и мода (2) *монодзукури* и региональные продукты, (3) еда, (4) контент¹³, (5) туризм и (6) дом. Целевые зарубежные аудитории предполагается знакомить с японскими «чувством (истинных) ценностей» и «чувством прекрасного», экспорту подлежит сам японский образ жизни.

Надо сказать, что программа Cool Japan не отвлеченно культурная, напротив японцы намерены извлекать достаточно быструю выгоду из вышеуказанных сфер деятельности, и хорошо просчитали ее маркетинговый потенциал. Она возникла в ответ на тот факт, что мировой интерес к японской культуре, еде и сервису никак не связан с прибылью для экономики.

Джон Уэст, исполнительный директор Asian Century Institute, анализирует Cool Japan как новую предпринимательскую модель, подхватившую эстафету таких всемирно признанных тяжеловесов как «Панасоник» Мацусита Кэносукэ, «Сони» Морита Акио и «Тойота» Тойода Киитиро. И тогда и сейчас за новым брендом стояло персональное имя человека, который в непростую эпоху сумел начать бизнес, в считанные годы превратившийся по обороту, качеству и известности из нишевого венчура сначала в национальный, а затем и в глобальный бренд. Предприниматели нового поколения – такие, как Масаюси Сон (Софтбанк¹⁴), Янаи Тадаси (Юникло¹⁵), Микитани Хироси (Ракутэн¹⁶) выводят Японию на лидирующие рыночные позиции в то время как на международных рынках не проходит дня без того, чтобы медиа не сообщили о проблемах «Sony» или «Nintendo» в их рыночных сражениях с новыми азиатскими конкурентами.

Программа Cool Japan помогает выявлению так называемых «скрытых чемпионов» – компаний мелкого и среднего бизнеса, в которых на деле и вызревают новые экономические модели, поскольку небольшим компаниям приходится быть изобретательными и ежедневно искать возможность удержать тот небольшой участок рынка, на котором они пытаются преуспеть. Подобный нишевый бизнес всегда был сильной стороной японского рынка. К нему традиционно относятся обслуживающие отрасли; но в XX-XXI в. сюда вошли принципиально новые компании, относящиеся к сфере IT и software.

¹³ В информационном и медийном пространстве используется как общее обозначение для кинематографического, телевизионного или рекламного продукта. Данный пункт предполагает продвижение японского кино, *анимэ*, *манга* и т. п.

¹⁴ Мобильный оператор Японии, вторая по рыночной капитализации компания, идущая по стоимости активов сразу вслед за «Тойота».

¹⁵ Марка одежды в секторе масс-маркет, добившаяся рыночного успеха сначала в Японии, затем в Европе, США и Азии. В 2008 г. «Юникло» открыла первый магазин в Москве.

¹⁶ Компания электронной торговли.

Сравнивая Японию с другими развитыми странами, мы увидим, что в японском бизнесе огромная доля рынка принадлежит мелким и средним предприятиям, которые действуют не только в рыболовной, сельскохозяйственной, ремесленной отраслях, или сфере сервиса, но также в технологическом и инновационном секторах. Даже так называемые транснациональные компании, торговые, или огромные производственные и строительные компании, на деле содержат внутри своей структуры большое количество «младших партнеров» – подрядчиков из мелкого и среднего бизнеса. Это определяет особую атмосферу всей деловой активности в стране: трудовая практика в малых коллективах существенно отличается от практики работы в компаниях-гигантах. Эти «невидимые», но незаменимые мелкие бизнесы являются скрытой опорой не только японской экономики, но также и глобальных производственных поставок. Так, Джон Уэст приводит данные о том, что более половины частей и компонентов, таких как конденсаторы, транзисторы и жидкокристаллические экраны, используемых в iPhone-5, сделаны японскими производителями. А производителя самолетов Boeing снабжает составными частями и компонентами более 65 японских компаний.

Говоря о Cool Japan как концепции, стоит также уточнить некоторые словообразовательные и смысловые моменты. Англоязычная формулировка открыто провозглашает ориентацию на глобальное сообщество, но в слово cool с его молодежно-жаргонным значением «прикольный» японцы вложили несколько больше смысла и, возможно, свое толкование. Японский английский нередко становится предметом иронии и насмешек со стороны носителей языка, но он же – увлекательное поле для изучения причудливых ассоциаций японцев, строящих свои собственные отношения с чуждой им фонетической и смысловой языковой системой. Так, в мае этого года мне захотелось побывать на небольшой, но выразительной выставке в Музее искусств Яматаэ под названием *クールな男とおしゃれ* «прикольный мужчина и шикарная женщина». Обозначение «шикарные женщины» с трудом позволяет предположить, что рядом с ними могут находиться «прикольные мужики», в связи с чем приходится искать несколько другой эквивалент для использованной здесь и записанной катаканой англоязычной кальки cool. Тем более, что речь идет об отображении исторической моды в гравюрах и нихонга (живопись в японском стиле). Те, кого организаторы выставки отнесли к разряду cool, представляли собой изысканное общество в составе Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси, Сугавара Митидзанэ, Ки-но-Цураюки и других не менее харизматичных японцев. В принципе, перевести название можно было бы и совсем элементарно: как «Модники и модницы», но всё же данное «cool» и предполагает выражение с по-

мощью одежды своей индивидуальности. Портретированный в танце с веером перед завтрашной битвой Ода Нобунага не просто элегантен – он яркая многосторонняя личность со вкусом к творчеству, как и другие, оставившие след и в политической жизни Японии, и в творчестве. В другом контексте (личных беседах, кинематографе), там, где приходится слышать «cool», значение непременно подразумевает некую творческую составляющую. Собственно, в материалах METI также есть прямое указание на *creative industries* (творческие индустрии), которые должны способствовать продвижению на зарубежных рынках обновленного образа Японии. В этом смысле *манга*, *анимэ*, фестивали J-поп и японских фильмов, японские архитектура, мода, видеоигры и кухня обладают не только собственным творческим импульсом – они способны создавать цепную реакцию, вовлекать в качестве добровольных промоутеров представителей любой другой нации. Это, собственно, и происходит, когда создаются молодежные клубы *косплэй* в России; или когда рестораны японские кухни открываются повсюду в мире, за счет местных инвесторов.

Поводом для творчества может быть даже ситуация в базовой японской экономике. Так, по поводу мытарств выпускников университетов с поисками работы молодой дизайнер Ёсида Махо, выпускница Токийского института искусств, создала в 2012 г. специальный анимэ-ролик, демонстрирующий довольно-таки устрашающую трансформацию юных оболтусов в зомбированных сарариман. Ролик не только стал хитом японского интернета, но и заработал ряд призов, участвуя в фестивалях анимэ во Франции, Бразилии и Португалии. Таким образом, кризисная Япония преобразована в Cool Japan.

Философия оритэюку

Исторически, основные трудовые усилия японцев концентрировались на сельском хозяйстве (рисоводстве), требующем соединенных усилий как в деле высадки рассады и защиты урожая от различных стихийных бедствий – климатического наказания страны. Слово «*кёрё-ку*» – «объединение усилий», «оказание практической помощи в действиях» является одним из наиболее употребительных выражений при партнерстве или начале любого дела: фраза «*го-кёрёку онэгай симас*» переводится как «будем сотрудничать». В таких этикетных формулах, применяемых японцами в деловом общении, содержится глубоко укорененная культура общего труда, разделения трудностей и взаимопомощи, пришедшая из сельского хозяйства.

Если в индустриальной части своего развития страна способна заимствовать западные подходы, то в аграрной части практически нет –

так же, как, допустим, невозможно строить в этой сейсмоактивной зоне здания из кирпича.

Люди, которых называют «мелкими фермерами», в последние десятилетия постоянно вырастают в носителей и прозелитов философии, всегда свойственной аграрной Японии, но в XX в. сильно потесненной индустриальными и постиндустриальными тенденциями.

Кимура Акинори буквально 3–4 года назад стал одним из символов хорошо забытого «нового» мышления и образцом для тысяч фермеров по всей стране. Его история типично японская: в ней были долгие годы страданий и заслуженный успех под закат благородной жизни. Он родился в Аомори и вел вполне обычную деятельность фермера. Но, имея жену с аллергией на сельхозхимикаты, Кимура-сан решил, что станет выращивать знаменитые яблоки своей родины без применения удобрений. Отказавшись от химикатов, он год за годом терпел поражение в борьбе с насекомыми-вредителями, птицами, заболеваниями растений. Кроме того, он не однажды страдал от соседей-фермеров, которые все как один использовали пестициды, инсектициды, гербициды и так далее, и не хотели терпеть находившийся под боком, на земле Кимура-сан, рассадник сельскохозяйственных вредителей и болезней.

Через 10 лет, когда ему стукнуло сорок, его моральные силы исчерпались, и вера в экологически чистые яблоки иссякла. С горя он решил удавиться. Здесь начинается совсем дзэнская часть его истории, достойная быть занесенной рядом с другими назидательными для потомства примерами в продолжение «Записок от скуки». Кимура-сан ушел глубоко в лес кончать счеты со своей неудавшейся жизнью и, раскачав веревку, забросил ее на дерево. А забросив, увидел, что это дерево – мощная яблоня, единственная, выросшая непонятно как в глуши, где ее никто не прививал и не окультуривал. Вешаться он сразу раздумал, и занялся исследованием почвы, на которой выросло такое замечательное дерево. Иногда упоминается, что, когда он на другой день вернулся в лес, этой яблони найти уже не смог, что усугубляет мистические ощущения от этой истории. Всего через два года он получил яблоки, о каких мечтал много лет: красивые и вкусные без подкормок и удобрений. Однако прошло еще лет пятнадцать, прежде чем о Кимура-сан начали говорить и писать, и теперь с его именем всей стране именем связано представление о «сельскохозяйственном Ренессансе» в Японии. По количеству его последователей, и по его востребованности в качестве участника всяческих региональных симпозиумов и героя материалов печатных и электронных медиа понятно, что в японском обществе скрытно живет сильный социальный спрос на работу, связанную с землей и общением с природой в целом.

Близкий к Кимура-сан пример в конце 2013 г. в Москве компания NHK представила фильм «Небесные капли» с почти 90-летней главной

героиней Тацуми Ёсико, которая занимается сверхбыденным делом – варит супы. Но поскольку это те супы, которые когда-то продлили жизнь ее парализованному отцу, – с тщательно продуманными ингредиентами, приготовленные с самоотверженной заботой – они стали чем-то большим, чем первое блюдо. Разработка рецептов и приготовление супов направлены в конечном счете на физическое и душевное здоровье людей, поэтому Тацуми-сан в последние годы проводит особые семинары для врачей и сиделок японских госпиталей. Ухаживая за тяжелыми больными, они вводят в комплекс лечения супы Тацуми-сан.

Другой линией фильма «Небесные капли» стали рассказы о поставщиках ингредиентов для этих супов – фермерах, которые выращивают рис и зелень без химикатов и удобрений; о художнике, собирающем образцы почвы по всей Японии и создающим из нее перформансы. Кроме того, сама японская природа является полноценной героиней фильма.

Есть один на первый взгляд уязвимый момент: герои этих историй, как правило, уже в возрасте – в связи с чем может возникнуть восприятие их образа жизни и мыслей как свойственного пенсионерам, людям, не совместимым с постиндустриальной цивилизацией и чувствующим себя лишними в ней. Однако такое возможное снисходительное отношение опровергается наличием их последователей – экзистенциально активного поколения 30–40-летних, и даже моложе.

Знакомый мне лично выбор судьбы и одновременного влияния на социальную среду: Иноуэ Тикако, женщина-*курамото* (изготовитель сакэ) с Кюсю¹⁷. Не век, не полтора века, а всего 15 лет назад в стране не было ни единой женщины-*курамото*. Войдя в качестве жены в семью *курамото*, где среди предков был единственный в японской истории дважды министр финансов¹⁸, Иноуэ-сан впервые задумалась, что сама хочет делать сакэ (или правильной, *нихонсю*, (буквально: японская водка) будучи уже за 50. После нескольких лет обучения она с командой из трех женщин создала свое первую *нихонсю*. Ей тоже поначалу пришлось испытать на себе противостояние цеховой элиты мужчин-*курамото* и общественное порицание. Тем не менее, пример Иноуэ-сан открыл дорогу другим женщинам в профессию *курамото*, и сегодня их число уже перешагнуло за 25 человек: в подобном традиционном биз-

¹⁷ *Курамото* – исторически, младший брат в японской семье, хозяин «кура», отдельно стоящего невозгораемого здания, где в первую очередь хранился стратегический запас риса на случай голода. Младший брат получал в распоряжение избыток риса и использовал его для производства сакэ. Сегодня *курамото* – любой частный производитель сакэ, подобно частным виноделам во Франции.

¹⁸ Иноуэ Дзюнносукэ (1869 – 1932), предприниматель и дважды глава Банка Японии, затем дважды министр финансов. Был застрелен заговорщиками из группы *Кэцуэмэйдан*, избравших своими жертвами богатых предпринимателей и либеральных политиков нового времени.

несе цифра почти огромная. Нужно отметить роль японских медиа, чьи репортажи способствовали проникновению в общество мысли о возможности существования женщин-курамото. Иноуэ-сан с супругом – шестое поколение *курамото*, и у них две дочери. Оба зятя Иноуэ – классические сарариманы, поэтому в семье Иноуэ будет вторая *курамото*-женщина, старшая дочь Юри.

В целом, деятельность *курамото* как самоотверженных защитников натуральности и аутентичности «японского алкоголя», еще одно из сражений глокализации. В отличие от них большие производители, поставляющие сакэ на глобальные рынки, производят его с помощью искусственного климата, машин и большого количества консервантов. Кстати, *нихонсю* тоже целиком вписывается в раздел программы METI «региональные продукты». В США рост популярности сакэ, произведенного *курамото*, прибавляет несколько процентов ежемесячно. В зарубежном экспорте своего продукта, каким бы сложным ни был этот процесс, современные *курамото* видят один из способов сохранения и развития исторического японского бизнеса.

Я привела всего три примера, но в Японии их гораздо больше. Влияние таких личностей, как Кимура-сан и подобных ему японцев, постепенно выходят за рамки сельскохозяйственной сферы. Работа на земле, и особенно рисоводство, тесно связаны в Японии с национальным самосознанием. «Возврат к земле», схожие с толстовскими идеи и пересмотр жизненной философии связан с изменением отношения к потреблению, отказом от сомнительных «удобств» цивилизации. Тут и там в Японии, люди совершенно разных профессий становятся последователями жизненной философии, которую фильм, снятый про таких людей в 2009 г., назвал «*Оритэюку икиката*». Это выражение невозможно перевести на русский со стопроцентной точностью. Оно включает глагол «спускаться» и глагол «идти/двигаться» и в целом выражает идею личной скромности, смирение гордыни.

«Оритэюку икиката» проще определить в апофатической манере: как образ жизни, противостоящий ценностям потребительского общества, как отрицание приоритета денег и вещей, изменение темпа и качества жизни. Таким образом, в то время, когда в урбанистической Японии высоки индивидуализм и потребительские настроения, другая часть Японии – и, кажется, несколько больше первой, – начинает исповедовать исторически ценимую скромность, идею служения ближнему, счастье, не опосредованное размером дохода или формальным социальным уровнем.

Хотелось бы предостеречь от смешения *оритэюку* с западным дауншифтингом (downshifting). Дауншифтинг тоже возник как реакция отторжения на ценности потребительского общества, но в качестве образа

жизни он носит более расслабленный характер: «жизнь для себя». В лучшем случае, это идея неспешной творческой самореализации, в худшем – асоциальных тенденций.

В самом начале капиталистической истории западного мира, европейцы (от Адама Смита через Макса Вебера до Эндрю Карнеги) говорили о сверхзадачах бизнеса и ценностях общества свободного рынка, однако к XXI в. западный капитализм вошел в фазу глубочайшего кризиса. Те предпринимательские качества, которые прежде толковались как драйверы развития и благополучия общества (прежде всего, так называемый предпринимательский эгоизм) стали работать на себя самих более, чем на общество в целом.

Сейчас западные исследователи и публицисты говорят, что концепция «self-interest» вначале привела к расцвету общества, а теперь губит его¹⁹. Утверждая, что это единственный путь для развитой страны, они опираются на западо-ориентированный подход. Япония, где self-interest всегда считался деструктивным подходом, а желания индивида подчинялись интересам группы, экономика достигла такого же расцвета, как и в западной части мира.

Оритэюку икиката – пример вызревания современной философии из традиционных японских ценностей, жизнь «ради общества», ставящая в центр деятельности природу, землю с ее плодами и национальную культуру; предлагающая иной путь развития для Японии, нежели путь следования стандартам западной цивилизации.

¹⁹ Например, Jeffrey Sachs. Self-interest, without morals, leads to capitalism's self-destruction // Financial Times 'Capitalism in Crisis. Part 3'. 2012. 18 января.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

<i>Герасимова Майя Петровна</i>	кандидат филологических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Долин Александр Аркадьевич</i>	профессор японской литературы и сравнительной культурологии Международного университета Акита (Япония)
<i>Катасонова Елена Леонидовна</i>	доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Корчагина Татьяна Ивановна</i>	кандидат филологических наук НИУ ВШЭ
<i>Кужель Юрий Леонидович</i>	доктор искусствоведения, профес- сор, Московский государственный институт индустрии туризма им. Ю. А. Сенкевича.
<i>Лебедева Ирина Павловна</i>	доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Маркарян Седя Багдасаровна</i>	доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Молодяков Василий Элинархович</i>	доктор политических наук, профес- сор философии, Институт Востоко- ведения РАН, университет Такусёку (Япония)
<i>Молодякова Эльгена Васильевна</i>	доктор исторических наук, профес- сор, Институт востоковедения РАН
<i>Стоногина Юлия Борисовна</i>	член Совета директоров, проектный директор Симпозиума «Роль биз- неса и медиа в диалоге культур России-Японии» (Япония)
<i>Тимонина Ирина Львовна</i>	доктор экономических наук, профес- сор, Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова
<i>Хоменко Ольга Анатольевна</i>	доктор философии, Национальный университет Киево-Могилянская Академия (Украина)

CONTRIBUTORS

<i>Gerasimova Maya Petrovna</i>	Ph.D. (Philology) Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Dolin Aleksandr Arkadievich</i>	Prof. (Philosophy), International University Akita (Japan)
<i>Homenko Olga Aleksandrovna</i>	Ph.D. (Philosophy), National University, Kievo-Mogilyanskaya Academy (Ukraine)
<i>Katasonova Yelena Leonidovna</i>	Prof. (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Korchagina Tatiana Ivanovna</i>	National Research University «Higher School of Economics» (HSE)
<i>Kuzhel Yury Leonidovich</i>	Moscow State Institute for Tourism Industry n. a. Yu. Senkevich
<i>Lebedeva Irina Pavlovna</i>	Prof. (Economics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Markarian Seda Bagdasarovna</i>	Prof. (Economics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Molodyakov Vasily Elinarkhovich</i>	Prof. (Philosophy, Political Science) Takushoku University (Japan), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Molodyakova Elgena Vasilyevna</i>	Prof. (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Stonogina Yulia Borisovna</i>	IABC/Russia, Member of the Board of Directors. Project Director of the Annual Symposium «Japan-Russia Dialogue of Cultures: Business and Media roles».
<i>Timonina Irina L'vovna</i>	Prof. (Economics), Moscow State University

Центром японских исследований
Института востоковедения РАН
изданы в 1995–2013 гг.

индивидуальные и коллективные монографии:

- Лебедева И. П.* Японские корпорации: стратегия развития. М., 1995
Молодякова Э. В., Маркарян С. Б. Японское общество: книга перемен. М., 1996
Япония: конец XX века. М., 1996
Японский феномен. М., 1996
Япония. Послевоенная государственная политика: вызовы и ответы. М., 1998
Япония 90-х: кризис системы или временные сбои. М., 1998
Япония: мифы и реальность. М., 1999
Матрусова Т. Н. Организация профессиональной подготовки в Японии. М., 1999
Япония: консерватизм и традиционализм. М., 2000
Япония и современный мировой порядок. М., 2002
Тимонина И. Л. Япония: региональная экономика и политика. М., 2002
Герасимова М. П. Киотоский альбом. М., 2002
Стрельцов Д. В. Система государственного управления Японии в послевоенный период. М., 2002
Япония второй половины XX века. Проблемы и судьбы. М., 2003
Катасонова Е. Л. Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. М., 2003
Лебедева И. П. Малый бизнес в Японии. М., 2004
Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. М., 2004
Молодякова Э. В., Маркарян С. Б. Мацури. Традиционные праздники Японии. М., 2004
Катасонова Е. Л. Последние пленники второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений. М., 2005
Портрет современного японского общества. М., 2006
Молодяков В. Э. Молодякова Э. В., Маркарян С. Б. История Японии XX век. М., 2007
Лебедева И. П. Япония: промышленность и предпринимательство М., 2007
Япония, открытая миру. М., 2007.
Лебедева И. П. Япония: промышленность и предпринимательство. М., 2007
Глобальный вызов – японский ответ. М., 2008
Мировой кризис и Япония. М., 2009
Япония: полвека правления либерал-демократов. М., 2010.
Япония: опыт модернизации. М., 2011.
Япония: события 11 марта 2011 года. Итоги и уроки. М., 2012.
Лебедева И. П. Глобализация японского промышленного производства. М., 2012.
Катасонова Е. Л. Японцы в реальном и виртуальном мирах. М., 2012
Япония в Азии: параметры сотрудничества. М., 2013 .
Продолжается издание ежегодника «Япония»

Институт востоковедения РАН
Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences
Японский фонд
The Japan Foundation

Японское общество:
изменяющееся и неизменное
**Japanese society:
changing and changeless**

Руководитель *Э. В. Молодякова*
проекта

Ответственные *Э. В. Молодякова,*
редакторы *С. Б. Маркарьян*

Ответственный за выпуск *А. Г. Макаров*

На обложке фотографии *О. В. Андреевой*

Дизайн обложки *К. Струков*

Подписано в печать с оригинал-макета 14. 10. 2014.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага оф. №1. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 18,8. Тираж 300 экз.

АНО НИЦ «АИРО–XXI»
107207, Москва, Чусовская ул., д. 11, к. 7.
Телефон: 8-917-547-84-24. e-mail: andmak@airo-xxi.ru
